

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Russia and Russians
in British Literature

The Myth and Everyday Life
of the Russian Revolution

On the Time when Peter I
Ordered Beards Shaved

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 5 | 2017 | № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f : Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Editor: Prof. **Dmitry Timofeev**; *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Corresponding Member of RAS, Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор: проф. **Д. В. Тимофеев**; *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); член-корр. РАН проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Складовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); к. и. н. **В. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Lyudmila Mazur, Larisa Soboleva.</i> Window to Russia: Everyday Life and Mythology in History and Literature. .... 915</p>	<p><i>Lyudmila Mazur, Larisa Soboleva.</i> Window to Russia: Everyday Life and Mythology in History and Literature. .... 915</p>
--	--

Scientia et vita

<p><i>Olga Sidorova.</i> Karen Hewitt, a Scholar who Bridges Russian and British Cultures ..... 927</p>	<p><i>Olga Sidorova.</i> Karen Hewitt, a Scholar who Bridges Russian and British Cultures ..... 927</p>
---	---

Problema voluminis

<p>Россия и русская литература: зарубежный опыт</p> <p><i>Татьяна Красавченко.</i> Уильям Дже- харди: английский писатель с русским акцентом – о рево- люции и Гражданской войне. . 941</p> <p><i>Светлана Королева.</i> Россия и рус- ские в художественном мире Джозефа Конрада. .... 958</p> <p><i>Natalia Nikonova, Daria Olitskaya, Ekaterina Khilo.</i> Sergej Esenins Dichtung in Deutschland: Überset- zungen, Editions-geschichte, Forschungsstrategien ..... 974</p> <p>Революция 1917–2017 : мифология и реальность повседневности</p> <p><i>Gunnar Thorvaldsen, Elena Glavatskaya.</i> The Three Main Western Revolutions and Their Censuses ..... 992</p> <p><i>Людмила Мазур.</i> Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (1922–1924) ..... 1009</p> <p><i>Сергей Красильников.</i> Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе. . 1027</p> <p><i>Алексей Килин.</i> «Кто не торгует, тот не ест!»: торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. .... 1047</p>	<p>Russia and Russian Literature: A View from Abroad</p> <p><i>Tatiana Krasavchenko.</i> William Gerhardie: An English Writer with a Russian Accent – on the Revolution and Civil War ..... 941</p> <p><i>Svetlana Koroleva.</i> Russia and Russians in Joseph Conrad’s Literary World ..... 958</p> <p><i>Natalia Nikonova, Daria Olitskaya, Ekaterina Khilo.</i> The Poetic Works of Sergei Yesenin in Germany: Translations, Editions, and Research ..... 974</p> <p>The Russian Revolution, 1917–2017: The Mythology and Reality of Everyday Life</p> <p><i>Gunnar Thorvaldsen, Elena Glavatskaya.</i> The Three Main Western Revolutions and Their Censuses ..... 992</p> <p><i>Lyudmila Mazur.</i> Youth and Revolution: The Social Image of Young Communist Party Members in Yekaterinburg Province (1922–1924) ..... 1009</p> <p><i>Sergey Krasilnikov.</i> Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society ..... 1027</p> <p><i>Alexey Kilin.</i> ‘He Who Does Not Trade, Does Not Eat!’: Trade Practices in the Everyday Lives of Ural Workers in the 1920s ..... 1047</p>
---	---

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

François-Xavier Nerard. The Sisyphian Opening of the First Soviet Canteens in the Urals: Successes And Failures (1918–1925) ... 1063

François-Xavier Nérard. The Sisyphian Opening of the First Soviet Canteens in the Urals: Successes And Failures (1918–1925) ... 1063

Елена Чернышева. «Заготовка граждан впрок»: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А. П. Платонова 1920–1930-х гг. 1073

Elena Chernysheva. Storing Up Citizens: The Myth of Soviet Motherhood and Childhood in A. P. Platonov's Dramas of the 1920s–1930s 1073

Disputatio

Алексей Фролов. «Новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря: датировка и атрибуция 1093

Alexei Frolov. A “New” Economic Document of the 15th Century from the Archive of the Trinity Monastery of St Sergius: Dating and Attribution 1093

Evgeny Akelev. When did Peter the Great Order Beards Shaved? 1107

Evgeny Akelev. When did Peter the Great Order Beards Shaved? 1107

Михаил Киселев. Трактат *De L'esprit Des Lois* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. ... 1131

Mikhail Kiselev. Montesquieu's Treatise *De L'esprit Des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s 1131

Евгений Ростовцев, Дмитрий Сосницкий. «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти 1149

Evgeny Rostovtsev, Dmitry Sosnitsky. “The Kulikovo Captivity”: The Image of Dmitry Donskoy in National Historical Memory 1149

Зоя Резанова, Александра Буб. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность 1164

Zoya Rezanova, Aleksandra Bub. Binomials in Russian Speech: Semantic Types and Objective and Subjective Frequency 1164

Любовь Балашова. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) 1178

Liubov Balashova. The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion) 1178

Controversiae et recensioneones

Адриан Селин. Конференция о социальной стратификации в России XVI–XX вв.: европейский контекст 1199

Adrian Selin. A Conference on Social Stratification in Russia between the 16th and 20th Centuries: European Context 1199

Татьяна Снигирева. Сгущение культурного смысла. 1208

Tatiana Snigireva. The Concentration of Cultural Meaning 1208

Об авторах 1215

On the Authors 1215

Сокращения 1220

Abbreviations 1220

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2017.4.258

WINDOW TO RUSSIA: EVERYDAY LIFE AND MYTHOLOGY IN HISTORY AND LITERATURE

The *Problema Voluminis* section of *Quaestio Rossica* no. 4, 2017, continues to develop the theme of the Revolution, which does not seem complete without a proper scholarly overview of its heritage beyond ideological clichés. Dr *Tatiana Krasavchenko* (Institute of Scientific Information on the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences) searches for new facets of the Russian character in relation to authentic and fictitious features of Russian reality. Krasavchenko writes about the complex perception of Russia by the English author William Gerhardie, whose works reflect both Russian and English literary traditions. He was fortunate enough to be a witness to the dramatic historical events of the early 20th century, and his vivid images of Russia in the 1920s and the 1930s inherited the artistic discoveries of A. P. Chekhov. The desire to understand Russia in its controversial natural, historical, and cultural manifestations is peculiar to another British writer, Joseph Conrad, whose work is studied in the article of Professor *Svetlana Koroleva* (Nizhny Novgorod Linguistic University). These two articles reveal a common mode of perception of Russia as a despotic country whose inhabitants are, on the one hand, aggressive and infantile, but, on the other, rather talented and kind-hearted. The writer of the latter article is convinced that the true identity of the Russians lies in the territorial openness of the Russian steppe, which inspires dreams of freedom, and in oppressive government, which methodically degrades human dignity. Without a doubt, this theme remains relevant, especially once put into the context of universal history.

A scholarly biography of Karen Hewitt, a professor at Oxford University, is offered in terms of her contribution to the reception of Russian literature in the UK (*Scientia et vitae* Section). Hewitt's colleague and friend, *Olga Sidorova* (Ural Federal University), cites interesting biographical facts, revealing the way in which the British scholar deepens her interest in Russian literature and demonstrating her multi-faceted research talents, which are highly valued by the Queen of the United Kingdom.

Identifying the peculiarities of the translation and study of Sergey Yesenin's works in Germany, Professors *Natalia Nikonova*, *Daria Olitskaya* and *Ekaterina Khilo* of Tomsk University consider the process within the framework of receptive aesthetics. The article presents new data on the poetic perception of one of the most iconic poets of the Russian 20th century abroad.

Aiming for a deeper understanding of the history of the Russian Revolution, *Quaestio Rossica* is publishing articles based on new archival data. In Soviet historiography, the main idea behind the study of the October Revolution was the historical ‘inevitability’ of the revolutionary events and their worldwide historical significance. In the post-Soviet period, the question of the Revolution, while present, lingered in the background of the historical discipline, mainly in the form of discussions on the occasion of yet another anniversary. Thus, the main question of what the Revolution was (a riot, a conspiracy, a military mutiny or a revolutionary ‘choice of the masses’?) has not yet been exhaustively researched. For some reason, in the early 20th century Russia deviated from the well-trodden path of European bourgeois modernization and went its own way.

Understanding the Revolution also implies characterising Soviet society. What did it represent? Was socialism in fact ‘built’ at all? If it was, how and to what extent was the ‘ideal’ blueprint distorted? In addition to the direct consequences of the 1917 revolutions (i. e. the abolition of the old state system and the following civil war, massacres and destruction), historians should also take indirect results into account, such as the ideology from which belief in potential of a new human being and a new cultural code emerged. It was an attempt to create a new society ‘from scratch’: it had no historical analogues but sought to achieve the utopian notions that it should be free of war, oppression, and inequality and that it should be a place where all citizens would have equal rights to exercise their talents and receive material and spiritual gratitude from society.

Having taken power into their own hands, the Bolsheviks had only a vague idea about the purpose of their struggle – the ‘Society of the Future’ and the principles upon which to build it. Their policies were largely determined by the belief in the need for a dictatorship built on the principles of violence. For Russia, this historical experiment had the most dramatic consequences. Among other things, it led to the formation of a new system of social inequality and pseudo-democracy, one based on mobilization mechanisms which discredited the very idea of socialism. The process of translating initial ideas into particular political decisions and actions still requires careful study. The utopianism of those ideas and objectives, as well as the lack of a clear vision for the ‘Society of the Future’ and the unprecedented historical conditions of the project, all contributed to the mythologization and radicalization of the strategies and practices of violence. The implementation of the ‘Soviet Project’ led to a paradoxically split historic reality, as evidenced by a strange bifurcated result that was simultaneously imaginary and real: on the one hand, there was the objective reality of Soviet society as a new system of inequality and lack of freedom; on the other, the shining convictions of the Soviet people that their system was an ideal example of the highest possible justice and harmony.

In the section *The Russian Revolution, 1917–2017: The Mythology and Reality of Everyday Life*, *Quaestio Rossica* presents articles that reveal

the processes by which the new society was constructed and analyze the dialectical relationship between mythological beliefs and actual practices of everyday life. The themes involved are labor, trade, everyday life, and motherhood.

Professor *Sergey Krasilnikov* (Novosibirsk State University) examines the transformation of the mythologeme 'liberated labor' into an idea of socially useful work and the various practices by which it was organized in early Soviet society (civilian employment in the military, regime-restricted employment such as *sharashka*, coercive labour, etc.). Such practices, according to the author, were directed less towards the realisation of a labourer's individual capacity than to the 'nurturing' of the Soviet spirit and re-education through punishment.

Associate Professor *Alexey Kilin's* article (Ural Federal University) analyses the daily trade practices of Urals workers in the 1920s. It also reveals how the early socialist idea of 'distribution according to labor' was transformed into the later Soviet multi-tiered and highly hierarchical distribution system, which, in an improved form, continued to exist until the end of the Soviet era. The substitution of market-based trade with a system of distribution and redistribution (named much later as "Soviet trade") contributed to the proliferation of various trade practices among the general public, mostly unauthorized by the state. A significant part of society was involved in these trade practices (workers and, later, *kolkhoz* peasants). Their needs could not be met by the authorities because of the constant shortage of goods and services.

The article by Professor *François Nérard* (Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne) examines the problems of organizing and developing the public canteen system in the early Soviet Urals. The author debunks the Soviet myth connected with the ideas of the socialist way of life as a sphere of public, rather than private, practices. The development of a network of canteens, one of the vectors for 'liberating' women from kitchen slavery, was essentially a mechanism for redistribution of food, as a separate subsystem in the overall hierarchy of Soviet distributions.

The discourse on the Soviet type of emancipation continues with the article by Professor *Elena Chernyshova* (Moscow Pedagogical University) on the myth of motherhood and childhood in the works of Andrey Platonov. This myth absorbed utopian ideas of 'liberating a woman' and educating a 'new citizen'. Mythologizing women's roles in a socialist society and its absurd opposition to reality is achieved by Platonov through parody, hyperbolization, complex symbolics, and incidental plots. Turning the idea of motherhood into total nonsense, the writer debunks the new mythology, trying to return the reader to an understanding of genuine humanistic values.

The article by Professor *Lyudmila Mazur* (Ural Federal University) subverts the belief that young people were the first to practice revolutionary ideas. Using the materials of the All-Russian Party Census of 1922, the author concludes that there had been noticeable changes in the composition

of the party, where poorly educated youths had become the majority. Young people, controlled by the Communist Party and Komsomol organs, became not only the driving force behind socialist transformations, but also a personnel reserve for high leadership positions. The most important factor in mobilizing the youth was a special policy aimed at the ideological frying of young minds, abundant political education and the mass militarization of the younger generation.

An article by Professors *Gunnar Thorvaldsen* (University of Tromsø, Norway) and *Elena Glavatskaya* (Ural Federal University) is devoted to a comparative analysis of several great revolutions (the French, the Russian and the American) and the specifics of post-revolutionary censuses (their organization, programme and results). The main assignment of the censuses was to obtain reliable and complete information about the population of a country that had just survived revolutionary upheavals. Statistics can provide objective information, but they can also become a powerful conductor of myths designed by the authorities, proving the presumed success of the state's programme, as demonstrated by the history of the All-Union population censuses of 1937 and 1939.

The *Disputatio* section features articles based on new archival sources and historical data that have undergone considerable recent reassessment. Professor *Alexey Frolov* (Institute of History, RAS) analyzes a 15th-century document from the archive of the Trinity Monastery of St Sergius, resulting in more accurate dating, attribution and information, especially with regards to the functioning of the monastery. Professor *Evgeny Akelev* from the Higher School of Economics (Moscow) provides new facts about the timing of Peter the Great's decrees on shaving beards and the connection of this policy with a new image of the Russian citizen. This is the second work by Professor Akelev on this interesting and paradoxical topic to be published in *Quaestio Rossica* (2013, no. 3): both present a multifaceted understanding of the various ways in which European everyday culture became familiar to Russians in the course of the development of the imperial state. Ideas related to Montesquieu's treatise *The Spirit of the Laws* that came to be included in Russian social thought by the 1760s are reviewed in the work of Associate Professor *Mikhail Kiselev* (Ural Federal University). The author presents convincing facts about the critical attitude of the Russian elite to the provisions of this philosophical treatise and looks to other important sources for fundamental laws in Russia.

Quaestio Rossica continues in this issue to explore the theme of historical memory. The article by Professor *Evgeny Rostovtsev* and Associate Professor *Dmitry Sosnitsky* (St Petersburg, HSE) provides data on the glorification and politico-cultural use of collective memory about the life and deeds of Dmitry Ivanovich Donskoy, a prince from the 14th century, during the second half of the 19th and early 20th centuries.

The linguistic research of the Tomsk scholars Professor *Zoya Rezanova* and graduate student *Alexandra Bub* deals with the phenomenon of semantics of collocation-binomials in Russian speech and the frequency

of various genesis. Drawing upon various sources (Russian National Corpus, as well as dictionaries and questionnaires) reveals the evidence of the diverse quality of binominals, the integrity of their components and the development of polysemy.

In the *Controversia et recensiones* section, Professor *Adrian Selin* (HSE, St Petersburg) enthusiastically praises the efforts of historians from the Ural Federal University for their studies on the social history of modernity. The evidence for this is a conference on social stratification held in Ekaterinburg in November 2016. An interesting discussion on the participants' theses is accompanied by reflections on the prospects for the development of this branch of history.

The review by Professor *Tatyana Snigireva* (Ural Federal University, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) observes the effective work of a Russian and Belarusian team of philologists in trying to understand poetic culture in contemporary society. The collection of articles, published in 2016, is a successful example of collective research in the fields of literary history and poetics, revealing new names and new research areas to the reader.

Lyudmila Mazur, Larisa Soboleva
(Ural Federal University).
Translation by *Anna Dergacheva*

В четвертом номере *QR* в рубрике *Problema voluminis* продолжается развитие темы революции, которая не может быть завершена без научного освещения ее последствий вне идеологических штампов. Поиск новых граней осмысления русского характера в соотношении с реальными и вымышленными особенностями русской действительности исследуется доктором филологических наук *Татьяной Красавченко* (ИНИОН РАН), повествующей о сложном восприятии России английским писателем Уильямом Джехарди, чье творчество отражает русскую и английскую литературные традиции. Ему повезло быть свидетелем поворотных исторических событий XX в., и его яркие образы России 1920–1930-х гг. продолжили художественные открытия А. П. Чехова. Желание понять Россию в ее противоречивых природных и историко-культурных проявлениях свойственно другому пи-

сателю из Великобритании Джозефу Конраду, чье творчество представлено статьей доктора филологических наук *Светланы Королевой* (Нижегородский лингвистический университет). Соединение двух статей выявляет общий модус восприятия России как деспотической страны, жители которой агрессивны, инфантильны, но талантливы и отзывчивы. Писатель, по мнению автора статьи, убеждает соотечественников, что идентичность русских кроется в территориальной открытости великих равнин, подталкивающих к мечте о воле, и деспотического правления, унижающего достоинство человека. Тема несомненно современна, поскольку вписана в контекст общечеловеческой цивилизации.

В направлении рецепции русской словесности в Англии рассматривается научная биография профессора Оксфордского университета Карен Хьюитт (рубрика *Scientia et vitae*). Коллега и друг Карен доктор филологических наук, профессор *Ольга Сидорова* (Уральский федеральный университет) приводит интересные факты ее биографии, раскрывающие путь приобщения британской подданной к русской литературе, показывает грани ее исследовательского таланта, высоко оцененного королевой Великобритании.

Исследователи Томского университета доктор филологических наук, профессор *Наталья Никонова* и кандидаты филологических наук *Дарья Олицкая* и *Екатерина Хило*, выявляя особенности переводов и изучения творчества Сергея Есенина в Германии, рассматривают процесс в рамках рецептивной эстетики. В статье приводятся новые данные о поэтическом и читательском восприятии за рубежом одного из самых национально-знаковых поэтов XX в.

Углублением истории Русской революции являются статьи, основанные на новых архивных сведениях. В советской историографии главной в понимании феномена Октябрьской революции была констатация закономерности произошедших событий и ее всемирно-исторического значения. В постсоветский период проблема революции имманентно присутствовала, но в основном в виде дискуссий по случаю очередной юбилейной даты. И главный вопрос о том, что же это было – бунт, заговор, военный мятеж или революционный выбор масс – до сих пор не выявлен с надлежащей полнотой, так же как и причины, по которым Россия сошла с проторенной Европой дороги буржуазной модернизации и пошла своим путем.

Понимание революции диктует характеристику советского общества как главного ее результата. Что оно собой представляло? Был ли социализм все же построен, какими усилиями и с каким искажением идеальной схемы? Помимо прямых последствий революции 1917 г. (смена государственного строя и Гражданская война, разруха и проч.), следует учитывать опосредованные результаты, в основе которых лежит убеждение в возможности формирования нового человека и нового культурного кода. Речь идет о попытке создания нового общества, исторических аналогов которому не

существовало, но имелись утопические представления о том, что в нем не должно быть войн, угнетения, все должны иметь равные права, реализовывать свои таланты и получать признательность общества в материальной и иных формах.

Взяв власть в свои руки, большевики имели самые общие представления о цели своей борьбы – обществе будущего и о том, как его построить. Их политику во многом определяла уверенность в необходимости диктатуры, построенной на принципах насилия. Для России этот исторический эксперимент имел неоднозначные последствия. Среди прочего, он привел к формированию новой системы социального неравенства и псевдодемократии, опиравшейся на мобилизационные механизмы, что дискредитировало идею социализма. Процесс воплощения идей в политические решения и действия требует тщательного изучения. Утопичность идей и целей, отсутствие четких представлений об обществе будущего и беспримерные конкретно-исторические условия реализации проекта способствовали как мифологизации стратегий, так и радикализации практик с установкой на насилие. Реализация советского проекта привела к раздвоенной исторической реальности, демонстрирующей мнимый и реальный результат: объективированная реальность – советское общество как новая система неравенства и несвободы, субъективированная реальность – убеждения советских людей, что советский строй – пример высочайшей справедливости.

В разделе *Революция 1917–2017: мифология и реальность повседневности* представлены статьи авторов, с разных сторон раскрывающие процессы конструирования нового общества и анализирующие диалектическую связь мифологических представлений и реальных практик повседневности. Это касается труда, торговли, быта, материнства.

В статье доктора исторических наук, профессора *Сергея Красильникова* (Новосибирский университет) рассмотрена трансформация в раннесоветском обществе мифологемы «освобожденный труд» в идею общественно-полезного труда и разнообразные практики его организации (вольнонаемный, режимный, принудительный), ориентированные не столько на реализацию возможностей человека, сколько на его воспитание и перевоспитание путем наказания.

Статья кандидата исторических наук *Алексея Килина* (Уральский федеральный университет) посвящена анализу повседневных торговых практик рабочих Урала 1920-х гг. Также в ней раскрываются особенности трансформации социалистической идеи «распределения по труду» в советскую многоуровневую систему распределения, которая в усовершенствованном виде просуществовала до конца советской эпохи. Подмена механизмов рыночной торговли системой перераспределения, получившей позднее название «советской торговли», способствовала распространению среди населения разнообразных

торговых практик, как правило, не санкционированных властью. В них была втянута значительная часть общества (рабочие, а позднее и крестьяне-колхозники). Их потребности власть не могла удовлетворить из-за постоянного дефицита товаров и услуг.

В статье доктора исторических наук *Франсуа Нерара* (Франция, Сорбонна) анализируются проблемы организации и развития системы общественного питания на Урале раннесоветского времени. Развенчивается советский миф, который связан с представлениями о социалистическом быте как сфере общественных, а не частных практик. Развитие системы столовых, будучи одним из направлений «освобождения» женщин от кухонного рабства, по сути своей представляло механизм перераспределения продуктов питания, входя в качестве самостоятельной подсистемы в систему распределителей.

Дискурс об «эмансипации по-советски» продолжает статья доктора филологических наук *Елены Чернышовой* (Московский педагогический университет) о мифе материнства и детства в произведениях Андрея Платонова. Этот миф вобрал в себя утопические идеи «освобождения женщины» и воспитания «нового человека». Мифологичность представлений о роли женщины в социалистическом обществе, их абсурдное противопоставление реальности достигаются А. Платоновым через пародию, гиперболизацию, символы, сюжеты-казусы. Доводя до бессмыслицы идею материнства, писатель развенчивает новую мифологию, пытаясь вернуть читателя к пониманию подлинных гуманистических ценностей.

Статья доктора исторических наук *Людмилы Мазур* (Уральский федеральный университет) ниспровергает убеждение, что носителем революционных идей была прежде всего молодежь. Используя материалы Всероссийской партийной переписи 1922 г., автор делает вывод о заметных изменениях в составе партии, где малообразованная молодежь стала составлять большинство. Молодые люди, контролируемые партийными и комсомольскими органами, становились не только движущей силой социалистических преобразований, но и кадровым резервом для высоких руководящих должностей. Важнейшим фактором мобилизации молодежи стала особая политика, направленная на идеологическую обработку сознания, политическое воспитание, военизацию молодого поколения.

Компаративному анализу нескольких великих революций (Французская, Русская, а также гражданская война в США) и специфике последовавшей после революции переписи населения (организация, программа, результаты) посвящена статья профессоров *Гуннара Торвальдсена* (Университет Тромсё, Норвегия) и *Елены Главацкой* (Уральский федеральный университет). Основная задача переписи – это возможности власти в получении достоверной и полной информации о населении страны, пережившей революционные потрясения. Статистика может давать

объективную информацию, а может стать транслятором мифов, конструируемых властью, удостоверяя успех государственной программы, как это демонстрирует история Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 г.

В рубрике *Disputatio* опубликованы статьи, основанные на новых архивных источниках и исторических сведениях, подвергшихся современной интерпретации. Кандидат исторических наук *Алексей Фролов* (Институт истории, РАН) подвергает анализу документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря, в результате которого уточняются его датировка и атрибуция, что повышает точность и конкретность знания о функционировании монастыря. Новые факты о времени появления указа Петра Великого относительно бритья бород в связи с представлением о новом образе российского гражданина приводятся кандидатом исторических наук доцентом *Евгением Акельевым* из Высшей школы экономики (Москва). Это уже вторая статья автора на эту интересную и парадоксальную тему, в которой отражается многогранность понимания путей приобщения к европейской бытовой культуре в контексте имперского вектора развития государства (см.: *Quaestio Rossica*, 2013, № 3). Идеи, вошедшие в российскую общественную мысль к 60-м гг. XVIII в., связанные с трактатом Монтескье «Дух законов», рассматриваются в работе кандидата исторических наук *Михаила Киселева* (Уральский федеральный университет). Автор приводит убедительные факты критического отношения русской элиты к положениям философского трактата и практике обращения к другим важным источникам фундаментальных законов в России.

Журнал постоянно поднимает тему исторической памяти. В статье доктора исторических наук *Евгения Ростовцева* и кандидата исторических наук *Дмитрия Сосницкого* (Санкт Петербург, ВШЭ) приводятся данные о процессе глорификации и политико-культурного использования памяти во второй половине XIX – начале XX в. жизни и подвигов Дмитрия Ивановича Донского, князя XIV в.

Лингвистические изыскания томских ученых доктора филологических наук, профессора *Зои Резановой* и аспиранта *Александры Буб* касаются феномена семантики коллокаций-биномиалей в русской речи и частотности различного генезиса. Обращение к различным источникам (Национальному корпусу русского языка, словарям и анкетированию) открыло факты разнообразного качества биноминалов, целостности их компонентов и развитием полисемии.

В рубрике *Controversiae et recensiones* доктор исторических наук, профессор *Адриан Селин* (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург) с большим энтузиазмом характеризует усилия историков уральского федерального университета в изучении социальной истории Нового времени. Свидетельством этого является Конференция по социальной стратификации, проведенная в Екатеринбурге в ноябре 2016 г. Обсуждение докладов участников дополня-

ется размышлениями о перспективах развития этого направления истории.

Рецензия доктора филологических наук профессора *Татьяны Снигиревой* (Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН) повествует об результативной работе русско-белорусского коллектива филологов, направленной на осознание стихотворной культуры в современном обществе. Изданный в 2016 г. сборник статей — пример совместных исследований, относящийся как к истории литературы, так и к ее поэтике, открывающий читателю новые имена и новые направления исследований.

Людмила Мазур, Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)

Scientia
et vita

Karen Hewitt. 2015

Scientia
et vita

KAREN HEWITT, A SCHOLAR WHO BRIDGES RUSSIAN AND BRITISH CULTURES*

Olga Sidorova

Ural Federal University,
Russia, Yekaterinburg

This article is devoted to Karen Hewitt, an Oxford lecturer and scholar in the field of English and Russian literature and comparative literary studies who became an MBE (Member of the Order of the British Empire) for services to building academic and cultural understanding between the UK and Russia in 2014. Different aspects of her activities – teaching in Oxford and several Russian universities, research, editing and publishing, organising academic contacts – are aimed at bridging the two cultures and establishing academic collaboration between Russian and English scholars. Much attention is paid to Karen Hewitt's project 'Contemporary English Literature in Russian Universities', run by her with the financial support of the Oxford-Russia Fund. The project has united representatives of more than 100 universities from Russia and Belarus.

Keywords: Karen Hewitt; English literature; Russian literature; academic collaboration; bridging cultures.

Статья посвящена Карен Хьюитт, преподавателю Оксфордского университета, специалисту в области английской и русской литературы и сравнительного литературоведения, которая в 2014 г. была награждена орденом Британской империи за осуществление академических и культурных контактов между Великобританией и Россией. Деятельность Карен Хьюитт разнообразна – преподавание в Оксфорде и в нескольких университетах России, научная работа, организация совместных академических мероприятий, но ее основной целью является установление связей между двумя культурами и обеспечение контактов между учеными и преподавателями двух стран. Особое внимание уделяется проекту Карен Хьюитт «Современная английская литература в российских университетах», который осуществляется при финансовой поддержке фонда «Оксфорд – Россия» и объединяет преподавателей из более чем ста университетов России и Белоруссии.

Ключевые слова: Карен Хьюитт; английская литература; русская литература; научное сотрудничество; культурные контакты.

---

* *Citation:* Sidorova, O. (2017). Karen Hewitt, a Scholar who Bridges Russian and British Cultures. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 927–937. DOI 10.15826/qr.2017.4.259.

Цитирование: Sidorova O. Karen Hewitt, a scholar who Bridges Russian and British Cultures // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 927–937. DOI 10.15826/qr.2017.4.259.

**Karen Hewitt – in her own words
(commenting the site information)**

The official Oxford University website states:

Hewitt, Karen Rutherford

Position: Lecturer

College: Oxford University Department of Continuing Education

Period / Subject: 1900 – to Present Day

Research interests: Russian Literature; English and Russian Literature – comparative studies; Contemporary British Fiction.

Teaching Areas: English and Russian [Hewitt Karen].

“The web site isn’t quite accurate. Most of us (lecturers, or tutors of Department of Continuing Education) teach much more widely than the tutors teaching ordinary students. I teach many authors between the 16th and 21st centuries.

On the other hand, Research Interests is not quite accurate either. I teach more comparatively than most, but I haven’t really written on these themes. I used to write for scholarly journals in Britain until I started coming regularly to Russia when it seemed to me that it made more sense to write for Russians since there are plenty of British critics to write for British readers” [Hewitt, 2016].

Many people who are acquainted with Karen Hewitt will immediately understand that the information given by the site lacks a few details, because so many things are not mentioned there. We know Karen Hewitt to be not only an Oxford lecturer and specialist in literature, but also an interesting scholar, an editor, a publisher, a brilliant organizer of British – Russian collaboration in the field of culture and education, an ardent traveler who has visited more Russian regions than any of us, a propagator of English culture in Russia and of Russian culture in Britain, an interesting interlocutor and a good friend. I would like to write this article about Karen Hewitt, whom I have been actively collaborating with for more than twenty years, and to mention briefly at least several of her interests and activities that are closely connected with Russia in general and Ural Federal University in particular.

Karen Hewitt has been teaching in Oxford since 1963. She is a tutor in Literature at Oxford University Department of Continuing Education. Her Oxford students are mainly grown-up people (there are people of all ages, including a considerable number of pensioners, among them) – adult education is a very characteristic British activity, and the Department of Continuing Education offers various types of classes for adult learners. Many of these classes are devoted to reading and discussion of literature; some of them are regularly conducted not in Oxford, but in many places, towns and villages, around the city. Karen Hewitt describes her teaching interests in the following way: “Since most literature was actually written by grown-ups for grown-ups, (and not as material for examination questions for students), the adults at these classes are often the best readers. They know what

the writers mean – from their own experience and those of their families and their acquaintances. I have learnt enormously from discussions with my classes in Oxfordshire and the surrounding counties” [Hewitt, 1997, p. 14]. Several times, when I was in Oxford, Karen invited me to attend her classes where books of Russian writers were discussed. Thus, I attended a class devoted to *Fathers and Sons* by I. Turgenev, to *Steppe* by A. Chekhov and *The White Guard* by M. Bulgakov – the last one took place in 2014, when the Russian-Ukrainian crisis was in full swing. Every time, students seemed to be well-read, well-prepared, interested in discussing the texts and asked me several questions about them. *The White Guard* class was a part of a weekly class programme in Literature entitled *Mikhail Bulgakov: Novels and Stories* (10 meetings). Describing the course programme, Karen wrote: “The term will be devoted to detailed discussion of *A Country Doctor’s Notebook*, *The White Guard*, and *The Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov. We will read the books in this order. Issues to be discussed will include Bulgakov’s narrative skills, his dramatic perception of scenes, his inventive moving from genre to genre, his exploration of the Civil War in Kiev in 1918, the recreation of the Pilate story, the culture of Soviet Moscow, and the recurring spiritual questions that he demands of himself. His writing is very readable and yet very complex so there is much to explore” [Weekly class programme]. Sometimes books by Russian writers are included by Karen Hewitt into a vast European literary context, for example, during the same term her course *Many Kinds of Love – a Literary Study* (20 meetings) was described thus: “A course on the literature of erotic love, sibling love, forbidden love, spiritual love, and the chemistry of love. The works will include Thomas Mann’s *Death in Venice*, a novella of the artist grappling with dangerous enticements, Emily Brontë’s disturbing and violent novel, *Wuthering Heights*, Turgenev’s charming but very disconcerting novella, *First Love...*” [Weekly class programme], along with several other books. In 2016, her course *Places and Obsessions: Some Literary Classics* includes *Steppe* by A. Chekhov along with *Robinson Crusoe* by D. Defoe, *The Return of the Native* by T. Hardy, *Germinal* by E. Zola, and some other famous books of fiction.

Karen Hewitt teaches not only in Oxford – for the last twenty-five years she has been teaching in universities all over Russia, from Yakutsk and Vladivostok to Smolensk and Pyatigorsk, explaining Britain and British literature to Russian academics and students. Without any exaggeration, Karen Hewitt is an absolutely unique personality. She has been bridging Russian and British literature and, what is more, Russian and British people for almost three decades. Having started her career as a teacher of English in Oxford, Karen first came to Russia with a group of her mature students in 1984. She describes it in the following way: “I remember the class of grown-ups in the village of Shrivenham on the borders of Oxfordshire who were so impressed with *Anna Karenina* and *The Brothers Karamazov* that they insisted on organizing a group to visit Russia in those distant days of 1984. We came to Russia in order to find out more about your literature, in a visit that proved to be a revelation” [Hewitt, 1997, p. 14].

In 1985 she began corresponding with Dr Boris Proskurnin who invited Karen to visit Perm in 1989, when the city was opened to the foreign visitors, and much to the Moscow public's astonishment, Karen agreed to come not as a tourist, but as a university teacher and spent six weeks there. Many people can still remember life in Russian provincial cities of that time – empty shops, low salaries (if any), political changes, enthusiasm along with despair, and, as Karen herself recollects, she enjoyed freedom to do what she wanted, to meet different people. The University Rector Professor V. Malanin offered Karen Hewitt to help and to promote academic contacts between Oxford and Perm universities, and soon the two institutions signed a contract to establish academic links. Karen Hewitt has been teaching in Perm for more than twenty years now – she is an Honorary Professor of Perm State University and comes to Perm every year.

She began to meet the wider community of Russian scholars working on English literature. In 1990, Boris Proskurnin introduced her to Professor Nina Pavlovna Michalskaya, one of the leading Russian specialists in the field of English literature, who later became Karen's good friend.

Besides, she is often invited to come to different Russian universities – thus, she has visited Ural State (now Federal) University eight times; her last visit took place in May 2016. During that visit, Karen conducted a number of master-classes with teachers in the Germanic Philology Department, as well as several tutorials with the Department's students. She also delivered several lectures for students specializing in the humanities.

Karen Hewitt's activities in establishing and developing British – Russian cultural and educational links are not confined to teaching. She has written, collected and edited several books for Russian readers in English. Her *Understanding Britain* was published in two editions (1994, 1996), translated into Russian and has long been a bestseller. In her introduction to the 1996 edition, the author writes: "This book is a personal account of Britain and of British life specially written for the Russian reader... Above all, *Understanding Britain* is an attempt to *explain*" [Hewitt, 1996, p. 7] – to explain two nations and two cultures to each other. In 2009, a newer version – *Understanding Britain Today* – appeared. The first book was followed by *Understanding English Literature* (1997) and *Understanding British Institutions* (1998), a collection edited by Hewitt devoted to many sides of contemporary British life, where the leading British specialists in various fields contributed chapters. Later, she compiled and edited several other anthologies: *Contemporary British Stories* (1994), *A New Book of Contemporary British Stories* (2005) and *An Anthology of Contemporary English Poetry* (2003). All the aforementioned books have been extensively used both for research and teaching in a vast number of universities all over Russia, the Ural Federal University being one of them.

Over the last ten years, Karen Hewitt's activities in Russia have been connected with the Oxford-Russia Fund. She organizes annual seminars on contemporary English fiction (usually held in Perm, but sometimes in other Russian universities) for the Russian teachers of English and British literature – teachers from more than 75 Russian and Belarusian universities

are involved – as well as academics, critics, and writers from Great Britain, the latter of whom come to Perm (or other universities) to conduct lectures, share their experience in teaching contemporary British fiction for Russian students and discuss different approaches and methods of teaching and research. More than 20 books of fiction were thus distributed among the universities (the total number of copies exceeds 60,000) – novels by Julian Barnes, Ian McEwan, Graham Swift, Nick Hornby, David Lodge, Hilary Mantel, Beryl Bainbridge and others. I have just named the leading British authors whose books were included into the list – but there are also a number of other writers whose books are less known to Russian readers. We, the teachers of the Germanic Philology Department of Ural Federal University, have been actively working with the books in question for many years, and all our students know them well. Karen Hewitt is also the Editor-in-Chief of *Footpath*, a British-Russian Journal of contemporary British literature that is financially supported by the Oxford-Russia Fund. It has become a discussion platform for teachers and researchers – the articles of both Russian and British contributors embrace a range of subjects, such as articles on recent British novels and plays, on poetry, on individual writers and genres, as well as articles on teaching, reviews, letters to the editor and students' essays.

In 2014, Karen Hewitt was awarded an MBE (Member of the Order of the British Empire) for services to building academic and cultural understanding between the UK and Russia. Asked to comment on the award, Mrs Hewitt said: 'I was thrilled to receive the MBE for work which would not have been possible without the support of many colleagues at the Department for Continuing Education and throughout the University. I first taught in a Russian university in 1989 and realised how difficult it was for intelligent and thoughtful Soviet university teachers to understand western societies and culture. They needed books and explanations and academic opportunities as their country was undergoing an agonising transformation. I was able to pioneer schemes which were supported by the Department for Continuing Education, by the University's agreement with Perm State University, and later by St Antony's College's Russian Centre. In recent years, thanks to the Oxford Russia Fund, I've been able to bring thousands of books, especially of contemporary literature, to teachers and students all over Russia. The experience has been fascinating and academically absorbing' [Hewitt, interview]

Karen Hewitt – in her own words (commenting on the interview)

"I did indeed say this, but remember that this interview was for Oxford University. Elsewhere I said (just as truthfully) that 'I was thrilled to receive the MBE for work which would not have been possible without the support of many colleagues in Russian universities' [Hewitt, 2016].

The following part of the article is Karen's letter to me written in October, 2015 – one of many letters, though unique, since usually she doesn't write about herself much. I asked her several questions concerning the origins of her interest in Russian literature, her teaching experience and Russian literature reception in England. Her answers to some of my questions are enclosed.

Karen Hewitt – in Her Own Words

Question: When and why did you get interested in Russian literature? How did it happen?

K. H. “When I was eleven years old and in my new big school, I volunteered to help in the school library. This meant arranging, dusting and exploring the books in my special section, ‘Junior Fiction’, during the dinner hour when other unfortunate people had to go out into the wet playground. Snug in the large quiet room, I pulled out a fat volume called *Great Short Stories of Detection, Mystery and Horror*. There were a few black and white illustrations which caught my eye, one showing a horrible old woman glowering and holding up a playing card. Since I was enthusiastic about card games I read the story, ‘The Queen of Spades’ but I remember being puzzled because the game was not explained to the reader. How had the Countess used the rules to play a trick on Hermann. What exactly had she done? To this day most readers don’t quite understand, but I have a tattered old pamphlet on ‘The Rules of Faro, an Excellent Game’ slipped in among my notes on Pushkin. I don’t think I noticed at the time that the author was Russian, simply that he had failed to provide necessary information!

The public library in our small town did not normally allow children to graduate to grown-up fiction until they were fourteen. Presumably this was to keep us from sexual secrets, but since in those days there was immense censorship on any kind of sexual explicitness, I doubt if our minds would have been corrupted. In any case, I was not at all precocious in such matters, but I had heard that there was a Great Russian Writer called Tolstoy whose Great Novel was in the grown-up part. Could I, even if I was only thirteen, please use this section? The authorities graciously allowed me to approach the shelves. I found a fat novel by A. N. Tolstoy – the first book on the shelf – which was called *Peter the Great*. My notions of Russia were vague. We hadn’t done anything about Russia in history except for the essential fact that Russia was ‘discovered’ by brave English sailors who were wrecked in the White Sea, travelled to Moscow and were shocked by the Tsar’s golden riches while the poor people starved in the gutters.

So I began reading *Peter the Great* and I do not think I ever finished it. But I read many pages, and I can still remember the shock, my disbelieving horror, my bewilderment at the incomprehensible cruelty of someone who was still described as ‘great’. I struggled to bring my notions of history, the stories of chivalry, Elizabeth defying the Spanish Armada, the arguments over King and Parliament during the English Civil War (I was already interested in politics) into line with the dark, savage, unforgettable world of Peter the Great. There seemed to be no connection.

Shaken, I returned the book to the library and moved my hand along the shelf. The next volume was by L. N. Tolstoy and was called *War and Peace*. So I started reading that. But as I remember, it did not stir me in the same way as *Peter the Great*; besides, if you looked at the opening pages, half of it seemed to be in French!

When I was fifteen, my grandfather gave me some money. While on holiday in Wales, I dragged my family to a little bookshop in a remote town among the mountains. Nothing seemed worth buying until I saw the Penguin [classic paperback] translation of *The Brothers Karamazov*. By this time I had heard of Dostoevsky, so I bought the book for reading on those endless rainy days characteristic of Welsh holidays. Even so, I was a little nervous. Would I understand this long novel? I was quickly reassured for this was a story about a man who had three sons, and even on page 1 it was clear that there would be a murder mystery. These fundamental facts kept me reading through pages and chapters where nothing made sense. Alyosha was boring, Ivan was incomprehensible, and the ladies were very peculiar indeed. But Mitya! I didn't exactly fall in love with Mitya, but I was swept along with him in extraordinary exhilaration. His passion for Grushenka, his agonies about whether he had behaved badly or not, his mad wild rush to Mokroye in the troika for an extravagant party and dramatic self-sacrifice, all this was entirely fresh and mind-expanding to someone used to the dutiful morality of English novels. At some level I knew that, judged by our world, Mitya was, if not exactly a bad man, then a dangerous, troubled, wicked man, but I had found a different kind of judgement and I revelled in it.

I have read *The Brothers Karamazov* perhaps six or seven times since then, and each time I reassess it my sense of where it is most powerful and where it is least convincing changes. I will never feel about Mitya as I did when I was fifteen, but I am still deeply grateful for the experience.

Those are my first memories of reading Russian literature. I was always reading, so Russian literature was taken on along with English and Scots and French and German and American literature; there was so much to learn of all these Great Writers that I do not remember putting Russian works into a special box until I was in my early twenties and beginning to teach adults. Then I had to be more systematic, more knowledgeable about contexts and about other works by these writers, more critical and careful in my responses. My teaching allowed me great freedom to choose my syllabuses for each class. With my students I could wander and explore, so long as I felt that I had solid information and understanding beneath my discussions with them. I quickly found that Tolstoy and Dostoevsky were wonderful for class discussion; and gradually I added Pushkin's prose, Lermontov, some Gogol stories, Turgenev, some Leskov and above all many, many Chekhov stories. This for me was (and is) the classic Russian course although I have to select from these writers in order to go into their works in proper depth. This term, for example, I have ten two-hour sessions on *Father and Sons* (which I love) and *The Possessed* or *Devils* (*Бесы*) about which I have very mixed feelings. The first three classes will be devoted to Turgenev and the other seven classes to Dostoevsky. The great joy of teaching adults is that I can spend this time on novels which undoubtedly deserve that kind of attention. It means that I have to re-read such novels every time I come to teach them, and I have been teaching for fifty years,

so I must have read *Devils* five times, and *Fathers and Sons* countless times. I read in English – sometimes using two or even three translations, and with a copy of the Russian beside me. But alas, my Russian is not good enough for coping with Dostoevsky, although I have read several Chekhov stories and great chunks of Turgenev in Russian, slowly but with much love.

Question: Do you read books of Russian authors in the original or in translation?

K. H. You lose an enormous amount in translation. As native English readers, we can discuss George Eliot or Thomas Hardy or Dickens in ways which are impossible when we are reading translations of Tolstoy or Turgenev. The words, the phraseology, the imagery, the oddities of syntax, the juxtaposition of epithets is a resource in one's own language which one is denied in reading translations, however good. Nonetheless something adequate emotionally and stylistically can be achieved in translating prose. I do not, however, believe that one can translate poetry except to give a basic outline of style and plot (for example in *Evgeny Onegin*). If you turn to the words, the sound, the rhythm, the phraseology – all those components of language which distinguish one poem from another – what is available in one language is so very different from what is available in another that the effect of a translation is utterly banal. Lots of writers, including poets, do not agree with me. And I accept, for example, that Seamus Heaney has made an impressive rendering of Beowulf, but he is a poet, re-writing an epic tale in a language not so very different from his own. Renderings of lyric poetry are, I think, inevitable failures. So I never teach poetry in translation.

Because I have come to spend much time in Russia and (I think) to know something of its inhabitants, culture and ways of seeing the world in some detail, I enjoy teaching Russian literature. I can offer this to students in a way that most of my colleagues cannot. Do I think that Russian prose fiction is in some way exceptional, unlike that of any other literature? Perhaps there is something distinctive – but I am uneasy about the term 'exceptional'. I know that 'Russian literature' does not work like 'English literature' or 'German literature' or 'French literature'. But all of these are unique cultural heritages which are also available, in diminished form, to the rest of the world. I do not want to suggest that there is a 'Russian literature' which somehow stands against the literatures of the rest of the world. Perhaps Russians will feel that; but as a good Englishwoman I happen to be well assured that the greatest literature in the world is English literature. Of course it is – for me – because it is using my language, the language with which I am intimate, in which I experience passion and anger and grief and comedy in life and in literature. So I cannot compare English and Russian, though you have to admit that our heritage goes back much further.

It was difficult for me to write this last paragraph to you because I had to check and emphasize the ironic-humour-which-is-also-stating-a-truth. I could not be sure (I cannot be sure) that you are hearing my tone. That's one of the difficulties about translation, incidentally.

Question: What Russian writers and books are popular with the English readers?

K. H. If I am asked to define classic Russian prose I would say that the writers do not share a style or an emotional centre or a set of moral values. So what does connect Pushkin, Gogol, Lermontov, Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy and Chekhov? (Or Goncharov, Leskov and Saltykov-Shchedrin?) What they seem to me to share is an intense sense that life matters, even when life is most boring or unendurable. Perhaps they are saying, 'You have no right not to care!' One does not put down a Russian classic novel or tale and ask oneself, 'Why did I bother to read that?' The other side of that coin is that readers can (rightly) get very exasperated by these great giants of fiction. If every second line of a Dostoevsky novel is a moment of extreme tension and potential revelation, we long for passages where we can relax, if only for a few pastoral moments. But Dostoevsky does not do pastoral; nor has he any sense of the material world or the world of daily chores, though he does enjoy food. Tolstoy on the other hand is immensely responsive to the quotidian realities and to the work of everyday life. His sin (and it is a sin) is to moralise against his characters in a reductive and distorted manner. Anyone reading *Anna Karenina* must surely at times have wanted to throw the book at Lev Nikolaievich and denounce him for being untrue to his creations. He can make us very angry; we care about his untruths precisely because we care about his perceptive and often brilliant truths.

Because life matters so much to Russian writers, they can expose the raw pains of emotion, the contradictions and erratic absurdities of fraught conversations, and the vulnerability of almost anyone who tries to do anything. Often they can be very funny; Tolstoy has no sense of humour, but all the others are jubilantly conscious of the absurdities of life. However, unlike many English writers, they make no attempt to establish a sustained ironic mode through which to view the world. They are more open, more unsteady, more liable to step down into the pit themselves. Social cohesion seems never to occur to them: they can explore the intimate and the apocalyptic – but not the civic concern for other people. Chekhov would like to do that, but he is terribly aware of human failure

Question: Could you tell us about your students who take different courses in Russian literature? What are they motivated by? Could you describe their reactions/preferences/impressions?

K. H. I am a professional reader and teacher of literature. It is very difficult for me to gauge how many people in Britain read Russian literature. British publishers care about the *quality* of translations of the classics more, I think, than Russians. How many good, serious and *competing* translations of George Eliot, Charles Dickens, Thomas Hardy, Jane Austen and other classic writers can one find available in Russian bookshops? In my class my students are reading from six different translations of *Fathers and Sons*. Some of these are now out of print, but all of them have been

recently available. Academic journals are filled with scholarly discussions comparing one translation with another and drawing the reader's attention to the strengths and limitations of any individual approach to translation. (We are far less preoccupied with the *theory* of translation than you are.) The average reader is not going to notice these debates, but he will certainly notice the different translations published by our 'classic' publishers such as Penguin and Oxford University Press. Among educated readers who expect to spend their adult lives reading (I am not talking about professionals like myself but amateur adult readers) many feel that until they have read 'the Russians' they cannot count themselves as properly educated. But this is a tiny minority. Some of them turn up at my classes. Currently I have two students in my evening class studying Turgenev and Dostoevsky who are there because they feel strongly that they 'ought' to read Dostoevsky. One of them is passionate about him and travels 80 kilometres from his home to Oxford to take part in the class. The second one fears that *Devils* will be too hard for him unless he gets help. The rest are there because they want to study serious books. This seems to me such an obvious desire that I do not ask myself these questions about motivation. We read and discuss because we care about what we read, just as we look at pictures in art galleries and listen to experts analysing them if we care about art, or go to concerts so that we can listen to music and ruminate about it later" [Hewitt, 2015].

* * *

In October, 2016, Karen wrote in her letter to me:

As for me, I really want to bridge the cultures, and at the moment that means 'politically' as well as 'in literature.' I see my job as *explaining*. So far I have given a lecture in Russia on "Brexit" – what happened, why, and future consequences' four times in Russia and once to an international summer school here. Also I am trying to give Russian academics in the humanities, especially literature, opportunities to read and work either in Britain or with decent English books. I don't think it is exactly joint academic work because Russian and English traditions are very different, but that's OK. We learn from different cultures [Hewitt, 2016].

Список литературы

Hewitt Karen // University of Oxford. Faculty of English Language & Literature [official website]. URL: <http://www.english.ox.ac.uk/about-the-faculty/faculty-members/research-centre-and-college-staff.html> (mode of access: 25.10.2016).

Hewitt K. Understanding Britain. 2nd ed. Oxford ; Nizhny Novgorod : Perspective Publ., 1996. 265 p.

Hewitt K. Understanding English Literature. Oxford ; Nizhny Novgorod : Perspective Publ., 1997. 297 p.

Hewitt K. A letter to O. Sidorova. Oct. 22, 2015.

Hewitt K. A letter to O. Sidorova. Oct. 16, 2016.

Interview with Karen Hewitt // University of Oxford [official website]. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2014-01-02-news-year-honours-2014> (mode of access: 25.10.2016).

Weekly Class Programme in Literature, 2014 // University of Oxford. Department for Continuing Education [official website]. URL: www.conted.ox.ac.uk (mode of access: 25.10.2016).

References

Hewitt, K. (1996). *Understanding Britain Today*, 2nd ed. Oxford, Nizhny Novgorod, Perspective Publ. 265 p.

Hewitt, K. (1997). *Understanding English Literature*. Oxford, Nizhny Novgorod, Perspective Publ. 297 p.

Hewitt, K. (2015). *A letter to O. Sidorova*. Oct. 22, 2015.

Hewitt, K. (2016). *A letter to O. Sidorova*. Oct. 16, 2016.

Interview with Karen Hewitt (2016) // University of Oxford [official website]. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2014-01-02-news-year-honours-2014> (mode of access: 25.10.2016).

Hewitt Karen (N. d.) // University of Oxford. Faculty of English Language & Literature [official website]. URL: <http://www.english.ox.ac.uk/people/karen-hewitt> (mode of access: 25.10.2016).

Weekly Class Programme in Literature (2014) // University of Oxford. Department for Continuing Education [official website]. URL: <http://www.conted.ox.ac.uk> (mode of access: 25.10.2016).

The article was submitted on 11.09.2017

Problema voluminis

Russia and Russian Literature: A View from Abroad

The Russian Revolution, 1917–2017: The Mythology and Reality of Everyday Life

Уильям Александр Джехарди.
1929. Фото Х. Костера

William Alexander Gerhardt.
1929. Photograph by H. Coster

Problema voluminis

Россия и русская литература: зарубежный опыт

Революция 1917–2017 : мифология и реальность повседневности

RUSSIA AND RUSSIAN LITERATURE: A VIEW FROM ABROAD

DOI 10.15826/qr.2017.4.260

УДК 821.111-311.6+821.161.1+94(470)"1914/1920"+929Джехарди

УИЛЬЯМ ДЖЕХАРДИ: АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ С РУССКИМ АКЦЕНТОМ – О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ*

Татьяна Красавченко

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия

WILLIAM GERHARDIE: AN ENGLISH WRITER WITH A RUSSIAN ACCENT – ON THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

Tatiana Krasavchenko

Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS,
Moscow, Russia

The works of William Gerhardie, a witness of the two Russian revolutions and the Civil War, are the unique fruit of cultural interaction, and especially of Chekhovian influence on British culture. Gerhardie is a rare example of a person and writer on the Anglo-Russian cultural border. In the 1920s, he was well known in Britain and the USA, especially in literary circles: in the 1990s, after his books were published in English and translated into the main European languages, he received wide recognition. However, he is still poorly known in Russia, and his works have not been studied. The clash of two cultural and civilisational traditions – Russian and English – determined his double identity and the dramatic character of his life. However, in his works he synthesised and harmoniously combined the Chekhovian tradition with the English cultural tradition, rooted in the works of Sterne, English caricature (evolving from William Hogarth), Dickens, and Beckett, creating a vivid, modernist prose which gave a creative impulse to British writers

---

* *Citation:* Krasavchenko, T. (2017). William Gerhardie: an English Writer with a Russian Accent – on the Revolution and Civil War. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 941–957. DOI 10.15826/qr.2017.4.260.

Цитирование: Красавченко Т. Уильям Джехарди: английский писатель с русским акцентом – о революции и Гражданской войне // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 941–957. DOI 10.15826/qr.2017.4.260.

of later generations – E. Waugh, G. Greene, O. Manning, A. Powell, W. Boyd, etc. Gerhardie, probably on more significant grounds than Katherine Mansfield, is often called an “English Chekhov” in literary criticism. It is a spectacular definition, but not quite accurate, since he was a writer of a different time and language who belonged to a different cultural and aesthetic tradition, which often led him to inner polemics with Chekhov. In this article, his early works are analysed from an imagological point of view, since it was between the 1920s and 1930s that he created an expressive image of Russia, Russians, and the English.

Keywords: William Gerhardie; British modernist novel; imagology; Chekhovian tradition; Anglo-Russian cultural borderland; double identity.

Творчество Уильяма Джекхарди, свидетеля двух русских революций и Гражданской войны, уникальный плод культурного взаимодействия, своего рода чеховской прививки на древо британской культуры. Джекхарди – редкий образец писателя англо-русского культурного пограничья. В Британии и США он был признан литераторами в 1920-е гг.; с 1990-х гг. после переиздания его книг на английском и перевода их на основные европейские языки он обретает широкое признание. В России его творчество до сих пор мало известно и практически не изучено. Столкновение двух культурно-цивилизационных традиций – русской и английской – определило его личную двойную идентичность, драматически сказавшись на его жизни, но в творчестве он синтезировал, органично сочетал чеховскую традицию с английской культурной традицией, идущей от Стерна, английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, Диккенса к Беккету, и создал яркую, самобытную модернистскую прозу, которая дала творческий импульс британским писателям разных поколений – И. Во, Г. Грину, О. Мэннинг, Э. Пауэллу, У. Бойду и др. В критике Джекхарди называют «английским Чеховым», пожалуй, с большим основанием, чем К. Мэнсфилд, однако это эффектное определение довольно условно, ибо он писатель другого времени, языка, культурной и эстетической традиции, что порождало его внутреннюю полемику с русским писателем. В статье в имагологическом ракурсе рассмотрено раннее творчество Джекхарди, ибо именно в 1920–1930-е гг. он создал выразительный образ России, русских и англичан.

Ключевые слова: Уильям Джекхарди; английский модернистский роман; имагология; чеховская традиция; англо-русское культурное пограничие; двойная идентичность¹.

¹ Произношение имени писателя – Герарди, Джерарди, Джекхарди – до сих пор вызывает разногласия даже в Великобритании. В «Мемуарах полиглота» (1931) он пишет, что привык к произношению имени теми, кто его носил, с мягким «g», то есть «h» в середине. Он с юмором отнесся к разному произношению своего имени и «издал указ» произносить имя как «Джекхарди» по понедельникам, средам и пятницам, «Герарди» – по вторникам и субботам, а по воскресеньям – «Джирарди» [Gerhardie, 1990, p. 201–202]. «Мемуарам полиглота» предшествует примечание издателя: в 1967 г. Уильям Джекхарди изменил написание своей фамилии, добавив в конце «e», то есть Gerhardie вместо Gerhardi [Ibid., p. 15]. Газета «Таймс» 4 января 1967 г. прокомментировала, что Джекхарди добавил конечное «e» в свою фамилию по аналогии с Данте, Шекспиром, Гёте и Блейком.

Once I found myself sitting by the side of Osbert Sitwell, who
said, after time: "William, are you English?"
- I affirmed the fact... in accents more reminiscent
of the Neva than of the Thames side.

W. Gerhardie. *Memoirs of a Polyglot*²

В творчестве Уильяма Джерхарди (1895–1977), главным образом раннем – в автобиографических романах «Тщета: роман на русские темы» (1922) и «Полиглоты» (1925)³, в первой книге о Чехове на английском – «Антон Чехов» (1923), в документальных «Мемуарах полиглота» (1931) образ России, британско-русских взаимоотношений, образы русских и англичан оказываются вписаны в широкий исторический, культурно-цивилизационный, имагологический контексты.

Свою первую книгу «Тщета», посвятив ее Кэтрин Мэнсфилд, Джерхарди опубликовал на пике англоязычного литературного модернизма в 1922 г., то есть в год публикации «Бесплодной земли» Т. С. Элиота и «Улисса» Дж. Джойса. Они, безусловно, несколько затмили ее. Тем не менее, именно в 1920-е гг. Джерхарди стал знаменитостью в литературных кругах. Он обладал уникальным литературным трагикомическим даром и был окружен аурой экзотического русского прошлого. Его дилемму тонко заметил Бернард Шоу: «Если вы англичанин, вы гений, – сказал он, – но если вы русский... ну, тогда, конечно...» – «Я англичанин»...», – быстро ответил Джерхарди [Gerhardie, 1990, p. 271].

В литературе, как и в истории, не бывает сослагательного наклонения, но кто знает, что бы было, если бы он издал «Тщету» на русском (английский литературовед Р. Д. Селл обнаружил рукопись на русском в архиве писателя в Кембридже [Sell, p. 34; Gerhardie, Notebooks]), возможно, появился бы яркий писатель-билингв или же эпигон Чехова, но Джерхарди благоразумно, как настоящий англичанин, опубликовал этот, как и последующие романы, на английском и дал импульс целой плеяде британских писателей.

Как заметил Грэм Грин, «для моего поколения он был самым важным новым романистом, появившимся в нашей молодости» (цит. по: [Times]). Другая известная британская романистка Оливия Мэннинг пошла еще дальше: «Юмор, поэзия смерти и свобода духа – все это присутствует в прозе Уильяма Джерхарди, как ни у одного иного писателя... Он – наша «Шинель» Гоголя. Мы все вышли из него» (цит. по: [Gerhardie, 1987, p. X]). А Ивлин Во заявил: «Никогда не смогу до-

---

² «Однажды я сидел рядом с [английским литератором] Осбертом Ситуэллом, который через некоторое время спросил меня: "Уильям, вы англичанин?" Я ответил утвердительно с акцентом, который больше напоминал о Неве, чем о Темзе...» (здесь и далее перевод текстов автора статьи. – Прим. ред.).

³ Роман «Тщета» переведен на русский М. Немцовым в 2016 г. и издан во Владивостоке в количестве 500 экз. [Джерхарди, 2016]; «Полиглоты» под названием «Нашествие варваров» – Э. Паттерсон в 1926 г. [Джерхарди, 1926].

стичь его уровня. Знаю, у меня большой талант, но он просто гений», а самому Джехарди написал: «Как вы несомненно сознаете, ваши романы во многом научили меня профессиональному мастерству» (цит. по: [Davies, p. 313]). По словам Чарльза Сноу, романы Джехарди оказали бóльшее воздействие на два поколения английских писателей, чем любые другие известные ему романы [Snow, p. 344]. «Полиглоты» в свое время стали в Оксфорде «библией молодежи; Исайя Берлин, Бернард Майлз объявили его своим “литературным героем”» (цит. по: [Gerhardie, 1987, p. X]).

Джехарди писал о себе:

Поведение, стиль человека определяются влиянием его раннего окружения. Первые восемнадцать лет я провел в Петербурге, что не смогли перевесить ни пять лет в британской армии, ни три года в Оксфорде, ни вся моя последующая жизнь в Англии... <...> Вы не можете провести первые восемнадцать лет своей жизни в России и не иметь привычку ходить с опущенной головой так, что подбородок давит на дыхательное горло, тогда как англичане привыкли откидывать голову назад, что позволяет мелодии звучать ясно [Gerhardie, 1990, p. 7, 359].

Его автобиографический повествователь в романе «Тщета» формулирует культурную дилемму автора:

I am one of those uncomfortable people whose national “atmosphere” had been somewhat knocked on the head – an Englishman brought up and schooled in Russia, and born there, incidentally, of British parents (with a mixed un-English name!..) [Gerhardie, 1971, p. 163–164]⁴.

* * *

В «Мемуарах полиглота», своеобразном документальном комментарии к романам, Джехарди пишет о своих английских корнях, о дедушке Уильяме Александре, который с женой-бельгийкой и дюжиной детей перебрался из Манчестера в Санкт-Петербург, куда они ехали на санях – железных дорог тогда не было. Дед построил хлопкопрядильную фабрику на правом берегу Невы в Санкт-Петербурге. Россия стала домом для семьи Джехарди. Отец его разбогател. В 1889 г. он женился на англичанке из Ланкашира, в трехлетнем возрасте приехавшей в Россию с родителями, а 21 ноября 1895 г. в Петербурге родился будущий писатель. Его крестили в местной англиканской церкви [Gerhardie, 1990, p. 23].

Джехарди рассказывает о своем счастливом детстве в России, где благодаря Петру Великому иностранцы всегда в большом почете. Учился Уильям в русском реальном училище. Был полиглотом: с ро-

⁴ «...Я был одним из тех неудобных людей, чей национальный строй был перевернут с ног на голову – англичанин, выросший и учившийся в России, родившийся там, между прочим, у английских родителей (к тому же с путаным неанглийским именем...)».

дителями говорил по-английски, с сестрами и братом – по-русски (даже в 1920–1930-е гг. в минуты искренности они переходили на русский), с французской гувернанткой – по-французски, с немецкой – по-немецки. “But English peppered with Russian” («Но английский, подчеркнутый русским») стал для Джехарди естественным языком [Gerhardie, 1990, p. 24].

Отец писателя чувствовал себя в России комфортно: рабочие любили его, “What is it, my dove?” («В чем дело, голубчик?») – обычно обращался он к ним. «Ласковая речь в России, контрастируя с обычной грубостью речи, трогает людей» [Gerhardie, 1990, p. 49]. Но любовь пролетариев оказалась ненадежной: в революционном 1905 г. они запихнули отца в мешок из-под угля и на тачке покатали к Неве – сбросить в реку. К счастью, по дороге пожилой смекалистый рабочий пристыдил их: можно ли так обращаться с британским социалистом Кейром Харди? И они (отец не стал отрицать, что он Харди) с извинениями освободили его [Ibid.].

Джехарди вырос на русской поэзии, казавшейся ему гораздо более естественной, чем французская, немецкая и английская. Его очаровала русская проза, особенно Тургенев и Апухтин, как никто иной передавшие чувство влюбленности; Гоголь был его ранним и долгим фаворитом, Толстой с его простотой и правдивостью, точностью детали заразил его желанием писать романы. Чехов и Пруст пришли позднее [Ibid., p. 58–59]. Существенно то, что писать Джехарди начал в России – книгу «Радости и печали», к тому же по-русски [Ibid., p. 60].

Родители послали его учиться в Лондон – в колледж по подготовке секретарей. Слабость владения письменным английским он преодолел лишь во втором семестре благодаря чтению Оскара Уайльда и Б. Шоу [Ibid., p. 72], но секретарь из него не вышел. В конце июля 1914 г. на каникулах у родителей – отец к тому времени стал совладельцем самой большой текстильной компании в Петербурге – Уильям работал в его офисе кем-то вроде главного бухгалтера, но на самом деле, прикрывшись бухгалтерской книгой, уже на английском, но на русский сюжет писал пьесу *The Haunting Roubles* («Одержимые деньгами») [Ibid., p. 75], которую, вернувшись в Лондон, безуспешно пытался пристроить в театр.

В разгар войны в конце 1915 г. он, предложив услуги «королю и Отечеству», оказался в кавалерийских казармах в Йорке, а позднее – в Кавалерийском курсантском эскадроне в Ирландии, где получил офицерское звание. К концу 1916 г. потребовались переводчики с русского. Так он очутился в Петрограде в британском посольстве, где расшифровывал телеграммы, принимал посетителей, писал письма; он работал с военным атташе генералом Альфредом Ноксом и наблюдал постепенный спад русской военной активности, которую старались оживить приезжавшие в Петроград британские дипломаты, чиновники, военные. Русские генералы жаловались на нехватку военного снаряжения. И оно начало прибывать из Британии в русские

порты. Однако, замечает Джехарди, русские, требуя новых поступлений, зачастую не делали ничего, чтобы вывезти снаряжение на места, оставляя его ржаветь и гнить в снегу там, где разгрузили. Джехарди приводит случай, когда русский генерал, ревниво относившийся к успехам соперника, чтобы помешать его победам, намеренно направил снаряжение не туда, куда надо [Gerhardie, 1990, p. 115].

Британское посольство в России, по словам Джехарди, обвиняли и в том, что оно привело к революции, и в том, что мешало ей. Он признает, что англичане пытались влиять на российские власти: обычно британский посол или приезжавший в Петроград государственный деятель, даже консерватор, убеждал русского императора предоставить народу долю самоуправления через Думу, и обычно император с доброжелательным достоинством просил их не вмешиваться не в свои дела [Ibid., p. 113]. По мнению Джехарди, британский посол сэр Джордж Бьюкенен проявил чуткое понимание русской политики. Как медиум-спиритуалист, он очистил свое «монархическое» сознание от «личного багажа» и, как телефонная служба, имеющая две линии, передавал в Лондон настойчивые требования Керенского, Милюкова, Терещенко, даже Троцкого: спасти Россию от сепаратного мира с Германией может лишь прекращение войны [Ibid., p. 116]. Но из Лондона ему отвечали, что ничто, в том числе и крах России, не имеет значения, кроме победы в войне. Тогда он убеждал российских государственных деятелей активизировать «уставшего русского колосса» в схватке с Германией. Так они и поступали, но вскоре каждый премьер-министр понимал, что гонит «мертвую лошадь».

В первые дни революции, по мнению Джехарди, не было ни одного англичанина в посольстве, который бы не был охвачен энтузиазмом. В характерной для себя манере он вводит в свою интерпретацию Февральской революции сравнение быстрого падения русского царя с персонажем из знакомого каждому британцу английского детского стихотворения о смешном круглом человечке Humpty Dumpty (Шалтай-Болтай – в переводе С. Маршака). Джехарди пишет, что полиция сопротивлялась лишь в первый день, стреляла в толпу с крыш домов; взятых в плен полицейских выстроили, сделали полынью во льду на реке и толкали под лед баржевыми шестами. Джехарди иронически комментирует: «Крови не было. И первую русскую революцию прозвали “бескровной”» [Ibid., p. 125].

В романе «Тщета» автобиографический повествователь с юмором и не без иронии описывает разноликий русский народ, участвовавший в Февральской революции в расколотовой России. В один из первых дней революции по дороге домой он проходит по Троицкому мосту мимо роты восставших солдат:

They marched alert and joyous to the sound of some old familiar marching songs till they came to the words “for the Czar”. Having sung these words they stopped somewhat abruptly and perplexed. “How for the Czar?” one of them

asked. “How for the Czar?” they repeated, looking at each other sheepishly. Then they marched without singing. There were peasants who did not know the word “revolution” and thought it was a woman who would supersede the Czar. Others wanted a republic without the Czar. And there were others still who interpreted the word republic as “rezshpublicoo”... [Gerhardie, 1971, p. 67]⁵.

В этом же эпизоде он описывает встречу на Троицкой площади с русским офицером, привлеченным британской формой, который заявляет, что теперь русские будут более энергичными союзниками для англичан. Позднее в романе «Полиглоты» Джехарди вводит мотив русского мужика как некой аморфной неодолимой силы, живущей своей жизнью, – это история выходца из Малороссии кучера Степана – фаталиста, который на все вопросы отвечал: “All is possible” – «Все возможно» [Gerhardie, 1987, p. 141]. Он относился к жизни с униженным смирением. Начав пить, он вывалил свою хозяйку из коляски, а на ее замечание больше так не делать ответил: «Все возможно» и снова вывалил ее; она уволила его, но он остался на своей койке, молчаливый и смиренный, и никто ничего с ним не мог поделать.

Словно снимая с короля Георга V обвинение в том, что он не спас своего кузена Николая II, Джехарди пишет о том, что король предложил императору и его семье убежище в Англии, но они отреагировали не сразу, потом приняли решение в пользу Дании, но власть Временного правительства уже была ослаблена Советами рабочих и солдат. Да и само правительство боялось, как бы эмиграция императрицы, немки по рождению, в нейтральную страну не привела к утечке военной информации. Керенский отправил императорскую семью в тихие глубины Сибири, надеясь, что о ней забудут. А большевики, уже сбросив Керенского, начали проигрывать чехам в Сибири, и чтобы те не передали их Белой армии, казнили императора и его семью, вписав еще одну жестокую страницу в затопленную кровью историю [Gerhardie, 1990, p. 126].

В политике Джехарди был либералом [Ibid., p. 173] и реалистом – это очевидно, в частности, в том, что ему нравился П. Н. Миллюков, в А. Ф. Керенском он видел первоклассного премьер-министра для начального периода революции, когда она сохраняла еще некий уровень идеализма, и признавал, что более реалистический этап революции потребовал не вызывавшего у него восторга Ленина [Ibid., p. 127], который легко скинул первое русское либеральное Временное правительство в России, ибо оно убеждало народ, победивший в революции, победить и в войне, тогда как народ не хотел воевать [Ibid., p. 128–129].

⁵ «Они шагали живо и радостно, распевая старую знакомую песню, пока не дошли до слов “за царя”. Пропев эти слова, они резко остановились, озадаченные. “Как за царя?” – спросил один из них. “Как за царя?” – повторяли они, глуповато переглядываясь. И зашагали без песни. Встречались крестьяне, которые не знали слова “революция” и думали, что это женщина, которая сменил царя. Другие хотели республику с царем. А были и такие, кто истолковывал слово “республика” как “режь публику”...»

После большевистской революции 1917 г. события приняли, по словам Джехарди, «зловещий оборот»: он посоветовал родным – они потеряли все, что имели, – уехать в Англию. Отец больной (частично парализованный) вернулся с женой в Англию и позднее умер в дешевом пансионе в Тироле.

А вскоре стало ясно, что и британскому посольству далее оставаться в Петрограде бессмысленно. Германия быстро продвигалась в балтийские области, и союзники опасались, как бы военные склады в Ревеле, оказавшись у немцев, не были использованы на Западном фронте. Большевики, на взгляд Джехарди, уже тогда проявили свою террористическую сущность: Крыленко, советский военком, согласился взорвать склады боеприпасов, и когда полковник Торнхилл (британский военный атташе, сменивший Нокса. – Т. К.) посоветовал вывести население из города, заверил его, что можно не беспокоиться, ибо большая часть населения Ревеля – буржуазия, а она, несомненно, настроена контрреволюционно [Gerhardie, 1990, p. 131].

В марте 1918 г. Джехарди (с сотрудниками посольства) уехал в Англию. Позднее он писал о войне как о главном катализаторе социально-политической жизни XX в.: вызванная решительным намерением демократии сокрушить авторитаризм, война привела к большевизму, с одной стороны, и к фашизму – с другой [Ibid., p. 98]. Но еще во время Первой мировой войны в преддверии революций он проницательно заметил о России:

В русском сознании нет места для мелкого, незначительного. Если оно и заблуждается, то всегда в сфере грандиозного. Расхождение между масштабом замысла и объемом достижений существенно. <...> В этом кроются юмор и гений народа [Ibid., p. 114].

* * *

В июне 1918 г. Джехарди вновь направили в Россию, на этот раз в Сибирь, в штаб британской военной миссии (во главе с генералом Ноксом), где он провел два года, получив звание капитана [Ibid., p. 138].

Позицию союзников и ситуацию в целом он объясняет одновременно как либерал и англичанин – спокойно, без эмоций и крайностей: люди в России, верившие в то, что война – лишь прелюдия к революции, заключив сепаратный мир с Германией, вели себя достойно со своей точки зрения, но непростительно с точки зрения союзников имперской России, считавших, что в войне, которую начинали вместе, в критический момент их подвели [Ibid., p. 144]. Защиту белых от большевистской мести он расценивает лишь как дань союзничеству во время войны, проявление общечеловечности, что было, по его мнению, ошибкой, ибо это была помощь вполсердца, тогда как вся моральная сила была на другой стороне. События показали, считает Джехарди, что русские патриоты-белогвардейцы призывали любую страну, кроме собственной, помочь им, тогда как большевики,

не допускавшие слово «Россия» в свои сводки, оказались подлинными патриотами, выступив против интервентов за национальную целостность страны [Ibid., p. 145, 146–147].

Джехарди вспоминает, как адмирал Колчак, проезжавший через Владивосток, зашел с генералом Ноксом в его комнату – в ней не было стульев, и он сел на кровать. Джехарди смотрел на него с интересом как на потенциального Наполеона, не ведая того, что через полтора года его казнят. А слушая Ленина, бомбардировавшего столицу, как ему казалось, пустыми словами, он не предвидел, что через пару лет она будет называться его именем [Ibid., p. 150].

И Джехарди, и его автобиографические повествователи в обоих романах со временем все более остро ощущают бессмысленность своей миссии. Они видят происходящее в основном из окна британского штаба или комфортабельного штабного поезда; круг их общения – британские военные, русские генералы, беженцы из Петербурга и остальной России, основное времяпрепровождение – банкеты, танцы и – ожидание. Военная сфера показана как бесполезная. В этом плане выразителен в «Тщете» эпизод приезда британцев во фронтовую полосу, где выясняется, что в то утро четыре полка перешли на сторону врага. От белой дивизии остались 14 человек, командир и его штаб – 300 офицеров. Командующий говорит, что будет ждать: он надеется, что люди вернуться. Британский адмирал саркастически спрашивает его, на кого же он надеется. На Бога? «Да, – ответил тот, – больше нам надеяться не на кого». И адмиралу стало стыдно [Gerhardie, 1971, p. 126–127].

На прошение Джехарди о возвращении в Англию ему ответили, что его служба необходима, и наградили русским орденом Святого Станислава, орденом Британской империи и чехословацким военным крестом. Лишь в мае 1920 г. началось его плавание обратно в Англию, куда он вернулся в августе того же года [Gerhardie, 1990, p. 152–153].

* * *

Вернувшись в Англию в 1920 г., Джехарди поступил в Оксфордский университет (Ворчестер колледж). Там он работал над эссе о Чехове, позднее вошедшем в книгу о нем, и над романом «Тщета», написанном практически по чеховскому «рецепту». Импульс к его созданию дала встреча во Владивостоке на одном из вечеров с русской девушкой (она научила его танцевать джаз), он влюбился в нее и в результате «написал роман» [Ibid., p. 151]. Из Оксфорда он посылал ей любовные письма, поклявшись помнить ее десять лет, и за месяц до истечения срока получил письмо от нее, теперь уже замужней женщины, приехавшей в Париж после десяти лет жизни в Китае с предложением встретиться [Ibid., p. 167]. Но из этого ничего не вышло, недаром роман назывался «Тщета».

Несколько издателей отвергли роман Джехарди, и писатель попросил рекомендацию у Кэтрин Мэнсфилд. Она жила в горах Швейцарии смер-

тельно больная туберкулезом, тем не менее, за неделю прочитала книгу неизвестного ей Джекхарди, а через две – нашла издателя [Ibid., p. 170–172].

«Тщета» – это одновременно книга о беспорядочной жизни русской семьи на фоне жизни революционной России, и исследование «загадочной русской души», и остроумный роман, пародирующий русскую литературу и воздающий ей должное, а в целом это роман о человеческом существовании. По определению К. Мэнсфилд, это «живая книга... она “дышит”» (цит. по: [Craig, p. 240]), и, вероятно, для нее, большой поклонницы Чехова, важную роль сыграло явно чеховское начало романа. Но и далекая от русской литературы американская писательница Эдит Уортон в предисловии к американскому изданию романа оценила его «английские качества» – “the fun, pathos and irony” («забавность, пафос и иронию...») [Gerhardi, 1922, p. 3]. А Г. Уэллс в лондонском литературном журнале «Адельфи» сожалел, что «нет шума по поводу “Тщеты” Джекхарди – шума, “который достигал бы предместий и городов”» (цит. по: [Gerhardie, 1971, p. 9]).

В центре романа – любовь выросшего, как и автор, в России англичанина-повествователя (его называют Андрей Андреевич) к Нине, средней дочери в петербургской семье Бурсановых, состоящей из отца Николая Васильевича, его трех дочерей Сони, Нины, Веры (эхо «Трех сестер» Чехова), его гражданской жены, бывшей актрисы-немки Фанни Ивановны, законной, но покинувшей его жены Магды Николаевны, его юной любовницы Зины и ее многочисленной семьи, первого и второго любовников Магды, а также барона Вундерхаузе-на, поклонника, а затем мужа Сони, нацеленного на доходы тестя. Николай Васильевич считается богатым, но его состояние, основанное на не приносящих дохода золотых приисках в Сибири, фантом. Он легкомыслен и инфантилен, как Стива Облонский. Очевидно, таково представление Джекхарди-англичанина о русской семье – большой и неотразимо притягательной.

Жизнь Бурсановых и их окружения проходит в танцах, вечеринках, но доминанта их жизни – *ожидание*. Они живут не настоящим, а ожиданием будущего и счастья. Тут Чехов плавно перетекает в Беккета, предваряя его пьесу «В ожидании Годо» (1952). Кажется, будто часто не бывающий дома Николай Васильевич *что-то делает*. Но повествователь понимает: он где-то слоняется, создавая видимость деятельности [Gerhardie, 1971, p. 75]. И возникает впечатление: герои Чехова перенеслись в ситуацию революции, обстоятельства изменились, а люди – нет. Образ Николая Васильевича переключается с образами «Дяди Вани» – Войницким, Астровым, профессором Серебряковым. Джекхарди использует их звучащие как лейтмотив слова: «Надо делать дело». Он хочет делать дело, поправить дела и начать жизнь заново, но признается в своем бессилии [Ibid., p. 79].

Как-то повествователь с Николаем Васильевичем ночью выходит на улицу и ощущает нечто безнадежное в этой ночи, тоску, вызванную политическим и экономическим хаосом. Далее следует символическая

сцена: они пересекают Дворцовую площадь, и перед ними из-за кучи хвороста возникает пьяный солдат с ружьем и требует денег, держа палец на курке. Денег у них нет. Он требует курева – и курева у них нет. Тогда солдат, то ли припугивая их, то ли смягчаясь, поясняет им:

“And I... go about, you know, letting the guts out of the *bougouys*”. “That’s right, Comrade, – ventured Nikolai Vasilievich. – Kill them all, dirty dogs!” “I will”, – said the soldier cheerily and walked off into the night, while we went our way [Ibid., p. 80]⁶.

Так пьяный солдат выносит приговор «чеховским» героям романа.

* * *

В романе «Полиглоты» ощущение фатальной бездейственности, парализующей инерции, господствующих в романе «Тщета», только обостряется. Повествователь втянут в беспорядочную жизнь семьи сестры своего отца тети Терезы, которая ищет сначала в Японии, потом в Харбине убежище от Первой мировой войны.

Русская нить в «Полиглотах» основополагающая. Джехарди создает амбивалентный образ России. Он со вкусом рассказывает историю первого замужества тети Терезы: она рано лишилась родителей, ее удочерила русская княгиня, вырастила со своей дочерью, из-за чудесной красоты баловала «вне всякой меры» и выдала замуж за молодого бездельника Николая, сына богатого помещика и бывшей гувернантки мадемуазель Фифи. Русскую бесшабашность Николай сочетал с подлинно парижской веселостью. Джехарди описывает его с характерным для англичанина смешанным чувством восхищения и ужаса: Николай размахивал заряженными пистолетами, мог внезапно выстрелить, гонял на тройках с цыганками – оргия была его стихией. Любитель шуток, он привязал полицейского к дрессированному медведю и бросил их в канал, удерживая на веревке. А однажды купил жирафа и привел в спальню к Терезе. Рациональная и волевая, она терпела, надеясь, что он унаследует княжеский титул, и она станет княгиней, но он вдруг отдал Богу душу. Тереза вышла замуж за бельгийца [Gerhardie, 1987, p. 7–8]. Опыт жизни в России привел ее к выводу: русских людей не волнует, какое у них правительство, они вполне счастливы, пока имеют еду и одежду [Ibid., p. 98].

Повествователь в «Полиглотах» понимает, что живет на сломе истории, в которую оказался втянут в России, и ему кажется, что это время потерянных людей, что в первую очередь относится к русским. Символический смысл обретает описание повествователем плаванья на судне «Пенза» Русского добровольческого флота в июле 1918 г. из Токио во Владивосток:

⁶ «А... я тут, понимаете, шатаюсь по округе и выпускаю кишки *буржуям*. “Правильно, – осмелился Николай Васильевич. – Бей их всех, гадов!” – “Буду бить”, – весело сказал солдат и исчез в темноте, а мы пошли дальше».

...Captain, as he sat among us at the head of the table, had a meek, resigned look in his eyes, as if he didn't quite know what he was going to do next, while the ship's officers, professing disgust for the tedium of their prosaic occupations, speculated with enthusiasm on high politics, religion, literature, and metaphysics, upon which plane of thought navigation and such-like matters appeared proportionately negligible things. Meanwhile the ship somehow went on, thud after thud – and even reached its destination [Gerhardie, 1987, p. 43–44]⁷.

Тут явно многое из того, что повествователь считает специфически русским: отвращение к рутине повседневности, склонность говорить о высоком, общая пассивность и медленное, с перебоями, но все-таки продвижение к цели.

Как и в «Тщете», в «Полиглотках» Джахарди отказался от традиционного последовательного сюжета, стремясь, подобно Чехову, показать жизнь как она есть – в ее хаотичности, однако понял, что избавиться от сюжета невозможно, но можно использовать иной его тип – неброский, выявляющий то, что находится под поверхностью и определяет судьбу человека. В сложном конгломерате жизни он выявляет лейтмотивы.

Прежде всего это метафоричный *мотив полиглота* – скитальца по миру, нигде не чувствующего себя дома, а в данном случае попавшего в мир войны и русской революции. Говорящие фамилии в романе (повествователь Джордж Гамлет Александр Дьяболо, капитан Негодяев, майор Бистли, то есть Зверский, и др.) дополняют ощущение трагизма и сумятицы существования.

История все больше «наезжает» на персонажей романа. Из Харбина они перебираются в Шанхай. Многонедельное плавание затерянных в истории персонажей из Шанхая в Англию на лайнере «Носорог» (своего рода Ноевом ковчеге) обретает метафорический смысл как плавание в неведомую жизнь.

На «Носороге» Джордж встречает генерала Похитонова, приплывшего из Гонконга, но власти, не доверяя ему (в начале революции в России он примыкал к восставшим), не пускают его на берег. И так в каждом порту (Шанхай, Каир, Коломбо, Гибралтар). С расшатанными нервами, с бессвязной речью генерал дрейфует по миру без цели. Его история – своеобразная притча о человеке, поставленном историей в безвыходное положение.

Еще одна важная линия – линия капитана Негодяева. Повествователь познакомился с ним в Харбине и поначалу гротескно описал его сходство с крысой на задних ногах. Негодяев робок, сервилен, навязчиво рассказывает о своей жене и семилетней дочери в Новороссийске, которых не может принять, ибо живет в железнодорожном вагоне [Ibid., p. 43]. И зачитывает безысходное, с пронзительной чеховской

⁷ «У капитана, который сидел во главе стола, было смиренное отсутствующее выражение в глазах, как будто он не совсем знал, что будет делать дальше. Офицеры на корабле, испытывая отвращение к скучным повседневным занятиям, с энтузиазмом говорили о большой политике, религии, литературе и метафизике. Тем не менее, корабль с глухими содроганиями двигался и даже достиг пункта назначения».

интонацией письмо жены о жизни, лишенной радости, о жизни без будущего в провинциальной постреволюционной России [Ibid., p. 90]. Тетя Тереза реагирует активно, по-английски – предлагает ему поселить их в Харбине у нее. И переиначивая гоголевское «все обман, все не то, чем кажется», Джехарди подводит к тому, что именно этот малопривлекательный персонаж оказывается достойным собеседником для повествователя. На его «русский вопрос», в чем смысл жизни, Негодяев отвечает: жизнь не имеет смысла и, возможно, существует, чтобы дать смысл смерти [Ibid., p. 251].

В «Полиглотях» жизнь не только тщетна, она трагична, непредсказуема, непостижима. В роман настойчиво врывается мотив смерти. Сына тети Терезы Анатоля Вандерфлинта казнят накануне прекращения военных действий за то, что он заснул на посту; ее брат (дядя Люси), прибыв с многолетней семьей в Харбин из-под Красноярска, где у него рухнул бизнес – экспорт мехов, одевшись как трансвестит (женские чулки, крепдешиновый камзол, ночной чепчик сестры), повесился. Ключевым эпизодом романа становится смерть Наташи Негодяевой, приехавшей с матерью к отцу в результате хлопот тети Терезы.

На «Носороге» у Наташи, ставшей всеобщей любимицей и молившейся перед иконой Николая-чудотворца за «нашу бедную Россию», начался сильный жар, и через три дня она умерла. Ее хоронят в океане, завернув в парус с гириями и русским триколором – тут явно просматривается переключка с похоронами Гусева в одноименном рассказе Чехова, где умершего зашивают в парусину и сбрасывают в море. У Чехова обыденность смерти сочетается с ее ужасом, с пожиранием, как в триллере, Гусева акулой и живой, масштабной реакцией океана и неба на смерть человека. Джехарди заморожен этим изображением смерти. В книге «Антон Чехов» он пишет, что любой другой писатель в такой сцене ввел бы прилагательные в превосходной степени, адекватные степени ужаса происходящего, но Чехов сохраняет художественный инстинкт сдержанности [Gerhardi, 1923, p. 145–146]. Тот же инстинкт свойствен и Джехарди: он лишь упоминает акул, сопровождающих лайнер, как зловещий знак приближения смерти.

Мотив смерти Наташи – мотив (тут традиция Достоевского) невинного ребенка, в сумятице революции выброшенного на семь ветров истории и в конце концов уничтоженного. Джордж думает о маленькой русской девочке в бездонной глубине Индийского океана, с которой умерла сама жизнь и красота [Gerhardie, 1987, p. 316]. Роман обретает глубокий экзистенциальный смысл. Отец Наташи после похорон, вглядываясь в океан и словно спрашивая у него, в чем смысл смерти, у которой нет смысла, плачет [Ibid., p. 306]. Джордж напоминает ему завершающие строки тургеневских «Отцов и детей»: «...цветы, растущие на ней [могиле], не об одном вечном спокойствии говорят нам... о вечном примирении и жизни бесконечной» [Тургенев, с. 334]. Самому Джехарди ближе Чехов, о котором он пишет:

Какова бы ни была смерть, он чувствует смысл даже в самом черном молчании исчезновения. Ибо это тоже лишь фаза жизни, вечного изменения... [Gerhardi, 1923, p. 49].

Трагические мотивы сочетаются в романе с гротеском, иронией и юмором. Джахарди любит русские прибаутки, одну из них приводит повествователь, утешая свою тетю, ожидающую в Харбине деньги от брата из Красноярска: "Patience, patience, and once again patience, said General Kuropatkin as he lost the Russo-Japanese War" [Gerhardie, 1987, p. 56]⁸, возможно, пародируя крылатое советское, обычно приписываемое Ленину: «Учиться, учиться и еще раз учиться». С гоголевского диалога начинается знакомство тети Терезы с белым генералом Пшемович-Пшевитским, гротесковый образ которого создан на страницах романа. Она спрашивает его, знал ли он русских аристократов Трубецких, с которыми она была накоротке в молодости. Тот в духе Хлестакова отвечает: "Ah! Who didn't know them!" («Ах! Кто же их не знал!») [Ibid., p. 94]. А Джордж вспоминает, что, по слухам, генерал в свое время был жандармом, охранял улицы.

* * *

Главный смысл «чеховского» мироощущения Джахарди – жизнь сопротивляется любому виду четкого упорядочивания, кроме хронологии. Персонажи остаются неизменными, оказываясь в разных местах и ситуациях. Лейтмотивы, на которых построена художественная структура, определяются тем, что каждый персонаж – одинокая душа, живущая в созданном им мире.

Но с первой же части «Тщеты» самим ее названием – «Три сестры» – Джахарди декларирует не только преемственность по отношению к Чехову, но и полемику с ним: повествователь в разговоре с Николаем Васильевичем удивляется чеховским сестрам, ему кажется странным, что они не могут делать, что хотят, не могут поехать, куда хотят, и даже не знают, что хотят. Николай Васильевич не согласен: "It is all very well, he said slowly, *to talk*. Life is not so simple. There are complications, so to speak, entanglements. <...> Chekov is a great artist" [Gerhardie, 1971, p. 18–19]⁹. В сущности, в романе сталкиваются две модели поведения – западная английская протестантская (повествователь) и русская православная (Николай Васильевич, его дочери).

В «Полиглотях» Джахарди противопоставляет «русскую» модель поведения английской. На пароходе громкое философствование капитана Негодяева вызывает неодобрительный взгляд на него

⁸ «"Терпение, терпение и еще раз терпение", – говорил генерал Куропаткин, проигрывая Русско-японскую войну».

⁹ «Это очень хорошо, сказал он медленно, – *говорить*. Жизнь не так проста. Существуют осложнения, так сказать, запутанные ситуации... Чехов – великий художник».

английской дамы сквозь лорнет. Джордж советует ему не говорить так громко: людей шокирует такое волнение из-за Бога и Вселенной. А Негодяев отвечает, что никогда так не смеялся, как вчера вечером, увидев, как англичане играли в карты без звука, без движения, будто они в церкви, с убийственной для любого нормального человека скукой, в России уже давно кто-нибудь бы вскочил, протестовал, назвал бы другого обманщиком [Gerhardie, 1987, p. 275].

Сам автор отдает себе отчет в культурно-цивилизационном расхождении и даже несовместимости двух миров – русского и английского. Но его автобиографического героя, комически-романтического эксцентрика с литературными наклонностями, влечет к русским персонажам, иррациональным, беспечным, неорганизованным, непрогнозируемым, хотя он не может найти гармоническое созвучие с их миром. Он понимает, что их мир не поддерживает ни его романтическое мироощущение, ни его прагматическое, действенное начало. Когда он объясняется Нине в любви, она, явно желая принизить его, говорит, что у него на носу сажа [Gerhardie, 1971, p. 174], а слушая его философские рассуждения, замечает лишь его нелепую мимику. Когда же он в духе своей протестански-действенной и рациональной природы пытается помочь Бурсановым – разработать план действий, разумной организации жизни, это вызывает у них смех.

Как и чеховская Нина в «Чайке», Нина у Джехарди не любит молодого писателя. Ее отъезд с сестрами из Владивостока в Шанхай кладет конец его надеждам. Но, в отличие от Константина Треплева, у него достаточно сил пережить безответную любовь: его спасают его литературные амбиции. И тут ему довольно парадоксально противопоставлен русский литератор дядя Костя, родственник Зины, которого все с уважением считают писателем, хотя он ничего не опубликовал и неизвестно, написал ли хоть что-то. Повествователь спрашивает дядю Костю как коллегу-писателя, о чем он думает; тот отвечает, что мысли у него разные, но ускользающие, калейдоскоп тонких оттенков, и он открыл великую истину: жизнь слишком замечательна и неуловима для слов – писательство тщетно. Так, вечная сосредоточенность русской культуры на роли и долге интеллектуала-писателя сведена здесь к абсурду, к еще одной фантомности [Sell, p. 42].

Прозрение дяди Кости вызвало у повествователя сочувствие, но сам он словно принимает эстафету у русских литераторов и создает роман «Тщета». Драма жизни – крах любви приводит его к мысли о создании книги. И тут он идет русской стезей. Для него, как и для многих русских писателей, особенно XX в., творчество – это спасение, память, защита.

Джехарди – драматичная фигура в истории английской литературы. Если учесть значение России в его жизни и то, что именно она дала ему импульс как писателю, то его можно рассматривать как редкий образец писателя англо-русского пограничья. Двойная идентичность осложнила его жизнь и привела к раздвоению. Он воспринимал

жизнь не совсем по британским стандартам и не вписался полностью в английский контекст, хотя был признан британскими коллегами, а «король британской прессы» миллионер лорд Бивербрук назвал его гением [Gerhardie, 1990, p. 243]. Но недаром Джордж Гамлет Дьябло в «Полиглотах» замечает:

...like my royal namesake from Shakespeare, I finally arrived at no conclusion at all. I am cursed with a Hamletian inaction. Russia has bitten me much too deeply [Ibid., p. 167–168]¹⁰.

Джехарди жил и умер в Лондоне в бедности. Возможно, он не желал заниматься ничем, кроме писательства, проявляя русский максимализм. Но, испытывая раздвоение в жизни, он сохранил цельность в творчестве и органично сочетал русскую традицию, прежде всего чеховскую, хотя и не только, с английской гротескно-комической манерой повествования (идущей от английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, от Чарльза Диккенса) и с экзистенциальной проблематикой. Он органично вписался, как заметил американский литературовед Р. Крэг, в английскую литературную традицию, ведущую от Стерна к Беккету [Craig, p. 241]. Определение Джехарди как «английского Чехова» эффектно, но неточно [Sell, p. 48]. Сам английский язык преобразовал чеховский темперамент и эстетику в тексте Джехарди, не говоря уж о том, что писатель жил и писал совсем в другое время. Он двигался в том же русле, что и его британские современники-модернисты В. Вулф, Дж. Джойс, но своим путем: он отверг традиционный сюжет, но характер, персонаж, умеренный психологизм остались важны для него, изображение эксцентричных характеров и ситуаций он сочетал с трагикомедией повседневной жизни и пониманием трагических масштабов человеческого существования.

Список литературы

Джерарди У. Нашествие варваров [Полиглоты] / пер. с англ. Э. Паттерсон; предисл. В. Сержа. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 192 с.

Джехарди У. Тщета: Роман на русские темы / пер. с англ. М. Немцова. Владивосток : Валентин, 2016. 148 с.

Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 3. С. 151–334.

Bailey J. Baby Face: William Gerhardie // Bailey J. The Power of Delight: a Lifetime in Literature : Essays, 1962–2002 / ed. by L. Carey. N. Y. : W. W. Norton, 2005. P. 89–94.

Craig R. The Early Fiction of William Gerhardie // Novel: A Forum on Fiction. 1982. Spring. No. 3. Vol. 15. P. 240–245.

¹⁰ «Как мой королевский шекспировский тезка, я не мог прийти ни к какому окончательному решению. Я проклят гамлетовской бездеятельностью. Россия слишком сильно ужалила меня».

- Davies D. William Gerhardie : A Biography. Oxford : Oxford Univ. Press, 1990. 446 p.
- Gerhardi W. Anton Chehov. L. : Richard Cobden-Sanderson, 1923. 192 p.
- Gerhardi W. Futility: A Novel on Russian Themes / preface by E. Wharton. N. Y. : Duffield Co, 1922. 256 p.
- Gerhardie W. Futility. A Novel on Russian Themes / preface by M. B. Holroyd. Suffolk : Penguin Books, 1971. 184 p.
- Gerhardie W. Memoirs of a Polyglot. L. : Robin Clark, 1990. 381 p.
- Gerhardie W. Notebooks // Cambridge University Library. Gerhardie Archive. Box 11. Additional Manuscript 8292.
- Gerhardie W. The Polyglots / preface by M. B. Holroyd. Oxford : Oxford Univ. Press, 1987. X + 328 p.
- Kelly R. The Inspirational Gerhardie // Faber and Faber [website]. URL: <http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardie/> (mode of access: 20.01.2017).
- Sell R. D. Gerhardie's Chekhovian Debut // Essays in Criticism. 1991. № 41. Iss. 1. P. 28–50.
- Snow C. P. Comments on Neglected Books of the Past 25 Years // American Scholar. 1970. Spring. Vol. 39. P. 344–345.
- The Times. 1973. June, 28. P. 15.

References

- Bailey, J. (2005). Baby Face: William Gerhardie. In Bailey, J. *The Power of Delight: a Lifetime in Literature: Essays, 1962–2002* / ed. by L. Carey. N. Y., W. W. Norton, pp. 89–94.
- Craig, R. (1982). The Early Fiction of William Gerhardie. In *Novel: A Forum on Fiction*. Spring. No. 3. Vol. 15, pp. 240–245.
- Davies, D. (1990). *William Gerhardie: A Biography*. Oxford, Oxford Univ. Press. 446 p.
- Gerhardie, W. (1922). *Futility. A Novel on Russian Themes* / preface by E. Wharton. N. Y., Duffield Co. 256 p.
- Gerhardie, W. (1923). *Anton Chehov*. L, Richard Cobden-Sanderson. 192 p.
- Gerhardie, W. (1926). *Nashestvie varvarov* [Invasion of Barbarians] / transl. by E. Patterson, preface by V. Serge. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 192 p.
- Gerhardie, W. (1971). *Futility. A Novel on Russian Themes* / preface by M. B. Holroyd. Suffolk, Penguin Books. 184 p.
- Gerhardie, W. (1987). *The Polyglots* / preface by M. B. Holroyd. Oxford, Oxford Univ. Press. X + 328 p.
- Gerhardie, W. (1990). *Memoirs of a Polyglot*. L., Robin Clark. 381 p.
- Gerhardie, W. (2016) *Tshcheta: Roman na russkie temy* [Futility. A Novel on Russian Themes] / transl. by M. Nemtsov. Vladivostok, Valentin. 148 p.
- Gerhardie, W. Notebooks. In *Cambridge University Library*. Gerhardie Archive. Box 11. Additional Manuscript 8292.
- Kelly, R. (2011). The Inspirational Gerhardie. In *Faber and Faber* [website]. URL: <http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardie/> (mode of access: 20.01.2017).
- Sell, R. D. (1991). Gerhardie's Chekhovian Debut. In *Essays in Criticism*. No. 41. Iss. 1, pp. 28–50.
- Snow, C. P. (1970). Comments on Neglected Books of the Past 25 Years. In *American Scholar*. Spring. Vol. 39, pp. 344–345.
- The Times* (1973). June 28, p. 15.
- Turgenev, I. S. (1976). Otsy i deti [Fathers and Sons]. In Turgenev, I. S. *Sobranie sochinenii v 12 t.* [Collected Works. 12 vols.]. Vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 151–334.

The article was submitted on 24.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.261

УДК 821.111-3Конрад+82.091+39(=161.1)

РОССИЯ И РУССКИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДЖОЗЕФА КОНРАДА*

Светлана Королева

Нижегородский государственный лингвистический университет,
Нижегород, Россия

RUSSIA AND RUSSIANS IN JOSEPH CONRAD'S LITERARY WORLD

Svetlana Koroleva

Linguistic University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

The image of Russia in Joseph Conrad's literary works has been discussed in both Russian and Western literary studies. The correlation between the image of Russia and the writer's aesthetic position, the relations between the Russian and Western worlds, the Russian national character and the place of Russia in human civilisation are reflected in Conrad's famous novels *The Secret Agent* and *Under Western Eyes*: however, *The Warrior's Soul* and *The Heart of Darkness* have not been studied so closely from this point of view. Using the methods of imagology and receptive aesthetics, the author argues that the image of Russia in Conrad's literary world is a complicated phenomenon, with features of social and political aggression and tendencies to self-destruction caused by an oppressive political system. The retaliatory open social aggression, its organised forms, its impulsiveness, and cruelty make such traits of the Russian national character as passion, cynicism, love for abstract ideas, and lack of principles come to the fore. Other features typical of Conrad's Russian characters are intrinsically connected with the boundless territories of Russia. They are indefinite in everything: empathy, sensibility, and irresponsibility. The quality of "openness" in the Russian space and character gives Conrad's Russia an open, unknown, non-oppressive future. Conrad depicts Russia as part of contemporary European, or universal, civilisation, which is, at its core, aggressive and dark. Life penetrates Conrad's Russia, as well as his European world, through individuals who, under any circumstances, choose humanity, compassion, and self-sacrifice.

Keywords: Joseph Conrad; image of Russia; Russian national character; literary world; British myth of Russia.

---

* *Citation:* Koroleva, S. (2017). Russia and Russians in Joseph Conrad's Literary World. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 958–973. DOI 10.15826/qr.2017.4.261.

Цитирование: Koroleva S. Russia and Russians in Joseph Conrad's Literary World // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 958–973. DOI 10.15826/qr.2017.4.261 / Королева С. Россия и русские в художественном мире Джозефа Конрада // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 958–973. DOI 10.15826/qr.2017.4.261.

Вопрос о специфике образа России в художественном творчестве Джозефа Конрада неоднократно обсуждался как в отечественном, так и в западном литературоведении. При этом открытыми остаются вопросы связи образа России с эстетической позицией писателя, взаимоотношений русского и западного мира, русского национального характера, места России в человеческой цивилизации. В статье с использованием методологии компаративистики и имагологии, а также идей рецептивной эстетики они рассматриваются на материале как известных романов *The Secret Agent* («Секретный агент») и *Under Western Eyes* («На взгляд Запада»), так и менее изученных с этой точки зрения произведений – *The Warrior's Soul* («Душа воина») и *The Heart of Darkness* («Сердце тьмы»). Показано, что основу конрадовского художественного образа России составляют черты социально-политической агрессии и тенденции к разрушению, вызванной деспотической политической системой. Ответная открытая социальная агрессия, ее организованные формы, импульсивность и жестокость предстают связанными с глубинными чертами национального русского характера: страстностью, цинизмом, любовью к абстрактным идеям, отсутствием четких принципов. Безграничные пространства России определяют другой ряд черт русских героев Конрада: неопределенность во всем, эмоциональную отзывчивость, восприимчивость, безответственность. За этим рядом просматривается открытость – особое качество русского пространства и русского характера. Именно она дает конрадовской России неведомое, но новое, не связанное с агрессией будущее. В то же время Россия в художественном мире Конрада предстает частью современной европейской или общечеловеческой цивилизации, в сердце которой бьются тьма и агрессия. Свет жизни проникает в конрадовскую Россию, как и в европейский мир, через отдельных людей, которые при любых обстоятельствах выбирают человечность, сочувствие и самопожертвование.

Ключевые слова: Джозеф Конрад; образ России; русский национальный характер; британский миф о России.

Образ России в творчестве английского писателя Джозефа Конрада (1857–1924) исследовался не единожды, и отсчет следует начинать с отдельных замечаний в воспоминаниях Бертрانا Рассела (середина XX в.) [Рассел]. Необходимо, отметив содержательные статьи Льюиса Мэджилла, Даниэля Мелника, Марка Амусина и Рафала Копковски, со всем возможным вниманием отнестись к подробной монографии Елены Соловьевой «Джозеф Конрад и Россия» [Magill; Melnick; Амусин; Korkowski; Соловьева]. В то же время тему России в конрадовском художественном мире нельзя признать полностью раскрытой. Остается малоизученной «русская» повесть Конрада *The Warrior's Soul* («Душа воина»). Дальнейшего исследования требуют вопросы отношений русского и западного миров, места национального начала в общечеловеческой цивилизации, основных философско-эстетических импульсов автора и русских «ответов» на них.

Сын польского дворянина Аполло Коженевского, сосланного за участие в антироссийском освободительном движении в северную российскую провинцию, Джозеф Конрад имел личные причины для неприязни к России, которые он не раз публично высказывал. В известном эссе *Autocracy and War* («Самодержавие и война», 1905) он характеризует Российскую империю как чудовищное автократическое государство, созданное Петром I для удушения своего народа и других наций [Conrad, 1921, p. 86]. В авторском комментарии к роману *Under Western Eyes* («На взгляд Запада») он категорично задает не менее однобокую линию прочтения своего произведения, указывая не только на то, что жестокость царского режима необходимо порождает столь же зверскую и бессмысленную реакцию фанатиков-революционеров, но и на то, что вся Россия – это *the oppressed and the oppressed* («угнетатели и угнетенные»¹) [Conrad, 1911, p. 7].

В то же время известен и факт углубленного внимания Конрада к русской литературе, постоянное его обращение к романам Толстого, Достоевского и Тургенева. Последний был одним из его любимейших авторов и оказал несомненное влияние на стиль конрадовской художественной прозы [Феклин]. Заинтересованным и личным оказывается и его отношение к Достоевскому [Амусин, с. 177], в полемике с которыми написан роман о русских революционерах «На взгляд Запада».

Можно было бы предположить, что именно историко-биографический контекст, вплетенный в диалог с русскими писателями, выстраивает стержневую линию «русской темы» в произведениях Конрада. Однако, как показывает материал самих текстов, ключом к пониманию его русских образов следует считать не личную или даже общепольскую неприязнь к царской России, не живое восприятие романов «великих русских», но то удивление перед тьмой нечеловеческого, звериного в человеке, которое неизменно выстраивает глубинное содержание его художественного мира [Хьюитт].

В предисловии к одному из своих «русских» произведений, шпионскому роману *The Secret Agent: a Simple Tale* («Тайный агент», 1907), Конрад указывает на необходимость широкого понимания основной идеи произведения. Он пишет, что его мучает преступная поверхностность доктрины анархизма и одновременно ее глубинная укорененность в трагической тяге человечества к саморазрушению и уничтожению себе подобных [Conrad, 1963, с. 247–256]. Исходя из этой авторской установки, проблематику романа следует прочитывать в русле неразрешимых противоречий между внешней цивилизованностью и внутренней тьмой современного человека.

В романе рассказывается об англичанине Адольфе Верлоке, который является одновременно членом террористически-анархической организации «Будущее пролетариата» и агентом русского посольства. Пытаясь обеспечить «маленький» мир своей семьи всем необходимым и оградить его от разрушительного вторжения «больших» ми-

¹ Здесь и далее, где специально не указано, перевод мой. – С. К.

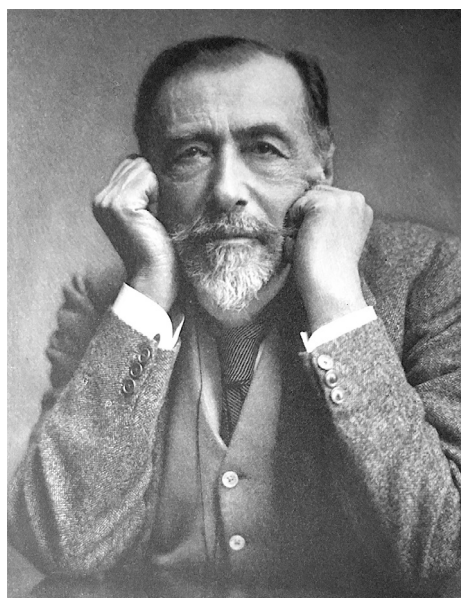

ров, мистер Верлок забывает о его внутреннем содержании. Этот частный мир предстает в романе таким же внутренне опустошенным, как и «большой». Члены этой глубоко несчастной семьи общаются друг с другом односложными словами и стереотипными фразами, не понимая, не слыша и не любя друг друга. Единственная искренняя привязанность, существующая в ней, это привязанность между Винни Верлок и ее братом. Однако и она (со стороны Винни) объясняется скорее не любовью, но жалостью к несчастному умственно неполноценному существу.

Пытаясь хоть как-то удержать форму этого мира, мистер Верлок снабжает посольство информацией о деятельности террористически-анархической организации, в которой состоит. На этот раз, однако, посольство хочет нейтрализовать напряженную ситуацию в России с помощью непрямого подключения репрессивных сил Англии. Первый секретарь русского посольства дает агенту задание взорвать обсерваторию в Гринвиче, чтобы вызвать протест английской общественности против русских анархистов. Этот план вовлекает в анархически-разрушительные действия против общества и человека не только мистера Верлока, но и посольство, отдающее приказ, и Россию. Более того, анархизм оказывается одним из общественных институтов, с существованием которого соглашается британское правительство и полиция для того, чтобы держать анархические настроения в своей стране под контролем.

Энергия разрушения и политический гнет, таким образом, совсем не обязательно связываются в романе с русским миром. Показательно в этом отношении то, что один из основных персонажей романа, русский эмигрант товарищ Оссипон, который больше говорит, чем действует, склонен к ипохондрии и постепенно, бездействуя, сходит с ума. Напротив, некий Профессор, по всей видимости, англичанин – человек, который думает исключительно о «совершенном детонаторе», действительно отрицает все и, кажется, хочет разрушить весь мир.

Заряженными разрушительной энергией оказываются, однако, не анархисты, а жена мистера Верлока Винни, эмоционально живущая только чувством к брату и потерявшая вместе с ним (случайно погибшим от бомбы, которую должен был взорвать мистер Верлок) все.

Джозеф Конрад. 1919
Joseph Conrad. 1919

Убийство мужа и ее самоубийство – закономерный финал жизни, когда ее витальное содержание (любовь, человечность, сочувствие, стремление понять другого человека) опустошено и не может быть восстановлено.

Английский и русский миры (государственные системы и люди) в романе не противопоставлены, а сопоставлены по принципу равной силы внутренних и внешних разрушительных энергий. Разница в том, что государственный аппарат Российской империи пытается подавить событийные политические проявления этих энергий, тогда как англичане стремятся взять их под контроль. Различны и направления, индивидуально выбираемые для разрушительного удара: непрактично-нерешительный русский анархист Оссипон разрушает свое сознание, тогда как устремляющие силы вовне англичане Адольф и Винни Верлок выбирают в первую очередь разрушение «другого».

Амбивалентно оценивается состояние «русского» и «западного» и в более позднем романе Дж. Конрада *Under Western Eyes* («На взгляд Запада», 1911) [Conrad, 1911] (см. об этом: [Melnick; Амузин]). Это связано с тем, что произведение задумано автором не в политическом ракурсе, но как роман, соединяющий политический облик страны с ее национальным и природно-культурным ландшафтом. Уже в процессе работы над романом писатель утверждал: *I am trying to capture the very soul of things Russian* («Я пытаюсь схватить самую душу всего русского») [Conrad, 1983–2007, vol. 4, p. 8]. В авторском комментарии к роману указывается, что своей задачей автор видел *an attempt to render not so much the political state as the psychology of Russia itself* («не столько передать состояние политической жизни в России, сколько раскрыть психологию самой страны») [Conrad, 1971, p. 7].

Психология «русскости» могла представлять для Конрада особый интерес в связи с глубокими антагонизмами, пронизывающими русское общество, так как противоречия утверждаются им как единственный законный источник искусства (в письме в газету «Нью-Йорк Таймс», 1901) [Conrad, 1983–2007, vol. 2, p. 348–349]. Русские «антагонизмы» в комментарии к роману представлены в традиционных образах политических угнетателей и угнетенных. Но в сложной структуре романа вырастает полифоничный образ России, включающий в себя не только социально-политический облик страны, но и ее типически-психологическое, культурно-историческое, вневременное и природное измерение. В несовпадении деструктивно-тиранической политической жизни России и ее сложной «психологии» следует искать ключ к пониманию «русскости» в этом произведении.

Произведение Конрада в именах и образах героев, проблематике и теме имеет явные отсылки к «Преступлению и наказанию» и «Бесам» Ф.М. Достоевского [Гениева, с. 380]². Тем очевиднее предстает отрицание в романе закрепившихся в английском сознании этого

² Это отмечено и во многих других работах, см., например: [Curle; Михальская].

времени представлений о таких чертах «русскости» как душевность, одухотворенность, религиозность, которые вошли в английский культурно-литературный миф в первую очередь через романы Достоевского. В прямой эстетической полемике с русским писателем Конрад дает характеристику героям и их действиям через восприятие рассказчика как стороннего наблюдателя. Его роль играет англичанин – учитель английского языка, живущий в Женеве и отнюдь не обладающий *those high gifts of imagination and expression* («великим даром творческой фантазии и изобретательности») [Конрад, 1925, с. 5; Conrad, 1911, p. 3]. Однако рассказчик не только описывает, но дает вполне определенные оценки тому, что видит, тем самым соединяя в восприятии политическое и национальное, английское и русское. Из реакции рассказчика, наложенной на авторские обобщения и авторские характеристики его самого, вырастает отношение писателя к России и русским.

Уже в начале романа рассказчик признается, что не понимает и не принимает Россию и русских. Позиция непонимания вырастает из *неприятия* рассказчиком не только государственного режима, но и нелогичного, непринципиального поведения русских, предвзятости их суждений, их любви к словам и равнодушия к жизни: Россия прямо характеризуется им как страна многословных говорунов (*exuberant talkers*), народ – как исключительно нелогичный, переменчивый в суждениях (*The illogicality of their attitude, the arbitrariness of their conclusions*), горделивый, циничный, ненавидящий жизнь (*pride, pretensions, cynicism; they detest life*), а главный герой романа – как человек, обуреваемый сумятицей мыслей (*tumult of thought*), которые *to the Western reader... appear shocking, inappropriate... improper* («покажутся странными, несоответственными... непристойными» «западноевропейскому читателю») [Конрад, 1925, с. 9, 34; Conrad, 1911, p. 4, 5, 24, 65, 103].

При этом лейтмотивом проходит мысль об отвратительности, преступности деспотизма, который превращает *the noblest aspirations of humanity* («благороднейшие человеческие устремления») в *the lusts of hate and fear* («порывы ненависти и страха») и рождает *the moral corruption of an oppressed society* («моральную испорченность угнетенного населения») [Конрад, 1925, с. 10; Conrad, 1911, p. 7]. Автор ясно дает понять, что острие иронии и осуждения рассказчика направлено не на русский народ, а на государственную машину, враждебную человечности.

В то же время неприятие рассказчиком поведения русских революционеров, раскрытие через его наблюдения нелицеприятных сторон в их характере и деятельности создает неоднозначную, сложную картину вины – преступления – невиновности. Убийства государственных деятелей, бомбометание, заговоры, так же как слезка, избияния, тюремное заключение, пытки, ссылки – насилие и жестокость как таковые, во всех проявлениях не оправданы ни давлением государства, ни ненавистью к революции и революционерам. Эта мысль, роднящая пафос этого романа Конрада с другим «русским»

романом «Секретный агент», прослеживается и в кратком описании невинных жертв взрыва Халдина, и в злобной, но справедливой критике Халдина Разумовым, и в описании неутолимой ненависти последнего к Халдину, и в картине жуткого избиения Халдиным в состоянии злобы бесчувственного Земяныча.

Как видим, в оценках рассказчика и героя неприятие политического облика России с неприятием «странностей» характера русских сходится в точке разрушительной ненависти, которая становится едва ли не ведущей характеристикой не только российской государственной системы, но и народного характера. Мысль о том, что деспотизм превращает благороднейшие человеческие устремления в порывы ненависти и страха, осуществлена в архитектонике романа.

Отрицательное отношение к России и русским, на первый взгляд, окрашивает собой все повествование. Многие русские герои в романе некрасивы: у «великого» революционера Петра Ивановича лицо «расплывчатое» (*without shape*), *a mere appearance of flesh and hair* («как будто лишь из волос и мяса»); *not a single feature having any sort of character* («ни в одной черте нет ничего характерного») [Конрад, 1925, с. 164; Conrad, 1911, p. 118]. Разумов, казалось бы, имеет красивые черты лица, но все они как будто подтаяли, потеряли остроту линий. Есть очевидная связь между тем, что рассказчик говорит в начале текста о нелогичности русских и их любви к словам, с одной стороны, и неопределенностью черт лица Разумова и Петра Ивановича, с другой. Нерешительность, отсутствие четкой моральной позиции приводят главного героя студента Разумова к предательству: почти против воли он становится агентом полиции. Схожим образом и «решительный» студент Халдин, который, бросая бомбу в некое высокое лицо, убивает его и потом прячется у Разумова, предстает человеком с сомнительными принципами и нечистой совестью.

«Сам» Петр Иванович изображен деспотическим самовлюбленным «честолюбцем, позером и краснобаем» [Амусин, с. 180]. Он громко и очевидно глупо, излишне прямолинейно пророчесствует гибель Европы, примитивно называет причиной этой гибели борьбу с пролетариатом и в элементарных гиперболических категоричных образах описывает русское общество: *In Russia we have no classes to combat each other. <...> We have only an unclean bureaucracy in the face of a people as great and as incorruptible as the ocean* («У нас нет классов, борющихся друг с другом. <...> У нас есть только бесчестная бюрократия и народ, великий и чистый, как океан») [Conrad, 1911, p. 118]³.

Гротескно ужасен Никита (Некатор), убивший больше жандармов, чем кто-либо из русских революционеров, с его шарообразным животом (*like a balloon*), безжизненно повисшими руками (*the lifeless hanging hands*), жирной складкой шеи (*the fat nape of the neck*), жидкими прядями волос (*thin wisps of hair*) и визгливым голосом (*squeaks*)

³ Пер. А. В. Кривцовой. Цит. по: [Конрад, 1925, с. 163].

[Conrad, 1911, p. 263]. Догматична и узколобо патриотична миссис Халдина: ее уверенность в том, что *Russians shall find some better form of national freedom than an artificial conflict of parties* («русские найдут какую-то иную форму национальной свободы, лучше, нежели искусственный конфликт партий») [Conrad, 1911, p. 104]⁴, вызывает удивление и непонимание рассказчика и подразумевает ироничное отношение автора.

Но в романе совсем неоднозначным предстает и мир западных ценностей – комфорта и упорядоченности. Женева рисуется пространством «оцепенелой респектабельности», воплощением «мещанской упорядоченности, благообразности и скуки» [Амусин, с. 181]. Искусственно комфортен совсем не романтический швейцарский пейзаж с его аккуратными зелеными склонами и столь же аккуратными пирсами и улицами. Тихая, спокойная, размеренная, усредненная жизнь, чей маршрут обеспечен *perfected mechanisms of democratic institutions* («совершенными демократическими институтами»), не кажется идеалом даже рассказчику – убежденному защитнику Запада [Conrad, 1911, p. 171].

Швейцарскому чистому окультуренному оформленному пейзажу композиционно и содержательно противопоставлен стихийный русский мир с его бескрайними просторами и бессчетными миллионами людей, бесконечными лесами, «безмерным» небом (*immensity of the sky*), «лучезарной чистотой снега» (*resplendent purity of the snows*) [Конрад, 1925, с. 45; Conrad, 1911, p. 32]⁵. Подобно этому сопоставлению/противопоставлению, британскому спокойному прагматизму, здравому смыслу, деловитости, прослеживаемым в характере рассказчика, в романе противостоит «безумный» русский национальный характер, очерчиваемый страстностью и эмоциональной отзывчивостью, неопределенностью, любовью к абстрактным идеям, отсутствием твердых принципов и моральных устоев.

Готовность русского человека отозваться на голос первобытной, «инертной», «холодной», «трагической матери» (*cold, inert, like a sullen and tragic mother*) – родной земли предстает одновременно отрицательной чертой впитывания этой инертности, вовлеченности в священную инертность огромных пространств – и чертой положительно-го чистого состояния *возможности*. Снег, засыпающий *the passive land with its lives of countless people like Ziemianitch and its handful of agitators like this Haldin – murdering foolishly* («пассивную страну с бесчисленным количеством людей, подобных Земянычу, и горсточкой агитаторов, подобных Халдину, в безумии убивающих»), делающей землю похожей на *monstrous blank page awaiting the record of an inconceivable history* («чудовищный неисписанный лист, ожидающий каких-то непостижимых записей»), становится символом чистой возможности

⁴ Пер. А. В. Кривцовой. Цит. по: [Конрад, 1925, с. 145].

⁵ Пер. А. В. Кривцовой [Конрад, 1925, с. 45]. См. подробнее об образе русской природы в этом романе: [Соловьева, 2009].

нового культурного и политического оформления на новом (свободном, недеспотическом) основании [Конрад, 1911, p. 32]⁶.

В романе создается образ очевидно неевропейской (или даже антиевропейской) страны, соединяющей в себе чистую стихийность (воплощенную в бескрайних неокультурных пространствах и страстном, «безумном» русском характере) и социально-политическую мертвящую извращенность (воплощенную в деспотическом, удушающем царском режиме и бессмысленно-разрушительном революционном движении). Неоднозначность его оценки складывается из несовпадения авторского голоса и голоса рассказчика: если в повествовании рассказчика акцент ставится на внешней социально-политической жизни России и русских революционеров, то авторские описания выводят роман из политического измерения в культурно-природное и национальное. Отрицательные оценки рассказчика в контексте авторских описаний не только русского, но и европейского мира предстают неконечными, относительными. Парадоксальным образом взаимоосвещенные миры европейского «рая» и русского «ада» подразумевают завершенность и конец для европейского мира и распад и начало для русского. Этот «русский» роман Конрада соединяет политический смысловой узел с национальным и, подобно роману «Тайный агент», соотносит «русское» с «европейским», так что они предстают двумя разными путями человеческой цивилизации, подошедшей к границе «конца».

В период Первой мировой войны Джозеф Конрад пишет еще одно «русское» произведение – повесть *The Warrior's Soul* («Душа война», 1915–1916, опубликована в 1917 г.). Это книга о единстве духовно-нравственного облика людей, находящихся по разные стороны баррикад, о нравственном основании войны между наступающей армией Наполеона и защищающимся русским народом. При своей обращенности в прошлое повесть максимально развернута к современнику Конрада – свидетелю и участнику новой, небывалой по размаху войны в Европе – к человеку, испытывающему «моральное уничтожение» (*moral annihilation*) [Конрад, 1923–1928, vol. 18, p. 178], потерявшему нравственные ориентиры [Kingsbury].

Повесть ведется от лица безымянного русского офицера-кавалериста, рассказывающего о своем далеком прошлом – участии в Отечественной войне 1812 г., в отдельных стычках и в главном сражении – битве под Бородино. Россия в этом рассказе обрисована тройко: как мир природный, человеческий и исторический. Природный облик России в повести стереотипен и соотнесен с темой поражения армии Наполеона: это огромные холодные пространства, страшные и враждебные для человека. В то же время раскрывается собственно конрадовская тема – слабость человека перед природой, и в первую очередь перед природой в самом себе – в его слабом теле, в его сильных

⁶ Пер. А. В. Кривцовой [Конрад, 1925, с. 45].

страстях. Образ усилен тем, что представлен с точки зрения русского человека. Он строго обусловлен фабульно и исторически: рассказчик, повествуя о своем участии в войне с Наполеоном, описывает *empty spaces* («пустые пространства»), которые должны были преодолевать французы, *frost fit to split rocks* («мороз, способный расколоть скалы») и *tempestuous north wind which drove the snow on earth and the great masses of clouds in the sky at a terrific pace* («буйный северный ветер, который заносил землю снегом и бешено мчал огромные массы туч по небу») [Conrad, 1926, p. 1–2]. Перед этой мертвящей стихией русские и французы практически равны: *Our own men suffered nearly to the limit of their strength. Their Russian strength!* («И наши люди в своих страданиях дошли почти до предела своих сил. Русских сил!») [Conrad, 1926, p. 2]. Холодные пустые пространства легко побеждают слабую человеческую плоть. Об этом офицер-рассказчик говорит прямо: *The flesh is weak. Good or evil purpose, Humanity has to pay the price.* («Тело слабо. К лучшему это или к худшему, человечество должно платить за это») [Ibid., p. 3].

Это же он видит в сломленном страшном истерзанном облике «Великой армии» Наполеона на Бородинском поле: *It was an amazing and terrible sight. <...> A crawling, stumbling, starved, half-demented mob. <...> There was no resistance. <...> Their very senses seemed frozen within them* («Это было поразительное, ужасное зрелище. <...> Ползущая, спотыкающаяся, оголодавшая, полусумасшедшая толпа. <...> Она не оказывала сопротивления. <...> Казалось, даже их чувства были заморожены») [Ibid., p. 4]. Конрад рисует историческое событие Бородинского сражения как серию атак русской кавалерии на ряды полуобмороженных, голодных и уже внутренне проигравших и сдавшихся французов – людей, побежденных не только природным холодом, но слабостью своей плоти в соединении с безжалостным роком: *This avenging winter of fate held both the fugitives and the pursuers in its iron grip. Compassion was but a vain word before that unrelenting destiny.* («Эта зима мести и судьбы зажала в железный кулак и беглецов, и преследователей. Сочувствие стало пустым словом перед безжалостным роком») [Ibid., p. 24].

Из этой трагической темы рождается контртема конрадовской повести – тема человечности и внутреннего сопротивления процессам обезчеловечивания. Она связана с образом молодого русского офицера Томасова (Tomassov) – юноши с чистой, благородной душой, живущего возвышенными романтическими чувствами. Офицер-рассказчик упоминает о его жизни в Париже, о его влюбленности во французскую аристократку, хозяйку известного парижского салона, о его «долге чести» французскому офицеру де Гастелу, который предупредил его о возможном аресте накануне войны. Упоминаются и его патриотизм, чувство воинской чести и долга перед родиной. Недаром у него прозвище «человечный Томасов», которое юный офицер получил за сочувственное отношение к человеческим несчастьям и которое некоторые его знакомые произносят с иронией.

После атаки на «Великую армию» Томасов, сочувствующий страданиям французов, долго остается молчаливым. А ночью он случайно наталкивается на полубезумного полуобмороженного де Гастела, приводит его в свой лагерь и, уступая просьбе француза, стреляет в него. Тем самым, как объясняет свою просьбу француз и как понимают ее рассказчик и сам Томасов, он выполняет и долг человечности перед страдающим человеком, и долг воинской чести перед спасшим его когда-то офицером – избавляет достойного человека от состояния полной потери мужества и веры: *One warrior's soul paying its debt... to another warrior's soul by releasing it from the fate worse than death – the loss of all faith and courage* («Одна душа воина, которая возвращает свой долг... душе другого воина, освобождая ее от состояния худшего, чем смерть, – потери всякой отваги и веры») [Conrad, 1926, p. 26]. За свою человечность, понимание, за поступок «воина» Томасов расплачивается грязными подозрениями и слухами, но сохраняет свою совесть чистой, а свое состояние духа – спокойным.

Интерпретация исторического события кажется в повести весьма стереотипной: войну выиграли не русские, а русская зима, исход событий предрешил Рок. Однако основной акцент падает не на историческое событие как таковое, а на тему испытания людей: на грани жизни и смерти, за гранью возможностей лишь единицы могут сохранить свою человечность – «душу воина» и чистую совесть. И эти единицы принадлежат не нации, а человечеству – в повести равно Франции (де Гастел) и России (Томасов).

Национально-психологический поворот «русской темы» просматривается и в самом раннем произведении Джозефа Конрада, затрагивающем русскую образность, – в романе *Heart of Darkness* («Сердце тьмы», 1899 (главы в периодике), 1902 (отдельной книгой)) [Conrad, 1998]. Его герой-англичанин по имени Чарльз Марлоу на своем долгом пути – погружении во тьму Африканского континента и поиске «легендарного» «великого» Куртца – уже достигнув самой цели своего пути, встречает русского. Это, без сомнения, кульминационный момент романа, сталкивающий три «цивилизованных» национальных и личностных мира при общем их столкновении с неизвестным диким африканским миром.

Герой-британец прозаически-реалистически оценивает сумасшествие немца (Куртца), охваченного манией величия, и поражается «феномену» фанатически-простодушного русского. Во внешности русского персонажа подчеркиваются «арлекинство», циркачество одежды, состоящей почти целиком из заплат, мальчишеская юность, неопределенность в чертах и выражении лица: *He looked like a harlequin. His clothes had been made of some stuff... but it was covered with patches all over... A beardless, boyish face... no feature to speak of... smiles and frowns chasing each other...* («Он выглядел как Арлекин. Его одежда была сшита из какой-то ткани... но вся была покрыта заплатами... У него было безбородое мальчишеское лицо... ни одной резкой черты... улыбки

и гримасы, казалось, гонялись друг за другом») [Conrad, 1990, p. 48]. Дальнейшее описание его поведения обнаруживает чрезмерную живость его реакций на состояние собеседника, подразумевающую пониженно-заискивающее желание нравиться другим: *'You English?' he asked, all smiles. 'Are you?' I shouted from the wheel. The smile vanished, and he shook his head as if sorry for my disappointment. Then he brightened up* («– Вы англичанин? – крикнул он, расплываясь в улыбке. – А вы? – откликнулся я, стоя у штурвала. Улыбка сбежала с его лица, и он покачал головой, как бы огорченный моим разочарованием; потом снова просиял») [Conrad, 1990, p. 48]⁷.

К этой неопределенности добавляется еще одна – неопределенность его поведения и объяснений. Он то уверяет героя, что все спокойно и благополучно, то убеждает поддерживать пар в котле, чтобы в случае тревоги дать свисток. Из дальнейшего разговора о Куртце выясняется, что русский испытывает восторг и благоговение перед ним – чувства опасные, по мнению Чарльза, своим страстным фатализмом. Он одержим идеей расширения кругозора, для чего готов бежать куда угодно. В целом он производит впечатление не оформившегося еще юноши, без внутренней определенности, принципов, ответственности за свою судьбу, но с младенческой открытостью, энергией и *pure, uncalculating, unpractical spirit of adventure* («чистым, бескорыстным, непрактичным духом авантюризма»). Младенчество его проявляется и в той преувеличенной восторженности, с которой он готов видеть учителя жизни в сумасшедшем Куртце.

В романе Конрада своеобразно преломляется новый одухотворенно-мистический образ России, который вошел в британскую культуру в начале XX в. Фанатичность, открытость, бескорыстный авантюризм, эмоционально-этическая неформленность русского начала в романе связываются с личностными характеристиками героя. В то же время его образ невозможно не прочитывать символически и типически в структуре символически-мифологического романа, повествующего о столкновении разных культурных миров, о многозначно темных глубинах дикой Африки и «просвещенной» европейской цивилизации. Черты «русскости» в этом контексте связаны со смысловой основой «младенчества» русской культуры и страстности, импульсивной эмоциональности (доходящей до фанатизма) русского национального характера. Их оценка в романе отнюдь не однозначна. Открытость миру и чистая энергия любознательности, казалось бы, позволяют многое свершить. Однако безответственно-доверчивый взгляд на мир ограничивает возможности оценки происходящего и создает иллюзорную картину мира, в котором каждый моряк – брат, а сумасшедший Куртц – учитель человечества. Он может легко поставить человека в опасно зависимое положение и позволить им манипулировать.

⁷ Пер. А. В. Кривцовой [Конрад, 2007, с. 94].

Русский национальный характер в романе Конрада, представляющийся герою-рассказчику однозначно «чужим», противопоставлен положительному британскому национальному «своему» как детски-наивное – взросло-реалистичному, безответственное – ответственному, безотчетно переменчивое – строго принципиальному, идеалистично-фанатичное – прагматичному и рациональному.

Как видим, в художественном творчестве Джозефа Конрада образы России и русских многомерны и неоднозначны. Социально-политическая деспотия и жестокость революционеров в нем предстают временной моделью существования национального характера и социокультурного пространства, которое, в свою очередь, отражает общее состояние современного писателю человечества, скользящего в бездну злобы, насилия, предательства, разрушения. Его удерживает на краю лишь нравственный подвиг тех, кто в любых обстоятельствах выбирает милосердие, понимание, человечность.

Оставляя в стороне подробное освещение вопроса о вхождении конрадовской России в британский «русский миф», наметим схождения и расхождения его с другими русскими образами, которые возникают в британской литературе в начале XX в. К общим местам можно отнести стереотипное изображение холодных заснеженных бескрайних русских пространств, пришедшее в британскую литературу еще в XVI в. Столь же традиционным является мотив русской политической деспотии. Впервые появившийся в литературе путешествия в том же XVI в., он приобрел особую остроту звучания в начале XIX столетия и к его концу стал дополняться образами нигилистов, анархистов и революционеров, а также пророчествами о падении царской власти и самой Российской империи. В британскую литературу начала XX в. вошли принципиально новые «русские» мотивы и образы, которые отражали общие поиски источников духовной жизни. Впервые британские писатели начали изображать неоднозначно и во многом положительно русский национальный характер, русского человека и русскую жизнь изнутри, сопоставляя их со «своим» миром⁸. Изображение русских как людей эмоциональных, идеалистичных, чрезмерно общительных, недостаточно практичных и здравомыслящих, находящихся в вечном духовно-религиозном поиске, становится общепринятым (см., например: [Graham]). Образ России у Джозефа Конрада оказывается отчасти вписанным в общекультурный британский миф о России.

При этом Конрад настаивает на следующих акцентах: в отношении русской природы – на инертной чистоте и стихийно-дионисийской неформленности, позволяющей предугадывать возможность полного обновления русской цивилизации. В отношении русского человека – на безответственности, неопределенности, инфантильности, подразумевающих дистанцирование автора от абсолютно чужого ему «русского».

⁸ Об истории формирования британского мифа о России см.: [Королева].

Наиболее стереотипным оказывается конрадовский образ русского государства и современного ему русского общества: приговор царской «деспотии» и недоверчиво-настороженное изображение русских революционеров фигурируют в британской литературе этого периода как элементы устоявшегося канона⁹. В то же время конрадовское прочтение этих образов, многократно углубленное увязанностью с основами мировоззренческой и эстетической позиции автора, является особенно художественно-эмоциональным. Оно подразумевает не только выделение России как государства с тираническим устройством и повышенной до предела социальной агрессией, но и включение ее в ряд трагических явлений современности, обнажающих разрушительное начало в человеке и человеческой цивилизации.

Список литературы

- Амусин М.* Русская страда Джозефа Конрада // Нева. 2007. № 2. С. 170–182.
- Гениева Е. Ю.* Конрад // История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука, 1994. Т. 8. С. 378–381.
- Конрад Дж.* На взгляд Запада // Конрад Дж. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. Е. Ланна; пер. А. В. Кривцовой. М.; Л. : Земля и фабрика, 1925. Т. 4. 503 с.
- Конрад Дж.* Сердце тьмы и другие повести / пер. с англ. А. Кривцовой. СПб. : Азбука-классика, 2007. 352 с.
- Королева С. Б.* Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М. : Директ-Медиа, 2014. 314 с.
- Михальская Н. П.* Английские писатели о значении творческого наследия русских классиков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 171–182.
- Рассел Б.* Джозеф Конрад / пер. М. Красновского // Иностран. лит. 2000. № 7. С. 251–254.
- Соловьева Е. Е.* Джозеф Конрад и Россия. Череповец : ЧГУ, 2012. 228 с.
- Соловьева Е. Е.* Образ русской природы в творчестве Джозефа Конрада // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2009. № 10 (148). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 138–142.
- Феклин М. Б.* The Beautiful Genius = Тургенев в Англии: первые полвека. М. : МПГУ ; Oxford : Perspective Publ., 2005. 240 с.
- Хьюитт К.* Джозеф Конрад: проблема двойственности / пер. Д. А. Иванова // Иностран. лит. 2000. № 7. С. 169–178.
- Baring M.* Russian Essays and Stories. L. : Methuen and Co, 1908. 295 p.
- Conrad J.* Autocracy and War // Conrad J. Notes on Life and Letters. L. : J. M. Dent, 1921. P. 83–114.
- Conrad J.* Collected Letters : in 9 vols. / ed. by F. R. Karl, L. Davies. Cambridge : CUP, 1991. Vol. 4. 596 p.
- Conrad J.* First News // Conrad J. Works : in 18 vols. L. : J. M. Dent, 1928. Vol. 18. Notes on Life and Letters. P. 176–178.
- Conrad J.* Heart of Darkness. N. Y. : Dover Publ., 1990. 72 p.
- Conrad J.* The Secret Agent. A Simple Tale / preface by the author. L. : Penguin Classics, 1963. 268 p.
- Conrad J.* The Warrior's Soul // Conrad J. Tales of Hearsay. N. Y. : Doubleday, Page and Co, 1926. P. 1–26.
- Conrad J.* Under Western Eyes. N. Y. : Harper, 1911. 377 p.

⁹ Например, в следующих произведениях: [Wilde; Wells; Baring].

- Curle R. The Last Twelve Years of Joseph Conrad. L. : S. Low ; Marston and Co, 1928. 236 p.
- Galsworthy J. Englishman and Russian // Galsworthy J. Another Sheaf. N. Y. : Ch. Scribner's Sons, 1919. P. 82–87.
- Graham S. Undiscovered Russia. L. : John Lane, The Bodley Head, N. Y. : John Lane Co, 1915. 332 p.
- Kingsbury C. M. The 'Moral Annihilation' of War : Conrad's *The Tale* and *The Warrior's Soul* // *Conradiana*. 2010. Vol. 42. No. 1–2. P. 155–168.
- Kopkowski R. The Stereotype of Russia in the Works of Joseph Conrad // *Ruch Literacki* (Literary Movement). 2009. No. 2 (295). P. 155–170.
- Magill L. M. Joseph Conrad: Russia and England // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1971. Vol. 3. No. 1. P. 3–8.
- Melnick D. C. *Under Western Eyes* and Silence // *Slavic and East European Journal*. 2001. Vol. 45. No. 2. P. 231–242.
- Wells H. G. Joan and Peter: The Story of an Education. N. Y. : The Macmillan Co, 1919. 614 p.
- Wilde O. Vera; or, The Nihilist. Privately printed, 1902. 75 p.
- Woolf V. Russian Point of View // Woolf V. *Collected Essays* : in 4 vols. L. : Hogarth Press, 1966. Vol. 1. P. 238–246.

References

- Amusin, M. (2007). Russkaya strada Josepha Conrada [The Russian Exertion of Joseph Conrad]. In *Neva*. No. 2, pp. 170–182.
- Baring, M. (1908). *Russian Essays and Stories*. London, Methuen and Co. 295 p.
- Conrad, J. (1911). *Under Western Eyes*. N. Y., Harper. 377 p.
- Conrad, J. (1921). Autocracy and War. In Conrad, J. *Notes on Life and Letters*. L., J. M. Dent, pp. 83–114.
- Conrad, J. (1925). Na vzglyad Zapada [In Western Eyes]. In Conrad, J. *Sobranie sochinenii, in 4 vols*. Vol. 4. Moscow, Leningrad, Zemlya i Fabrika. 503 p.
- Conrad, J. (1926). The Warrior's Soul. In Conrad, J. *Tales of Hearsay*. N. Y, Doubleday, Page and Co, pp. 1–26.
- Conrad, J. (1928). First News. In Conrad, J. *Works, in 18 vols*. Vol. 18. Notes on Life and Letters. London, J. M. Dent, pp. 176–178.
- Conrad, J. (1963). *The Secret Agent. A Simple Tale* / preface by the author. L., Penguin Classics. 268 p.
- Conrad, J. (1990). *Heart of Darkness*. N. Y., Dover Publications. 224 p.
- Conrad, J. (1991). *Collected Letters, in 9 vols.* / ed. by F. R. Karl, L. Davies. Cambridge, CUP. Vol. 4. 596 p.
- Conrad, J. (2007). *Serdtshe t'my i drugie povesti* [The Heart of Darkness and Other Stories] / transl. by A. Krivtsova. St Petersburg, Azbuka-klassika. 352 p.
- Curle, R. (1928). *The Last Twelve Years of Joseph Conrad*. L., S. Low, Marston and Co. 236 p.
- Feklin, M. B. (2005). *The Beautiful Genius = Turgenev v Anglii. Pervye polveka* [The Beautiful Genius = Turgenev in England. The First Half a Century]. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, Oxford, Perspective Publ. 240 p.
- Galsworthy, J. (1919). Englishman and Russian. In Galsworthy, J. *Another Sheaf*. N. Y., Ch. Scribner's Sons, pp. 82–87.
- Genieva, E. Yu. (1994). Conrad [Conrad]. In *Istoriya vseмирnoi literatury, in 9 vols*. Vol. 8. Moscow, Nauka, pp. 378–381
- Graham, S. (1915). *Undiscovered Russia*. L., John Lane, The Bodley Head, N. Y., John Lane Co. 332 p.
- Hewitt, K. (2000). Joseph Conrad: problema dvoistvennosti [Joseph Conrad: the Problem of Ambiguity]. In *Inostrannaya literatura*. No. 7, pp. 169–178.
- Kingsbury, C. M. (2010). The 'Moral Annihilation' of War: Conrad's *The Tale* and *The Warrior's Soul*. In *Conradiana*. Vol. 42. No. 1–2, pp. 155–168.

Kopkowski, R. (2009). The Stereotype of Russia in the Works of Joseph Conrad. In *Ruch Literacki (Literary Movement)*. No. 2 (295), pp. 155–170.

Koroleva, S. (2014). *Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh godov)* [The Myth of Russia in British Culture and Literature (until the 1920s)]. Moscow, Direkt-Media. 314 p.

Magill, L. M. (1971). Joseph Conrad: Russia and England. In *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 3. No. 1, pp. 3–8.

Melnick, D. C. (2001). *Under Western Eyes* and Silence. In *Slavic and East European Journal*. Vol. 45, No. 2, pp. 231–242.

Mikhal'skaya, N. P. (2008). Angliiskie pisateli o znachenii tvorcheskogo naslediya russkikh klassikov [English Writers about the Significance of Russian Classical Authors' Works]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 19, pp. 171–182.

Russell, B. (2000). Joseph Conrad / transl. by M. Krasnovskii. In *Inostrannaya literatura*. No. 7, pp. 251–254.

Solov'eva, E. E. (2009). Obraz russkoi prirody v tvorchestve Josepha Conrada [The Image of Nature in Joseph Conrad's Works]. In *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. No. 10 (148). Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 30, pp. 138–142.

Solov'eva, E. E. (2012). *Joseph Conrad i Rossiya* [Joseph Conrad and Russia]. Cherepovets, Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet. 228 p.

Wells, H. G. (1919). *Joan and Peter. The Story of an Education*. N. Y., The Macmillan Co. 614 p.

Wilde, O. (1902). *Vera; or, The Nihilist*. Privately printed. 75 p.

Woolf, V. (1966). Russian Point of View. In Woolf, V. *Collected Essays, in 4 vols*. Vol. 1. L., Hogarth Press, pp. 238–246.

The article was submitted on 12.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.262

УДК 821.161.1-1Есенин'25+821.112.2+82.091

**SERGEJ ESENINS DICHTUNG IN DEUTSCHLAND:
ÜBERSETZUNGEN, EDITIONSGESCHICHTE,
FORSCHUNGSSTRATEGIEN***

**Natalia Nikonova
Daria Olitskaya
Ekaterina Khilo**

Tomsker Staatliche Universität,
Tomsk, Russland

**THE POETIC WORKS OF SERGEY YESENIN
IN GERMANY: TRANSLATIONS, EDITIONS,
AND RESEARCH****

**Natalia Nikonova
Daria Olitskaya
Ekaterina Khilo**

Tomsk National Research State University,
Tomsk, Russia

This article considers the perception of Sergey Yesenin's creative work in Germany. Having become acquainted with his works in its own language as early as the 1920s, Germany played the leading role in incorporating Yesenin into German-language culture. This research is based on the rich history of translation reception (made up of over 300 texts by over 60 translators), criticism and literary studies, and publication history. The article focuses on topical issues of modern literary studies, such as the aesthetics of reception, the dialogue of cultures, comparative studies, and imagology. The perception of the poet reflects the development of Russo-German literary connections in the 20th and 21st centuries. It is possible to single out three stages in the translation reception of Yesenin's works: acquaintance (1920s), popularisation (1950s–1980s), and the modern period. During the third stage, the reader came closer to understanding the authentic concepts of Yesenin's poetic semantics and techniques and a better knowledge of his creative

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых – докторов наук (проект № МД-4756.2016.6).

** *Citation*: Nikonova, N., Olitskaya, D., Khilo, E. (2017). Sergej Esenins Dichtung in Deutschland: Übersetzungen, Editions-geschichte, Forschungsstrategien. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 974–991. DOI 10.15826/qr.2017.4.262.

Цитирование: Nikonova N., Olitskaya D., Khilo E. Sergej Esenins Dichtung in Deutschland: Übersetzungen, Editions-geschichte, Forschungsstrategien // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 974–991. DOI 10.15826/qr.2017.4.262.

work. The peculiarities of the publication history of the poet's works are to a large extent determined by the above stages, as well as the cultural and historical factors caused by the division of Germany. German-language Yesenin studies are characterised by a vast scope, multiple research strategies, and prominent researchers (D. Chizhevsky, D. Gerhardt, F. Mierau, etc.). The receptive character of the perception determines the combination of literary and translation strategies, which are mutually complementary. Hence, it is quite appropriate to consider German Yesenin studies a separate branch of the world literary studies. The results of German scholars' work are of significant importance to the history of Russian literature. The final stage of the perception model is the creative perception of the image of the poet as part of one's native linguistic culture. Dedication poems devoted to Yesenin written by G. Vesper and H. Czechowski in the 1990s are proof of a contemporary German dialogue with the Russian poet.

Keywords: Sergey Yesenin; translation; reception model; Russo-German literary contacts.

Рассмотрено восприятие творчества Сергея Есенина в Германии. Познакомившись с его наследием на своем родном языке уже в 1920 г., Германия является лидером по объему и масштабу включения Есенина в немецкоязычную культуру. Богатая история переводческой рецепции, которую составляют более 300 текстов и свыше 60 переводчиков, самостоятельность критических и литературоведческих изысканий, разнообразная и масштабная эдичионная история – все это составляет основу исследования. Интерес современного литературоведения к рецептивной эстетике, диалогу культур, компаративистике и имагологии обуславливает актуальность статьи. Восприятие поэта отражает развитие русско-немецких литературных связей в XX–XXI вв. В истории переводческого восприятия поэзии Есенина в Германии выделяется три периода: знакомство (1920-е гг.), популяризация творчества (1950–1980-е гг.), приближение читателя к пониманию аутентичных концептов поэтической семантики и стиховой техники Есенина, к более подробному знакомству с его жизнетворчеством (современный период). Специфика эдичионной истории во многом определяется данной периодизацией, а также культурно-историческим фактом разделения Германии. Немецкоязычное есениноведение характеризуется большим охватом материала, разнообразием исследовательских подходов и знакомостью имен их авторов (Д. Чижевский, Д. Герхардт, Ф. Мирау и др.). Рецептивный характер восприятия обуславливает слияние литературоведческой и переводческой практики, которые взаимно дополняют друг друга. Правомерно рассматривать немецкое есениноведение в качестве самостоятельной ветви мирового литературоведения. Результаты работы немецких ученых имеют высокое значение для истории русской литературы. Итоговым этапом в модели восприятия становится творческое усвоение образа поэта в рамках родной словесности. Созданные в 1990-х гг. стихотворения-посвящения Есенину Г. Веспера и Х. Чеховски отражают творческий диалог современных немецких авторов с русским поэтом.

Ключевые слова: Сергей Есенин; перевод; рецептивная модель; русско-немецкие литературные связи.

Das poetische Werk von Sergej Esenin, einem großen russischen Dichter, der schon zu seinen Lebzeiten als «наследник Пушкина наших дней» («Puschkins Nachfolger unserer Tage») bezeichnet wurde [Иванов], wird heute in 150 Weltsprachen herausgegeben und aufgenommen.

Deutschland ist das erste Land, wo Esenins Lyrik außerhalb Russlands rezipiert wurde und Beachtung fand. Auch heute setzt Deutschland weltweit Maßstäbe für Art und Umfang der Esenin-Rezeption. Ein Beweis dafür ist die intensive Mitwirkung von mehr als 60 Übersetzern, 300 übersetzte Titel aus Esenins Nachlass sowie eine ganze Reihe von aufschlussreichen Arbeiten, die sich mit Werk und Wirkung des russischen Dichters in Deutschland befassen.

Im Hinblick auf die Aufnahme von Esenins Dichtung in Deutschland lässt sich von einem gesamtheitlichen Rezeptionsmodell sprechen, das sich von der kritischen Auseinandersetzung mit seinen Werken und ihren Übersetzungen in den 1920-er Jahren zu einer vielseitigen Forschung und kreativen Rezeption am Ende des 20. Jahrhunderts entwickelt hat.

In Russland legten die Arbeiten von Olga Jušina und Ljudmila Kalmykova den Grundstein der internationalen literarischen Esenin-Forschung. Ljudmila Kalmykova hat Esenin wegen des ausgeprägt Volkstümlichen in seiner Lyrik als «трудно переводимый поэт» (einen schwer übersetzbaren Dichter) bezeichnet [Калмыкова, с. 4]. In den 1980-er und 1990-er Jahren entstand im Maxim-Gorki-Literaturinstitut eine Esenin-Forschungsgruppe, die eine Reihe von grundlegenden Projekten entwickelt und umgesetzt hat [Летопись жизни и творчества С.А. Есенина]. 1993 erschien die zweibändige Ausgabe «Русское зарубежье о Есенине» (*Russkoje zarubežje o Esenine*), in die Memoiren, Kritiken, Essays und Ausätze russischer Emigranten über den Dichter aufgenommen wurden [Русское зарубежье о Есенине]. Zu Beginn des neuen Jahrtausends konnte sich eine gezielte Forschung zur Esenin-Rezeption im Ausland etablieren. Ihre grundlegenden Fragestellungen finden sich u. a. in den Arbeiten von Olga Voronova zum Themenbereich «Esenin und die deutsche Kultur» [Воронова, 2013].

Die ersten Ausführungen zur Rezeption Esenins in Deutschland finden sich im Beitrag des deutschen Slawisten Fritz Mierau von 1966. Der Verfasser macht auf die Konzepte der Heimat, sowie der Pflanzen- und Tierwelt als drei Grundkategorien im Werk Esenins aufmerksam und sieht das Geheimnis der Popularität Esenins darin, dass er in seiner Lyrik nach der «vollkommenen Wesenseinheit des Menschen mit der Natur» und der «wahren Resurrektion der Natur» sucht [Mierau, 1966, S. 327].

Ferner unternimmt Mierau einen Versuch zur vergleichenden Analyse der deutschen Esenin-Übertragungen von P. Celan, A. Christoph und R. Kirsch. Weiterhin kommt er zu dem Schluss, dass für die Wiedergabe von Esenins Lyrik die kreative Strategie, die eine Projektion der eigenen Welt des Übersetzers auf das Werk seiner Vorlage erlaubt, am besten geeignet ist. Eine konsequente Verwendung dieser Strategie sieht Mierau in den Übertragungen von R. Kirsch: «Kirschs Substitution arbeitet ganz in Esenins Sinn. Die verwandte Haltung gibt Kirsch die Sicherheit für seine Eingriffe, die nicht weniger eigenmächtig sind als die Celans. <...> Was Kirsch hinzu-

gibt, sprachlich auf seine Weise interpretiert, zeigt Esenin nur besser als den Dichter eines weltgeschichtlichen Übergangs, eines neuen Zeitalters, das „ein Zeitalter der Umwälzungen schlechthin [ist]» Ibid., S. 329].

Mieraus Beobachtungen zu Übersetzungsstrategien fanden Bestätigung und eine weitere Herausarbeitung in der 1984 veröffentlichten Dissertation von M. Passow «Eseninsche Lyrik in deutschen Übertragungen: ein Beitrag zur Übersetzungstheorie und Eseninrezeption in der DDR» [Passow].

Eine herausragende Leistung in der Geschichte der deutschen Esenin-Rezeption stellen die 1995 von L. Kossuth herausgegebenen Gesammelten Werke in drei Bänden dar. Die Ausgabe präsentierte dem deutschen Leser erstmalig nicht nur Lyrik, sondern auch Prosawerke und Briefe des russischen Dichters, sowie eine umfangreiche Sammlung von Fotodokumenten. Wichtiger Bestandteil der Ausgabe wurde die Bibliographie deutscher Übertragungen Esenins Werke aus den Jahren 1921 bis 1992 [Кощут].

Neben den Übersetzungen zählen zu den anderen konstitutiven Aspekten der deutschen Rezeption von Esenins poetischem Werk ihre vielfältige Editions-geschichte in Deutschland, literaturkritische Rezeption und die Rezeption des Konzeptes «russische Welt», in dem die Grundelemente von Esenins Poetik zum Ausdruck kommen.

Die übersetzerische Rezeption Esenins in Deutschland

Die ersten deutschen Esenin-Übertragungen erschienen im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts in Literaturzeitschriften. 1920 veröffentlichte Waldemar Gartmann im Rahmen seines Beitrags «Die jüngste russische Revolutionsdichtung» die Übertragungen des Gedichtes «Осень» («Herbst») und des Poems «Певучий зов» («Singender Ruf») [Gartmann], die als erste Beispiele der übersetzerischen Aneignung des Werkes Esenins im deutschsprachigen Raum und weltweit bezeichnet werden können. Ein Jahr später übersetzte Iwan Goll den ersten und den dritten Teil aus Esenins «Преображение» («Verwandlung») und das zweite Fragment aus «Июния» («Aus dem Zyklus: Russland und Ionien») [Goll, S. 44–46].

Im folgenden Jahrzehnt haben weitere deutsche Übersetzer den Versuch unternommen, sich Esenins Lyrik poetisch anzueignen. Besondere Beachtung verdienen J. Kalmer, W. E. Groeger, M. Wyß, L. Hohorst, S. G. Tartakover. In den Mittelpunkt des übersetzerischen Interesses rückte dabei die revolutionäre Dichtung Esenins: zum einen spiegelte sie das gegenwartsbezogene Russlandbild wider, zum anderen stand sie dem deutschen Expressionismus nahe, der die Epoche der Weltliteratur im ersten Viertel des 20. Jahrhunderts prägte.

Eine besondere Phase der deutschen Esenin-Rezeption bilden die 1930-er und 1940-er Jahre. Hier kann man kaum von einem intensiven Kulturtransfer sprechen. Dennoch zeugte die damalige Veröffentlichung von zehn Übersetzungen aus Esenins Landschaftslyrik (S. von Radecki, W. Berg-Papendick, G. von Gertringen) von großem Interesse der deutschen Übersetzer an einer der grundlegenden Richtungen Eseninscher Poetik.

Die Hochphase der überetzerischen Rezeption Eseninscher Lyrik setzte in der Zeit der deutschen Teilung (1949–1990) ein. Bei vielen deutschen Übersetzern, wie Paul Celan, Karl Dedecius, Adelheid Christoph, Erwin Johannes Bach, Rainer Kirsch, Eugen Ruge, Annemarie Bostroem, um hier nur einige Namen zu nennen, haben der Lebensweg und das Schicksal des russischen Dichters gesteigertes Interesse an seinem Werk geweckt. Besonders augenfällig ist dabei, dass die deutschen Esenin-Übertragungen, die in jener Zeit sowohl in der DDR, als auch in der BRD erschienen, frei von politischem und ideologischem Hintergrund blieben und ein einheitliches, «grenzüberschreitendes» Bild von Esenin als einen volkstümlichen Dorf- und Naturlyriker gestalteten.

Im Weiteren soll auf die deutschen Übersetzer eingegangen werden, die einen besonders großen Beitrag zur poetischen Esenin-Rezeption und Interpretation geleistet haben, und zwar Paul Celan, Karl Dedecius, Adelheid Christoph und Hermann Kähler. Ihre Leistungen zeichnen sich nicht nur durch quantitative Repräsentativität aus – jeder Übersetzer hat mehr als 30 Texte Esenins ins Deutsche übertragen, – sondern vielmehr durch ihre «produktive Haltung» (F. Mierau) gegenüber diesen Texten, die immer eine «andere» bzw. eigene Beziehung zu Esenin zum Ausdruck bringt.

Paul Celans Übertragungen erschienen zuerst in den Zeitschriften «Die neue Rundschau» (1958), «Akzente» (1959), «Merkur» (1961) u. a. und 1961 als Auswahlangabe [Jessenin, 1961b]. Hierbei ist anzumerken, dass Celans Esenin-Übertragungen in den beiden deutschen Staaten fast zur selben Zeit herausgegeben wurden, was wohl darauf zurückzuführen ist, dass er 1948 Österreich verließ und nach Paris übersiedelte. So konnte er aus der Ferne Distanz zu den politischen Realitäten in Deutschland halten.

Die Auswahl der von Celan übertragenen Gedichte Esenins eröffnet den Blick auf einen interkulturellen Dialog. Dieser beruht auf der Basis der korrelierenden Formen existentialen Bewusstseins in der Lebenskunst beider Dichter und realisiert sich in den zwei Hauptmotiven, und zwar in der Einsamkeit und der Sehnsucht nach der verlorenen Heimat: «Устал я жить в родном краю» («In meiner Heimat leb ich nicht mehr»), «Там, где вечно дремлет тайна» («Rätselhaftes»), «Я покинул родимый дом» («Fort ging ich»), «Я последний поэт деревни» («Kein Lied nach meinem mehr»). Celan legt dem Leser Esenins Image des letzten Bauerndichters nah, der seine Heimat besingt, was zum weiteren wesentlichen Anknüpfungspunkt für die Rezeption wird. Nicht zuletzt ist Celans Affinität zu Esenin autobiographisch begründet: «Die Esenin-Gedichte: ich habe, indem ich sie übersetzte, eine alte Schuld abgetragen. Auch hier war's, wie so oft, wie in den letzten Monaten immer öfter –, eine Heimkehr. Ich weiß, diese Verse sind nicht, wie die Mandelstamm'schen, auf rauher Höhe angesiedelt – und doch: wie heutig, bei all ihrem Gestern – nein, vielleicht vor lauter ins Heute genommenem Gestern» [Ivanovič, 1998, S. 315].

Nach C. Ivanovič war Celans Übersetzen ein neu ansetzendes und damit auch bewusst authentisches Sprechen [Ivanovič, 1996, S. 152]. Auch L. Olschner verweist darauf, dass Celan beim Übersetzen konsequent im-

mer wieder zu den vertrauten Eigenschaften des eigenen Sprechens greift [Olschner, S. 149].

Aus der vergleichenden Analyse der in den Übersetzungszyklus aufgenommenen Gedichte lässt sich besonders gut erkennen, dass Celan in seinen Übertragungen eigene Akzente setzt. Dazu gehört die semantische Erweiterung des Raumes «ohne Heimat» fast bis zum Endlosen, so, wie er in Celans Neologismen «im Heimatlosen» und «im Irgendwo» in der Übertragung des Gedichtes «Устал я жить в родном краю» («In meiner Heimat leb ich nicht mehr») erfasst ist:

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневým просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.
Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище [Есенин, с. 139].

(In meiner Heimat leb ich nicht mehr gern,
Buchweizen ruft, aus Weiten, endlos großen.
Ich laß die Kate Kate sein, bin fern,
ich streun, ein Dieb, umher *im Heimatlosen*.
Tag, wie dein Licht sich lockt, so will ich gehn,
im *Irgendwo* will ich zur Ruh mich setzen [Celan, S. 173].)

Ein weiteres Beispiel dafür ist die Transformation Eseninscher Metaphern auf semantischer und struktureller Ebene. Die Metaphernstruktur wird in Celans Übertragungen komplexer. Es entstehen oft Subjekt-Objekt-Beziehungen, was für Esenins Metapher nicht charakteristisch ist: «белые кудри дня» – «Tag, wie dein Licht sich lockt»; «наточит нож за голенище» – «ich seh am Stiefelschaft dich's Messer wetzen».

Celans Umgang mit Esenin-Texten ist ein poetischer Dialog, in dem Celan, inspiriert von der Poetik des russischen Dichters, seine eigene Poetik übersetzend bestätigt und entwickelt [Olschner, S. 155].

Die Rezeption der Gedichte Esenins vom deutschen Slawisten Karl Dedecius war genauso wie im Fall Celans nicht zuletzt von seiner Biographie geprägt. Von 1943 bis 1950 befand sich der Übersetzer in sowjetischer Kriegsgefangenschaft, während er Russisch lernte und erstmals mit russischer Poesie in Kontakt kam. In seinen 1961 herausgegebenen Übertragungen wurde der tragische Ton der Gedichte Esenins oft akzentuiert und verstärkt. Ein markantes Beispiel dafür ist das Gedicht «До свиданья, друг мой, до свиданья» («Lebe wohl, mein Lieber, laß mich gehen»), in dem Dedecius das Wort «*rasstawan'e*» (Abschied) mit «Grab» übersetzt: «Предназначенное *расставанье* // Обещает встречу впереди» – «Es verspricht uns ja ein Wiedersehen // diese[s] lange vorbestimmte *Grab*» [Jessenin, 1961a, S. 70–71].

Eine gewichtige Änderung in den Übertragungen von Dedecius bildet ein stärkerer Bezug zwischen dem lyrischen Ich und dem Inhalt der Gedichte als im russischen Original. So personifiziert Dedecius, um ein Beispiel zu nennen, zwei Aussagen in der Übertragung des Gedichtes «Я последний поэт деревни» («Mein Lied ist nur ein Steg aus Brettern»), in welchem er auch das Motiv der Vergänglichkeit verstärkt:

Я последний поэт деревни
Скромен в песнях дощатый мост <...>
Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час [Есенин, с. 136–137].

(*Mein Lied ist nur ein Steg aus Brettern,*
ich bin der letzte Dorfpoet <...>
Das Flammengold brennt rasch herunter
an meinem Licht, *ich bin das Wachs,*
und bald wird ihre zwölfte Stunde
die Monduhr röcheln mittenachts [Jessenin, 1961a, S. 44–45].)

Diese Herangehensweise, die Dedecius konsequent in seinen Esenin-Übertragungen verfolgt, weist auf eine sehr persönliche und emotionale Annäherung an das Original hin.

Dedecius ist einer der ersten deutschen Übersetzer, dem es gelang, die Spezifik von Esenins Poesie als große Herausforderung zu erklären. Er wies auf eine Spanne zwischen formaler, zuweilen ins Primitive abgleitender Einfachheit hin und machte auf einen tieferen Sinn aufmerksam: «Dem Übersetzer hatte es darum zu gehen, dass sich das Widersprechende im Eseninschen Gedicht auch in der Übertragung wiederfände: Nicht mehr das Alte, aber noch nicht das Neue. Sehr rhythmische Strophen und doch freier, singbarer Fluss. <...> Weich und hart zugleich, stets musikalisch, alt und modern in einem Satz: wenn dieser Eindruck entsteht, dann kann der Übersetzer sich zufriedengeben» [Ibid., S. 78].

Adelheid Christoph hat 35 Gedichte aus dem Frühwerk Esenins übertragen und als Gedichtsammlung «Liebster Land, das Herz träumt leise» (1958) herausgegeben. In Esenins Poesie erkannte Christoph die Nähe zu den Traditionen der deutschen Romantik, was sich in ihren Übertragungen widerspiegelte. Die emphatische Hervorhebung der Strophen mit dem Ausrufewort «Ach» oder einem Fragewort sowie die Erweiterung der Zeilen durch Epitheta sind typische Kennzeichen für Christophs individuelle übersetzerische Interpretation: «Где-то песнь соловья / вдалеке я слышу» – «Lied der Nachtigallen / tönt *so unvermutet*», «И березы стоят / как большие свечки» – «Birken stehen *stille* / wie *erloschne* Kerzen»; «Полюбил я грустные их взоры / с впадинами щек» – «*Ach*, ich muß die Schmerzgesichter lieben / eingefallner Kraft» [Jessenin, 1958, S. 13–37].

Die jüngsten Übersetzungsversuche stellen die umfangreichen Esenin-Auswahlübersetzungen von Herman Kähler dar, in denen 2005 unter dem Titel «Ich bin des Dorfes letzter Poet» 117 seiner schönsten Natur- und Dorfgedichte herausgegeben wurden [Jessenin, 2005].

Das Besondere an Käblers Übertragungen liegt vor allem in ihrer Zyklisierung: die 117 übertragenen Gedichte Esenins – bezüglich der Zahl übersetzter Titel übertrifft Kähler alle seine Vorgänger – werden dem Leser in vier Zyklen vorgestellt («Die kleine Welt», «Mohnfabeln», «Verse eines Skandalisten» und «Sterne in Pfützen»), die an wichtige Stationen im Leben und Schaffen Esenins anknüpfen und die individuelle Rezeptionsstrategie des Übersetzers zum Ausdruck bringen: «Jesenin versucht das Ornament in der Lyrik von der Folklore, von der Tradition des russischen Volkes her zu begründen. <...> Das Ornament ist ihm eine wunderbare Verflechtung von Emotion und Bild, den beiden Hauptkomponenten seiner Lyrik, und die Metapher seiner Kunst: die Musik» [Jessenin, 2005, S. 206]. Zu betonen ist, dass Käblers Auswahl dem deutschen Leser erstmalig alle Grundkonzepte der russischen Welt Esenins präsentierte, worauf bereits der Titel der Ausgabe programmatisch hindeutet.

So lässt sich die Geschichte der deutschen Rezeption von Esenins Dichtung in drei Phasen zusammenfassen, die sich nicht nur aufgrund der Besonderheiten der literarischen Aufnahme einteilen lassen, sondern auch durch historische, ideologische und gesellschaftliche Wandlungen in Deutschland des 20. Jahrhunderts geprägt sind. In den 1920-er Jahren kam der deutschsprachige Leser erstmals in Berührung mit der Dichtung Esenins. In den nächsten beiden Jahrzehnten folgte auf die rege übersetzerische Rezeption eine Pause, welche wiederum in den 1950-er Jahren durch einen neuen Ansatz abgelöst wurde. Die Phase der deutschen Teilung, die für die Rezeption von besonderem Interesse ist, zeigt, dass der ideologische und politische Hintergrund keinen wesentlichen Einfluss auf die Aufnahme Esenins hatte. Bedingt durch ihre Schicksale wurden P. Celan und K. Dedecius zu Schlüsselfiguren der übersetzerischen Rezeption: ersterer wegen seiner stetigen Suche nach der Heimat, letzterer aufgrund seiner siebenjährigen Kriegsgefangenschaft in Russland.

Editionsgeschichte der deutschen Esenin-Übertragungen

Es lassen sich drei Phasen in der Editionsgeschichte der deutschen Esenin-Übertragungen feststellen, die sich durch Intensität und kulturhistorische Kontexte unterscheiden und ein großes Spektrum an verschiedenartigen Texten bieten (insgesamt über 30 Buchausgaben und 50 Einzelpublikationen in Zeitschriften), in denen sich die Esenin-Rezeption niederschlägt.

Die erste Phase umfasst die 1920-er und 1930-er Jahre, während die Übertragungen der Revolutionsdichtung Esenins («Singender Ruf», «Aus dem Zyklus: Russland und Ionien», «Verwandlung») vornehmlich in den deutschen Literaturzeitschriften publiziert wurden. In diesen drei Poemen («Певучий зов», «Инония», «Преображение»), die als Reaktion Esenins

auf die politischen und gesellschaftlichen Ereignisse des Jahres 1918 in Russland entstanden, artikulierten sich seine Wahrnehmung der Revolution und seine Bewertung der neuen sozialen Verhältnisse.

Die zweite Phase fällt in die Zeit der deutschen Teilung und ist durch die Unterschiede in der editorischen und gesamten kulturpolitischen Praxis der DDR und der BRD gekennzeichnet. Während in der BRD Esenin-Übertragungen von Ende der 1940-er bis Ende der 1950-er Jahre überwiegend in Form von Einzelpublikationen in Literaturzeitschriften erschienen, die Anfang der 1960-er Jahre von den Buchausgaben abgelöst wurden, verhielt es sich in der DDR umgekehrt: auf die Ausgaben ausgewählter Werke und Anthologien der russischen Lyrik folgten Veröffentlichungen in literarischen Periodika. Später verliefen diese beiden Formen der Vermittlung Eseninscher Texte parallel zueinander.

Die Gesamtzahl der Einzelpublikationen in den Zeitschriften illustriert, dass im Westen diese Form der Rezeption eine viel höhere Intensität aufwies als im Osten, wo Esenin-Übertragungen öfter als Buchausgaben herausgegeben wurden. In der BRD erschienen im Jahre 1961 Esenin-Übertragungen zunächst als zweisprachige (deutsch-russische) Edition, die einen Vergleich zwischen dem Original und der Übersetzung erlaubten und sich an einer reflektierenden Leserschaft orientierte [Jessenin, 1961a].

Tabelle 1 stellt die Chronologie der deutschen Buchausgaben mit Esenin-Übertragungen in der DDR und BRD dar (kursiv geschrieben sind die Anthologien der russischen Lyrik):

Tabelle 1

Deutsche Buchausgaben mit Esenin- Übertragungen in der DDR und BRD

Buchausgaben in der BRD	Buchausgaben in der DDR
1. Jessenin S. Gedichte. München: Langewiesche-Brandt, 1961. 78 S.	1. Jessenin S. Liebstes Land, das Herz träumt leise. Verlag Kultur und Fortschritt, 1958. 105 S.
2. Jessenin S. Gedichte. Frankfurt am Main: Fischer, 1961. 62 S.	2. Jessenin S. Gedichte. Berlin: Verlag Neues Leben, 1961. 34 S.
3. <i>Drei russische Dichter. Alexander Block, Ossip Mandelstamm, Sergej Jessenin. Frankfurt am Main, Hamburg: Fischer, 1963. 140 S.</i>	3. Jessenin S. Gedichte. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1965. 199 S.
4. <i>Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten. München: R. Piper und Co. Verlag, 1981. S. 307-320.</i>	4. Jessenin S. Berlin: Verlag Neues Leben, 1972. 31 S.
5. <i>Russische Lyrik. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart: Philipp Reclam Jun, 1984.</i>	5. Esenin S. Pugatschow. Berlin: Henschelverlag, 1980. 43 S.
6. Jessenin S. Gedichte. München: Langewiesche-Brandt, 1988. 77 S.	6. Jessenin S. Gedichte. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1981. 251 S.
	7. Jessenin S. Oh, mein Rußland: Gedichte und Poeme. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1982. 183 S.
	8. Esenin S. Gedichte. Leipzig: Reclam, 1986. 250 S.
	9. <i>Russische Stücke: 1913–1933. Berlin: Henschelverlag, 1988. 383 S.</i>

Einheitlich für die Esenin-Rezeption in Ost und West war die Anerkennung der bedeutenden Rolle Esenins als Schlüsselfigur der russischen Poesie. Ziel einer ganzen Reihe west- und ostdeutscher Literaturzeitschriften, wie z. B. «Merkur», «Akzente», «Sinn und Form» u. a., war es, einem breiten deutschsprachigen Publikum russische Lyrik näher zu bringen. Esenin als einer der repräsentativsten Autoren wurde vorrangig publiziert [Fischer, S. 56].

In der dritten, quantitativ und qualitativ produktivsten Phase der deutschen Esenin-Editionsgeschichte, die mit der deutschen Wiedervereinigung einsetzte, kam es zur Integration der Erkenntnisse der Esenin-Forschung und der Bemühungen um eine ganzheitliche Darstellung seines Schaffens. Das zeigte sich in der Vielzahl von Buchausgaben – in der Zeit von zwei Jahrzehnten nach der Wende (1990 bis 2010) erschienen vierzehn Ausgaben der Eseninschen Texte, fast ebenso so viele wie in beiden Teilen Deutschlands in vierzig Jahren der Teilung. Charakteristisch für diese Phase war die Erweiterung des Spektrums der Esenin Ausgaben. Zu den Übersetzungen ausgewählter Werke und Anthologien kam die Übertragung seiner gesammelten Werke ins Deutsche hinzu, denen eine vollkommen andere Herangehensweise im Umgang mit Esenin-Texten zu Grunde liegt. In diese Zeit fallen Ausgaben, die seine Werke einem breiteren Auditorium vermitteln.

Tabelle 2 stellt eine Übersicht über die Esenin-Editionen in Deutschland in den 1990–2000-er Jahren dar.

Tabelle 2

Esenin-Editionen in Deutschland in den Jahren 1990–2010

Ausgabe	Titel
Auswahlausgaben	<ol style="list-style-type: none"> 1. Jessenin S. Ein Rest von Freude. München: Luchterhand, 2001. 171 S. 2. Jessenin S. Gedichte. Ebenhausen bei München (Schäftlarn): Langewiesche-Brandt, 2004. 77 S. 3. Jessenin S. Ich bin des Dorfes letzter Poet: 117 seiner schönsten Natur- und Dorfgedichte. Berlin: NoRa, 2005. 207 S. 4. Jessenin S. Der Winter singt – es ist ein Schreien: Gedichte aus den Jahren 1910 – 1925. Leipzig: Leipziger Literaturverlag, 2010. 134 S.
Anthologien der russischen Lyrik	<ol style="list-style-type: none"> 1. Fünfzig russische Gedichte. Stuttgart: Philipp Reclam Jun, 2001. 2. Dedecius K. Mein Rußland in Gedichten. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 272 S. 3. Russische Gedichte. Stuttgart: Philipp Reclam Jun, 2009.
Gesammelte Werke	<ol style="list-style-type: none"> 1. Celan P. Gesammelte Werke in 5 Bänden. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1992. Bd. 5. S. 163–277. 2. Esenin S. Gesammelte Werke in 3 Bänden. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1995. 3. Jessenin S. Gegen die Sesshaftigkeit des Herzens in 2 Bänden. Berlin: Oberbaum, 2002.

Окончание Tabelle 2

Ausgabe	Titel
Einzelinterpretationen	1. Die russische Lyrik. Köln: Böhlau Verlag GmbH und Cie. 2002. Band 1. 2. Der russische Gedichtzyklus. Heidelberg: Universitätsverlag. 2006.
Hörbücher	1. Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam. München: Der Hörverlag, 2002. 1 CD. 2. Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen; Originalaufnahmen. Köln: DuMont, 2003. 1 CD.

Besonderes Interesse verdient eine jüngst erschienene, eine intermediale Dimension aufweisende Form der Esenin-Rezeption. Im Herbst 2002 brachte der deutsche «Hörverlag» die Aufnahmen der Lesung Celans aus seinen Esenin- und Mandelstam-Übertragungen heraus [Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam]. Diese 1967 beim Westdeutschen Rundfunk in Köln entstandenen Aufnahmen stellen ein einzigartiges und einer breiten Hörerschaft zugängliches Tondokument der deutschen Rezeption Eseninscher Texte dar. Die bewegende Stimme und originäre Vortragsweise Celans, die zum Inhalt der übersetzten Poesie tief verwurzelt erscheint, lassen den Hörer, nach Meinung vieler Kritiker, an einem intensiven Poesieerlebnis unmittelbar teilnehmen [Ortheil; Rieper].

Die Jahre 2003–2005 zeichneten sich durch ein vertieftes Interesse Deutschlands an der russischen Literatur aus, was weitgehend auf das umfangreiche Programm der Veranstaltungen im Rahmen des Russlandjahres in Deutschland und des Projektes «Deutsch-russische Kulturbegegnungen 2003/2004» zurückzuführen ist. Das Ziel des Projektes war «eine objektive Vorstellung vom modernen Russland, die von alten, längst überholten Klischees frei ist» [Выступление В. В. Путина], zu vermitteln. Einen wesentlichen Beitrag zu dieser «neuen Vorstellung vom neuen Russland» haben die Anthologien und Gedichtbände der russischen Lyrik geleistet, die sich zur Lösung der gestellten Aufgabe am besten eigneten und die russische Dichtung auf eine neue Weise präsentierten.

Ein Beispiel dafür ist die Anthologie der russischen Dichtung der Moderne «Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen», die im Jahr 2003 in Köln als Hörbuch von A. Nitzberg herausgegeben wurde. In der Anthologie tritt Esenin neben Blok, Gumilev, Mandelstam, Majakovskij u. a. (insgesamt 20 Texte) als eine der Schlüsselfiguren der russischen Literaturtradition des 20. Jahrhunderts auf. Im Klappentext zur Tonaufnahmengewählung schreibt der Herausgeber: «Dem deutschen Publikum wird damit zum ersten Mal die Möglichkeit geboten, jene Lyriker, die an der Entwicklung der europäischen Poesie maßgeblich gearbeitet haben, zu hören und mit ihrer Stimme kennen zu lernen» [Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen].

Resümierend lassen sich in der Editions-geschichte Eseninscher Texte in Deutschland drei Arten der Repräsentation unterscheiden:

- Literaturzeitschriften, die Esenin dem deutschen Publikum in der BRD erstmals vorgestellt und ihre führende Rolle bis in die 1950-er Jahre hinein gespielt haben;
- repräsentative Auswahlen Eseninscher Texte in den Anthologien der russischen Dichtung, die größtenteils in der DDR in der ersten Phase der Rezeption herausgegeben wurden;
- die Vorstellung von Leben und Dichtung Esenins im wiedervereinigten Deutschland, die sich durch einen komplexen, ganzheitlichen und kreativen Charakter sowie durch neue Repräsentationsformen auszeichnet.

Literaturkritische Rezeption und Esenin-Forschung

Die erste kritische Auseinandersetzung mit der Lyrik Esenins in Deutschland erfolgte in den 1920-er Jahren. W. Gartmann veröffentlichte 1920 in der Zeitschrift «Der neue Merkur» einen Beitrag mit dem Titel «Die jüngste russische Revolutionsdichtung», in den er seine Übertragungen von Esenins Gedichten aufgenommen hat. In der vergleichenden Gegenüberstellung Esenins mit dem anderen russischen Bauerndichter Nikolaj Klujew verdeutlicht der Autor ihre Besonderheiten: Klujews Revolutionsdichtung sei tiefer, Esenin zeichnete sich aber vor allem durch ihr «ursprüngliches Empfinden» aus [Gartmann, S. 114]. W. Groeger ordnet in seinem 1926 im «Kunstblatt» erschienenen Beitrag Esenin zwischen A. Block und L. Tolstoi ein [Groeger, S. 91].

1956 erschien der Beitrag des deutschen Slawisten und Philosophen Dmitrij Tschizewskij «Esenins Lied vom Brot», der als erstes Beispiel der literaturwissenschaftlichen Esenin-Rezeption in Deutschland betrachtet werden kann. Tschizewskij vermittelte dem deutschen Leser zum ersten Mal «Песнь о хлебе» («Lied vom Brot») in Form der interlinearen Übersetzung und führte eine umfassende Analyse des Gedichtes auf der symbolisch-mythischen Ebene durch. Das Hauptaugenmerk der Beobachtungen wurde dabei vorwiegend auf die Wurzeln und Quellen einer besonderen Eseninschen Mythopoetik gerichtet, die durch Schlüsselbilder und Motive (das «Leiden» der Brotpflanzen und des Kornes, die «Vergiftung» der Bauern durch den Genuss der Leichen des Kornes) im Text des Gedichtes zum Ausdruck gebracht wird [Tschizewskij, S. 319–336]. Tschizewskij stellte Esenins Gedicht in den größeren Kontext der Weltliteratur, um den universellen Charakter Eseninscher mythopoetischer Bilderwelt zu verdeutlichen.

Im 1976 veröffentlichten Beitrag von Tschizewskijs Kollegen Dietrich Gerhardt stand im Mittelpunkt der Betrachtung die Biographie des russischen Dichters. Es wurde der Versuch unternommen, die «biographischen Mythen» Esenins, die zu einem Schlüsselbegriff seiner Lebensbeschreibung wurden, aufzudecken: «Das Bauerntum dieses „letzten Dichters des Dorfes“ war vielleicht schon stark stilisiert und ebenso eine Rolle wie sein Vagabunden- und Rebellentum; der „Imaginismus“, den er begründen wollte, war gegenüber dem Reichtum seiner tatsächlich verwendeten Bilder vielleicht nicht mehr als ein Schlagwort; das durch seinen Selbstmord schrecklich

grundierte schwermütige Abschiedsgedicht hat Majakovskij vielleicht mit Recht zu einer nicht weniger wirkungsvollen poetischen Tadel- und Gegenrede veranlasst und hat vielleicht nur den theatralischen Schlusseffekt eines früh erschöpften Lebens abgeben sollen – dennoch hat Jessenin das Ende der alten und den Beginn der neuen Zeiten in Russland zumindest intensiver erlebt als andere und ist und bleibt ein Dichter, der hohe natürliche Begabung mit einfallsreicher Kunstfertigkeit auf das eindrucksvollste verbindet» [Gerhardt, S. 4].

Laut Meinung der russischen Esenin-Forscher J. Prokušev und N. Guseva kommt Gerhardt tatsächlich das Verdienst zu, zahlreiche literarische Masken des russischen Dichters abgelegt zu haben.

Eine weitere Richtung der deutschen Esenin-Forschung knüpft an die methodologische Basis der Literaturtheorie an und wird durch die Arbeiten von Christine Auras und Silke Glitsch vertreten. In der Dissertation von C. Auras wird Esenins Dichtung in Bezug auf ihre Bildlichkeit betrachtet. Die besondere Qualität von Esenins Bilder- und Symbolwelt sieht Auras vor allem im Prinzip «der Erweiterung und Bereicherung der dargestellten Welt und Natur um die Dimensionen der Belebung und Beseelung» [Auras, S. 71]. Zu den wichtigen Aspekten der komplexen Betrachtung von Esenins Bildlichkeit in der Dissertation gehören die grammatische Struktur der Bilder, ihre häufigsten Modelle, die Analyse der Bilder und Symbole aus der Tier- und Pflanzenwelt sowie der Farbsymbolik Eseninscher Dichtung.

Eine tiefgehende Analyse der Bildpoetik Esenins liefert 1996 in ihrer Monographie S. Glitsch. Sie befasst sich mit der Konstituierung der Utopie im Poem «Инония» («Inonija»), das von der Kritik sehr kontrovers aufgenommen wurde. Dabei findet in der Arbeit der von Esenin verfasste bildtheoretische Traktat «Ключи Марии» («Ključī Marii») als «ein bislang weitestgehend unterschätzter Schlüssel zu dem Werk» besondere Berücksichtigung. Glitsch kommt zur Schlussfolgerung, dass «Inonija» ein vielschichtiges Werk ist: «Die Einbettung «Inonijas» in den Kontext der religiösen Utopie, der narodnaja socialnaja utopia und des Goldenen Zeitalters erwies sich als Instrument der Sinngebung und mythologischen Überhöhung der geschilderten Ereignisse. Ein Einbezug des literarischen und politischen Hintergrundes ließ deutlich werden, dass „Inonija“ als Polemik mit den Utopienentwürfen des Proletkult und dem Programm der Bolscheviki aufgefasst werden kann» [Glitsch, S. 158]. Glitschs Untersuchung von «Inonija» hat die Tradition seiner Interpretation in der russischen Literaturwissenschaft als prophetisches oder gottesfeindliches Poem (I. Rozanov, J. Prokušev, S. Subbotin, A. Marčenko u.a.) wesentlich erweitert.

Kaum ein deutscher Forscher hat sich intensiver mit Esenin befasst als F. Mierau, der sechs Auswahlgaben und Anthologien herausgab, fünf Beiträge über Esenins Werk verfasste, sowie zahlreiche Nachworte zu seinen Übersetzungen und die wohl vollständigste Biographie des Dichters.

Wie oben erwähnt, liegt der Schwerpunkt von Mieraus Esenin-Forschung auf der deutschen übersetzerischen Rezeption. Sein Interesse galt ebenfalls dem Leben und Schicksal des russischen Dichters. Deshalb bildete nicht zu-

fällig den Höhepunkt in Mieraus Studien über Leben und Werk Esenins seine 1992 veröffentlichte Biographie [Mierau, 1992]. In seiner Lebensbeschreibung haben über achtzig Quellen Eingang gefunden, die im Zeitraum von 1920 bis 1988 in russischer, englischer, deutscher und französischer Sprache erschienen sind. Sie beinhaltet über einhundert Photographien von Esenin, seinen Zeitgenossen und Verwandten, ein umfassendes Register mit Werken und Ausgaben Esenins sowie mit Namen der erwähnten Personen, Verlage, Zeitschriften und Zeitungen, Literaturvereine etc. und kann in gewissem Sinne als eine Enzyklopädie der russischen Geschichte und Kultur bezeichnet werden. Mierau gewährt dem deutschsprachigen Leser einen Einblick in die Lebenswirklichkeit des Dichters, dessen Leben in einer Epoche großer gesellschaftlicher Umwälzungen verlief.

Auf Mieraus Esenin-Biographie folgte vier Jahre später das Buch der deutschen Journalistin C. Stern «Isadora Duncan und Sergej Jesenin: der Dichter und die Tänzerin» [Stern]. Die Autorin zeichnet die zwei Jahre andauernde Beziehung des russischen Dichters mit der exzentrischen amerikanischen Tänzerin nach, indem sie eine der spannendsten Episoden aus dem Privatleben Esenins wählt und sich im Schnittpunkt von Memoiren und Publizistik bewegt. Man muss hervorheben, dass Sterns Buch im Vergleich zu Mieraus Esenin-Biographie eher die Merkmale «quasi-biographischer» (popularisierender) Literatur aufweist, weil es zu einer Reduktion und Vereinfachung des Esenin-Bildes als Mensch und Dichter zugunsten des breiten Publikums kommt.

Zusammenfassend kann gesagt werden, dass die Esenin-Forschung in Deutschland eine umfangreiche Tradition hat und durch eine außerordentliche Themenbreite gekennzeichnet ist. Das Hauptinteresse der Forscher galt der literaturwissenschaftlichen Untersuchung der Poetik in Esenins Werk anhand von Einzeltextanalysen (D. Tschizewskij), durch eine komplexe Untersuchung einzelner Texte (C. Auras, S. Glitsch) sowie die Interpretation des «biographischen Mythos» Esenins, in der seine Beziehungen mit A. Duncan im Mittelpunkt stehen (F. Mierau, C. Stern, N. Stüdemann). Eine besondere Stellung in der deutschen Esenin-Forschung nimmt F. Mierau als Wissenschaftler, Verleger und Biograph ein, der sich um die Popularisierung Esenins und seiner Dichtung in Deutschland im Laufe von etwa fünfzig Jahren verdient gemacht hat.

Esenin und die deutsche Dichtung des XX. Jahrhunderts: kreative Rezeption

Großes Interesse und Popularität, die Esenins Dichtung in Deutschland im Laufe vieler Jahrzehnte genoss, bilden eine wesentliche Voraussetzung für einen weiteren Schritt der Esenin-Rezeption, und zwar zur künstlerischen, kreativen Auseinandersetzung mit seinen Texten bzw. zur produktiven Aneignung seiner Lyrik in der deutschen Literatur und Kultur.

Ein Beispiel für die produktive Verarbeitung der Dichtung in der deutschen Literatur präsentiert der Gedichtband «Ich hörte den Namen Jes-

senin» von Guntram Vesper. Die Affinität zur poetischen Welt Esenins kommt in den Texten Vespers durch die Darstellung des Landlebens, den elegischen Ton und das Thema «Heimat-Heimatlosigkeit» zum Ausdruck. Im Kerngedicht «Jessenin» [Vesper, S. 62] wird das Bild des russischen Dichters auf inhaltlicher Ebene vor allem durch die Behandlung der Schlüsselkonzepte seiner poetischen Welt und seines biographischen Mythos konzentriert dargestellt. Dabei sei bemerkt, dass auf formaler Ebene Vespers Gedicht im offenbaren Widerspruch zu Eseninscher Poetik steht.

Intensiver nähert sich Heinz Czechowski an die Poetik Esenins in seinem Gedicht «Jessenin» [Czechowski, S. 18], das im Jahre 1999 unter den Widmungen an andere Klassiker (J. Haydn, M. Lermontow, Ch. Baudelaire) im Gedichtband «Das offene Geheimnis. Liebesgedichte» veröffentlicht wurde. Der Kreuzreim des Gedichtes und bezeichnende Metaphern erwecken beim Leser Allusionen auf Esenins Dichtung. Die Schlüsselkonzepte der russischen Welt werden im Gedicht durch die grundlegenden Sinnbilder der Birke, des Feldes, des Wermutkrautes in Verbindung mit den in der Dichtung Esenins vorherrschenden Farben – Blau und Gold – wiedergegeben.

Die Gedichte von Vesper und Czechowski illustrieren die höchste Form der deutschen Esenin-Rezeption, da in ihrer Rezeption seiner Dichtung zu neuen literarischen Texten umgesetzt wurde. Im Mittelpunkt dieser Texte steht das Bild des russischen Dichters, der sich vor allem als Wortkünstler kultivierte und präsentierte, womit der Dichtermythos und der Mythos vom Dichter auf engste verbunden sind. In beiden im Rahmen dieses Beitrags vorgestellten Gedichten haben die Themen, Motive und Bilder Eseninscher Dichtung neue Gestalt angenommen.

Die deutsche Esenin-Rezeption spielt eine konstitutive Rolle für die Bildung der Vorstellung von der russischen nationalen Identität in Deutschland. Am repräsentativsten sind in dieser Hinsicht die Spezifika der Aufnahme von Konzepten der russischen Welt (Thema der Heimat und Bilder der Natur), die sich in Esenins Dichtung niederschlagen. Das Lebenswerk des russischen Dichters hat eine nachhaltige Wirkung auf die Entwicklung der deutschsprachigen Literatur des 20. und 21. Jahrhunderts gehabt.

Список литературы

Воронова О. Е. Сергей Есенин и немецкая культура // Есенинский вестник. 2013. № 3 (8). С. 77–86.

Выступление В. В. Путина на церемонии открытия фестиваля «Российско-германские культурные встречи 2003–2004 гг.» // Дипломатический вестник. 2003. Март. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf (дата обращения: 11.04.2015).

Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Наука ; Голос, 1995–2002. Т. 1. Стихотворения. 1995. 672 с.

Иванов Г. Есенин // Русское зарубежье о Есенине : Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи : в 2 т. / сост. Н. Шубникова-Гусева. М. : ИНКОН, 1993. Т. 1. С. 43–44.

Калмыкова Л. И. «Непереводимое» в переводах Есенина на английский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 1985. 19 с.

Кошут Л. О новом немецком издании произведений Сергея Есенина //

Столетие Сергея Есенина : междунар. симп. : Есенинский сборник. Вып. 3 / под ред. А. Н. Захарова, Ю. Л. Прокушева. М. : Наследие, 1997. С. 453–456.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. Т. 1–4. М. : ИМЛИ РАН, 2003–2010. 736 + 760 + 1056 + 736 с.

Русское зарубежье о Есенине : в 2 т. / сост. Н. Шубникова-Гусева. М. : ИНКОН, 1993. 328 + 204 с.

Auras C. Sergej Esenin: Bilder- und Symbolwelt. München : Sagner, 1965. 211 S.

Celan P. Gesammelte Werke in 5 Bänden. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1992. Bd. 5. S. 163–277.

Czechowski H. Das offene Geheimnis. Liebesgedichte. Düsseldorf : Grupello-Verlag, 1999. 94 S.

Fischer C. Sinnbilder Russlands im geteilten Deutschland : Die Rezeption russischer Lyrik in deutschen Literaturzeitschriften (1945–1990). Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Wien : Peter Lang, 2012. 392 S.

Gartmann W. Die jüngste russische Revolutionsdichtung // Der neue Merkur. 1920. №2/3 (Mai-Juni). S. 110–119.

Gerhardt D. Russlands Lyrik // Europäische Hefte – Cahiers Europeennes – Notes from Europe. 1976. H. 1. S. 2–5.

Glitsch S. Die Konstituierung von Utopie in Sergej Esenins Poem «Inonija». Wiesbaden : Harrassowitz, 1996. 196 S.

Goll I. Russische Revolutionsdichtung // Menschen: Zeitschrift neuer Kunst. 1921. № 113. S. 44–46.

Groeger W. E. Jessenin // Das Kunstblatt : Monatschrift für künstlerische Entwicklung in Malerei, Skulptur, Baukunst, Literatur, Musik / Hrsg. von P. Westheim. Wildpark-Potsdam : Akademische Verlagsgesellschaft Wildpark, 1926. H. 2. S. 91.

Ivanovič C. «Im Lichte der Utopie»: Alexander Blok und Sergej Jessenin // «Fremde Nähe». Celan als Übersetzer : Eine Ausstellung des Deutschen Literaturarchivs in Verbindung mit dem Präsidialdepartement der Stadt Zürich im Schiller-Nationalmuseum Marbach am Neckar und im Strauhof / Hrsg. von A. Gellhaus. Zürich : Taschenbuch, 1998. S. 291–316.

Ivanovič C. Das Gedicht im Geheimnis der Bewegung. Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren // Studien zur deutschen Literatur / Hrsg. von G. Braungart, E. Geulen, S. Martus, M. Wagner-Egelhaaf. Tübingen : Niemeyer, 1996. S. 129–158.

Jessenin S. Gedichte. Frankfurt am Main : Fischer, 1961b. 62 S.

Jessenin S. Gedichte. München : Langewiesche-Brandt, 1961a. 78 S.

Jessenin S. Ich bin des Dorfes letzter Poet: 117 seiner schönsten Natur- und Dorfgedichte. Berlin : NoRa, 2005. 207 S.

Jessenin S. Liebstes Land, das Herz träumt leise. Berlin : Verlag Kultur und Fortschritt, 1958. 105 S.

Mierau F. Deutsche Eseninübersetzungen // Zeitschrift für Slawistik. 1966. № 11. S. 317–330.

Mierau F. Sergej Jessenin. Leipzig : Reclam, 1992. 555 S.

Olschner L. Sergej Esenin bei Paul Celan : Spiegel und Spiegelähnliches // Abgrund Zeit. Paul Celans Poetiksplitter. Goettingen : Vadenhoeck ; Ruprecht, 2007. S. 139–158.

Ortheil H. J. Russische Dichter // Frankfurter Rundschau. 24.03.2004. S. 8.

Passow M. Eseninsche Lyrik in deutschen Übertragungen: ein Beitrag zur Übersetzungstheorie und Eseninrezeption in der DDR. Güstrow : Pädagogische Hochschule, 1984. 167 S.

Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam. München : Der Hörverlag, 2002. 1 CD.

Rieper K. Schwere Kost : Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam. URL: <http://www.hoerbuchtipps.de/hb-tip53.shtml> (mode of access: 11.04.2016).

Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen; Originalaufnahmen / Hrsg. von A. Nitzberg ; Übersetzungen rezitiert von A. Nitzberg. Köln : DuMont, 2003. 1 CD.

Stern C. Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin. Berlin : Rowohlt, 1996. 172 S.

Tschizewskij D. Esenins Lied vom Brot // Aus zwei Welten : Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. S-Gravenhage : Mouton, 1956. S. 319–336.

Vesper G. Ich hörte den Namen Jessenin: frühe Gedichte. Frankfurt am Main : Frankfurter Verlag-Anstalt, 1990. 95 S.

References

- Auras, C. (1965). *Sergej Esenin: Bilder- und Symbolwelt*. München, Sagner. 211 p.
- Celan, P. (1992). *Gesammelte Werke in 5 Bänden*. Bd. 5. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, pp. 163–277.
- Czechowski, H. (1999). *Das offene Geheimnis. Liebesgedichte*. Düsseldorf, Grupello-Verlag. 94 p.
- Fischer, C. (2012). *Sinnbilder Russlands im geteilten Deutschland. Die Rezeption russischer Lyrik in deutschen Literaturzeitschriften (1945–1990)*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, N. Y., Oxford, Wien, Peter Lang. 392 p.
- Gartmann, W. (1920). Die jüngste russische Revolutionsdichtung. In *Der neue Merkur*. No. 2/3 (Mai-Juni), pp. 110–119.
- Gerhardt, D. (1976). Russlands Lyrik. In *Europäische Hefte – Cahiers Europeennes – Notes from Europe*. H. 1, pp. 2–5.
- Glitsch, S. (1996). *Die Konstituierung von Utopie in Sergej Esenins Poem "Inonija"*. Wiesbaden, Harrassowitz. 196 p.
- Goll, I. (1921). Russische Revolutionsdichtung. In *Menschen: Zeitschrift neuer Kunst*. No. 113, pp. 44–46.
- Groeger, W. E. (1926). Jessenin. In Westheim, P. (Hrsg.). *Das Kunstblatt. Monatsschrift für künstlerische Entwicklung in Malerei, Skulptur, Baukunst, Literatur, Musik*. Wildpark, Potsdam, Akademische Verlagsgesellschaft Wildpark. H. 2, p. 91.
- Ivanov, G. (1993). Esenin. In Shubnikova-Guseva, N. (Ed.). *Russkoe zarubezh'e o Esenine: Vospominaniya, esse, ocherki, reitsenzii, stat'i v 2 t.* [Russian Émigrés about Yesenin: Memoirs, Essays, Reviews, Articles. 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, INKON, pp. 43–44.
- Ivanovič, C. (1996). Das Gedicht im Geheimnis der Bewegung. Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren. In Braungart, G., Geulen, E., Martus, S., Wagner-Egelhaaf, M. (Hrsg.). *Studien zur deutschen Literatur*. Tübingen, Niemeyer, pp. 129–158.
- Ivanovič, C. (1998). "Im Lichte der Utopie": Alexander Blok und Sergej Jessenin. In Gellhaus, A. (Hrsg.). *"Fremde Nähe". Celan als Übersetzer: Eine Ausstellung des Deutschen Literaturarchivs in Verbindung mit dem Präsidialdepartement der Stadt Zürich im Schiller-Nationalmuseum Marbach am Neckar und im Strauhof*. Zurich, Taschenbuch, pp. 291–316.
- Jessenin, S. (1958). *Liebstes Land, das Herz träumt leise*. Berlin, Verlag Kultur und Fortschritt. 105 p.
- Jessenin, S. (1961a). *Gedichte*. München, Langewiesche-Brandt. 78 p.
- Jessenin, S. (1961b). *Gedichte*. Frankfurt am Main, Fischer. 62 p.
- Jessenin, S. (2005). *Ich bin des Dorfes letzter Poet: 117 seiner schönsten Natur- und Dorfgedichte*. Berlin, NoRa. 207 p.
- Kalmykova, L. I. (1985) "Neperevodimoe" v perevodakh Esenina na angliiskii yazyk ["The Untranslatable" in Translations of Yesenin into English]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 19 p.
- Koshut, L. (1997) O novom nemetskom izdании proizvedenii Sergeya Esenina [On the New German Edition of Sergei Yesenin's Works]. In Zakharov, A. N., Prokushev, Yu. L. (Eds.) *Stoletie Sergeya Esenina: Mezhdunarodnyi simpozium. Yeseninskii sbornik* [Centenary of Sergei Yesenin: International Symposium. Yesenin Collection]. Iss. 3. Moscow, Nasledie, pp. 453–456.

Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Esenina v 5 t. [A Chronicle of the Life and Creative Work of S.A. Yesenin. 5 vols.]. (2003–2010). Vols. 1–4. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. 736 + 760 + 1056 + 736 p.

Mierau, F. (1966). Deutsche Eseninübersetzungen. In *Zeitschrift für Slawistik*. No. 11, pp. 317–330.

Mierau, F. (1992). *Sergej Jessenin*. Leipzig, Reclam. 555 p.

Nitzberg, A. (Hrsg.). (2003). *Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen; Originalaufnahmen / Übersetzungen rezitiert von A. Nitzberg*. Köln, DuMont. 1 CD.

Olschner, L. (2007). Sergej Esenin bei Paul Celan : Spiegel und Spiegelähnliches. In *Im Abgrund Zeit. Paul Celans Poetiksplitter*. Goettingen, Vadenhoeck, Ruprecht, pp. 139–158.

Ortheil, H. J. (2004). Russische Dichter. In *Frankfurter Rundschau*. Mart, 24, p. 8.

Passow, M. (1984) *Eseninsche Lyrik in deutschen Übertragungen: ein Beitrag zur Überetzungstheorie und Eseninrezeption in der DDR*. Güstrow, Pädagogische Hochschule. 167 p.

Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam. (2002). München, Der Hörverlag. 1 CD.

Rieper, K. (N. d.). *Schwere Kost : Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam*. URL: <http://www.hoerbuchtipps.de/hb-tip53.shtml> (mode of access: 11.04.2016).

Shubnikova-Guseva, N. (Ed.). (1993). *Russkoe zarubezh'e o Esenine: Vospominaniya, esse, ocherki, retsenzii, stat'i v 2 t.* [Russian Émigrés about Yesenin: Memoirs, Essays, Reviews, Articles. 2 vols.]. Moscow, INKON. 328 + 204 p.

Stern, C. (1996). *Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin*. Berlin, Rowohlt. 172 p.

Tschizewskij, D. (1956). Esenins Lied vom Brot. In *Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen*. S-Gravenhage, Mouton, pp. 319–336.

Vesper, G. (1990). *Ich hörte den Namen Jessenin: frühe Gedichte*. Frankfurt am Main, Frankfurter Verlag-Anstalt. 95 pp.

Voronova, O. E. (2013) Sergei Esenin i nemetskaya kul'tura [Sergei Yesenin and German Culture]. In *Eseninskii vestnik*. No. 3(8), pp. 77–86.

Vystuplenie V. V. Putina na tseremonii otkrytiya festivalya "Rossiisko-germanskije kul'turnye vstrechi 2003–2004 gg." [Speech by V. Putin at the Opening Ceremony of the Festival "Russian-German Cultural Encounters of 2003–2004"]. (2003). In *Diplomaticheskii vestnik*. Mart. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf (mode of access: 11.04.2015).

Yesenin, S. A. (1995) *Polnoe sobranie sochinenii v 7 t.* [Complete Works. 7 vols.]. Vol. 1. Stikhotvoreniya. Moscow, Nauka, Golos. 672 p.

The article was submitted on 21.01.2017

THE RUSSIAN REVOLUTION, 1917–2017: THE MYTHOLOGY AND REALITY OF EVERYDAY LIFE

DOI 10.15826/qr.2017.4.263

УДК 94(100)"15/19"+314.02+351.755

THE THREE MAIN WESTERN REVOLUTIONS AND THEIR CENSUSES*

Gunnar Thorvaldsen

University of Tromsø,
Tromsø, Norway;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Elena Glavatskaya,

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers national censuses in the US, France, and Russia based on new principles and held after their respective revolutions. The authors aim to find out to what extent the authorities succeeded in following enumeration procedures based on international regulations. It is demonstrated that a census is a dialectical process involving the state and the population, requiring reciprocal trust. France had no experience of organising censuses with the exception of those in the country's American colonies. The gentry wanted to keep control over their lands and would not share information about their population with the central authorities. In post-revolutionary France, the census held during the Jacobin terror was not entirely successful, with the state bureaucracy not being strong enough to organise a coherent census and different revolutionary committees taking uncoordinated measures to register the population. The US, however, had had a number of censuses organised by the British prior to the War of Independence. The first census in the United States was held in 1790 in compliance with the Constitution. As a result, the US has held censuses at decadal intervals ever since, but it faced a number of problems for a considerable amount of time, especially concerning the registering of racial minorities. Russia was at an advantage in that respect since it held the first all-Russian census in

---

* The research is sponsored by the Russian Science Foundation grant (project 16-18-10105).

** *Citation:* Thorvaldsen, G., Glavatskaya, E. (2017). The Three Main Western Revolutions and Their Censuses. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 992–1008. DOI 10.15826/qr.2017.4.263.

Цитирование: Thorvaldsen G., Glavatskaya E. The Three Main Western Revolutions and Their Censuses // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 992–1008. DOI 10.15826/qr.2017.4.263.

1897 in addition to local censuses and census-like tax revisions. The first all-Soviet census organised after the Revolution and Civil War in 1926 was successful, especially among the ethnic minorities in the polar parts of the country. However, the 1937 census became part of repression measures, with detrimental consequences for the census and census takers alike. The US and Soviet censuses organised after their respective revolutions were successful: in the former, the census created enthusiasm because it was regarded as an instrument to make the new democracy work, while in the Soviet Union of the 1920s, the census was perceived as a prerequisite for the social and economic modernisation of the new state.

Keywords: Revolutions; population censuses; Russian Revolution; 1790 census of the US; French censuses; 1926 census of the Soviet Union.

Рассмотрены всеобщие национальные переписи населения в США, Франции и России, проведенные после окончания революций, повлекших кардинальные изменения в обществе, и организованные по новым принципам. Авторы исследуют вопрос о том, в какой степени каждой из них удалось провести регистрацию населения в соответствии с новыми международными правилами. Показано, что перепись населения – диалектический процесс, требующий доверия и взаимодействия между властями и населением. Во Франции не было опыта организации переписей, за исключением тех, что были осуществлены в их американских колониях. Дворяне стремились сохранить полный контроль в своих землях и не желали делиться информацией о населении с центральной властью. Не вполне удалась послереволюционная перепись населения во Франции, проведенная в условиях террора якобинцев. Государственная бюрократия была слишком слаба, и многочисленные революционные комитеты проводили нескоординированные действия по регистрации населения. В США к началу Войны за независимость прошло несколько переписей, организованных британцами. Первая перепись здесь была проведена в 1790 г., через несколько лет после окончания войны, в соответствии с решением, записанным в Конституции. С тех пор переписи населения в стране проходят регулярно с десятилетним интервалом, однако проблемы качества их проведения сохранялись достаточно долго, особенно в части регистрации расовых меньшинств. Россия имела явное преимущество, обладая опытом проведения Первой общероссийской переписи 1897 г., а до нее – организации городских переписей и ревизий населения. Первая перепись населения в Советском Союзе, проведенная после окончания революции и Гражданской войны в 1926 г., была вполне успешной, особенно Приполярная перепись этнических меньшинств в северных районах страны. Однако следующая за ней Всесоюзная перепись 1937 г. стала частью репрессивной политики, повлекшей пагубные последствия как для ее результатов, так и для переписчиков. Послереволюционные переписи населения в США и Советском Союзе были вполне успешными. В США ее приняли с большим энтузиазмом как необходимый инструмент утверждавшейся демократии, а в Советском Союзе – как предпосылку социально-экономической модернизации нового государства.

Ключевые слова: революции; переписи населения; Русская революция; перепись населения США 1790 г.; переписи населения во Франции; Всесоюзная перепись населения 1926 г.

Most historians will agree that the most significant revolutions in the Western Hemisphere have been the American, the French, and the Russian. Among their far-reaching consequences was the introduction of population censuses taken with new procedures that aimed to provide more accurate population statistics. The US from 1790, France from the 1790s, and Russia from 1920 used different methods, however, and the scope and accuracy of the enumerations in each of the three nations differed as well. The very definition of a census demands that the whole territory should be included and that the population should be counted on a specific census day in order to avoid under-enumeration and the repeated listing of migrants [Goyer, Draaijer]. This article highlights the factors that decided the extent to which enumerators in the US, France, and Russia were able to live up to such strict demands.

The demands were the strictest in the Soviet Union, not only because by the 20th century the contents of a population census were much more complex and the questionnaires and instructions more advanced than in the late 18th century. The Soviet census had to serve as a basic instrument for the planned economy, not only enumerating the population, but also mapping in as great detail as possible the resources available for building a centralized socialist economy. Since the US census was primarily an instrument for deciding suffrage and distributing delegates to Congress, it could simply count adult men – women got the full right to vote in 1920. In France, the census got off to a difficult start when different revolutionary committees were unable to coordinate their enumeration efforts.

Sociologists recently presented a theory about population censuses as dialectical interplay between the state and the population in order to explain the variation in the scope, contents, and methodology of censuses [Emigh, Riley and Ahmed, 2015a; Emigh, Riley and Ahmed, 2015b]. The theory's pivotal point is that the power of the central state relative to regional leaders and pressure groups decides to what degree statisticians as agents of the state were able to carry out any national enumeration. In none of the three post-revolutionary states was it obvious that censuses could be taken reasonably quickly. The US managed to create a simple, numeric census in 1790, seven years after the end of the Revolutionary War and only three years after the Constitutional Assembly ratified census taking. After a similar length of time, the Bolsheviks had to acknowledge that war made their 1920 census premature and that it would only cover parts of the Soviet Union. Several revolutionary committees organized censuses in France, but none came to cover the whole nation, and most of the census manuscripts ended up as heating material.

Of the three revolutionary states, the French had the least experience with census taking. In the 18th century, several theoretical attempts were made to assess the number of inhabitants based on vital rates and experimental multiplication factors. The exception was the censuses arranged in French Canada in the 17th century. Regional opposition against providing Paris with census numbers blocked all attempts by state representatives to arrange national

enumerations. However, “suddenly in 1789 the word ‘impossible’ stopped being French for census taking” [Dupaquier J., Dupaquier M., p. 292]. The US, in contrast, had extensive experience, since the British arranged enumerations in most of its American colonies before the War of Independence, despite the House of Lords blocking similar counting in Britain itself.

Russian administrators had experience not only from the 1897 census, which covered the whole empire except Finland, but also from censuses run in many of its cities in the 1870s and 1880s and the *Revizkie Skazkie* (census-like tax revisions), of which the tenth and last was organized in 1858. The 1905 Russian Revolution, World War I, the 1917 revolutions, civil war, and foreign intervention led to the postponement of the second all-Russian census.

The Independent United States and their censuses

As principal members of the Constitutional Assembly, Congress leader James Madison and Secretary of State Thomas Jefferson were well aware of the importance of census taking for the political functioning of their new American republic. On 14 February 1790, the former wrote to the latter: “A Bill for taking a census has passed the House of Representatives, and is with the Senate” [Madison]. Madison phrased the need for a headcount in this manner: “Enumeration shall be made within three Years after the first Meeting of the Congress of the United States, and within every subsequent Term of ten Years, in such Manner as they shall by Law direct” [Constitution of the US, 1787, article 1, section 2]. Congress passed its first bill about census taking in 1790 and has continued the practice every decade since. The scope and contents of the US census has varied, but some form of enumeration is mandatory according to the Constitution. Already from the start, some politicians wanted to drop re-enumeration in order to cut expenses or because they were satisfied with the existing calculation of voters and delegates. But this would be unconstitutional.

Jefferson continued monitoring the census procedures and results, and in August 1791 noted that nearly all states had returned them. He distinguished between empirical and estimated results for the many places still missing information: “the result, which as far as founded on actual returns is written in black ink, and the numbers not actually returned, yet pretty well known, are written in red ink. Making a very small allowance for omissions, we are upwards of four millions; and we know in fact that the omissions have been very great” [Jefferson]. This is but one example of how learned men used census results in their letters and publications, for instance in state histories – there was not even a temporary census office to compute aggregates. However, these statistics included only people who lived inside the initially recognized thirteen states, since other territories elected no representatives to national offices yet. This was to change rapidly: before the next census in 1800, Vermont, Kentucky, and Tennessee were accepted into the Union and arranged census taking at the turn of the new century.

The US Congress distributes representatives among the states based on census figures describing the electorate. In March 1792, they passed a bill with a distribution that many southerners felt favoured the northern states. President Washington discussed the matter with his government, where Jefferson and Secretary of the Treasury Alexander Hamilton disagreed as usual. Jefferson suggested a more southern-friendly method of distributing delegates. Washington vetoed the bill, the first presidential veto ever. Congress had to adopt an apportionment system along Jefferson's guidelines [Anderson, p. 16]. With all the checks and balances of Jeffersonian democracy, there is always a danger that the census-based US representative democracy might be politically impotent. By mid-1792, however, central observers could note with satisfaction that the world's first democracy based on census taking actually functioned, despite under-enumerations and other shortcomings. In addition to the British pre-revolutionary censuses, it helped that during the Revolution individual colonies had created census-like tax lists in 1776 or lists to check which citizens failed to sign the 1778 Oath of Fidelity [Federal Census Schedule]. The government's attempt from 1798 to levy a tax on slaves, housing, and land failed, and made little impact on census methodology [Anderson, p. 17]. With British all-union taxation as the main controversial issue before the War of Independence, it should not surprise us that the collection of federal taxes was problematic.

President Jefferson and others campaigned to include more details in the 1800 census. Even if built on the earlier model, the 1800 census introduced smaller administrative divisions and age distributions for whites, while only gross aggregates represented the Indian and slave populations. Congress ignored Jefferson's pleas for occupational and economic data collection, likely because it could be used for taxation. It gave the marshals nine months during which to assemble, verify, and aggregate the census returns, an interval Congress tried unsuccessfully to shorten in 1810. From each of these censuses, Congress published one volume of statistics reporting that the population had grown to 7.2 million inhabitants in 1810. They could proudly ascertain that US population numbers grew faster than the English, inspiring hopes that they would eventually overtake their former rulers. One reason for the growth was that the revolution in the US was a "Revolutionary War", which ended with a peaceful period from 1783. This revolution is also known as the American War of Independence during which they got rid of the British colonizers with French help: from the standpoint of the census, this seems a more relevant concept. By census-time in 1790, the US authorities had full control over the territory, and most war damage had been repaired. It initiated a long period of regular census taking: the US is the only country in the world which has taken censuses at regular, decadal intervals since 1790, although with severe under-enumeration problems. This was very different from France, where the attack on the Bastille on 14 July 1789 started more than two decades of unrest and wars.

The Great French Revolution and population census

The revolutionaries needed a census for traditional reasons like taxation and military conscription, but they also had political motives, specifically the identification of suspected counter-revolutionaries and monitoring the progress of the revolution. In a few years, the records should make obvious to everyone “the advantages of a free government and the good that we have done” [Dupaquier J., Dupaquier M., p. 292]. There was no lack of political will in this respect. Revolutionary committees passed no less than four decrees about census taking from 1789 to the summer of 1791. They repealed orders sent to the municipalities in December 1789 in the following January because the enumerations could not be completed in time for the elections. The decree was reinstated in late June 1790, when two other revolutionary committees ordered enumerations, one by district, canton, and municipality, the other a listing of tax classes by commune and the number of hearths. Orders were given by le Comité de Division, le Comité de Constitution, le Comité de Mendicité (begging), and le Comité de Contribution: later, the Ministries of Finances, the Interior, and Public Instruction also did this.

The office for vital statistics established in 1786 would normally have carried out the central compilation of census aggregates, but this agency was too weak to act during the turmoil of the revolution, and the revolutionaries did not prioritize the establishment of a real, central statistical bureau. Thus, the strong will of Jacobin politicians was moderated by the state’s lack of administrative leverage. Therefore, the masses of data sent to Paris from the localities could not be turned into statistical information, even if some aggregates were produced on the local and regional levels and published from 1792 to 1794 [Dupaquier J., Dupaquier M., p. 292]. The piles of paper were stored conscientiously for a while, and some of it has survived in the archives. Much of it ended up heating stoves or as cardboard, however.

The need for administrative coordination became obvious during the rule of the Directory from November 1795 to November 1799. Still, it was not until August 1798 that Minister Francois Neufchâteau (1750–1828) organized the “Bureau du Nord” in his Department of the Interior: this was charged with all census taking upon the establishment of the rule of the Consulate in 1799. Jean-Antoine Chaptal (1756–1832) became Minister of the Interior in the autumn of 1800. Chaptal, who is more famous for introducing the metric system, followed up the preparations for a general population count, which had been ordered in a circular of 16 May 1800. The Department required the mayors in all French municipalities to establish an enumeration of the population divided by married men, widowers, married women, widows, boys, girls, and the military. Otherwise, the instructions sent out were scanty in the extreme: supposedly, *de jure*, numeric census enumeration should be applied. Many mayors contented themselves with submitting rough numbers, which generally underesti-

mated the population. Others were more accurate, basing their aggregates either on nominative census lists or population registers existing in some localities. Chaptal and his staff had serious doubts about the correctness of the 1801 census, thus organizing a special enumeration in 1802. Therefore, it may be reasonable to question whether it is fair to call the enumeration in 1801 the first real census in France [Dupaquier J., Dupaquier M., p. 292]. As late as 1975, French demographers published a reconstruction of five-year French population totals for the period 1740 to 1860 based on mortality statistics. The authors are probably right that emigration and immigration were limited during this period, since their estimates correspond well with the censuses from 1806 onwards. The 1801 census, however, is deemed to have underestimated the population of France by 0.9 million people, or three percent [Henry, Blayo]. Le Bureau de Statistique published a summary of the statistical results in 1806.

In addition to the general weaknesses of the administrative apparatus after the Revolution, disagreement among leading French 'statisticians' helps explain the somewhat chaotic census taking. Only a couple of weeks after Chaptal became Minister of the Interior in November 1800, he appointed Alexandre de Ferrière as head of the newly reorganized "bureau de statistique". De Ferrière interspersed his administrative duties with the writing of comedies. He adhered to the German school of descriptive rather than quantitative statistics, typically writing: "We must not fool ourselves, rigorous precision and mathematical exactitude are impossible" [Desrosières, p. 47]. De Ferrière found it more important to edit, publish, and comment upon the memoirs of administrative prefects in *l'Analyse de la statistique generale* than to administer and publish aggregates from the 1801 census returns. This heyday of non-quantitative statistics ended after Jean-Baptiste de Nompère de Champagny (1756–1834) became Minister of the Interior in 1804 and stopped the publication of memoirs. This moderate politician, experienced administrator, and ambassador wanted practical results from his statistical bureau, most notably municipal overviews of the population by domicile based on nominative lists [Dupaquier J., Dupaquier M., p. 292]. However, no results from the new census which the statistical bureau attempted to undertake in 1804 have ever been published.

Now the time was ripe for the actuary and mathematician Emmanuel du Villard de Durand (1755–1832) to repeat his harsh criticism of the statistical bureau's publications, including its elementary errors in calculation. De Ferrière's attempt to reply with a jest was in vain: "A more exact estimate of the weight of vegetable production in France will not add a single piece of cabbage to the gardens". Du Villard made no secret of his ambitions to replace the director of the Bureau where he was already employed. Champagny appointed him as vice director three days after he received the critical letter. De Ferrière soon stepped down, and du Villard formulated a program for the calculation of precise quantitative statistics, wanting the Bureau's employees to become scientists rather than archivists [Desrosières, p. 48]. They should discuss and verify critically the figures

received from other authorities, and analyse the relationship between the various aggregates about the population. Du Villard went on to give advice about the next census, due in 1806. This was still the responsibility of the Bureau du Nord, and intradepartmental intrigues may explain why du Villard remained second in command by the appointment of Charles Étienne Coquebert de Montbret (1751–1831) as director of a once more reorganized “Bureau d’administration générale de la statistique”. He came from a position as customs director on the Rhine and was an experienced mining engineer. The Bureau du Nord administered their second census, which was due five years after the rather unsuccessful 1801 census. The 1806 census is without doubt the most accurate from the revolutionary and Napoleonic period, counting the legal (*de jure*) rather than the *de facto* (present) population [Dupaquier J., Dupaquier M., p. 292].

The 1917 Revolution and population censuses

After a successful start in population registration during the all-Russian census in 1897, there was a break due to the first Russian Revolution in 1905, followed by yearlong mutinies that made the next census impossible. The economic hardships and food crises after Russia entered World War I required urgent information about population and supplies, and desperate attempts were made by several Russian municipalities to register its population in order to arrange efficient food supply. There were the all-Russian agricultural census of 1916 and all-Russian urban census of 1917 [Гапоненко, Кабузан]. On census day in Ekaterinburg (15 January 1917), the city authorities addressed the citizens in the local newspaper in order to explain the main purpose of the enumeration: the census was designed to solve the food crises, so they needed to know the size of the population. They also planned to monitor the need for fuel, the number of disabled citizens, persons with education and professional skills, etc. The authorities warned about gossip that the confiscation of food would follow the census, and called on people to trust and help the census takers.

It is not surprising that the revolutionary Bolsheviks attempted to take a census as soon as 1920: it included questions about agricultural production, so it was important for the planned economy. In his publications, Lenin had used aggregates from the 1897 census to group the towns in the European part of Russia, and he helped the census effort in 1920 by allocating rationed paper for printing census questionnaires. Lenin’s quest for precise information was something the authorities would point to repeatedly in order to motivate people to participate in the censuses. Allegedly, on Lenin’s orders, the question about religion from 1897 was replaced by questions about nationality (*national’nost’*). The 1920 census effort failed, however, due to lack of resources: in any case, it could never have covered the whole territory due to foreign interventions and the civil war, which was still raging. About 28 percent of the total population was excluded due to severe under-enumeration in provinces like Belorussia, the Crimea, the Volga,

Transcaucasia, Turkestan, Khiva, Bukhara, the Far East, and regional parts of Ukraine and Siberia. Thus, the published aggregates cover only parts of the USSR. In 1923, an urban census along the same lines was conducted in towns and other densely populated places [Schwartz].

In charge of the difficult task of collecting statistical information during the turbulent decade from 1917 to 1926 was Pavel Il'itch Popov, born in Irkutsk in 1872. He graduated from the teachers' high school (siminaria) and worked two years as a teacher in Ust'-Ude before going west to study in St Petersburg, where he was arrested in 1896 for links to the Social Democratic Party. After a year in prison, he was exiled to Ufa gubernia, working as a statistician there and in a number of other Russian cities. He studied agronomy in Berlin for a couple of years: when he returned after the Revolution in 1905, he became a statistician with the city administration in St Petersburg while working in parallel on the agricultural statistics of Ukraine. He also obtained detailed knowledge of the Russian Empire by being employed at statistical offices as assistant and, later, as head of statistics in several cities (Samara, Smolensk, Vologda, Khar'kov, and Tula) from 1900. Due to his solid scholarly background, the national congress of statisticians in 1915 elected Popov as secretary general before he took part in the all-Russian agricultural census of 1916. The provisional government appointed him director of the Statistical Bureau in March 1917.

It likely helped Popov's career that he knew Lenin personally from meeting him first in Ufa, where the Bolshevik leader came to visit his wife when returning from Siberian exile, and later in Finland in 1905. In addition, other revolutionary acquaintances such as People's Commissar and statistician Aleksandr Tsiouroupa most likely recommended his continued directorship of the reorganized Directorate of Statistics after the Bolsheviks took power. He defended the independence of statistical expertise in conflicts with other agencies and was not afraid of directly opposing political pressure from such high-ranking politicians as Zinoviev, Bukharin and Stalin, or protesting when he found that they had misused statistical results. The result was his eviction from the post as director of Soviet statistics – the Bolsheviks obviously wanted the primacy of political over scholarly criteria when constructing statistical aggregates. This brought an end to his frequent travelling and participation in international statistical conferences. Popov was degraded to the post of director of agriculture in Gosplan, a post he kept until 1948, two years before he died [Blum, Mespoulet, 18–19].

The census taken in 1926 was the most reliable of the early Soviet censuses, and with the smallest amount of under-enumeration. The dominance of the tsarist regime and the Orthodox Church had ended, so people dared to answer census questions about language or ethnicity. The Bolshevik authorities were in charge of the entirety of the USSR's territory: they were liberal with respect to the right of national groups to express their own culture and the collectivization of agriculture had not started. Therefore, there is reason to put faith in the information about "nationality" which the 1926 census asked for in addition to mother tongue. The *narodnost'*

concept can today be translated as ‘nationality’ or ‘ethnicity’, depending on what part of the USSR and which ethnic groups we consider. For instance, Russians or Uzbeks were major ethnic groups, forming the majority population of two republics: they could alternatively be classified as nationalities (*national’nost’*). Other groups, such as the Lopari (contemporary Sami) or the Ostiaks (contemporary Khanty), were minorities inside republics with other majorities. In this case, we must rather translate *narodnost’* as ethnicity. People had to answer this census question by self-identification, and cultural aspects rather than ancestry or biological background were what was sought. Since the census taker would usually interview the male head of household, the guideline to report maternal ethnicity for children in mixed marriage families was not easy to follow. Nationality in the sense of *citizenship* was not a relevant criterion – people were citizens of the Soviet Union.

The 1926 all-union census resulted in the publication of 55 volumes with printed statistical aggregates consisting of two main series organized by republic. In the first series, the focus was on the national or ethnic composition of the republics, provinces, and regions, which was in accordance with the efforts of the Bolshevik Party to organize the republics as semi-independent nations. The occupational structure of the country was equally important, since the authorities wanted to map the productive forces available for building the USSR as well as to identify social segments that could threaten the new worker state’s stability. In the Russian parts of the Union, nearly two thirds of the enumerators were statisticians, students, or teachers, while in the Central Asian parts just above one third belonged to these categories [Schwartz]. Many census takers were students educated in Moscow and other cities, but they often lacked detailed knowledge of local languages, customs, and topography. In certain districts, for example in Ufa, they were unwelcome, and local leaders had to escort them. They were partly rewarded with school credits and partly forced to participate with gentle methods. Some were in a hurry, defining ethnicity by the origin of the family name or accepting the vernacular version of expressions like “God only knows” as an answer. Other census takers were worried that the answer “prostitute” from a group of women would be unacceptable. In the Far East, age had to be computed via the Chinese calendar, and some census wards had to be re-registered since the *narodnost’* or ethnicity “Sibiriak” was too general and unacceptable to the authorities [Hirsch, p. 96–99].

All the hardships of the early 20th century affected the population’s size and structure, as shown by the 1920 and, more completely, the 1926 censuses. According to the 1897 census, the population of the Russian Empire stood at 125.6 million inhabitants, excepting the Grand Duchy of Finland. According to estimates based on vital registers, in 1911 the total population had increased to 167 million. If we include the areas not counted, the population of Soviet Russia in 1920 has been estimated at about 137 million. By then, the following countries were not included: Poland with 18 million, Finland with 3 million, Romania with 3 million, and the Baltic states with 5 million. Also, Karskaia oblast’, with about 400,000 former Russian citizens,

had been transferred to Turkey according to the peace treaty between Soviet Russia and Turkey in 1921. Comparing the population pyramids based on the 1897 and 1926 censuses for the Russian Empire and the Soviet Union respectively, the changes in the composition of the population are striking (fig. 1, 2). In 1897, the ten-year age groups reveal a regularly decreasing

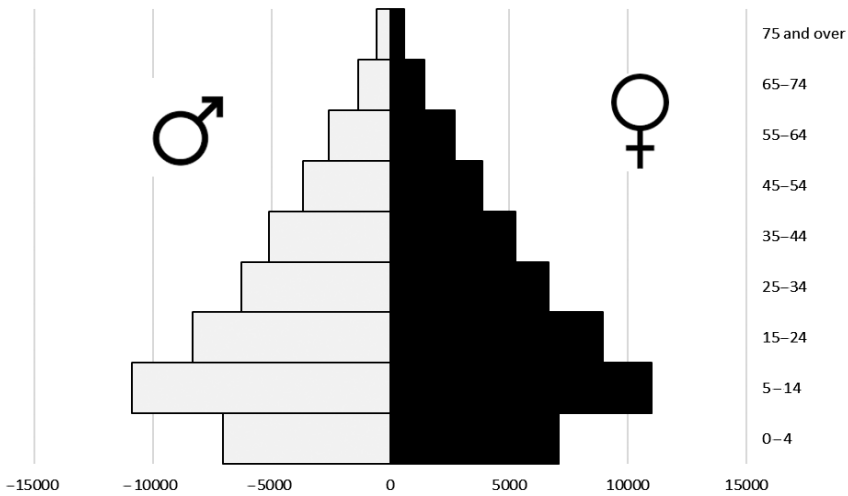

Fig. 1. Population of European Russia according to the 1897 census by age and sex (in thousands) [Mitchell]

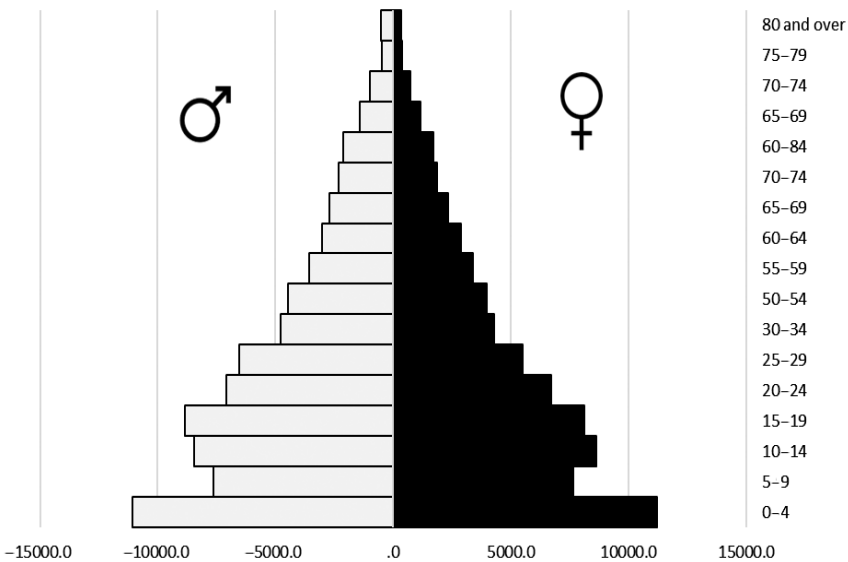

Fig. 2. Population of the Soviet Union according to the 1926 census by age and sex (in thousands) [Mitchell]

population in the older age groups due to mortality, while the youngest age band is smaller simply because it was aggregated as a five-year age group. The aggregates from 1926 are all from five-year age groups, and it is evident that the number of children aged five to nine and ten to fourteen had been reduced due to the hardships of war and revolution.

As an extension of the all-union 1926 census, the authorities made a special effort to collect detailed information about the multi-ethnic northern territories of the Soviet Union in the Polar census (*Pripolarnaia perepis*). 'Northern' in this context could mean quite far south: for instance, the Kamchatka peninsula extends nearly to fifty degrees latitude, but was included due to its interesting aboriginal populations. To all these remote areas, the census bureaucrats sent some of the best ethnologists and other scientists with what must be the most detailed census questionnaires ever used anywhere in the world. In contrast to what happened to most other primary census manuscripts from the Soviet Union or Russia, in many cases the regional archives have preserved the original Polar census forms. Researchers have been able to copy them and transcribe the contents into database formats some eight decades after the census.

In order to understand what an achievement it is that this unique material was collected and has survived, we shall look further into the case study of the Polar census taken in the Yamal Peninsular region. Four different expeditions explored this vast territory to the east of the northern Ural mountain chain, where most of the population was nomadic. The arctic conditions in the wilderness required the expeditions to adapt to the nomadic lifestyle of the populations they enumerated. The students Lebedev and Voznesenski, with the interpreter Zotov and under the leadership of Vladimirtcev, set out to cover the Yamal Peninsula on 28 November. A pack of wolves attacked them on the first day. Since they lost most of their sledge reindeer, they had to risk going to the Schuch'ya river trading post with a light sledge: they were not even carrying a tent. Wolf attacks also occurred during the Nadymo-Poluiskaya expedition south of the peninsula, allegedly because they could not buy poison to kill them from the foreign traders whose visits along the coast the authorities now outlawed. The expedition's leader, the Russian Ethnographical Museum scientist Raisa Mitusova, the ethnography student Natalia Kotovschikova, also from Leningrad, and the journalist Jurkevich from Sverdlovsk were joined by two interpreters who also functioned as pursers. Deep snow made their progress towards the distant settlements almost insuperable, and after a pneumonia incidence the leader could only register households at the closest trading posts. Such hardships among northern census takers had parallels in Canada, where a census taker who lost his way by Lake Manitoba allegedly only survived because he ate his horse [Hamilton, Inwood, p. 101].

The start of the expedition into the Tazovsk region was equally difficult due to health problems. One of the census takers, the exiled lawyer P. Brzhesinsky, was severely wounded when his blitz photography equipment exploded inadvertently. At that point, he and the other enumerator,

the local expert Vityazev (as well as the agronomist/statistician P. Jordanski), were already much delayed due to illness among the regional reindeer herds which transported them. The one with the fewest problems was the one-man expedition Grigorii Artejev, a local schoolteacher who knew the Zyryans and the Samoeds: he needed no interpreter and got their help with lodging, provisions, and transportation. Thus, he was the exception from the centralistic approach of the Bolshevik regime when employing census takers.

The expedition members brought enough provisions for one month in the field, including bread, meat, cereals, butter, tea, sugar, dried fruit, spices, cranberries (to prevent scurvy), soap, and a first-aid kit. Leonid Shul'ts, who headed the census operations, reported the need for more medical equipment to assist people in the remote settlements, since that made them more cooperative when answering the many census questions. It helped that the census takers could trade with the locals, exchanging staples for fresh food or buying fur clothes. To reduce under-enumeration, the organizers sent information about the census to the subjects on beforehand, and the expeditions had to follow a pre-designed itinerary. The polar census takers reported that most people were willing to specify their demography, household composition, migration, production, and consumption. The reindeer owners with big herds, however, constantly concealed the real number of animals, so the enumerators tried to check themselves [Glavatskaya].

Not only did the Polar census attempt to cover a huge territory, but it also aimed to collect information about all aspects of life in the villages and other settlements in the numerous types of questionnaires provided. The most central form was the nominative household card with 405 fields, listing all members of a household unit by name, age, family relationship, marital status, ethnicity, and income. A special card provided extra information about the head of the household, with last names, occupation, and address with name of the settlement and region. Production, consumption, and all equipment available in the household were detailed in the budget and economy cards. These detailed the different types of game and fish caught, including a simple time use study. On special trade cards, it was noted what the households sold and bought. In addition, the census takers reported more qualitative information about the settlements in their community diaries: they took pictures, drew many maps, and registered the types of commerce at trading posts [The 1926/27 Soviet polar census expeditions].

The general impression from the reports of the census takers in the Obdorsk region is rather pessimistic, and we can read it like a premonition of the kind of economic-demographic problems that became fatal for the leading Soviet census takers in 1937. In 1926, they could still blame problems on the Civil War and foreign intervention, but the reorganization of the trading system from big markets to smaller trading posts called "factories" may also have caused problems. Especially severe was the lack of foreign hunting equipment, such as traps, bullets, and strychnine poison to kill game and wolves. Although trade with foreigners along the Arctic coast now being illegal, in these vast territories contraband commerce was diffi-

cult to control. Because of the goods deficit, the wolf packs increased in size while the reindeer herds were diminished because people had to slaughter more animals in order to compensate for the lack of other foodstuffs.

Despite certain deficiencies, there is no doubt that the 1926 all-union census, together with the Polar census, was the most successful post-revolutionary enumeration ever performed. Unfortunately, the international isolation of the Soviet Union and rigid political centralization inside the country halted the revolutionary development of population studies. The events of the 1930s, especially the Moscow show trials, meant that the success of the 1926 All-Union census could not be followed up. The 1937 census manuscripts and aggregates were destroyed and the census directors were executed because the authorities found the results politically unacceptable [Жиромская, Киселев, Поляков]. The replacement, in the form of the 1939 census, gave results which are disputed and cannot be checked due to the destruction of the original census manuscripts. After the war, the Soviet Union prioritized tasks other than census taking, and only in 1959 was the next enumeration performed. Since then, the Soviet Union or Russia has taken a census in every decade.

* * *

Post-revolutionary periods are always volatile, making it difficult to perform many tasks involving the state and the whole population, such as taking censuses properly. In order to evaluate the enumerations organized in spite of war, unrest, economic difficulties and a deficient bureaucracy, we need to ask: when is a census, a census? [Goyer, Draaijer]. First, national legal authority is required, together with complete coverage of a well-defined enumeration area. This has been the case in the US since 1790. It was not possible in the Soviet Union in 1920, although the USSR reached these goals by 1926. In France, the terror and wars which started with the Revolution made coverage of the French nation with a census impossible before the turn of the century. Further census requirements are simultaneous and individual enumeration. In none of the cases was it possible to enumerate the whole population on the same census day. To what degree it was possible to mirror the situation on one specific day (thus including people who died and those who were born shortly after) is difficult to tell. Neither the first French nor the first US censuses were individual in the sense that they listed individuals in nominative census manuscripts; these censuses were numeric, as was usual until the mid-19th century. In addition to being nominative, the first Soviet censuses also met the requirement to publish statistical aggregates, while early US and French publications were scarce indeed.

In order for a census to be successful, further requirements need to be fulfilled. A census is a dialectical process involving the state and the population and requires reciprocal trust. If significant parts of the people are hostile to the enumeration and the census takers, it is difficult to get trust-

worthy results. The terror of the French Revolution created a bad climate for cooperation between the state and major population groups from the very start. The 1790 US census and the 1926 Soviet census were successful because they were accepted as enumerations organized for the people and supported by the people. In the US, there was enthusiasm for census taking as an instrument to make their new democracy work in opposition to previous British rule; the main slogan during the Revolutionary War had been “no taxation without representation”. There was also mercantilist enthusiasm about increasing population numbers. Unlike similar post-revolutionary Soviet population claims in the 1930s, American calculations were built on enumerations rather than theoretical projections: thus, they were able to note that the US population overtook that of England and Wales by 1840 [Anderson, p. 21]. In the Soviet Union, there was enthusiasm about the building of the new workers’ and farmers’ state in the 1920s, an enthusiasm which sadly faded during the repressions of the 1930s, when trust was replaced by an atmosphere of mutual suspicion. The complete failure of the 1937 census also teaches a lesson to those who allege that censuses are constructions created by the state more or less independently [Curtis]. After Stalin and the party leaders realized that the results were incompatible with their preconceived ideas about population statistics, they saw no alternative but to destroy all census materials and execute or jail the census directors. Census taking suffered during the Moscow trials, just as it did during the Jacobin terror in France.

Список литературы

Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. С. 102–104.

Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно» : Всесоюзная перепись населения 1937 года. М. : Наука, 1996. 152 с.

Anderson M. J. The American Census: a Social History. N. Haven : Yale Univ. Press, 1988. 257 p.

Blum A., Mespoulet M. L’anarchie bu reaucratique : Statistique et pouvoir sous Staline. Paris : La Découverte, 2003. 372 p.

Constitution of the US (1787) // The United States Constitution [website]. URL: <https://www.usconstitution.net/xconst.html> (mode of access: 05.04.2017).

Curtis B. The Politics of Population : State Formation, Statistics, and the Census of Canada, 1840–1875. Toronto : Univ. of Toronto Press, 2001. 385 p.

Desrosières A. The Politics of Large Numbers: a History of Statistical Reasoning. Cambridge ; L. : Harvard Univ. Press, 1998. 368 p.

Dupaquier J., Dupaquier M. Histoire de la démographie : la statistique de la population des origines à 1914. Paris : Librairie Academique Perrin, 1985. 462 p.

Emigh R. J., Riley D. J., Ahmed P. Antecedents of Sensesus from Medieval to Nation States : how Societies and States Count. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015a. 266 p.

Emigh R. J., Riley D. J., Ahmed P. Changes in Censuses from Imperialist to Welfare States: how Hocieties and States Count. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015b. 267 p.

Federal Census Schedule Information at the Maryland State Archives // Maryland State Archives [website]. URL: <http://guide.mdsa.net/pages/viewer.aspx?page=census> (mode of access: 05.04.2017).

Glavatskaya E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions / ed. by D. G. Anderson. N. Y. ; Oxford : Berghahn Books, 2011. P. 97–117.

Goyer D. S., Draaijer G. E. The Handbook of National Population Censuses – Europe. N. Y. : Greenwood Press, 1992. 544 p.

Hamilton M., Inwood K. The Aboriginal Population and the 1891 Census of Canada // Indigenous Peoples and Demography: The Complex Relation between Identity and Statistics / ed. by P. Axelsson, P. Sköld. Oxford, N. Y. : Berghahn Books, 2011. P. 95–115.

Henry L., Blayo Y. La population de la France de 1740 a 1860 // Population. 1975. Vol. 30. P. 71–122.

Hirsch F. Empire of Nations : Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union 1917–1939 : Doctoral thesis. Princeton : [S. n.], 1998. 195 p.

Jefferson T. [Letter] from Thomas Jefferson to David Humphreys, 23 August 1791 // The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 22. 6 Aug. – 31 Dec. 1791 / ed. by C. T. Cullen. Princeton : Princeton Univ. Press, 1986. P. 61–62. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-22-02-0062> (mode of access: 05.04.2017).

Madison J. [Letter] to Thomas Jefferson from James Madison, 14 February 1790 // The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 16. 30 Nov. 1789 – 4 July 1790 / ed. by J. P. Boyd. Princeton : Princeton Univ. Press, 1961. P. 183–184. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-16-02-0102> (mode of access: 05.04.2017).

Mitchell B. R. International Historical Statistics: Europe 1750–1993. L. : Macmillan, 1998. 959 p.

Schwartz L. A History of Russian and Soviet Censuses // Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / ed. by R. S. Clem. N. Y. : Cornell Univ. Press, 1986. P. 48–69.

The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions / ed. by D. G. Anderson. N. Y. ; Oxford : Berghahn Books, 2011. 332 p.

Thorvaldsen G. Censuses and Census Takers : A Global History. London, N. Y. : Routledge, 2018. 332 p.

References

Anderson, D. G. (Ed.). (2011). *The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions*. N. Y., Oxford, Berghahn Books. 332 p.

Anderson, M. J. (1988). *The American Census: A Social History*. N. Haven, Yale Univ. Press. 257 p.

Blum, A., Mespoulet, M. (2003). *L'anarchie bu reaucratique: Statistique et pouvoir sous Staline*. Paris, La Découverte. 372 p.

Constitution of the US (1787). In *The United States Constitution* [website]. URL: <https://www.usconstitution.net/xconst.html> (mode of access: 05.04.2017).

Curtis, B. (2001). *The Politics of Population: State Formation, Statistics, and the Census of Canada, 1840–1875*. Toronto, Univ. of Toronto Press. 385 p.

Desrosières, A. (1998). *The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning*. Cambridge, London, Harvard Univ. Press. 368 p.

Dupaquier, J., Dupaquier, M. (1985). *Histoire de la démographie: la statistique de la population des origines à 1914*. Paris, Librairie Academique Perrin. 462 p.

Emigh, R. J., Riley, D. J., Ahmed, P. (2015a). *Antecedents of Censuses from Medieval to Nation States: How Societies and States Count*. N. Y., Palgrave Macmillan. 266 p.

Emigh, R. J., Riley, D. J., Ahmed, P. (2015b). *Changes in Censuses from Imperialist to Welfare States: How Societies and States Count*. N. Y., Palgrave Macmillan. 267 p.

Federal Census Schedule Information at the Maryland State Archives. In *Maryland State Archives* [website]. URL: <http://guide.mdsa.net/pages/viewer.aspx?page=census> (mode of access: 05.04.2017).

Gaponenko, L. C., Kabuzan, V. M. (1961). *Materialy sel'skokhozyaystvennykh perepisei 1916–1917 gg. kak istochnik opredeleniya chislennosti naseleniya Rossii nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii* [Materials of the Agricultural Censuses of 1916 and 1917

as a Source on Russia's Population on Eve of the October Revolution]. In *Istoriya SSSR*. No. 6, pp. 102–104.

Glavatskaya, E. (2011). Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region. In Anderson, D. G. (Ed.). *The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions*. N. Y., Oxford, Berghahn Books, pp. 97–117.

Goyer, D. S., Draaijer, G. E. (1992). *The Handbook of National Population Censuses – Europe*. N. Y., Greenwood Press. 544 p.

Hamilton, M., Inwood, K. (2011). The Aboriginal Population and the 1891 Census of Canada. In Axelsson, P., Sköld, P. (Eds.). *Indigenous Peoples and Demography: The Complex Relation between Identity and Statistics*. Oxford, N. Y., Berghahn Books, pp. 95–115.

Henry, L., Blayo, Y. (1975). La population de la France de 1740 a 1860. In *Population*. Vol. 30, pp. 71–122.

Hirsch, F. (1998). *Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union 1917–1939*. Doctoral thesis. Princeton, S. n. 195 p.

Jefferson, T. (1986). [Letter] from Thomas Jefferson to David Humphreys, 23 August 1791. In Cullen, C. T. (Ed.). *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. 22. 6 Aug. – 31 Dec. 1791. Princeton, Princeton Univ. Press, pp. 61–62. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-22-02-0062> (mode of access: 05.04.2017).

Madison, J. (1961). [Letter] to Thomas Jefferson from James Madison, 14 February 1790. In Boyd, J. P. (Ed.). *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. 16. 30 Nov. 1789 – 4 July 1790. Princeton, Princeton Univ. Press, pp. 183–184. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-16-02-0102> (mode of access: 05.04.2017).

Mitchell, B. R. (1998). *International Historical Statistics: Europe 1750–1993*. L., Macmillan. 959 p.

Schwartz, L. A. (1986). History of Russian and Soviet Censuses. In Clem, R. S. (Ed.). *Research Guide to the Russian and Soviet Censuses*. N. Y., Cornell Univ. Press, pp. 48–69.

Thorvaldsen, G. (2018). *Censuses and Census Takers: A Global History*. L., N. Y., Routledge. 332 p.

Zhiromskaya, V. B., Kiselev, I. N., Polyakov, Yu. A. (1996). *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* [Half a Century of Being Marked as "Secret": The All-Union Population Census of 1937]. Moscow, Nauka. 152 p.

The article was submitted on 03.03.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.264

УДК 94(470.54-25)"19"+329(47+57)+316.423.3-053.67

МОЛОДЕЖЬ И РЕВОЛЮЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПАРТИЙНОЙ МОЛОДЕЖИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1922–1924)*

Людмила Мазур

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

YOUTH AND REVOLUTION: THE SOCIAL IMAGE OF YOUNG COMMUNIST PARTY MEMBERS IN YEKATERINBURG PROVINCE (1922–1924)**

Lyudmila Mazur

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the implementation of the “social bulldozer” by young Communist Party members of the early 1920s. The period was characterised by intensive social changes in many spheres of society, and the youth was supposed to play a special role as a strike force in the process. The Party and the government of the country aimed at the indoctrination of young people’s consciousness, their political education, militarisation, and organising various sports and cultural activities. As a result of this complex youth policy, there appeared a new system of values whose main objective was for youth to serve their state and the ideals of communism. As more and more young people became members of the Party, the latter grew in power and control. Referring to the primary materials of the All-Russian census of the members of the RCP(B), the article describes the social image of the Party youth and their career strategies. The youth of the period in question accounted for the majority of the members of the Party, thus defining the social portrait of communists. The young members of the Party did not

---

* Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation:* Mazur, L. (2017). Youth and Revolution: The Social Image of Young Communist Party Members in Yekaterinburg Province (1922–1924). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1009–1026. DOI 10.15826/qr.2017.4.264.

Цитирование: Mazur L. Youth and Revolution: The Social Image of Young Communist Party Members in Yekaterinburg Province (1922–1924) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1009–1026. DOI 10.15826/qr.2017.4.264 / Мазур Л. Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (1922–1924) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1009–1026. DOI 10.15826/qr.2017.4.264.

have a high level of education. As for their career aspirations, they were meant to perform leading functions at the lower (*volost*) and *uyezd* levels, where they became a labour pool to later be promoted to higher positions.

Keywords: Russian history of the 1920s; youth policy of the RCP(B); social structure of the Party youth; social image.

Рассматриваются проблемы реализации партийной молодежью начала 1920-х гг. функции «социального бульдозера». Особенностью данного периода были активные социальные преобразования в разных сферах общества. Молодежи в этом процессе отводилась особая роль «ударной силы». Мобилизация молодежи через ее идеологическую обработку, политическое воспитание, военизацию, спортивно-культурные мероприятия входила в политику партии и правительства. Результатом комплексной молодежной политики стало формирование новой системы ценностей, главной установкой которой было служение государству и идеалам коммунизма. Привлечение молодежи в Коммунистическую партию обеспечивало необходимый уровень влияния и контроля. На основе изучения первичных материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) характеризуются социальный облик партийной молодежи, ее карьерные стратегии. Молодежь в изучаемый период составляла большинство членов партии, определяя общий социальный портрет коммунистов. Для молодых членов партии был характерен невысокий образовательный уровень. Карьерные стратегии молодежи были ориентированы на выполнение руководящих функций в низовых (волостных) и уездных органах власти, где молодые люди становились кадровым резервом для руководящих должностей более высокого уровня.

Ключевые слова: история России 1920-х гг.; молодежная политика РКП(б); социальная структура партийной молодежи; социальный облик.

В современном обществе молодежь играет особую роль. Она является не просто социальной группой, характеризуемой определенными возрастными параметрами и находящейся в стадии социализации – перехода от детства к взрослости¹. Ситуация перехода влияет на формирование особого психологического фона «ожидания», определяющего особенности поведения молодежи, – это повышенная мобильность и восприимчивость, поиск идеала и стремление к подражанию, неудовлетворенность настоящим, нередко перерастающая в агрессивность, и устремленность в будущее. Эти особенности переходного состояния в обычном режиме чаще всего проявляются в оппозиции «отцы – дети». В условиях нестабильности, кризиса общества они могут перерасти в активное противостояние существующему общественному строю и политическому режиму. Тогда молодежь реализует функции

¹ В. Т. Лисовский предложил определение молодежи: «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образование, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [Социология молодежи]. И. Кон определял молодежь как социально-демографическую группу, выделяющуюся на основе совокупности возрастных характеристик, особенности социального положения и обусловленную социально-психологическими свойствами [Кон].

«социального бульдозера» [Mead, p. 85]. Советская история демонстрирует свой вариант социальной мобилизации молодежи, которая стала движущей силой преобразований 1920–1930-х гг. и символом нового общественного строя (см.: [Исаев, 2000; Рожков]).

Современные теории социальной активности молодежи

Бунтарская роль молодежи проявляется уже в XVIII–XIX вв. на фоне разрушения патриархальности и формирования общества модерна, порождая такие модели поведения и сознания как нигилизм, радикализм, экстремизм.

Социальный феномен молодежи и ее роль в революционном обновлении общества получили отражение в работах К. Мангейма, М. Мид, Ч. Рейха и других исследователей, которые выделили в качестве основных черт нацеленность молодых на будущее, их заинтересованность в обновлении общества, с одной стороны, и управляемость, с другой. К. Мангейм, проанализировав опыт тоталитарных обществ, раскрыл механизмы использования потенциала молодежи, основанные на манипуляции их психологией и интересами [Мангейм, с. 441–446]. М. Мид, изучая социальную активность молодежи, отметила ее зависимость от уровня организованности и образования молодых людей [Мид, с. 344–347]. Ч. Рейх проанализировал ментальные предпосылки молодежных бунтов и выделил три типа сознания молодежи в зависимости от ее социальных характеристик, проследил динамику замещения типов как смену поколений. «Сознание-1» – это сознание молодого человека эпохи первоначального накопления и «дикого капитализма», полуграмотного, агрессивного носителя существующих в обществе социально-культурных и политических предрассудков. Его сменяют представители нового поколения, носители «сознания-2» – добропорядочные пассивные классические обыватели, выстраивающие свою жизнь в соответствии с законами и ценностями существующего общества. Затем появляются носители «сознания-3» – люди с творческим независимым мышлением, ориентированные на будущее [Reich, p. 235–242].

Предпосылкой «молодежных революций» является появление в обществе критической массы молодых реформаторов (носителей «сознания-3»), заинтересованных в качественных переменах. История нового и новейшего времени изобилует примерами молодежных бунтов, направленных на решение задач преобразования общества².

Принимая во внимание линейную схему смены поколений – носителей разного сознания, предложенную Ч. Рейхом, следует отметить, что в реальности все три типа молодежи сосуществуют в обществе одновременно. Меняется только их удельный вес, соотношение,

² В российской истории к ним можно отнести движение декабристов, народников и другие революционные организации, представленные в основном образованной молодежью.

определяющее общий потенциал и нравственный фон. Кроме того, при анализе роли молодых людей в обществе необходимо учитывать его социальную стратификацию и режим их взаимодействия, поскольку молодежь также социально разнородна, и в обычной жизни представители различных ее страт слабо пересекаются. Так, например, образованная и креативная молодежь сосредоточена преимущественно в городах и относится к среднему и верхнему слою общества. Необходимы зоны взаимодействия, где разные социальные категории молодежи «перемешиваются» – это зоны, определяемые такими модернизационными процессами как урбанизация, индустриализация, демократизация общественной жизни, или экстраординарными – кризисы, войны, революции.

Следовательно, для оценки места и роли молодежи в обществе на определенном историческом этапе необходимо реконструировать общий социальный портрет молодежи, уточнить соотношение типов сознания и характер их взаимодействия. Применительно к началу XX в. и периоду Русской революции интересным и весьма показательным объектом для реконструкции социального облика российской молодежи выступает РСДРП, которая, с одной стороны, стала площадкой межсословного и межпоколенческого контакта, а, с другой, была заинтересована в привлечении молодежи в свои ряды, особенно на стадии реорганизации конспиративной боевой организации в массовую правящую партию.

Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.

В качестве основного источника для изучения поставленной проблемы мы взяли материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. Она неоднократно использовалась историками для изучения вопросов партийного строительства и характеристики социального состава партии [Андрухов; Наумов, Шепелев; Тяжельникова; Кузнецов; и др.]. Основное внимание исследователей было сосредоточено на анализе опубликованных результатов, первичные материалы переписи попали в поле зрения ученых только в 1990-е гг. Среди историков, работавших с первичными документами, благодаря трудам которых была проведена реконструкция социального облика партийных кадров, их карьерных стратегий, следует особо отметить труды Т.П. Тепляковой и С.В. Воробьева [Воробьев, 2004; Воробьев, 2005; Теплякова].

Всероссийская партийная перепись проходила в первой половине 1922 г. [Всероссийская перепись, вып. 1, с. 3; вып. 2, с. 1]. Ее основная цель – уточнение численности членов партии и количества партийных ячеек. Параллельно учету решалась задача обмена партийных билетов: они выдавались только тем членам партии, которые соответствовали строгим требованиям устава, то есть перепись выполняла функции чистки рядов партии. К началу 1923 г. в партии осталось

373 тыс. чел. против 700 тыс. в 1921 г. [Лацис, с. 148]. По данным Екатеринбургской губернской партийной организации, исключены были преимущественно крестьяне (44,8 %) и служащие (23,8 %) [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 6456. Л. 10]. Причины исключения были самые разные – низкая активность (не посещал собрания), религиозность, социальное происхождение, служба в белой армии и проч.

В ходе переписи заполнялось несколько бланков. Наибольший интерес для изучения социального состава партии, в том числе молодежи, представляет бланк А (см. подробнее: [Mazur, Gorbachev]). В нем имеется 59 пунктов, разбитых на несколько тематических блоков – демографический, социальный, профессиональный, партийный и проч. Представленная в анкете информация дает возможность проследить социальную и профессиональную мобильность члена партии, партийный и революционный стаж, службу в армии, то есть реконструировать социальный портрет во всей его полноте.

Участие молодежи в Русской революции

Прежде чем мы перейдем к анализу материалов переписи, следует отметить, что в России молодые люди с низким уровнем образования («сознание-1») преобладали в начале XX в. в силу общего низкого уровня образования юношества, и эта ситуация усугублялась вследствие войн и революций. Несмотря на это, в конце XIX – начале XX в. образованная часть молодежи, прежде всего студенты, заявила о себе как о реальной политической силе, активно включаясь в борьбу с самодержавием под влиянием идей обновления общества. Террор, вооруженная борьба, насилие рассматривались ими как необходимый инструмент создания нового мира. Особенно привлекательны эти идеи были для разночинной молодежи начала XX в., а жертвенный образ революционера-героя стал нравственным ориентиром для многих из них.

Полной статистикой по составу РСДРП мы не обладаем, в литературе имеются отрывочные данные о делегатах съездов партии, собранные мандатными комиссиями, но они весьма красноречивы. На V съезде РСДРП (1907) большевики-рабочие составляли 36 %, литераторы и представители других свободных профессий – 27 %, торгово-промышленные служащие – 11 % и т. д. Высшее образование имели 20 % большевистских делегатов, среднее – 32 %, низшее – 37 %, домашнее – 2 %, самоучками назвали себя 9 %. Средний возраст делегата-большевика был меньше 30 лет. Всего весной 1907 г. в РСДРП было зарегистрировано около 60 тыс. большевиков [Лельчук, Тютюкин, с. 250].

Осенью 1917 г. в рядах большевиков насчитывалось уже не менее 350 тыс. членов [Там же, с. 259]. Анализ состава РСДРП (б) 1917 г., проведенный современными исследователями, показывает, что ее руководители были в среднем моложе политических элит других партий, но менее образованными. Возраст половины представите-

лей большевистской верхушки колебался в диапазоне от 26 до 35 лет (каждый 15-й был моложе 26 лет). Из руководителей кадетской партии только каждый 15-й был в возрасте 31–35 лет, остальные гораздо старше (каждый третий, например, был старше 52 лет) [Журавлев, с. 400–401]. Около половины большевистских лидеров имели высшее и неполное высшее образование, 24% – среднее, 30% – начальное и неполное среднее образование (для сравнения: высшим и неполным высшим образованием обладали соответственно 45 и 37% лидеров эсеров, 27 и 42% меньшевиков) [Там же]. В результате уже в переходный для РСДРП период революции 1917 г., когда она из конспиративной партии преобразуется в массовую организацию, среди большевиков образовательный уровень начинает заметно снижаться за счет целенаправленного привлечения в партию представителей рабочих и крестьян, которые рассматривались как социальная опора большевизма.

После Октябрьского переворота ставка на молодежь как движущую силу революции еще более усилилась. Об этом свидетельствует практика набора новых членов в РКП(б) в годы Гражданской войны. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. было принято решение провести массовый набор в партию рабочей и крестьянской молодежи [Восьмой съезд РКП(б), с. 423]. Осенью 1919 г. были организованы «партийные недели», в ходе которых принимали в партию всех желающих из числа «рабочих и работниц, красноармейцев и матросов, крестьян и крестьянок» [Восьмая конференция РКП(б), с. 241–242]. Для новобранцев максимально упростили условия вступления, в том числе отменили обязательные письменные рекомендации от двух членов партии. В. И. Ленин называл новых коммунистов «лучшими и надежнейшими кадрами руководителей революционного пролетариата и неэксплуататорской части крестьянства» [Ленин, т. 39, с. 224], хотя на практике массовый набор новых членов способствовал снижению общего образовательного и культурного уровня членов партии и притоку новых членов с «сознанием-1», то есть малообразованных и легко управляемых.

Проведение «партийных недель» и расширение численного состава партии преследовали несколько целей: упрочить позиции большевиков в условиях военно-политического кризиса 1919 г., усилить влияние партии среди рабочих и крестьян, в первую очередь среди молодежи. В свою очередь, юноши и девушки проявили активный интерес к вступлению в партию, хотя их мотивы были разными – от искреннего желания защитить молодую советскую власть до чисто прагматических целей, обусловленных настроениями конформизма или карьеризма, что хорошо прослеживается по материалам партийной переписи 1922 г. В частности, неоднократно встречаются примеры исключения из партии во время переписи за злоупотребления, воровство, пьянство [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 572. Л. 208–209; Д. 60 Л. 18; Д. 570. Л. 217 и др.]

На Урале «партийная неделя» прошла в октябре-ноябре 1919 г., когда в РКП(б) было принято 42 тыс. рабочих, крестьян и красноармейцев, многие из них сразу попали на фронт [Воробьев, 2004, с. 112]. Екатеринбургская губерния по показателям приема оказалась на первом месте из 21 губернии, сведения по которым имелись в ЦК РКП(б) по состоянию на март 1920 г. В дальнейшем темпы роста численности партии несколько снизились. По Екатеринбургской губернской организации прием уменьшился почти в два раза [Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 7]. Причиной этого стало ужесточение требований к вступающим³, а также обострение продовольственного кризиса и введение НЭПа, что способствовало разочарованию и оттоку коммунистов из партии.

В начале 1920-х гг. молодежь в значительной степени определяла социальный облик всей партийной организации: в 1922 г. в составе РКП(б) Екатеринбургской губернии только 3,3 % коммунистов имели партийный стаж более пяти лет, две трети членов партии находились в ее рядах от двух до пяти лет, и 26,4 % составляли партийцы со сроком пребывания в рядах партии до двух лет [Воробьев, 2004, с. 117]. Изменился и возрастной состав партийной организации: подавляющее большинство составили коммунисты молодого и среднего возраста [Там же, с. 105].

Всего в Екатеринбургской губернской организации насчитывалось 874 партийные организации с общим числом членов и кандидатов партии 14 662 [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557–645]. Особенностью партийной организации был высокий удельный вес рабочих (48,0 %), 31,2 % составили крестьяне [Там же. Д. 645а. Л. 4]. Около трети членов партии проживали в городах, и 67 % – в сельской местности (в деревнях и на заводах) [Там же. Л. 1–2]. В составе парт-организации насчитывалось 13 105 мужчин (89,4 %) и 1557 женщин (10,6 %) [Там же]. Две трети членов партии в Екатеринбургской губернии (77,3 %) имели начальное образование. Удельный вес имевших высшее и среднее образование не превышал 3 %. Доля неграмотных составила 6,5 % [Там же. Л. 14].

Среднестатистический социальный портрет члена партии 1922 г. характеризуется следующими чертами: это молодой человек в возрасте до 30 лет рабоче-крестьянского происхождения, имеющий начальное образование, семейный, преимущественно занятый на партийно-советской работе, в армии или силовых структурах, проживающий в городе. Каждый второй вступил в партию в 1919 г. во время массовых приемных компаний.

Такова общая картина социально-демографического состава членов партии Екатеринбургской губернии. С целью изучения переписи была проведена случайная выборка, объем которой составил 518 анкет (3,5 % от всей совокупности). Полученная выборка

³ В декабре 1919 г. был снова введен институт кандидатов партии, за восстановление которого высказался В. И. Ленин [Ленин, 1985, с. 80].

пропорциональна генеральной совокупности по таким признакам как пол, возраст, социальное положение, образование, место жительства, что позволяет экстраполировать ее результаты на всю генеральную совокупность.

Социально-демографический облик партийной молодежи в начале 1920-х гг.

Возрастные границы молодежи как социальной группы весьма условны и зависят от темпов социализации юношества. Наиболее распространенная точка зрения на возраст молодых – от 13 до 30 лет. Этот интервал был взят за основу для характеристики партийной молодежи. Ее можно разделить на три подгруппы, соответствующие этапам взросления: юность (до 19 лет), молодость (20–24 года), взрослые молодые (25–29 лет) [Луков]. Для каждого этапа взросления свойственны свои психофизиологические особенности, а также определенный уровень социализации. Для «юных» можно говорить о начальной стадии вступления в мир «взрослых» – наиболее конфликтной, отличающейся стремлением к самоопределению и тенденцией к противопоставлению себя взрослому обществу. Именно для этого возраста в большей степени характерен настрой на бунт. Вторая стадия связана с более тесным включением в социальные институты – это создание собственной семьи, выбор профессии и жизненной стратегии. Третья стадия характеризуется достижением определенных результатов в семейной, общественно-политической и профессиональной сфере, в том числе рождение детей, получение образования, реализация карьерных планов. С учетом этих возрастных особенностей была проведена группировка, позволяющая выявить особенности каждой подгруппы.

В составе губернской партийной организации удельный вес молодежи в возрасте 15 до 29 лет составил 44,6%. Самой массовой была возрастная группа от 25 до 29 лет, которая составляла больше половины (54,4%) молодых и 24,3% от всей совокупности членов партии⁴.

Социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии характеризуется следующими чертами:

— по полу это преимущественно мужчины в возрасте от 25 до 29 лет. Женщины среди партийной молодежи составили 14,3%, что выше, чем в других возрастных группах;

— по месту жительства преобладали горожане – 48,5%; в заводских поселениях проживали 19,0%, в селах и деревнях – 32,5%;

— по социальному происхождению 39,0% партийной молодежи происходили из рабочих, 45,9% – из крестьян, 4,8% – из мещан и чиновников, 5,6% – из ремесленников, 4,3% – из дворян, священников, купцов и проч.;

⁴ Здесь и далее, если отсутствуют дополнительные ссылки, расчет показателей произведен на основе выборки.

— по дате вступления в партию молодежь распределялась следующим образом: в 1917 г.— 21 чел. (9,1%); в 1918—30 чел. (13,0%); в 1919 г.— 109 чел. (47,2%); в 1920 г.— 54 чел. (23,4%); в 1921 г.— 12 чел. (5,2%); в 1922 г.— 5 чел. (2,4%). Большинство молодых коммунистов вступили в партию в 1919–1920 гг. в результате проведения массовых наборов и не имели серьезного партийного стажа;

— по роду занятий: 30,3% молодых людей служили в армии, милиции, частях особого назначения (ЧОН), ЧК и других силовых структурах; 24,2% занимали административные должности и указывались служащими; 13,4% работали в своем хозяйстве или коммуне (крестьяне); 13,0% составили рабочие, 13,4% — партийно-советские работники (табл. 1). Повышенный интерес к партийной и советской работе, а также к административной деятельности наблюдается у юношества (15–19 лет). Молодежь в возрасте от 20 до 24 лет была занята, помимо административной и партийно-советской работы, также в силовых структурах. «Молодые взрослые» в возрасте от 25 до 29 лет были представлены крестьянами и рабочими (31,8%), служащими (26,9%), а также военными (26,2%).

Таблица 1

**Состав партийной молодежи Екатеринбургской губернии в 1922 г.
по роду занятий, чел. (%)**

Занятие	Возраст (лет)			Всего
	15–19	20–24	25–29	
Крестьянин	1 (6,3%)	7 (7,9%)	23 (18,3%)	31 (13,4%)
Рабочий	1 (6,2%)	12 (13,5%)	17 (13,5%)	30 (13,0%)
Служащий	6 (37,5%)	16 (18,0%)	34 (26,9%)	56 (24,2%)
Партийная работа	3 (18,7%)	6 (6,7%)	6 (4,8%)	15 (6,5%)
Советская работа	2 (12,5%)	6 (6,7%)	8 (6,3%)	16 (6,9%)
Военнослужащий	1 (6,3%)	36 (40,6%)	33 (26,2%)	70 (30,3%)
Учащийся	1 (6,2%)	1 (1,1%)	1 (0,8%)	3 (1,3%)
Домашнее хозяйство	0 (0,0%)	2 (2,2%)	1 (0,8%)	3 (1,3%)
Не работает	1 (6,3%)	2 (2,2%)	2 (1,6%)	5 (2,2%)
Нет сведений	0 (0,0%)	1 (1,1%)	1 (0,8%)	2 (0,9%)
Итого	16 (100,0%)	89 (100,0%)	126 (100,0%)	231 (100,0%)
Всего, %	6,9	38,5	54,6	100

Высокий удельный вес служащих во всех возрастных группах партийной молодежи не случаен. Политика укрепления коммунистами властных структур всех уровней носила совершенно осознанный и целенаправленный характер. Резолюция VIII съезда РКП(б) «По ор-

ганизационному вопросу» (март 1919 г.) прямо требовала «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д.» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, с. 107]. Речь шла об установлении контроля партии над всеми государственными и общественными институтами, то есть о превращении ее в правящую силу. Такая установка способствовала быстрой вертикальной карьере молодых коммунистов, которые, попав в партию, быстро меняли свой первоначальный статус и переходили в категорию руководителей нижнего звена в аппарате управления государственных и советских органов, в промышленности, торговле, образовании и т. д. В зоне особого внимания находилась также армия, поскольку членство в партии обеспечивало подконтрольность «человека с ружьем».

Отличительной чертой партийной молодежи начала 1920-х гг. был низкий уровень образования: 2/3 молодых коммунистов имели начальное образование; еще 6,9% были малограмотными, то есть не заканчивали школы и обучались грамоте самостоятельно; неграмотных было 2,6%, а среднее и высшее образование имели только 16,4% (табл. 2). Наиболее высокий процент неграмотных и малограмотных наблюдается в возрастной группе «молодые взрослые» (от 25 до 29 лет).

Таблица 2

**Состав партийной молодежи Екатеринбургской губернии в 1922 г.
по уровню образования, чел. (%)**

Уровень образования	Возраст, лет			Всего
	15–19	20–24	25–29	
Неграмотный	0 (0,0%)	2 (2,3%)	4 (3,2%)	6 (2,6%)
Малограмотный (самоучка)	0 (0,0%)	2 (2,3%)	14 (11,1%)	16 (6,9%)
Начальное	12 (75,0%)	69 (77,5%)	88 (69,8%)	169 (73,2%)
Среднее	4 (25,0%)	14 (15,7%)	16 (12,7%)	34 (14,7%)
Высшее	0 (0,0%)	1 (1,1%)	3 (2,4%)	4 (1,7%)
Нет сведений	0 (0,0%)	1 (1,1%)	1 (0,8%)	2 (0,9%)
Итого	16 (100,0%)	89 (100,0%)	126 (100,0%)	231 (100,0%)

Парадоксальность ситуации состоит в том, что в начале 1920-х гг. малограмотная молодежь стала основной движущей силой социального переустройства общества и пришла на смену поколению образованных коммунистов, которое готовило революцию («сознание-3»). К 1922 г. они считались старыми партийцами и воспринимались новым поколением коммунистов весьма критически. В одной из анкет с партийной прямоотой приведена характеристика члена партии в возрасте 35 лет, который имел дореволюционный партий-

ный стаж (с 1903 г.) и участвовал в революции 1905 г. В ней говорится: «работник *старый, истасканный, нервный, преданный* делу партии...» [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 571. Л. 72–73] (здесь и далее курсив наш. – Л. М.). В другой анкете 30-летнего коммуниста, окончившего Лондонский университет и посвятившего себя революционной борьбе, написано: «*интеллигент, постепенно теряющий веру в революцию, безусловно честный*» [Там же. Л. 59–60]. В анкете указана дата приема в партию – 1914 г., отмечены работа в подполье, членство в Еврейской социал-демократической партии. Всего с дореволюционным подпольным опытом партийной работы в Екатеринбургской организации насчитывалось 1,5% коммунистов, как правило, с высшим и средним образованием. Им на смену пришло новое поколение молодых революционеров – малограмотных, с упрощенными представлениями о цели, задачах и методах создания нового общества, с многочисленными социально-культурными и политическими предрассудками.

Низкий уровень образования в сочетании с психофизиологическими особенностями молодости создавал благоприятные предпосылки для пропаганды большевистских идей и внедрения в сознание молодежи радикальных установок. Дополнительными факторами трансформации сознания были специфический жизненный опыт, приобретенный в условиях Гражданской войны, и готовность к вооруженному насилию против реальных и мнимых врагов. По мнению многих исследователей, молодое поколение, сформировавшееся в 1920-е гг., в дальнейшем стало надежной опорой сталинского репрессивного режима [Исаев, 2002]. Агрессивность молодых коммунистов усиливалась не только прошлым военным опытом, но и партийно-советской пропагандой, призывавшей к беспощадной борьбе с врагами советской власти, предателями и пережитками прошлого. Советская молодежь 1920-х гг. активно впитывала радикальные установки, была в первых рядах борьбы с кулаками, церковью, вредителями и проч., разоблачая их, а нередко и прибегая к прямым расправам.

Высокий уровень агрессивности партийной молодежи нашел отражение в многочисленных фактах «коммунистического хулиганства». В 1926 г. в информационной записке ОГПУ отмечалось, что из общего числа лиц, привлеченных к ответственности за хулиганство, около трети составляли комсомольцы и коммунисты [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 140–141]. Если учесть, что удельный вес комсомольцев и коммунистов среди молодежи не превышал 3%, то становится очевидным, что их агрессивное поведение было вполне повседневным явлением. Причины хулиганства могли различаться, но, как правило, были связаны с идеологическими мотивами, в том числе неприятием НЭПа, неготовностью или нежеланием молодых коммунистов и комсомольцев подчиняться закону, поскольку они признавали только «революционную целесообразность». Не следует сбрасывать со счетов гендерные особенности партии, где мужчины составляли подавляющее большинство, поддерживая культ силы. Экстремизм

молодых вызывал ответную реакцию общества, в результате чего они сами часто становились жертвами ответных нападений.

Дополнительной характеристикой партийной молодежи является ее семейное положение. Во всех возрастных группах отмечается высокий удельный вес одиноких, а для возраста 15–19 и 20–24 года он достигает 35 %. Отказ от семьи, характерный для трети молодых партийцев, свидетельствует об изменении системы ценностей, а также механизмов социализации, среди которых на первый план выходят общественная деятельность и карьера, а не частная жизнь.

Социальный портрет партийной молодежи свидетельствует о преобладании в ее составе людей с низким уровнем образования, настроенных на решительную борьбу с тем, что они считали заслуживающим уничтожения и мешающим, по их мнению, достижению коммунизма. Эта молодежь постепенно вытесняла и замещала поколение старых партийцев, способствуя превращению партии в послушный инструмент для политических манипуляций.

Карьерные стратегии партийной молодежи

Важнейшей характеристикой партийной молодежи выступают их жизненные стратегии, задающие ориентир в профессиональной и общественной деятельности (см.: [Резник; Наумова; и др.]). Современная психология выделяет следующие стратегии: *благополучия*, *успеха* и *самореализации*. Первая из них опирается на рецептивную («обывательскую») активность и направлена на потребление; вторая характеризуется активной жизненной позицией, нацеленностью на получение высокого социального статуса, власти и денег. Установкой на творчество, саморазвитие и самосовершенствование отличается стратегия самореализации [Резник, с. 78–84]. Эти модели в реальности детерминируются экономическими и политическими факторами и формируют варианты, отражающие историческое своеобразие эпохи.

В условиях революции и Гражданской войны стратегии членов партии подвергались идеологической корректировке, формируя специфическую шкалу ценностей. От коммуниста требовались беззаветное служение и безоговорочная преданность делу революции и партии. В условиях жесткой партийной дисциплины стратегия самореализации для члена партии существенно ограничивалась, поскольку коммунистическая мораль требовала отказа от личных интересов. Жизненные стратегии члена партии были сведены к первым двум вариантам и существенно видоизменялись: стратегия успеха соотносилась не столько с личными достижениями, сколько с успехом дела, трансформируясь в модель «служения», основной чертой которой было подчинение личных интересов делу партии. Подобная жизненная установка формировала особый тип личности – так называемых «солдат революции»⁵. Это решительный, непреклонный борец

⁵ Литературный образ такого молодого коммуниста воплощен в герое автобиографического романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павке Корчагине.

за идеи, фанатично преданный делу партии, готовый пожертвовать собой. Судьба многих из них была связана с последующими репрессиями и гибелью, но не от рук врагов, а от рук своих соратников по партии [Грамматчикова, Енина].

Другой вариант жизненной стратегии коммуниста был непосредственно связан с реализацией его карьерных интересов, достижением взаимосвязанных целей успеха и благополучия на личностном уровне. Такая стратегия стала основой номенклатурной системы и была связана с появлением типа коммуниста, гибко реагирующего на ситуацию и учитывающего политические веяния и запросы руководящих структур. В свою очередь, в рамках «номенклатурной» стратегии можно выделить подтипы карьериста и приспособленца (конформиста), которые различались по степени своей активности. Среди молодых коммунистов, попавших в выборку, около 20 % были управленцами низшего звена, 9 % занимали руководящие должности в губернских и уездных государственных, советских учреждениях и организациях (исполкомы Советов, правоохранительные органы, промышленные предприятия, профсоюзы, кооперативы и т. д.). Стремительный карьерный рост накладывался на молодой возраст коммунистов, создавая для них дополнительные конкурентные преимущества.

Карьера партийной молодежи в значительной степени зависела от таких факторов как пол, социальное происхождение, возраст, образование. Наиболее активные молодые коммунисты, компенсировав недостаток образования «партийными школами», выбирали вертикальные карьерные стратегии и достаточно быстро продвигались по служебной лестнице, переходя из одной социальной группы в другую. С. В. Воробьев назвал их людьми «большого социального скачка», подчеркивая скорость перемещений вверх по социальной лестнице [Воробьев, 2004, с. 150].

Промежуточную позицию между «солдатом революции» и «номенклатурным руководителем» занимали рядовые члены партии, которые не рассматривали ее как объект для реализации своей активности. Их часто называли в то время «балластом, не интересующимся партийной работой» [Гуляров, с. 137]. Исследование материалов партийной переписи, проведенное С. В. Воробьевым, показало, что 51,3 % коммунистов в послереволюционные годы не сделали карьеры. В их число входили представители крестьянской и рабочей молодежи, проживавшей преимущественно в сельской местности, а также коммунисты старших возрастных групп [Воробьев, 2004].

Все выделенные выше типы стратегий вписываются в мобилизационную схему использования кадрового ресурса, характерную для раннесоветского общества. Подчеркивая роль молодежи в коммунистическом строительстве, В. И. Ленин декларировал, что ее основная задача – это «создание общества, не похожего на старое» [Ленин, 1981, с. 301]. Молодые коммунисты и комсомольцы должны были стать той

ударной силой, которая с присущей молодости категоричностью разрушит, уничтожит «старый мир» и на его обломках построит новое общество. Но для реализации этой функции «социального бульдозера» нужны были не только собственно социальные предпосылки, но и правильная тактика и организация молодежи [Newfield].

Раннесоветский опыт дает нам пример эффективной молодежной политики, отличавшейся комплексностью и гибкостью. Она включала несколько направлений: привлечение молодежи в партию; создание подконтрольных партии молодежных организаций, прежде всего комсомола; реформу системы образования, основной задачей которой стало коммунистическое воспитание подрастающих поколений; репрессии против инакомыслия. Важнейшим элементом молодежной политики была поддержка трудовой и социальной активности молодежи.

Эффективным инструментом контроля и мобилизации советской молодежи стала *практика военизации*, активно внедряемая в повседневность. После окончания Гражданской войны все комсомольцы числились бойцами ЧОН (частей особого назначения – полувоенных формирований, действовавших до 1925 г. и состоявших из коммунистов и комсомольцев). Они были обязаны по тревоге с оружием в руках являться на место сбора, участвовали в военных действиях, в том числе при подавлении крестьянских восстаний [Северьянова, с. 37–39]. Девиз «Готов к труду и обороне» определял работу широкой сети добровольных спортивных обществ (ДОСААФ, ОСОАВИАХИМ и др.), основными задачами которых были патриотическое воспитание и военная подготовка молодежи.

* * *

Анализ социально-демографических характеристик партийной молодежи начала 1920-х гг. свидетельствует о серьезных изменениях в социальном составе партии в сравнении с дореволюционным периодом. Большевики активно привлекали в свои ряды рабочую и крестьянскую молодежь и использовали ее как «социальный бульдозер». Число молодых людей со средним и высшим образованием в рядах партии резко упало, более того, они стали восприниматься в качестве «чуждых элементов», представителей буржуазной культуры. Малограмотная, агрессивная, но «политически подкованная» пролетарская молодежь была восприимчивой к большевистским идеям и, что самое главное, легко управляемой. Она активно впитывала экстремистские установки, была в первых рядах борьбы с кулаками, церковью, мещанством и проч. Парадоксальность ситуации состоит в том, что если революция была делом рук образованной молодежи, то в начале 1920-х гг. малограмотная молодежь (носители «сознания-1») стала основной движущей силой социального переустройства общества. Партийная молодежь и комсомольцы становились основным мобилизационным ресурсом, готовым с оружием в руках защищать советскую власть. Партийная

молодежь в значительной степени определяла облик советской власти в 1920-е гг., особенно на ее низовых уровнях, и в дальнейшем стала социальной опорой формирования тоталитарного общества. Молодежь стала не только орудием в руках тоталитарного режима, но и его жертвой, объектом эксплуатации и репрессий.

Список литературы

Андрухов Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР. 1917–1937. М. : Политиздат, 1977. 374 с.

Воробьев С. В. Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х гг.: сравнительный анализ массовых источников // Документ. Архив. История. Современность / под ред. А. В. Черноухова. Вып. 5. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 314–323.

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской партийной переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2004. 263 с.

Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. : Протоколы. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. 316 с.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : Протоколы. М. : Госполитиздат, 1959. XVIII + 602 с.

Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1–5. М. : Изд. отд. ЦК РКП, 1922–1925.

Грамматчикова Н., Енина Л. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109–129.

Гусляров Е. Н. Сталин в жизни : Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М. : ОЛМА-Пресс ; Звездный мир, 2002. 749 с.

Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д., Тютюкин С. В. История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М. : Высш. школа, 1994. 447 с.

Журавлев В. В. РСДРП(б) – РКП(б) на этапе превращения в правящую партию (октябрь 1917–1920 гг.) // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2000. С. 387–404. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt19.htm> (дата обращения: 28.04.2017).

Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. История. С. 63–70.

Исаев В. И. Молодежь Сибири в условиях формирования сталинской модели социализма (1920–1930-е гг.). Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. 48 с.

Кон И. С. Социология молодежи // Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина ; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М. : Политиздат, 1988. С. 353–354.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М. : Политиздат, 1983. Т. 2. 606 с.

Кузнецов И. В. Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы, социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике : тр. V конф. ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Сидорцова, И. Ф. Юшина. Минск : БГУ, 1998. С. 109–130.

Лацис О. Перелом : Сталин против Ленина // Суровая драма народа / сост. Ю. П. Сенокосов. М. : Политиздат, 1989. С. 142–164.

Лельчук В. С., Тютюкин С. В. Большевики // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева.

М. : РОССПЭН, 2000. С. 243–259. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt12.htm> (дата обращения: 28.04.2017).

Ленин В. И. Государство рабочих и партийная неделя // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 39. С. 224–226.

Ленин В. И. КПСС об организационно-партийной работе : в 4 т. М. : Политиздат, 1985. Т. 1. Членство в КПСС. 400 с.

Ленин В. И. О задачах союзов Молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1981. Т. 41. С. 298–318.

Луков В. А. Возрастные границы молодежи // Социология молодежи : электрон. энцикл. / под ред. В. А. Лукова. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/281-vozrastnyye-granicy.html> (дата обращения: 12.10.2017).

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1995. 693 с. URL: http://www.krotov.info/libr_min/13_m/an/heim3.html (дата обращения: 12.10.2017).

Мид М. Культура и мир детства : Избр. произв. / пер. с англ. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988. 429 с.

Наумов О. В., Шенелев В. Н. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 4. С. 48–62.

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социол. журн. 1995. № 2. С. 5–22.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169.

Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М. : Союз, 1995. 100 с.

Рождков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 640 с.

Северьянова Г. М. Крестьянские восстания в Сибири (осень 1920–1924 гг.). Красноярск : [Б. и.], 1995. 90 с.

Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. 460 с.

Теплякова Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1983. 274 с.

Тяжельникова В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов: (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 70–81.

ЦДООСО. Ф. 76.

Mazur L., Gorbachev O. Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century : an Analytical Review // History of the Family. 2016. Vol. 21. No. 1. P. 101–120.

Mead M. Culture and Commitment : A Study of the Generation Gap. N. Y. : Basic Books, 1970. 128 p.

Newfield J. A Prophetic Minority. N. Y. : N. Am. Library, 1966. 212 p.

Reich C. The Greening of America. N. Y. : Random House, 1970. 399 p.

References

Andruhov, N. R. (1977). *Partiinoe stroitel'stvo v period bor'by za pobedu sotsializma v SSSR. 1917–1937* [Party Construction during the Struggle for the Victory of Socialism in the USSR. 1917–1937]. Moscow, Politizdat. 374 p.

Dumova, N. G., Erofeev, N. D., Tyutyukin, S. V. (1994). *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [The History of Political Parties of Russia] / ed. by A. I. Zevelev. Moscow, Vysshaya shkola. 447 p.

Gramatchikova, N., Enina, L. (2015). Kniga o lyubvi i vernosti: rekonstruk-tsiya obraza ottsa-kommunista v vospominaniyakh docheri [A Book about Love and Fidelity: Reconstruction of the Image of the Father-communist in the Memoirs of a Daughter]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 109–129.

Guslyarov, E. N. (2002). *Stalin v zhizni. Sistematizirovanniy svod vospomnaniy sovremennikov, dokumentov epohi, versii istorikov* [Stalin in His Life. A Systematised Collection of Memoirs of Contemporaries, Documents of the Epoch, and Versions of Historians]. Moscow, OLMA-Press, Zvezdnyi mir. 749 p.

Isaev, V. I. (2000). *Molodezh' Sibiri v usloviyakh formirovaniya stalinskoi modeli sotsializma (1920–1930-e gg.)* [Young People of Siberia in the Conditions of the Formation of the Stalinist Model of Socialism (1920–1930)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 48 p.

Isaev, V. I. (2002). *Voenizatsiya molodezhi i molodezhniy ekstremizm v Sibiri (1920-e – nachalo 1930-kh gg.)* [The Militarisation of Youth and Youth Extremism in Siberia (1920s – Early 1930s)]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 1. No. 3. Istoriya, pp. 63–70.

Kon, I. S. (1988). *Sotsiologiya molodezhi* [Youth Sociology]. In Gvishiani, D. M., Lapina, N. I. (Eds.). *Kratkii slovar' po sotsiologii* / comp. by E. M. Korzheva, N. F. Naumova. Moscow, Politizdat, pp. 353–354.

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK v 15 t. [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenary Meetings of the Central Committee. 15 vols.]. (1983). Vol. 2. Moscow, Politizdat. 606 p.

Kuznetsov, I. V. (1998). *Kommunisty Tsentral'nogo promyshlennogo raiona v dvadtsatye gody, sotsial'nyi portret po materialam Vsesoyuznoi partiinoi perepisi 1927 goda* [Communists of the Central Industrial District in the Twenties, a Social Portrait with Reference to the All-Union Party Census of 1927]. In Borodkin, L. I., Sidortsov, V. N., Yushin, I. F. (Eds.). *Krug idei: makro- i mikropodkhody v istoricheskoi informatike. Trudy V konferentsii Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. Minsk, BGU, pp. 109–130.

Latsis, O. (1989). *Perelom. Stalin protiv Lenina* [Change. Stalin against Lenin]. In Senokosov, Yu. P. (Ed.). *Surovaya drama naroda*. Moscow, Politizdat, pp. 142–164.

Lel'chuk, V. S., Tyutyukin, S. V. (2000). *Bol'sheviki* [Bolsheviks]. In Zevelev, A. I., Sviridenko, Yu. P., Shelokhaev, V. V. (Eds.). *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, ROSSPEN, pp. 243–259. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt12.htm> (mode of access: 28.04.2017).

Lenin, V. I. (1970). *Gosudarstvo rabochikh i partiinaya nedelya* [The Workers' State and Party Week]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Ed. 5. Moscow, Politizdat. Vol. 39, pp. 224–226.

Lenin, V. I. (1981). *O zadachakh soyuzov molodezhi*. Rech' na III Vserossiiskom s"ezde Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi 2 oktyabrya 1920 goda [On the Tasks of the Unions of Youth. A Speech Delivered at the 3rd All-Russian Congress of the Russian Union of Communist Youth on 2 October 1920]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. Ed. 5. Moscow, Politizdat. Vol. 41, pp. 298–318.

Lenin, V. I. (1985). *KPSS ob organizatsionno-partiinoi rabote v 4 t.* [CPSU about Organisational and Party Work. 4 Vols.]. Moscow, Politizdat. Vol. 1. *Chlenstvo v KPSS*. 400 p.

Lisovskii, V. T. (Ed.). (1996). *Sotsiologiya molodezhi* [Youth Sociology]. St Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU. 460 p.

Lukov, V. A. (N. d.). *Vozrastnye granitsy molodezhi* [Age Boundaries of People]. In Lukov, V. A. (Ed.). *Sotsiologiya molodezhi. Elektronnaya entsiklopediya*. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/281-vozrastnye-granicy.html> (mode of access: 12.10.2017).

Mangeim, K. (1995). *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our Time]. Moscow, Yurist. 693 p. URL: http://www.krotov.info/libr_min/13_m/an/heim3.html (mode of access: 12.10.2017).

Mazur, L., Gorbachev, O. (2016). Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review. In *History of the Family*. Vol. 21. No. 1, pp. 101–120.

Mead, M. (1970). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. N. Y., Basic Books. 128 p.

Mead, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya* [Culture and the World of Childhood. Selected Works] / transl. by Yu. A. Aseev. Moscow, Nauka. 429 p.

Naumov, O. V., Shepelev, V. N. (1986). *Materialy Vserossiiskoi perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Materials of the All-Russian Census of Members of RCP(B) of 1922]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 4, pp. 48–62.

Naumova, N. F. (1995). Zhiznennaya strategiya cheloveka v perekhodnom obshchestve [The Life Strategy of a Person in a Transitional Society]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 5–22.

Newfield, J. (1996). *A Prophetic Minority*. N. Y., N. Am. Library. 212 p.

Reich, C. (1970). *The Greening of America*. N. Y., Random House. 399 p.

Reznik, Yu. M. (1995). *Sotsial'noe izmerenie zhiznennogo mira (vvedenie v sotsiologiyu zhizni)* [Social Measurement of the Living World (Introduction to Life Sociology)]. Moscow, Soyuz. 100 p.

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-political History]. Stock 17. List 85. Dos. 169.

Rozhkov, A. Yu. (2014). *V krugu sverstnikov: Zhiznenniy mir mladogo cheloveka v sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Person in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p.

Sever'yanova, G. M. (1995). *Krest'yanskie vosstaniya v Sibiri (osen' 1920–1924 gg.)*. [Country Revolts in Siberia (Autumn 1920–1924)]. Krasnoyarsk, S. n. 90 p.

Teplyakova, T. P. (1983). *Rol' partiinykh perepisei 1922 i 1927 gg. v ukreple-nii ryadov partii* [The Role of Party Censuses of 1922 and 1927 in Strengthening the Ranks of the Party]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 274 p.

TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti [Centre for the Documentation of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 76.

Tyazhel'nikova, V. S. (1990). Sostav partiinykh organizatsii v konce 20-kh godov (Opyt kolichestvennogo analiza po materialam Vsesoyuznoi partiinoj perepisi 1927 g.) [The Structure of Party Organisations in the Late Twenties (An Attempt at Quantitative Analysis with Reference to the All-Union Party Census of 1927)]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 1, pp. 70–81.

Vorob'ev, S. V. (2004). *Sotsial'nyi portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossiiskoi partiinoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social Portrait of Communists of the Urals of the Early 1920s: Source Study Research of the Materials of the All-Russian Party Census of Members of RCP(B) of 1922]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 263 p.

Vorob'ev, S. V. (2005). Problema sotsial'nogo oblika kommunistov Urala v nachale 1920-h gg.: sravnitel'nyi analiz massovykh istochnikov [Issue of the Social Face of Communists of the Urals in the Early Twenties: A Comparative Analysis of Mass Sources]. In Chernoukhov, A. V. (Ed.). *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 5. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 314–323.

Vos'maya konferentsiya RKP(b). Dekabr' 1919 g. Protokoly [Eighth Conference of the RCP(B). December, 1919. Protocols]. (1961). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 316 p.

Vos'moi s'ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly [Eighth Congress of the RCP(B). March, 1919. Protocols]. (1959). Moscow, Gospolitizdat. XVIII + 602 p.

Vserossiiskaya perepisi' chlenov RKP 1922 goda [All-Russian Census of Members of the RCP of 1922]. (1922–1925). No. 1–5. Moscow, Izdatel'skoe otdelenie TsK RKP.

Zhuravlev, V. V. (2000). RSDRP(b) – RKP(b) na etape prevrashcheniya v pravyyashchuyu partiyu (oktyabr' 1917–1920 gg.) [RSDRP (B) – RCP(B) at the Stage of Transformation into the Party in Office (October, 1917–1920)]. In Zevelev, A. I., Sviridenko, Yu. P., Shelokhaev, V. V. (Eds). *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, ROSSPEN, pp. 387–404. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt19.htm> (mode of access: 28.04.2017).

The article was submitted on 18.04.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.265

УДК 331.101.21+343.244.25

МЕЖДУ ПРАВОМ И НАКАЗАНИЕМ: ТРУД В РАННЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Сергей Красильников

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск, Россия

BETWEEN RIGHTS AND PUNISHMENT: LABOUR IN THE EARLY YEARS OF SOVIET SOCIETY

Sergey Krasilnikov

Novosibirsk National Research State University,
Institute of History of the Siberian Branch of RAS,
Novosibirsk, Russia

This article considers the sphere of labour and social labour relations in the post-revolutionary Soviet Union, which always occupied an important place among the priorities of the Bolshevik regime. The author analyses the reasons, tendencies, and results of how labour law gradually became a doctrinal instrument of the Bolshevik authorities aimed at the elimination of differences between wage labour and compulsory labour, and also between compulsory labour and forced labour. The analysis is performed with reference to documents and materials of the leading official weekly of the RSFSR People's Commissariat for Justice, the *Yezhenedelnik sovetskoy yustitsii* (Eng. *The Weekly of Soviet Justice*), known as *Sovetskaya Yustitsiya* (Eng. *Soviet Justice*) from the 1930s. It is demonstrated that state policy was a combination of doctrinal propositions on liberated labour and pragmatic decisions regarding the compulsory character of labour, labour mobilisation, etc. The etatisation of the sphere in question was carried out in stages, i. e. the universal labour duty after the end of the Civil War was substituted by the Labour Code of 1922, which regulated wage labour. Together with this, the forced labour sector still existed and was constantly expanding. One part

---

* *Citation*: Krasilnikov, S. (2017). Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1027–1046. DOI 10.15826/qr.2017.4.265.

Цитирование: Krasilnikov S. Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1027–1046. DOI 10.15826/qr.2017.4.265 / Красильников С. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1027–1046. DOI 10.15826/qr.2017.4.265.

of it (prisons, colonies) was regulated by the Correctional Labour Code, while the other (camps) was no longer part of the Labor Code or the Correctional Labour Code. Forced labour that did not involve imprisonment was a special correctional measure, a lenient punishment that lasted no more than a year. In the 1930s, over 4 million people were sentenced to this kind of punishment, and between 1940 and 1955, 11 million people were sentenced to forced labour for absenteeism. Such a practice became an everyday element of the labour potential of the country and symbolised the symbiosis of compulsory and forced labour during the early Soviet era.

Keywords: sphere of labour; state priorities; policy of punishing with labour; codes and law enforcement; forced labour.

Рассматриваются сфера труда и формировавшиеся на этой основе социально-трудовые отношения в постреволюционном советском обществе, которые всегда занимали важное положение среди государственных приоритетов большевистского режима. Целью исследования стал анализ причин, тенденций и результатов того, как трудовое право становилось инструментом доктринальных установок большевистского руководства, нацеленных на поступательное стирание граней между трудом наемным и обязательным и трудом обязательным и принудительным. Источниковая основа представлена документами и материалами ведущего ведомственного издания Наркомата юстиции РСФСР того периода – «Еженедельника советской юстиции», с начала 1930-х гг. переименованного в журнал «Советская юстиция». Показано, что государственная политика представляла собой противоречивый симбиоз доктринальных положений об «освобожденном труде» и прагматических решений об обязательности труда, трудовых мобилизаций и т.д. Этатизация данной сферы прошла несколько стадий, когда на смену директивности всеобщей трудовой повинности после окончания Гражданской войны пришла практика законодательного регулирования в форме Кодекса законов о труде 1922 г., объектом действия которого выступал труд по найму. В то же время сохранялся и имел постоянную тенденцию к расширению и дифференциации сегмент принудительного труда, часть которого (тюрьмы, колонии) регулировалась Исправительно-трудовым кодексом, тогда как другая (лагерная) была выведена из сферы действия не только КЗоТ, но и ИТК. Среди форм применения труда как меры уголовного наказания специфическое место занимал принудительный труд без нахождения под стражей как «мягкая» репрессия с кратким, до года сроком наказания. Массовое масштабное применение этой репрессивной меры в 1930-е гг. коснулось 4 млн чел., а с 1940 по 1955 г. за прогулы осуждению подверглись 11 млн чел. «Принудчики» стали обыденным элементом трудового потенциала страны и, по сути, символом симбиоза труда, обязательного и принудительного в раннесоветскую эпоху.

Ключевые слова: сфера труда; государственные приоритеты; политика наказания трудом; кодексы и правоприменение; принудительный труд.

Сфера труда и возникающие в ней трудовые отношения обладают разнообразным потенциалом и спектром взаимодействий – от конструктивных до конфликтных. Это проистекает из самого характера труда и его разновидностей, лежащих в самом широком диапазоне – от труда свободного до труда принудительного, между которыми размещаются труд наемный, близкий к свободному, и обязательный, повинностный, близкий к принудительному. Для модернизированной России в XX в. актуальной выступала задача законодательной и нормативной регламентации всех отмеченных выше разновидностей труда. Приоритетной была проблема правового оформления социально-трудовых отношений в области наемного труда, что послужило появлению и развитию регулирования данной сферы, которое к 1917 г. еще не сложилось в правовую систему.

Государство, революция и труд

После Февраля в России открылась возможность реализации трудового права в тех границах, которые предоставляли условия воевавшей страны. Трудовая конфликтология достаточно быстро начала перетекать в русло создания соответствующих норм и узаконений. Однако изначально в российских городах практически повсеместно сформировалась сеть примирительно-третейских учреждений для разрешения трудовых споров. Создание в структуре Временного правительства министерства труда давало определенные надежды на дальнейшее узаконивание передовых практик трудового законодательства. Большевики, считавшие после Февраля вполне допустимым свое участие в примирительных камерах эффективным инструментом для расширения влияния в среде рабочих и служащих, с осени уже придерживались противоположной позиции. В. И. Ленин акцентировал внимание на том, что компромиссов между трудящимися и государством буржуазии быть не может, что привлечение рабочих организаций к осуществлению государственного контроля над производством, к чему призывали социалисты (меньшевики и эсеры), не более чем обман, в классовой борьбе «срединной линии» не существует. В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» он прямо указывал, что с приходом к власти большевиков последние неизбежно встанут на путь проведения контроля над производством с использованием самого жесткого принуждения (всеобщей трудовой повинности) по отношению к непролетарским слоям [Ленин, т. 34, с. 310–312, 318–320].

Ленин и в дальнейшем был последователен, полагая, что после революции необходимо распространение принципа, стирающего грань между обязательностью труда и принуждением к нему, не только на «эксплуататоров» и «паразитов», но и на все категории трудящихся. Трудящимся, объединенным в коммуны, надлежало не только трудиться самим, но и надзирать за «паразитами». Так, он писал в начале

1918 г. в своей статье «Как организовать соревнование», при его жизни не опубликованной:

Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. <...> В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их по отбытии карцера желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов [Ленин, т. 35, с. 204].

В процитированном выше отрывке четко проведена мысль о том, что сфера труда становится важнейшим «трудовым фронтом», где принуждение выступает инструментом перевоспитания (в сталинское время это называют «перековкой»). Прослеживается и нескрываемое раздражение Ленина поведением групп квалифицированных рабочих (наборщиков типографий), бастовавших против мероприятий большевиков по закрытию непролетарских газет и журналов. Очевидно, что в ленинском и в целом в большевистском понимании абсолютной ценностью обладал лишь труд на пользу государства, вне разделения на служебный, наемный, повинностный (обязательный) или принудительный.

Исходя из прагматических соображений, большевики подвели законодательную основу под социально-трудовые отношения, приняв в декабре 1918 г. первый советский Кодекс законов о труде (КЗоТ). По мнению историков трудового права, он представлял собой противоречивое сочетание идеолого-политических деклараций, явно непригодных для правоприменения, и положений, заимствованных из законодательной практики поздней имперского периода. В нем, в частности, состоялись легализация и регламентация принудительного труда. И если в первые месяцы новой власти всеобщая трудовая повинность первоначально применялась в отношении так называемых нетрудящихся классов, то затем она распространилась на всех трудоспособных граждан с 16 лет. В первом разделе «О трудовой повинности» она нашла законодательное закрепление, а уклонение от нее признавались либо административным проступком, либо уголовным преступлением [Лушников, Лушникова, с. 106–107].

Труд становился важнейшим мобилизационным ресурсом, обеспечивающим функционирование вновь создаваемой советской государственной системы, но ресурсом выживания, а не развития. С окончанием острой фазы Гражданской войны неизбежной становилась задача

трансформации всей сферы трудовых отношений с сохранением при этом «командных высот» за государством. Конституция закрепляла обязательность общественно-полезного труда, тогда как само право на труд в различных его проявлениях конкретизировалось и закреплялось нормами КЗоТ. Новый кодекс, разработанный и принятый осенью 1922 г., представлял собой своего рода уникальное явление среди аналогичных законодательных документов постреволюционной эпохи: даже с учетом вносившихся в него поправок он действовал практически полвека (новая его редакция, принятая в 1971 г., просуществовала три десятка лет). В сравнении с КЗоТ прочие кодексы 1922 г. (Гражданский, Уголовный, Земельный и др.) претерпели весьма значительные трансформации, связанные с резким усилением государственных начал практически уже с первых лет их правоприменения.

Сфера труда и существовавших после выхода страны из эпохи войн и революций социально-трудовых отношений также подвергалась воздействию этатизации, однако на протяжении 1920-х гг. обязательность труда реализовывалась прежде всего в форме найма, а наемный труд требовал адекватных этому регуляторов, обеспечивавших баланс между обязанностями и правами работников и работодателей. Традиционно в исследованиях советского трудового права акцентировалось внимание на правоприменении норм КЗоТ в границах наемного труда, который в известной мере получил наименование «вольнонаемного».

Между тем, труд по другую сторону от «свободы», охватываемый понятием «принудительный», в меньшей степени заслуживал своего изучения в силу ряда обстоятельств. Первое из них вытекало из масштабности самого явления постреволюционной отечественной преступности, затрагивавшего от миллиона и более человек, осуждавшихся ежегодно советскими судами всех уровней в 1920–1940-е гг. Второе связано с доктринальной установкой большевизма о том, что труд в условиях лишения свободы должен служить инструментом исправления, перевоспитания, «перековки» лиц, совершивших преступления различной степени тяжести. Иначе говоря, в условиях мест исполнения наказания труд из меры принуждения должен был приближаться к труду добровольному, сознательному. Для того чтобы понять, как такого рода идеологические послы находили воплощение в реальной практике исполнения наказания, необходимо выяснить, в какой мере применение норм трудового права, то есть КЗоТ, работало в отношении осужденных судебными органами.

Регулирование труда осужденных советскими кодексами

Ответ лежит в обращении к положениям Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР в редакциях 1924 и 1933 г. Доктрина «исправительно-трудового воздействия» на правонарушителей объявлялась фундаментальной целью деятельности системы исполнения наказа-

ний наряду с функцией изоляции совершавших преступления лиц. Использование трудового потенциала осужденных судами лиц имело под собой и прагматическую задачу возмещения издержек на содержание самих исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), что требовало найти баланс между соблюдением режимной регламентации, присутствующей местам заключения, и регламентации труда заключенных.

Представляется возможным ввести понятие «режимный труд» наряду или вместо «принудительного труда». Это необходимо для выделения в несвободном труде тех элементов, которые служили его упорядочению от нарушений и произвола со стороны администрации ИТУ и созданию условий и стимулов для производительного труда лиц, лишенных свободы. Так, уже в первом советском ИТК 1924 г. ценность труда достигалась тем, что он служил важнейшим основанием для перевода заключенных из одной категории в другую, получения права на условное и безусловное досрочное освобождение и сокращения сроков лишения свободы благодаря системе «зачетов» (два дня работ за три дня срока лишения свободы) (гл. 2, ст. 16, п. 5) (цит. по: [ГУЛАГ, с. 32]). За труд заключенным полагалось вознаграждение, зачислявшееся на их текущие счета (гл. 2, ст. 70, 72, 74, 79) [Там же, с. 40].

Центральное место в ИТК 1924 г., которое задавало рамки применения КЗоТ в условиях несвободы, занимала ст. 57, в которой перечислялись статьи КЗоТ, обязательные для регламентации условий труда заключенных, касавшиеся сфер охраны труда, времени отдыха и регулирования продолжительности рабочего времени в ИТУ (с небольшими исключениями это были ст. с 94-й по 144-ю). В частности, применение норм КЗоТ ограничивало продолжительность рабочего времени в местах заключения восемью часами с уменьшением этой продолжительности до семи в ночное время и до шести для лиц до 18 лет. Сверхурочные работы допускались в исключительных случаях. Соблюдение положений кодекса с выявлением всех замеченных нарушений возлагалось на местные аппараты Наркомата труда (ИТК, ст. 81) [Там же].

Значительное место в ИТК 1924 г. отводилось организации принудительных работ без содержания под стражей (гл. 4), получившей широкое распространение в послереволюционной практике исполнения наказания по суду и частично в административном порядке. Данная карательная мера применялась в отношении лиц, совершивших опасные преступления и приговоренных на сроки от месяца до года. Наиболее «мягким» было отбывание наказания сроком до полугода на том же предприятии или учреждении, часто на том же рабочем месте, но с удержанием части заработка в пользу органов исполнения наказания. Другой группой «принудчиков» выступали лица, выполнявшие на период наказания работы общественного характера (дорожные, ремонтные и др.).

«Исправление трудом» в столь относительно мягкой форме предусматривало для данного типа осужденных и более расширенный

вариант распространения на них норм трудового права, нежели для лиц, отбывавших сроки в местах лишения свободы. Помимо того, что в ИТК 1924 г. на них распространялись уже упоминавшиеся выше статьи КЗоТ с 94-й по 144-ю и система «зачетов» (два дня работы за три дня срока), «принудчики» с годичным сроком имели право на двухнедельный отпуск, а в случае заболевания им предоставлялся также и отпуск по болезни (ст. 37, 38). Иногородние, имевшие семьи, могли по их заявлениям быть переведены в бюро принудительных работ по месту жительства семьи (ст. 41) [ГУЛАГ, с. 34–35].

Эпоха радикальных трансформаций советского общества, наступившая в 1930 г. в связи с утверждением в стране тоталитарного сталинского режима, повлияла на нормы и практику применения труда в условиях частичного или полного лишения свободы. Априорное заключение о том, что труд в режимных условиях получил отчетливо выраженный вектор движения от «исправления трудом» к «наказанию трудом», требует анализа основных нормативных документов с целью установления того, в какой мере оказались деформированы нормы трудового права с точки зрения их применения в пенитенциарных учреждениях.

В «Положении об исправительно-трудовых лагерях», принятом СНК СССР 7 апреля 1930 г., говорилось, что задачей ИТЛ являлась изоляция правонарушителей в соединении с общественно-полезным трудом [Там же, с. 65]. Раздел «Общие условия труда заключенных» не содержал каких-либо конкретных ссылок на статьи КЗоТ. Вместо этого в ряде случаев делались отсылки на межведомственные соглашения ОГПУ и Наркомата труда, что на практике означало отклонение от КЗоТ. Так, в ст. 27 «Положения» говорилось о том, что рабочий день заключенных не может превышать восемь часов. Но далее в тексте той же статьи оговаривалась возможность отступления от этого правила с разрешения Наркомата труда СССР. В следующей за этой ст. 28 оговаривалось, что нормы оплаты труда заключенных устанавливаются ОГПУ по соглашению с Наркоматом труда [Там же, с. 69]. Понятие права в отношении заключенных в «Положении» было редуцировано до прав получения посылок (передач), переписки, распоряжения имевшимися на личном счете деньгами. Оставались меры стимулирования труда, именовавшиеся мерами поощрения и включавшими в себя, помимо улучшения жилищных и бытовых условий и объявления благодарности с занесением в личное дело, несколько форм премирования: денежное вознаграждение, усиленный паек, перевод на льготный режим, представление к досрочному освобождению (ст. 23–25) [Там же, с. 68–69].

Резкое ужесточение режима содержания и условий труда заключенных в лагерях и колониях чем дальше, тем больше контрастировало с утверждениями преамбулы ИТК РСФСР в редакции 1933 г. о том, что данная политика преследует цель «перевоспитания» осужденных «путем направления их труда на общепользные цели и организации этого

труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества» [ГУЛАГ, с. 73]. Следует отметить, что после расформирования в 1930 г. республиканских наркоматов внутренних дел находившиеся в их ведении места заключения передавались наркоматам юстиции; после расформирования в 1933 г. наркоматов труда функции регулятора в сфере труда перешли к профсоюзным органам. Как и в ранее описанном случае с распространением норм трудового законодательства на лагерный контингент, учреждения исполнения наказания (колонии, бюро исправительных работ и др.) в части организации и условий труда осужденных присутствовала обезличенная формулировка: «[Ст.] 74. Условия труда лишенных свободы регулируются общими правилами Кодекса законов о труде РСФСР о рабочем времени, отдыхе, труде женщин и несовершеннолетних и об охране труда. Изъятия из этих правил устанавливаются Народным комиссариатом юстиции по согласованию с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов» [Там же, с. 82]. Норма оплаты труда лишенных свободы определялась особой инструкцией Наркомюста и ВЦСПС (ст. 72).

В ИТК РСФСР 1933 г. устанавливались меры стимулирования за высокие трудовые показатели (гл. 6 – «Меры поощрения и премирования» и разд. 5 – «Условно-досрочное освобождение и зачет рабочих дней»). Для особо отличившихся на производстве заключенных вводилась, правда, со ссылкой на применение в «исключительных случаях», такая поощрительная мера, как краткосрочный

Заключенные исправительно-трудовых лагерей
на строительстве Беломорско-Балтийского канала. 1932

Prisoners of correctional work camps at the construction site
of the White Sea-Baltic Canal. 1932

отпуск (ст. 77). В то же время основной стимул – возможность сокращения срока лишения свободы благодаря системе зачета рабочих дней – «гасился» такой дисциплинарной мерой, применявшейся к нарушителям правил внутреннего распорядка и трудовой дисциплины, как «отмена частью или полностью зачета рабочих дней» (ст. 79, п. 6) [ГУЛАГ, с. 83].

Сравнение базовых документов 1920-х и начала 1930-х гг. в части регулирования трудовых процессов в местах лишения свободы выявляет четкую тенденцию на то, что «режимный труд» неуклонно уходил из сферы действия обычного трудового права, перемещаясь в сторону регулирования особыми ведомственными нормативными документами. А из контроля над соблюдением положений КЗоТ исключались ранее надзиравшие над этим работники местных органов Наркомата труда. Совершенно очевидно, что трудовое право и не могло не быть адаптированным к режимным условиям лагерей и колоний. Другое дело, что «исправление трудом» предполагало наращивание и совершенствование, а не «вымывание» прежде действовавших положений Трудового кодекса из практики этих режимных учреждений. В. Т. Шаламов в переписке с А. И. Солженицыным был категоричен в оценках того, что принудительный труд может перевоспитывать осужденных:

Лагерь может воспитать только отвращение к труду. Так и происходит в действительности. Никогда и нигде лагерь труду не учил. В лагерьях нет ничего хуже, оскорбительнее смертельно-тяжелой физической подневольной работы. Нет ничего циничнее надписи, которая висит на фронтонах всех лагерных зон: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» [Шаламов, с. 277].

Две грани ИТК –1924: труд как исправление и как принуждение

В конце 1925 г. начальник Главного управления мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР Е. Ширвиндт опубликовал в юридическом журнале статью, в которой подводил итоги первого года действия ИТК в республике. Из приведенной статистики следовало, что по своей социальной принадлежности почти половина осужденных (50,9%) – крестьяне, а вместе с рабочими (22,0%) они составляли около 3/4 лишенных свободы. Правда, при этом Ширвиндт оговаривался, что не менее половины из числа крестьян – это отходники, утратившие связь с деревней и перебравшиеся в города и пригороды. Относительно рабочих он также считал, что в немалой степени это «деклассированные элементы». Сделанные коррективы нужны были Ширвиндту для обоснования тезиса о том, что «преступность является по преимуществу продуктом городской жизни» [ЕСЮ, 1925, № 50–51, с. 1530]. Среди осужденных преобладали мужчины (90,1%), другую часть составля-

ли женщины (7,8%) и несовершеннолетние (2,1%). По своему характеру преобладали имущественные преступления (43,7%), далее по убывающей шли должностные преступления (9,6%), преступления против личности (9,0%). По срокам осуждения доминировали лица, осужденные на срок от года до пяти лет (47,3%), осужденные на сроки до одного года составляли 38,3%, остальные (14,4%) имели длительные сроки – от пяти лет и выше. Общее число лиц, лишенных свободы, в местах заключения РСФСР достигало в 1924 г. чуть более 94 тыс. чел., в 1925 г. эта цифра была немногим выше.

Приведенные цифры состава осужденных требовались Е. Ширвиндту для того, чтобы подчеркнуть тенденции позитивного характера, которые давал возможность развить новый кодекс, обозначенный как «исправительно-трудовой». Исправление трудом предусматривало обеспечение заключенных работой: доля их превысила в 1925 г. 40%. В местах заключения было создано около 1,5 тыс. производственных площадок. За свой труд, отмечал Ширвиндт, заключенные получали вознаграждение, которое в среднем составляло до 75% оплаты по тарифам отраслевых профсоюзов для наемных работников [ЕСЮ, 1925, № 50–51, с. 1531]. ИТК содержал важнейшее стимулирующее к труду средство – вводилась система так называемых зачетов (два рабочих дня засчитывались как три дня срока наказания).

Е. Ширвиндт считал достижением руководства ГУМЗ оперативный отклик на общее веяние времени, выраженное лозунгом «Лицом к деревне». Речь шла о предоставлении лишенным свободы крестьянам права получить отпуск на полевые работы по месту жительства:

Ограда томской тюрьмы. 1920-е гг.

Tomsk prison wall. 1920s

«Это нововведение, идущее навстречу интересам крестьянства и содействующее поддержанию связи случайных правонарушителей из крестьян со здоровой трудовой крестьянской средой». Впечатляла статистика этой акции: летом 1924 г. этой льготой воспользовалось 10 тыс. чел., из числа которых не возвратились или получили негативные отзывы местных властей меньше 1 % [Там же, с. 1532].

О том, насколько действенной оказывалась осуществлявшаяся практика «зачетов» и к началу 1928 г., дает информацию статья председателя Сибирского краевого суда М. Кожевникова [ЕСЮ, 1928, № 18]. В ней проанализированы сведения 500 личных дел заключенных, освобожденных из Новосибирского домзака в 1927 г. По своему социальному положению среди них преобладали крестьяне (главным образом середняки) – 41,4 %, рабочие (главным образом чернорабочие) – 19,4 %, служащие – 14,4 %. По категориям преступности преобладали кража и скотокрадство (29,2 %), хулиганство (26,6 %), растраты (10,6 %). Рабочие в большинстве своем осуждались за хулиганство, крестьяне – за хулиганство, самогоноварение, преступления против личности, служащие – за растраты и должностные преступления [Там же, с. 539]. В среднем осужденные отбывали в ИТД примерно 3/4 назначенного срока [Там же, с. 540]. Из числа досрочно освобожденных в наиболее выгодном положении оказались служащие и кустари. Служащие отбыли немногим более половины назначенного срока, причем они же были приговорены к наиболее длительным срокам.

Базовым основанием для досрочного освобождения являлся зачет рабочих дней [Там же, с. 541]. В его отношении служащие оказывались в лучшем положении. Из каждых ста дней заключения, назначенных по приговору, служащим сбрасывалось в результате зачета рабочих дней 14,6 дня, тогда как для рабочих этот показатель составил 8,8 дня. М. Кожевников объяснял это следующими причинами:

Труд заключенных, как видно из материалов, используется обычно так: сапожники используются в кожевенном цехе, кузнецы – в механическом, чернорабочие – в ассенизационном обозе, служащие – в канцелярии в качестве счетоводов, делопроизводителей, на работе по юридической части и проч. Канцелярский труд засчитывается наравне с физическим или даже преимущественно перед физическим: некоторым заключенным, занятым физическим трудом, нередко распродкомиссия отказывает в зачете рабочих дней ввиду слабой продуктивности, халатности и т. д.; канцелярский же труд обычно засчитывается полностью [Там же, с. 541].

Что происходило в динамике с практикой отпусков заключенных из числа крестьян на полевые работы? ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением от 25 апреля 1925 г. впервые ввели практику разрешения длительных отпусков (до трех месяцев) для этой социальной категории. Опыт был признан позитивным, и годом позднее республиканская власть 29 апреля 1926 г. пролонгировала его действие

и на время полевых работ 1926 г. Наркомат юстиции РСФСР в своем циркуляре от 12 мая 1926 г. указал на ряд просчетов в осуществлении новшества в 1925 г. Выявлялись случаи, когда отпуска из мест заключения получали личности, имевшие формальный социальный статус крестьян, но реально утратившие связь с сельским хозяйством и ставшие рецидивистами; они занимались своим «ремеслом», вместо деревни перемещаясь в города. В качестве превентивной меры предлагалось перед отпусками запрашивать органы по месту жительства заключенного о желательности или нежелательности трехмесячного отпуска конкретного лица к своей семье для полевых работ [ЕСЮ, 1926, № 21, с. 670–671].

Такая практика получила свое продолжение и в следующем году. 15 апреля 1927 г. был выпущен «утяжеленный» межведомственный циркуляр НКВД и НКЮ РСФСР, в котором ужесточались требования к отчетности о нахождении заключенного крестьянина на полевых работах и конкретно в собственном хозяйстве и о том, что он не должен был допускать в данный период «ничего предосудительного». От этого зависело решение, провести ли этому заключенному зачет времени («два за три») за трехмесячные полевые работы [ЕСЮ, 1927, № 17, с. 525].

Опыт такого рода отпусков для осужденных крестьян оценивался специалистами-правоведами двояко. Одни считали сам принцип безусловно позитивным. В противовес этому известный правовед Н. Лаговьер предлагал обратиться к имевшейся статистике отпусков за 1925 и 1926 г., которая учитывала долю подававших заявление на такого рода отпуска и получивших на это разрешение в зависимости от категорий заключенных-крестьян:

Из каждой тысячи ходатайствовавших были отпущены на работы в 1925 г. 616 чел., в 1926 г. – только 405 чел., то есть степень удовлетворения уменьшилась в 1½ раза. Причем больше всего уменьшение коснулось осужденных за конокрадство (вместо 38,7% отпущенных в 1925 г. – 16,1% в 1926 г.; снижение почти наполовину) и за растрату (вместо 47,8%, отпущенных в 1925 г. – 23,9% в 1926 г.). Только в отношении лиц, осужденных за воинские преступления и за нарушение правил по здравоохранению и публичного порядка, имеем превышение процента удовлетворения ходатайства об отпуске на полевые работы (для первых с 47,8% до 58,1%, а для вторых – с 57,9% до 70%) [ЕСЮ, 1927, № 24, с. 735].

Н. Лаговьер привел и цифры не возвратившихся добровольно в места заключения в 1925 г. – 617 из 14559 чел. Сюда же следует добавить 0,7% тех, кто был возвращен по требованиям населения и местных властей до окончания срока полевых работ. При кажущейся незначительности этой категории заключенных в общей массе крестьян-отпускников (около 5%) это обстоятельство подталкивало руководство мест заключения к мерам по ужесточению

процедуры ежегодных отпусков заключенных на полевые работы. Впрочем, даже такой критик как Н. Лаговьер не отрицал социально-политической значимости данной меры, применявшейся в интересах крестьянства. В пользу ее говорил даже такой штрих: ужесточение правил рассмотрения ходатайств серьезно не изменило долю разрешений на отпуск для категории осужденных на длительные сроки (свыше пяти лет – 25,9 % от числа подавших ходатайства в 1925 г. и 22,9 % в 1926 г.) [Там же, с. 735–736].

В последующие годы узаконенная с середины 1920-х гг. как мера поощрения практика отпусков для некоторых групп осужденного крестьянства продолжалась. Это следует из ст. 76 ИТК РСФСР в редакции 1933 г.: «В период важнейших сельскохозяйственных работ наблюдательные комиссии могут предоставлять отпуска сроком до трех месяцев колхозникам и единоличникам» [ГУЛАГ, с. 83]. Однако после 1930 г. в юридических изданиях статистика такого рода уже не публиковалась.

Принудительный труд без пребывания под стражей

Среди тенденций в сфере применения труда как меры наказания наибольшему обсуждению в профессиональной юридической среде во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. подвергалась практика организации принудительных работ без пребывания под стражей, которая вводилась ИТК в редакции 1924 г. Возникавшие проблемы при исполнении такого рода наказания требовали разнообразия и вариативности в том, чтобы применять данную норму в городских и сельских условиях, с учетом того, что эта мера применялась не только в судебном, но и в административном порядке. Помимо того, что принудительный труд без пребывания в местах заключения потребовал создания специальных органов (бюро принудительных работ) при местах заключения (для осужденных по суду) и при местных советах (для учета исполнения административных наказаний), в стране в середине 1920-х гг. не было хозяйственных условий для рациональной организации такого вида «наказания трудом».

О том, насколько действенной оказывалась такая мера, как принудительный труд без содержания под стражей, дает представление проведенный в статье, предположительно написанной известным правоведом А. С. Тагером, анализ статистики исполнения принудительных работ в Москве в 1925 г. (5565 дел) и в 1926 г. (6 тыс. дел). Он провел тщательный статистический анализ, из которого следовало, что исполнению наказания фактически подверглось чуть более половины приговоров (54,3 %). Остальные получили замену работ штрафом за неимением фронта работ, освобождением по болезни, амнистией и по другим причинам. Принудительные работы осуществлялись на предприятиях мест заключения, на государственных и об-

ществленных предприятиях и в учреждениях, в негосударственных учреждениях (артели и др.) [ЕСЮ, 1927, № 34, с. 1050].

Тагер очень четко проводил различия в исполнении наказания в виде принудительных работ в системе ГУМЗ и осуществлявшихся по месту работы. Прежде всего речь шла о характере труда. ГУМЗ предоставлял, как правило, физическую и неквалифицированную работу, тогда как труд осужденного на рабочем месте обесценивал, по мнению юриста, репрессивное значение данной меры. Другое различие касалось принципа оплаты труда:

В то время как на предприятиях ГУМЗ выплачивается только 40 % местной ставки за одноименный труд, по месту службы происходит снижение на один, максимум на два разряда. Таким образом, удержание 25 % заработка в пользу принудбюро совершается в одном случае с ничтожно малой суммой, и реальный заработок нередко ниже заработка заключенного в месте лишения свободы, а в другом случае с почти нормальной заработной платы, и остаток составляет три четверти обычного денежного поступления. На практике отношение выражалось в среднем в оплате рабочего дня как 1: 2,5 [Там же, с. 1051].

Тагер полагал, что если сохранять в принудительном труде карательный аспект, то следует допустить организацию безвозмездно отбываемых принудительных работ с выдачей в этом случае пайка для питания и обеспечения жильем, если речь идет о работах вне места проживания осужденного. Для сельской местности принудработники могли направляться к нуждавшимся в рабочей силе трудовым крестьянским хозяйствам (инвалидам, семьям красноармейцев и др.) [Там же].

«У нас скоро многие трудящиеся будут принудработниками»

Весна 1928 г. стала временем резкого поворота в направлениях советской карательной политики. 26 марта 1928 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР № 49 «О карательной политике и состоянии мест заключения», которое фактически подвело черту под прежним продлившемся около пяти лет циклом стабилизации карательной системы, нацеленной на упорядочение законодательства в области соразмерности наказаний за совершенные преступления [ЕСЮ, 1928, № 14, с. 417–419]. В то же время в обществе росла социальная напряженность, вылившаяся во фронтальный рост всех видов и форм преступлений. Но если с уголовной преступностью можно было бороться традиционными мерами изоляции, то опасение вызывал рост тех преступлений, которые квалифицировались как направленные против государства и носившие «контрреволюционный» характер. «Размычка» между властью и основной массой крестьянства (хлебозаготовительный кризис) в сочетании с кампанией борьбы с «экономической контрреволюцией» («шахтинское дело») весной 1928 г.

стали мощным инструментом в пользу того, чтобы встроить карательную и пенитенциарную политику в рамки сталинской директивы «о новом обострении классовой борьбы».

Тем не менее, постановление республиканской власти от 28 марта 1928 г. носило само по себе достаточно умеренный характер, в нем были обозначены вполне разумные подходы, вытекавшие из опыта и практики взаимодействия двух институтов – НКЮста, обеспечивавшего судопроизводство и вынесение наказаний, и НКВД, ответственного за исполнение наказаний. В нем обозначалась необходимость разграничения в карательной политике двух принципов. В первом случае – ужесточения борьбы с особо опасными преступлениями («контрреволюционными», должностными и др.), а также признания необходимости применять суровые меры репрессии «в отношении классовых врагов и деклассированных преступников – профессионалов и рецидивистов». В отношении же «социально неустойчивых элементов», совершивших мелкие преступления и не являвшихся социально опасными, требовалось использовать «в максимальной степени практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты». И далее приводился перечень этих мер: «принудительные работы без содержания под стражей; устранение от должности и снятие с работы; лишение права занимать ответственные или выборные должности» и т. д. [Там же, с. 417].

НКВД совместно с НКЮ поручалось разработать проект о принудительных работах на началах

...а) бесплатности, б) хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии по сравнению с общественными работами, организуемыми для безработных органами Народного комиссариата труда. Платность допустить лишь для лиц, отбывающих принудительные работы по месту службы, или каждый раз по особому определению суда для лиц, не имеющих вовсе никаких средств к существованию; однако и для этих случаев размер платы не должен превышать госминимума данной местности [Там же, с. 418].

Акцент на форсированное использование принудительных работ без содержания под стражей имел под собой несколько оснований. Их целью было совместить доктринальную установку соединения наказания с исправлением трудом с прагматическими действиями карательной политики (осуществить очередную разгрузку мест заключения в условиях их переполненности («проветривание камер»), передав в органы, ведающие принудительными работами, осужденных на сроки до одного года; увеличить число рабочей силы для мобильного использования на хозяйственных и общественных работах, минимизировав затраты на охрану и контроль над «принудчиками»; исполнять наказание практически без затрат для лиц, осужденных к принудительным работам на месте постоянной службы).

Наряду с этим значительно возросли усилия ГУМЗ по развитию и наращиванию собственной производственной базы на основе колоний промышленного и аграрного профиля для осужденных на сроки от года и более. Кроме того, в конце 1920-х гг. проступают контуры программы создания сети лагерей с использованием труда заключенных для освоения отдаленных районов страны, богатых природными ресурсами. В лагеря предусматривалось направлять физически здоровых мужчин, осужденных на длительные сроки заключения. Лагерный тип мест заключения после жесткой межведомственной борьбы между руководством НКВД РСФСР и ОГПУ был закреплен за чекистской структурой. Таким образом, в течение 1928–1930 гг. сложилась система применения принудительного труда как меры наказания, состоявшая из трех сегментов: подсистема, где он применялся в наиболее «мягкой» форме – без нахождения под стражей и на незначительные сроки (от месяца до года), руководство которой на местах осуществляли бюро принудительных (далее – исправительных) работ (БПР/БИР); труд в колониях и тюрьмах заключенных, осужденных на сроки от года до трех лет; лагерный труд для лиц, осужденных на сроки от трех лет и более.

Такого рода сегментирование предполагало, что принудительный труд вне мест заключения, без изоляции от общества будет носить самоокупаемый характер, впрочем, при условии четкой координации действий БПР/БИР с хозяйственными и советскими органами на местах. Насколько готовыми оказались судебная система и система наказаний к столь резкому изменению самой технологии осуществления принудительных работ в массовом масштабе для сотен тысяч осужденных по суду, рассмотрим ниже.

Прежде всего следовало преодолеть определенную инерционность самой судебной машины, которая в 1928 г. продолжала направлять в места заключения осужденных на сроки до одного года, хотя уже действовали директивы о направлении такого рода «краткосрочников» вместо тюрем в распоряжение БПР/БИР. Статистика решений судов в РСФСР, однако, показала, что доля этой группы осужденных к лишению свободы с отбыванием в тюрьмах не только не сократилась, но и выросла в течение года с 24,8 до 27,3% от общей численности заключенных в республике. В итоге недавно ставший нарком юстиции РСФСР Н. М. Янсон издал циркуляр № 5 от 14 января 1929 г., направленный на то, чтобы переломить ситуацию в работе судов. В постановляющей части нарком использовал жесткую риторику в отношении самих судей:

Строжайшим образом проследить за тем, чтобы с момента получения на местах судами данного циркуляра впредь не было вынесено ни одного приговора народного суда, осуждающего к краткосрочному лишению свободы до одного года. Указать судам, что в случае установления такого нарушения сам вынесший приговор судья будет предан суду по обвине-

нию в неисполнении распоряжения центрального правительства и узнает на собственном опыте, что такое принудительные работы [ЕСЮ, 1929, № 2, официальная часть].

Как следовало из материалов юридического издания, судебная система осуществила необходимый маневр. Динамика исполнения наказания в форме принудительных работ по РСФСР действительно оказалась впечатляющей. Если в первом полугодии 1928 г. судами из общего числа осужденных 433 385 чел. приговаривалось к принудительным работам 66 402 чел. (или 15,3 %), а во второй половине 1928 г. число приговоров к данной мере увеличилось до 28,1 %, то из осужденных в первой половине 1929 г. (554 727 чел.) к принудительным работам было приговорено уже 272 861 чел. (или 49,2 %). Между тем, согласно отчетным данным, из общего числа приговоров к принудительным работам приводилось в исполнение только 50 % [СЮ, 1930, № 13, с. 20–21].

Аналитики журнала «Советская юстиция» Я. Перель и Н. Лаговьер отмечали теневые стороны резкого наращивания данной формы исполнения наказания при необеспеченности ее реализации кадровыми, организационными и материальными ресурсами. В частности, широко распространился прямой откуп, когда работы выполнялись не лично осужденными, а членами их семей либо силами наемных рабочих. В Вятке зажиточный «принудиловец» нанял целую артель, которая отвезла за него дрова для сельсовета и школы, после чего устроил для работников пьянку. В одном из районов Тульского округа священник нанял для исполнения порученной ему работы по набивке ледника молочной артели местных граждан, а некоторые вместо него работали совсем бесплатно (впрочем, приведенные факты получили огласку, и работы не были зачтены, производилось расследование). Весьма значительной оказалась и доля «уклонистов» от принудительных работ: в Ленинграде в июле 1929 г. она достигала 25,7 %, в Вятке – 37 % [СЮ, 1930, № 3, с. 15–16].

Сотрудница системы исполнения наказаний в Нижне-Волжском крае В. Клокова, анализируя в 1930 г. региональный опыт, тоже приходила к заключению о наличии негативных сторон в практике организации массовых принудительных работ:

1) Применение судами принудительных работ без учета действительной возможности их отбывания, 2) неиспользование огромного числа принудчиков, отчего эта мера репрессии теряет всякую реальность, 3) отсутствие контроля за выполнением приговоров со стороны прокуратуры и судов, 4) отсутствие правильного учета принудчиков и выполняемой ими работы в органах адмтделов... В НВК на учете органов, ведающих принудработами, состояло на 1 апреля [1930] около 26 тыс. принудчиков, из которых 21 тыс. – по приговорам судов. Из них по месту службы использовалось 3 тыс., в предприятиях мест заключения и бюро принудработ –

3 ½ тыс., и немного более 7 тыс. использовалось в различных предприятиях. Таким образом, было использовано из 26 тыс. около 14 тыс. Остальные 12 тыс., или 46 %, остаются неиспользованными. <...> Если добавить к этому, что и числящиеся в качестве используемых фактически почти не имеют контроля за своей работой, то вся важность организационных вопросов постановки принудработ становится во всей их остроте. <...> Инструкция по применению принудработ, изданная ГУМЗ, представляет возможность использовать труд принудчиков, приговоренных на срок свыше 6 мес., вне места их жительства. Вот эту-то половину принудчиков и возможно стягивать в краевые и окружные центры путем организации специальных трудколоний на крупных, требующих большой рабсилы строительных. <...> Разумеется, что при этом принудчики снабжаются питанием и жильем, им оплачивается проезд на место работ и обратно, и в то же время их труд будет использован на осуществление нужд дела социалистического строительства (цит. по: [СЮ, 1930, № 28, с. 20–21]).

Выступая на совещании народных судей Москвы и области 18 августа 1930 г., заместитель председателя Верховного суда РСФСР Нахимсон, по сути, признал, что наряду «с правильностью проводимой пролетарским судом жесткой репрессии в отношении классового врага», происходит резкий рост осуждений судами, который идет за счет трудящихся. Приводя данные по Москве и области о значительном росте приговоров к принудработам, когда по отдельным категориям осуждение к такого рода приговорам доходит до 68,4 % (по делам о растратах и присвоениях, по делам о хулиганстве и т. д.), он констатировал, что исполнение приговоров оказывалось на низком уровне: на 1 января 1930 г. из судов поступило 17 245 дел, из которых оказались нереализованными 8 967 дел, или 52 %. Вывод Нахимсона гласил: «У нас скоро многие трудящиеся будут принудработниками». В ходе обсуждения приводился пример абсурдного характера: человек был приговорен к принудительным работам и направлен на хлебозаготовки для того, чтобы отбыть там наказание в качестве уполномоченного. В отметке о его работе было написано: «Отбыл принудработы в качестве уполномоченного на х/заготовках» (цит. по: [СЮ, 1930, № 29, с. 16, 18]).

Принудительный труд на короткие сроки без лишения свободы, являвшийся, по мнению идеологов и практиков карательной системы, если и не чисто исправительной, то своеобразной превентивной и дисциплинирующей мерой наказания, в реальности послужил институциональным оформлением своего рода гибридного «режимного труда», промежуточного между трудом обязательным и принудительным со всеми его градациями и оттенками. Ужесточение режима трудовой деятельности с ее нормативной регламентацией фактически привело к постепенному сужению сферы деятельности труда по найму. Однажды законодательно закрепленный как мера наказания принудительный труд в его «легкой» форме (без лишения свободы) прочно и надолго, вплоть до конца сталинской эпохи закрепился в качестве удобного для

государственной системы инструмента мобилизационно-охранительного воздействия на сферу социально-трудовых отношений.

Его прагматизм состоял в том, что «принудчики», отбывавшие наказание по месту своей прежней работы, оказывались на этот период под двойным контролем со стороны администрации и местных работников инспекций исправительно-трудовых работ (ИИТР, с начала 1930-х гг.), оказывая тем самым психологическое «дисциплинирующее» воздействие на других работников предприятий или учреждений. Само же «наказание рублем», то есть отчисление 25 % от заработка в казну, было достаточно обременительным в условиях низкого жизненного уровня основной массы «принудчиков», которые к тому же не освобождались от несения открытых и скрытых обязательств (налогов, принудительного участия в подписках на займы, алиментов и т. д.) в полном объеме.

Статистика применения данного вида «мягкого» наказания трудом с 1930-х гг. свидетельствовала о том, что принудительный труд без лишения свободы прочно занял свою нишу в системе судебных приговоров. В частности, эта мера в различные годы сталинской эпохи составляла в предвоенные годы (1937–1939) в среднем около 41 % судебных решений. Однако затем Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., введший репрессии за нарушение дисциплины труда, дал колоссальный рост «принудчиков» в составе осужденных на принудительные работы по месту службы (работы) за прогулы: так, если принудительным трудом в 1939 г. было наказано 401 139 чел., то в 1940 г. эта цифра составила 2 161 793 чел., дав пятикратный прирост по сравнению с предыдущим 1939 г. Соответственно, в составе осужденных судами в 1940 г. доля «принудчиков» поднялась до 64,9 %, то есть две трети вынесенных судами приговоров в этом году касались принудительных работ. В военные годы эти показатели держались в среднем на таком же уровне. В послевоенные годы имело место некоторое снижение данного показателя до довоенного уровня – около 40 %, тем не менее, даже в 1951 и 1952 г. к принудительным работам без лишения свободы суды приговаривали почти по 600 тыс. чел. ежегодно [История сталинского ГУЛАГа, т. 1, с. 616–617]. Но даже в условиях резкого снижения масштабов всех видов репрессий после 1953 г. действовавшая сеть инспекций ИТР включала в себя 2020 учреждений, на учете в которых на 1 января 1954 г. состояло 141 416 осужденных [ГУЛАГ, с. 374–375]. В целом же с момента введения данного указа от 26 июня 1940 г. вплоть до его отмены в 1956 г. к принудительным работам за прогулы было приговорено 11 млн чел. [История сталинского ГУЛАГа, т. 1, с. 77]. Если же учитывать, что начиная с 1929 г., когда практика осуждения судами к принудительным работам без лишения свободы стала носить массовый характер и составляла в среднем до 40 % приговоров к данной мере, и опираясь на среднюю цифру осуждений судами общей юрисдикции до 1 млн чел. в год, можно прийти к выводу, что в 1930-е гг. данной мере наказания под-

верглось не менее 4 млн чел. В совокупности за сталинскую эпоху это дает суммарную цифру до 15 млн чел., оказавшихся в силу различных причин «принудчиками». По существовавшим нормативам, после отбывания принудительных работ с осужденных снималась судимость, однако во всех кадровых и анкетных документах «принудчики» были обязаны указывать сам факт судимости, пусть «мягкой» и краткосрочной. Это не могло не сказываться на последующей судьбе обладателя данной стигмы «наказания трудом».

Список литературы

ГУЛАГ: Главное управление лагерей : 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : МФД, 2000. 888 с.

Еженедельник советской юстиции. М. : Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР, 1922–1929 (ЕСЮ).

История сталинского ГУЛАГа : Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. документов : в 7 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. 728 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967–1981.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : учебник : в 2 т. М. : Статут, 2009. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 879 с.

Советская юстиция. М. : Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР, 1930–1993 (СЮ).

Шаламов В. Т. Письмо к А. И. Солженицыну // Досье на цензуру. 1999. № 7/8. С. 272–279.

References

Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii [Yezhenedel'nik sovetskoy yustitsii]. (1922–1929). Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NK Yu RSFSR.

Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov v 7 t. [The History of the Stalin GULAG. Late 1920s – First Half of the 1950s: A Collection of Documents, 7 Vols.]. (2004). Vol. 1. Massovye repressii v SSSR. Moscow, ROSSPEN. 728 p.

Lenin, V. I. (1967–1981). *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works, 55 Vols.]. Ed. 5. Moscow, Politizdat.

Lushnikov, A. M., Lushnikova, M. V. (2009). *Kurs trudovogo prava: Uchebnik v 2 t.* [The Course of Labour Law: Textbook, 2 vols.]. Vol. 1. Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obschaya chast'. Moscow, Statut. 879 p.

Shalamov, V. T. (1999). Pis'mo k A. I. Solzhenitsynu [Letter to A. I. Solzhenitsyn]. In *Dos'e na tsenzuru*. No. 7/8, pp. 272–279.

Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]. (1930–1993). Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NK Yu RSFSR.

Yakovlev, A. N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960* [GULAG: The Main Department of the Camps. 1918–1960] / comp. by A. I. Kokurin, N. V. Petrov. Moscow, MFD. 888 p.

The article was submitted on 25.04.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.266

УДК 339.13.012.42+339.16.012.34+331.105.24(470.5)

**«КТО НЕ ТОРГУЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ!»:
ТОРГОВЫЕ ПРАКТИКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
РАБОЧИХ УРАЛА В 1920-е гг.***

Алексей Килин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**'HE WHO DOES NOT TRADE, DOES NOT EAT!':
TRADE PRACTICES IN THE EVERYDAY LIVES
OF URAL WORKERS IN THE 1920s****

Alexey Kilin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers trade practices in the everyday lives of Ural workers in the 1920s. Methodologically, the research is based on the principles of everyday history (German *Alltagsgeschichte*). The analysis is performed with reference to information reports of the political section of the Joint State Political Directorate (JSPD) in the Urals for 1924, whose authors revealed open or hidden conflicts. The JSPD focused on conflicts of all types that could be potentially dangerous for the regime. During the years of the New Economic Policy, the multitude of forms and methods of trade and intermediary activity was conditioned by the mixed character of the economy and the transitional nature of the management model. The system of centralised state distribution was not flawless, but it was seen as an ideal model to employ during the establishment of a new society, which led to the population being involved in trade and intermediary activities. Trading became a mass occupation and was also deprofessionalised, as vast numbers of people were involved in the activity, regarding it as a temporary occupation. The article focuses on the participation of Ural workers in trading and intermediary activities,

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation*: Kilin, A. (2017). 'He Who Does Not Trade, Does Not Eat!': Trade Practices in the Everyday Lives of Ural Workers in the 1920s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1047–1062. DOI 10.15826/qr.2017.4.266.

Цитирование: Kilin A. 'He Who Does Not Trade, Does Not Eat!': Trade Practices in the Everyday Lives of Ural Workers in the 1920s // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1047–1062. DOI 10.15826/qr.2017.4.266 / Килин А. «Кто не торгует, тот не ест!»: торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1047–1062. DOI 10.15826/qr.2017.4.266.

conditioned by the defects of the state and cooperative system of distribution. Workers sold goods received in the form of payment at work, resold slow-moving articles bought in cooperative stores, and dealt in monetary surrogates. All these quite often directly resulted from the defective system of remuneration in enterprises and the centralised supply system. When selling their own property, artisanal and homemade goods made outside of work hours, workers were not part of their respective enterprises; hence, these types of trade can be regarded as additional earning. Despite their trading at markets, workers did not accept trading as such, criticising private trade for both ideological and economic reasons.

Keywords: New Economic Policy; trade relations; production plan; free trade; distribution principles; victualling; private cooperation; Urals.

Рассмотрены торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. Методологические основы исследования связаны с направлением «история повседневности». Основным источником явились информационные сводки политического подотдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) по Уралу за 1924 г., авторы которых выявляли явные и скрытые конфликты. ОГПУ отслеживало все многообразие конфликтов, реально или потенциально несущих угрозу существующему режиму. Разнообразие форм и методов торгово-посреднической деятельности в годы НЭПа было обусловлено многоукладностью экономики, переходным характером модели хозяйствования. Несовершенство системы централизованного государственного распределения, которое виделось как идеальная модель в условиях становления нового общества, порождало вовлечение населения в торгово-посредническую деятельность. Занятие торговлей становится массовой профессией и депрофессионализируется одновременно, так как в эту сферу вовлекаются широкие слои населения, рассматривающее этот вид деятельности как временную занятость. В статье рассматривается участие рабочих уральских предприятий в торгово-посреднической деятельности, обусловленное дефектами государственной и кооперативной системы распределения. Продажа на рынке товаров, полученных в счет заработной платы, перепродажа выкупленных в кооперативных лавках неходовых товаров, реализация различного рода денежных суррогатов – эти формы торгового посредничества являлись прямым следствием дефектов системы оплаты труда на предприятии и централизованной системы снабжения. Выступая в роли продавца собственного имущества, продуктов ремесленного и кустарного производства, изготовленных в свободное от работы на предприятии время, рабочий не был связан непосредственно с деятельностью предприятия, поэтому эти виды торговли можно рассматривать как дополнительный заработок. Торгуя на рынке, рабочие в то же время демонстрировали явное неприятие торговой деятельности как таковой, критически отзывались о частной торговле, что было обусловлено как идеологическими, так и экономическими причинами.

Ключевые слова: НЭП; рыночные отношения; производственный план; свободная торговля; принципы распределения; снабжение продовольствием; частная кооперация; Урал.

Идеи социалистического переустройства предполагали построение нового более совершенного общества, в котором роль коммерческого интереса как буржуазного пережитка будет изжита или сведена к минимуму. Если производитель создаст достаточно надежный снабженческий аппарат (в реалиях 1920-х гг. – государственные синдикаты), а потребители организуются и самостоятельно наладят каналы поставок необходимых им товаров (потребительская кооперация), то роль посредника сведется к минимуму или исчезнет совсем. Эту модель можно признать более рациональной по сравнению с идеей полной ликвидации торговли и денежного обращения, попытка реализовать которую была предпринята в годы военного коммунизма. Но это лишь модель, которая не учитывает степень насыщения рынка, усиление общественного разделения труда, развитость денежно-кредитной системы, качество персонала, занятого посреднической деятельностью, и характер государственного регулирования. Она не отвечает на вопросы о том, что делать с некооперированным населением и насколько экономически целесообразно производителю содержать собственный сбытовой аппарат.

Торговая деятельность в годы НЭПа осуществлялась профессионалами, частными торговцами (нэпманами, или «нэпачами»), которые были чужими в новом советском обществе и рассматривались как «пережиток проклятого прошлого», с которым до определенного срока приходилось не только бороться, но и мириться. Анализ социального облика частного предпринимателя свидетельствует о чрезвычайно пестрой и противоречивой картине, в которой представлено множество обликов и личий торговых посредников. Торговля была распространена настолько, что в нее были вовлечены практически все без исключения слои населения. Она в этот период становится массовой профессией и одновременно депрофессионализируется. Это утверждение верно, если считать профессионалами людей, которые приобрели патенты на занятие торговлей и которых фискальные органы относили к частным торговцам. Наличие специального образования или практической подготовки торгового персонала и дореволюционного стажа не было редкостью, но было не характерно для большинства предпринимателей, так как 2/3 нэпманов в торговле были «новыми людьми» [Килин, с. 125].

Ситуация, обрисованная одним из активных участников международного коммунистического движения, общественным деятелем и писателем Виктором Сержем (В.В. Кибальчицем), относится к периоду военного коммунизма. Он писал о ситуации в Москве в 1920–1921 гг.:

Великолепная система снабжения продовольствием, созданная Цюрупой (Цюрупой. – А. К.) в Москве и Бакаевым в Петрограде, работала вхолостую. <...> В действительности, чтобы прокормить, каждый день приходилось пускаться в спекуляции, и коммунисты поступали так же, как и все остальные. <...> Пайки, выдаваемые огосударствленными кооперативами, были мизерны... <...> Повсюду были расклеены плакаты со словами святого Павла: «Кто не работает, то не ест!», превратившиеся

в насмешку, так как для того, чтобы прокормиться, надо было крутиться на черном рынке, а не работать. Рабочие проводили время на мертвых заводах, изготавливая ножи из деталей станков и подметки из приводных ремней, чтобы обменивать их на толкучке [Серж, с. 142–143].

Если занятие торговлей «бывшими», крестьянами, прочими мелкобуржуазными слоями населения и безработными представляется вполне естественным явлением, то вовлеченность в торговлю рабочих государственных предприятий, от имени которых осуществлялась «диктатура пролетариата», заслуживает особого внимания, так как наиболее ярко демонстрирует дефекты централизованной распределительной системы.

Социально-бытовые условия рабочих занимали значительное место в отечественной историографии. В ряде исследований упоминается процесс вовлечения рабочих в торгово-посредническую деятельность, как правило, в период военного коммунизма. Так, второе место после крестьянства среди мешочников занимали рабочие [Давыдов, с. 136–137]. Структура бюджета рабочих семей в Екатеринбургe летом 1922 г. выглядела следующим образом: «Удельный вес заработной платы составлял 78 %, продажа имущества приносила 10 % семейного дохода, займы – 4 %, безденежные поступления – 3 %, приработок на стороне – 2 %, продажа продуктов своего хозяйства, предметов государственного снабжения, торговля составляли всего 1 % поступлений в семью. Однако в наименее состоятельных семьях доля продажи имущества в структуре бюджета возрастала до 22 %, а натуральный доход – до 68 %» [Нарский, с. 544].

Описывая проблемы снабжения в 1928 г. накануне введения карточной системы, Т.С. Кондратьева упоминает рабочих как участников посреднической торговли: «Перекупщиком становился не только агент частника из безработных, но и рабочий, и его жена, и приезжий командировочный, и инвалид. Спекулировали, чтобы выжить. Ведь того, что можно было получить от государства, на семью не хватало» [Кондратьева, с. 95]. Можно утверждать, что распределительная система являлась одной из форм контроля государства над гражданами. На данном аспекте проблемы делает акцент М.Г. Меерович при рассмотрении советской жилищной политики [Меерович]. Е.А. Осокина детально описала «иерархию потребления» в годы первых пятилеток, когда карточная система стала господствующей, но при этом частный рынок не исчез, а лишь ушел в тень [Осокина, с. 189–227]. С.П. Постникова и М.А. Фельдман со ссылкой на «Рабочий журнал» (печатный орган профсоюзов) приводят данные о результатах обследования быта рабочих в 1922 г.: «В сравнении с довоенным временем материальные условия существования рабочих ухудшились, по крайней мере, втрое. Если расходы на питание уменьшились в 3 раза, то на культурные потребности – в 4 раза, на гигиену – в 8 раз, на одежду – в 11 раз, на табак и напитки – в 15 раз» [Постников, Фельдман, с. 160]. Несмотря на то, что значительную часть расходов брало на себя

государство, удовлетворить потребности в полной мере оно не могло, и уровень потребления сокращался в абсолютных величинах.

Рабочий как рядовой советский гражданин мог получить необходимые ему продукты, воспользовавшись государственной централизованной распределительной системой, через государственные магазины синдикатов и трестов. Если это ему не удавалось, то он обращался, уже в качестве члена трудового коллектива, к тем ресурсам, которые имелись в распоряжении завода или фабрики. Это мог быть кооператив, который создавался при активном участии администрации предприятия, или фонды, которые использовались администрацией для материального стимулирования работников. Фонды, в свою очередь, могли носить легальный или полунелегальный характер, например, приобретать вид подсобных цехов или общественных огородов, сокрытых от учета сырьевых или товарных излишков. Если и после этого потребности рабочего оставались неудовлетворенными, он был вынужден самостоятельно изыскивать возможности для решения проблем снабжения своей семьи. Арсенал методов был довольно широк, но все они отвлекали рабочего от основного места работы, требуя больших затрат времени, физических и душевных сил. Отметим, что самообеспечение, адаптация рабочих к условиям товарного дефицита всегда балансировали на грани закона, включая в себя как легальные, так и нелегальные формы.

Продуктовые карточки 1931-1933 гг.
Ration cards, 1931-1933

Классовое разделение общества предполагало, помимо подразделения на рабочий класс и крестьянство, более глубокую дифференциацию каждой из названных групп. Вопреки массовым представлениям о том, что весь рабочий класс является «пролетариатом», от имени которого реализуется его «диктатура», практика демонстрирует расслоение производственного персонала промышленных предприятий. В большей степени зависимость от предприятия испытывали так называемые «пролетарии», то есть рабочие, которые не имели собственного хозяйства, скота, проживали в арендованных или предоставленных предприятием помещениях, в то же время они были и самой мобильной группой. С точки зрения доминирующих идеологических установок, именно они являлись подлинными пролетариями и должны были стать основной социальной опорой советского строя. Их интересы самым непосредственным образом были связаны с конкретным предприятием, на котором они работали, так как заработная плата должна была являться основным и единственным источником их существования. Напротив, «непролетарии», «полурабочие-полукрестьяне» были в меньшей степени зависимы от предприятия. Это были, как правило, местные жители, имевшие более высокую квалификацию, в большинстве своем главы многодетных семей. Эти рабочие, близкие по духу городским обывателям, имели собственный дом и приусадебное хозяйство, что позволяло обеспечивать семью продуктами питания. Эта относительная независимость играла стабилизирующую роль в критические периоды жизни как самого человека, так и предприятия. К таким неблагоприятным обстоятельствам относились существенная (от одного до шести месяцев) задержка зарплаты, временное закрытие завода на реконструкцию, свертывание производства из-за дефицита сырья или кризисы сбыта продукции, в конечном итоге – ликвидация предприятия. Данную «непролетарскую» категорию рабочих упрекали в обывательщине, мелкособственнических интересах, в отрыве от коллектива и отказывались признать ее «классовую чистоту». На некоторых предприятиях была инициирована кампания по «пролетаризации» кадров, в рамках которой увольнялись занятые на производстве крестьяне, а также рабочие, владевшие собственностью. Однако именно они составляли основу производственных коллективов, были наиболее стабильной и квалифицированной частью трудящихся.

По нашему мнению, зависимость пролетарского слоя рабочих от торгово-посреднической деятельности должна была быть выше. Лишенные собственного хозяйства, они вынуждены были обращаться за необходимыми товарами, в первую очередь за продуктами питания, в торговую сеть (государственную, кооперативную или частную). Система общественного питания на производстве в 1920-х гг. еще не была широко распространена.

Материалы, содержащиеся в информационных сводках окружных отделов Объединенного государственного политического управления по Уральской области, позволяют с высокой степенью полноты и достоверности проиллюстрировать выдвинутые теоретические положения.

В сводке по Пермскому округу говорилось:

...Материальное положение рабочих нельзя сказать в целом, что было бы удовлетворительным или плохим, вся материальная обеспеченность рабочих зависит от его зарплаты и своевременного получения таковой. Местный рабочий, который живет и работает на одном заводе десятки лет, имея домишко и нередко корову, более или менее находится в удовлетворительном состоянии, что же касается пришлого рабочего, живущего в казармах или общежитиях, подчас неблагоустроенных, обремененных семьей, экономическое состояние самое плачевное. С проведением выпуска твердой валюты рабочие ждут и надеются в дальнейшем на улучшение своего состояния. Большой плюс нужно приписать к улучшению, при несвоевременной выдаче зарплаты, практикующееся открытие кредитов в кооперативных и торговых государственных организациях, в которых кредитуются через заводоуправление и фабзавкомы рабочий почти на всех заводах и вливаясь массами в кооперацию [ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 30]¹.

В качестве покупателя роль рабочего уральского предприятия вполне ясна и понятна – это человек, который, имея на руках деньги, полученные в качестве заработной платы, желает их обменять на востребованный им или членами его семьи товар повседневного спроса, продовольствие или услугу. Вопрос заключался в том, достаточно ли у него было денег для приобретения необходимых продуктов, и был ли у него выбор торгового заведения.

Существовало три основных варианта приобретения товара: государственный магазин, потребительский кооператив и частный вольный рынок. Частник может быть представлен в разных образах – от крестьянина, который приехал на рынок, лотошника, коробейника до приказчика частного магазина.

Правила и условия предоставления товаров в этих организациях существенно различались. Отсутствие конкуренции и монополизация рынка как одной из форм торговли в условиях многоукладной экономики автоматически приводили к высоким издержкам, к сокращению ассортимента и росту цен. Вопрос наличия товаров в условиях товарного дефицита был актуальным на всем протяжении советского периода. Рабочие жаловались на отсутствие товаров в кооперативных магазинах или на неадекватность ассортимента их потребностям и на высокие цены.

¹ Здесь и далее тексты цитируемых документов приводятся с сохранением стилистических особенностей оригинала.

Некоторые товары в кооперации ниже частных по цене на 20 %, мануфактура в среднем ниже на 12 %, обувь и кожтовары на 10 %, бакалейные от 8 до 15 %, хлебные продукты дешевле на 8 %, мясные на 2 коп. в фунте, галантерейные дешевле на 20 % и т. д. Галантерейная торговля по преимуществу в руках частных торговцев, причиной этого то, что галантерейные товары в большинстве случаев производятся кустарями или же привозятся контрабандным путем из-за границ [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 161].

Высокие, порой неэффективные издержки в государственной и кооперативной товаропроводящей сети приводили к росту цен по сравнению с частным рынком. Однако государственная кампания по снижению цен на фабричные товары, предоставление товарного и денежного кредита своим низовым подразделениям, льготные транспортные тарифы и ставки арендной платы, во многом основанные на классовом подходе, позволяли конкурировать с частником в ценовой политике. Это приводило к сокращению товарооборота в частном секторе. Цены были ниже в государственных магазинах и кооперативах, но только когда товар там был. В связи с тем, что поставки были неритмичными, а спрос превышал предложение, при отсутствии товаров в обобщественном секторе частник пытался наверстать упущенное, и цены в частной рознице взлетали вверх. В связи с тем, что частник вел торговлю в основном на собственные средства, а доля денежных займов, полученных из обществ взаимного кредита частных торговцев и промышленников (ОВК), была крайне мала, он не мог широко кредитовать покупателей. Напротив, стремительный рост численности потребительских кооперативов объясняется возможностью предоставления товарных кредитов в счет зарплаты. Талоны, бланки, ордера, товарные и заборные книжки получили массовое распространение на предприятиях Урала. Во многом это была вынужденная мера, так как в связи с проведением денежной реформы денежная масса резко сократилась, а задержки зарплаты были хроническими.

Наличие разменной монеты и денежных знаков мелкого номинала у продавца рассматривалось как рыночное преимущество, и частный торговец завлекал в свою лавку покупателя обещаниями давать сдачу звонкой монетой. Приобретение товаров на крупные денежные знаки порой происходило на условиях приобретения неходовых товаров («в нагрузку») либо со значительной наценкой, так как размен был затруднен. Рабочие вынуждены были обменивать червонцы крупного номинала, которые порой выдавались в дни полочки одной купюрой на несколько человек, на рынке за определенный процент.

Уровень и качество обслуживания в государственных магазинах, кооперативах и частных лавках также различались, причем «ненавязчивый сервис» являлся атрибутом, как правило, предприятий обобщественного сектора, в которых продавца заменил «работник прилавка».

По сведениям Пермского окружного отдела ОГПУ,

...Мотовилихинский ЦРК [Центральный рабочий кооператив] «Самопомощь» 8 мелких [магазинов] с небольшим подбором товаров, главный склад, обслуживающий отделения и магазины, три крупных магазина, распределитель – для выдачи рабочим муки, буфет, столовая и пекарня. Средства кооперации только из членских взносов, весьма невелики, и товары приобретаются главным образом от государственных коопераций в кредит. <...> Кредитование происходит неравномерно. Во время получки товара создается большая очередь с разного рода инцидентами. Безалаберно происходит учет выписки, завод списков не посылает, а лишь руководствуясь талонами, так что вполне возможна подделка талонов, чем вызывается недоверие и тем самым вступление в члены кооператива, между тем как можно при имеемых средствах населения добиться настоящего успеха. <...> Товарный подбор для кооператива по количеству мал или поступает неравномерно и нередко плохого качества. Зачастую к получке рабочих нет необходимых товаров. В получку рабочих открытые магазины не удовлетворяют требованиям, так как их мало, помещения невелики, кроме того, информация населения относительно цен, подбора товара и условий кредитов очень слаба [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 87].

Вопросы снабжения можно рассматривать применительно к различным группам населения, которые выступали в качестве покупателей. Большой интерес вызывает роль рабочего как продавца конкретных товаров и услуг, производство и предоставление которых могли иметь весьма опосредованное отношение к его месту работы.

Торговые практики, которые не имели прямого отношения к работе на предприятиях (разумеется, помимо того факта, что рабочий получал там жалование), сводились к приобретению на рынке путем бартерного обмена или за деньги продуктов питания непосредственно у крестьян, приехавших в город на рынок. Рабочий продавал на рынке свои собственные вещи, свое имущество в ситуации дефицита средств и отсутствия накоплений. Приводятся факты продажи верхней одежды, буквально «с себя», для сбора средств на дорогу или при необходимости переехать на новое место работы. На рынке осуществлялась продажа продуктов кустарно-ремесленного производства, изготовленных дома, в свободное от работы время. Эта сделка могла рассматриваться как не связанная с предприятием, при условии, что сырье не попадало в руки рабочему с его завода легальным или нелегальным путем.

Рабочими практиковалась продажа товаров, выданных на предприятии в качестве натурального эквивалента заработной платы. В том случае, если завод выпускал продукцию, востребованную потребительским рынком (это могли быть консервы, оконное стекло, кирпич, кожаные изделия), такого рода товарообмен мог сулить выгоду. Так, в Кургане

...рабочие консервного завода последнее время заявляют недовольство на перебои в заработной плате, но более всего рабочих волнует то, что им не выплачивают полностью жалования дензнаками, а придерживаются следующих пропорций: 80 % дензнаками и 20 % продукцией завода, как-то брак консервы и колбаса [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 9].

Самой распространенной формой участия рабочих в торговой деятельности (по материалам сводок ОГПУ 1924 г.) была реализация на рынке товаров, приобретенных ими в кооперативных магазинах, но не соответствовавших их реальным потребностям. При этом стоимость товаров в кооперативном магазине была явно завышена, как справедливо отмечали сами рабочие, с целью скорейшего покрытия задолженности по заработной плате. В связи с тем, что рабочие в массовом порядке выходили на рынок одновременно и с однотипными товарами, которые им выдавались по завышенным ценам, шанса реализовать товар с прибылью не было. Напротив, товар реализовывался со значительной скидкой, но особого выбора рабочих не имел.

В информационной сводке Нижнетагильского отдела ОГПУ от 23 мая 1924 г. говорится:

Нижне-Тагильский завод. <...> Общее материальное положение рабочих тяжелое, зарплата не выдана за март, апрель и май месяцы. За эти месяцы выданы только продукты из ЦРК и заводских складов, предусмотренные кол[лективным] договором, которым рабочие недовольны, так как согласно колдоговора им выдают только ржаную муку, крупу, соль и мясо и больше ничего, то есть ЦРК отпускает продуктов рабочему не более 15 % его заработка в месяц, а остальная сумма остается за заводоуправлением, тогда как по старому колдоговору рабочий мог в ЦРК получить что хочет (!) под весь заработок. Кроме того, Правление Средне-Уральского треста со своих складов выдает рабочим в счет зарплаты сеянку по 4 руб. за 1 пуд, тогда как такую же муку можно купить на рынке по 2 руб. 90 коп. за пуд. Здесь рабочие определенно обвиняют администрацию завода и треста и говорят, что «в счет зарплаты нам можно и дороже продать, ибо нам в силу необходимости приходится брать, а им лишь бы скорее ликвидировать задолженность». (Меры профсоюза как в том, так и в другом вопросе приняты) [Там же. Д. 74. Л. 58].

Аналогичная ситуация складывалась и на Нижнетагильских предприятиях:

Получаемые товары в заводе рабочие несут на базар и продают в два раза дешевле торгашу только лишь потому, что ему нужны деньги. Недовольство рабочих на получаемые малые оклады объясняется тем, что например, помощник машиниста получает только 18 руб., а семейному жить на это жалование очень трудно и они определенно указывают на

администрацию, что они получают высокие ставки и всегда получают деньгами и своевременно, а нам рабочим и авансом даже несколько копеек и то не дают [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 62].

Деньги были нужны не только для приобретения продуктов и товаров повседневного спроса. Еще более существенным стимулом являлось требование со стороны фискальных органов заплатить сельскохозяйственный налог тем рабочим, кто имел собственное хозяйство (пашню, покос, крупный и мелкий рогатый скот). Неуплата налога влекла за собой начисление пени и штрафы. Деньги требовали и хозяева домов, в которых рабочие, не имевшие собственного жилья, арендовали помещения.

Поиск наличных денежных знаков проходил по различным направлениям. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об участии рабочих и служащих, главным образом домовладельцев, в обществах взаимного кредита (ОВК). Участие в ОВК не приветствовалось, более того, декларировалась несовместимость членства в профсоюзах и в частных кредитных товариществах. После утверждения ЦИК и СНК СССР 8 февраля 1928 г. проекта «Положения об ОВК» участие рабочих и служащих в этих организациях стало невозможным [Килин, Носова, с. 72–101].

Широко практиковалась продажа на рынке талонов, чеков и ордеров, которые выдавались на предприятиях для получения в государственных и кооперативных магазинах указанных в них товаров («отоваривание»). Талоны продавались и в случае отсутствия необходимых товаров в кооперативных магазинах или при продаже кооперативами дефицитных товаров исключительно за наличные. Талоны скупали частные посредники, обменивали их на товары в кооперативных лавках, а затем реализовывали на других территориях, в том числе в деревне – везде, где они пользовались повышенным спросом.

Таким образом, дефекты централизованного снабжения существенно сокращали доходы рабочих, пополняли частный сектор товарами и позволяли частным торговцам получать прибыль. В сводках ОГПУ при описании подобных ситуаций очевидно стремление перевести проблему из экономической плоскости в политическую, показать, что несовершенство распределительной системы склоняет рабочих на сторону частной торговли. По словам рабочих,

...если бы выдавали 60–70 % наличными, тогда бы хватило на расходы по хозяйству, и можно было бы вложить в сберегательную кассу, талоны же в данной области не удобны и частными торговцами принимаются за полцены. <...> Отношение к частному рынку, в связи с неудовлетворительной работой кооперации, рабочие высказываются за частную торговлю, боясь, чтобы не получилось большого перерыва в снабжении рабочих товарами и продуктами первой необходимости, что может тяжело отразиться на производстве [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 259].

Как еще более тревожная оценивалась ситуация, при которой талоны обменивались у крестьян на самогон. Помимо алкоголизации населения, это приводило к снижению жизненного уровня членов семей рабочих. Напротив, крестьяне получали доступ к товарам широкого потребления с дисконтом в 20–30 % от первоначальной цены, если учесть, что себестоимость производства самогона была достаточно низкой [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 106].

Нам она [самогонка] обходиться дешевле, чем покупать пиво или русскую горькую. На пуд хлеба мы выгоним самогона полведра и будет стоить 40 или 50 коп., а русская горькая стоит 1 руб. 85 коп. бутылка, так что на одну бутылку ее нужно продать пять пудов хлеба, а здесь, говорит, дешево и сердито [Там же. Д. 79. Л. 234 об.].

Отношение рабочих к частной торговле представляется весьма противоречивым, порой можно встретить диаметрально противоположные суждения, однако во многих присутствует значительная доля прагматизма. Осуждая «нэпачей», частную торговлю как таковую, рабочие сами в случае необходимости выступали в роли частных торговых посредников. Оценка частной торговли прежде всего вытекала из сравнения с торговлей кооперативной, основываясь на анализе недостатков обобщественного сектора хозяйства, а положительная оценка частника служила своего рода рычагом давления на вышестоящие органы с целью наладить работу или повысить эффективность подведомственных торговых организаций.

Недостатки системы снабжения были очевидны и активно использовались, по мнению сотрудников ОГПУ, в антисоветской агитации и пропаганде. В сводке Пермского окружного отдела ОГПУ говорилось:

Вольный рынок. Комитет рыночных торговцев на денежную реформу смотрит недоброжелательно, как и на госторговлю, говорят, что частному торговцу только дают торговать до 5 часов, а государственному до 12 часов ночи. Ввиду понижения цен на товары большинство еще много шлет нареканий на это и на выпуск ГУМом разносчиков, которые смотрят на это с большим презрением, распуская слух, что «раньше при царизме не было никаких налогов на торговцев, а сейчас заставляют снять последние штаны. Раньше рабочий от частного торговца был обеспечен разными товарами и давал рабочим кредит, а сейчас не дают рабочим денег, лишь потому, чтобы рабочий брал в их кооперации разную гниль, которая для него совершенно не нужна, но приходится брать, потом что, если он не возьмет, то тогда и денег не выдадут» [Там же. Д. 75. Л. 87–88].

...Из задержанного письма адресатом: Китай, Тяньцзин, Английская концессия № 46 из Лысьвы, видно следующую выдержку: «Завод работает полностью... деньгами не дают, а ордерами, нынче дали всем рабочим и служащим по 50 коп. серебром на поглядок, налогов очень много,

за все с рабочего дерут, а милиция со всякими пустяками привязывается» (Дано задание Райуполномоченному о выяснении личности и проч.) [ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 66].

Отметим, что все вышеперечисленные формы торговых практик явно не способствовали повышению жизненного уровня рабочих, но все же были легальными. К теневому сектору экономики, точнее, к его криминальному сегменту [Радаев] можно отнести кражи сырья и комплекующих с предприятий и реализацию их на черном рынке.

Информационная сводка по Курганскому округу содержит следующие данные:

Промышленность. Турбинный завод. Механический цех. Зав. заводом говорит, что на базаре продаются болты от маслообработников, принадлежащие Турбозаводу, говорит так же, что знает, кто их продает, но мер к выявлению злоупотреблений не предпринимает. Литейный цех. Положение такое же, был случай, что при обрубке литья, по словам обрубщика Малявина, из литья ушло 3 шестерни в брак, но они оказались на барахолке. По заявлению некоторых продал их сам же Малявин... <...> Изделия завода на частном рынке продолжают продаваться, но мер к этому, то есть к прекращению злоупотреблений, администрацией не принимается [Там же. Д. 72. Л. 132–133].

На кожевенном заводе в Кургане при остром дефиците сырья

...наблюдается хищение готового товара, но продававший попался и в настоящее время, можно думать, что это будет уроком и другим рабочим [Там же. Л. 168].

В соответствии с налоговым законодательством рабочие, выступавшие в роли торговых посредников временно или эпизодически, для которых торговля не являлась самостоятельным источником дохода, не рассматривались в качестве субъектов налогообложения. Им не вменялось в обязанность приобретать патенты на занятие торговлей. Это существенное отличие рабочих от крестьян, которых работники фиска зачастую заставляли выбирать патенты даже при реализации продукции собственного производства на рынке, что противоречило законодательству. В связи с этим данные патентного учета не позволяют детально фиксировать участие рабочих в торговой деятельности. Исключение составляют граждане, которые в период безработицы профессионально занимались торговлей, приобретали патент, а потом возвращались к производственной деятельности. Анализ личных дел «лишенцев» позволяет проследить их судьбы.

Период военного коммунизма, НЭП и последовавший за ней период становления мобилизационной экономики демонстрируют активное вовлечение рабочих в торгово-посредническую деятель-

ность. В начале 1930-х гг., когда нажим на частного предпринимателя и ликвидация легальных форм частной торговой деятельности были в самом разгаре, среди тех, кого финансовые работники отлавливали на рынках и штрафовали за нарушения правил торговли, рабочие по численности оказались на втором месте после «прочих нетрудовых элементов».

**Число граждан, занятых нелегальной торговлей
в Свердловске и Перми (по социальным категориям)**
[ГАСО. Ф. 593-Р. Оп. 1. Д. 80. Л. 12]

Период	IV квартал 1931 г.						I квартал 1932 г.					
	1	2	3	4	5	Всего	1	2	3	4	5	Всего
Свердловск	350	85	20	40	500	995	365	95	33	58	384	935
Пермь	63	42	5	6	127	243	114	27	4	9	201	355

* Категории граждан: 1 – рабочие и служащие; 2 – крестьяне-единоличники; 3 – кулаки; 4 – бывшие торговцы; 5 – прочие «нетрудовые элементы».

Ущербное, дискриминируемое властями и существовавшее на полуполюгальном положении частное предпринимательство не могло заместить прежнюю дореволюционную торговую сеть. Государственный распределительный механизм находился в стадии становления, испытывал острый дефицит не только в продуктах и финансах, но и в кадрах. Кооперативное движение, на которое возлагались большие надежды, сочетало в себе недостатки как частника, так и госструктур. В его адрес постоянно звучали обвинения как в отсутствии предприимчивости, так и в рвачестве, в увлечении чисто коммерческой деятельностью, в игнорировании идей кооперативного движения. Складывается впечатление, что потребительские кооперативы должны были решать задачи снабжения населения ходовыми востребованными товарами по ценам ниже рынка, но при этом быть безубыточными, приносить определенный доход, услуги предоставлять качественные и с минимальной торговой наценкой. Учитывая товарный дефицит, ограниченность денежного обращения, отсутствие подготовленных (как в профессиональном, так и в идеологическом плане) кадров и территориальную удаленность торговых центров, приходится признать, что задачи, поставленные перед кооперативами, были нереалистичны.

В предлагаемых обстоятельствах снабжение граждан товарами повседневного спроса становилось личным делом самого населения, а не профессиональных торговых посредников. Процесс адаптации к неблагоприятным и изменяющимся условиям, основанный на принципах самообеспечения и самоснабжения, был ориентирован не столько на

повышение жизненного уровня, сколько на выживание рабочих и членов их семей. Эта деятельность составляла основу повседневной жизни человека в годы НЭПа. Острота проблемы была частично купирована допущением в советскую экономику элементов рыночного хозяйства, но говорить о НЭПе как «золотом веке» предпринимательства нельзя, а рост благосостояния населения в эти годы необходимо соотносить с низким исходным уровнем времен Гражданской войны.

Вовлечение населения в торгово-посредническую деятельность на различных этапах становления и развития раннесоветского общества проявлялось в разной степени и зависело прежде всего от степени насыщения товарами повседневного спроса, эффективности товаропроводящей сети и использования механизмов материальной заинтересованности. Чем острее был товарный дефицит, чем уже был спектр альтернатив и возможностей для получения необходимых продуктов, тем большую роль играла распределительная система, основанная на нормировании, на корпоративных иерархических структурах снабжения. В этой ситуации работники были заинтересованы не столько в увеличении оплаты труда, сколько в создании закрытой для посторонних лиц системы распределения материальных благ. Напротив, насыщение рынка и многоукладность хозяйства, конкуренция в торговой сфере актуализировали вопрос выплаты заработной платы в денежной, а не в натуральной форме, активизировали денежное обращение, выводили работника за пределы корпоративной распределительной системы, давали ему возможность выбора.

В качестве адаптивной модели поведения рабочего в условиях НЭПа нам видится человек, официально работающий на промышленном предприятии (имеющий в связи с этим привилегированный социальный статус), но не утративший связь с родственниками в деревне, имеющий собственный дом и подсобное хозяйство, владеющий ремесленными навыками и азами торгово-посреднической деятельности, вовлеченный как в легальные, так и в нелегальные формы самообеспечения.

Список литературы

- ГАСО. Ф. 593-Р.
Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России : 1917–1921 гг. СПб. : Алетей, 2007. 396 с.
- Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 118–147.
- Килин А. П., Носова П. В.* «Капитал в складчину»: социальный состав членов Обществ взаимного кредита на Урале времен нэпа // «Бублики для Республики»: исторический профиль нэпманов / под ред. Р. А. Хазиева. Уфа : РИО БашГУ, 2005. С. 72–101.
- Кондратьева Т. С.* Кормить и править : О власти в России XVI–XX вв. / пер. с фр. З. А. Чеканцевой. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2009. 207 с.
- Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. 303 с.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынков в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2009. 351 с.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.

Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // *Pro et contra*. 1999. Т. 4. № 1. С. 5–12.

Серж В. От революции к тоталитаризму : Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М. : НПЦ «Праксис» ; Оренбург : Оренбургская книга, 2001. 696 с.

ЦДООСО. Ф. 4.

References

Davydov, A. Yu. (2007). *Meshochniki i diktatura v Rossii. 1917–1921 gg.* [“Meshochniki” and Dictatorship in Russia. 1917–1921]. St Petersburg, Aleteiya. 396 p.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 593-R.

Kilin, A. P. (2003). Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v 1920-e gody [Private Trade and Credit in the Urals in the 1920s]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*: sbornik nauchnykh trudov. No. 3. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 118–147.

Kilin, A. P., Nosova, P. V. (2005). “Kapital v skladчину”: sotsial'nyi sostav chlenov Obshchestv vzaimnogo kredita na Urale vremeni nepa [“Joint Capital”: The Social Structure of the Members of the Mutual Credit Societies in the Urals in the Period of the NEP]. In Khaziev, R. A. (Ed.). “*Bubliki dlya Respubliki*”: istoricheskii profil' nepmanov. Ufa, Redaktsionno-izdatel'skii otдел Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 72–101.

Kondrat'eva, T. S. (2009). *Kormit' i pravit'*: O vlasti v Rossii XVI–XX vv. [Feed and Rule: On Power in Russia, 16th – 21st Centuries] / transl. by Z. A. Chekantseva. Moscow, ROSSPEN. 207 p.

Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by Housing: The Housing Policy in the USSR as a Means of Controlling People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN. 303 p.

Narskii, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Disaster: Everyday Life of the Ural Population between 1917 and 1922]. Moscow, ROSSPEN. 632 p.

Osokina, E. A. (2009). *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”*: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the Façade of “Stalinist Abundance”: Distribution and Market in the Supply of the Population in the Years of Industrialisation. 1927–1941]. 2nd Ed. Moscow, ROSSPEN. 351 p.

Postnikov, S. P., Fel'dman, M. A. (2009). *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Socio-cultural Image of Industrial Workers in Russia between 1900 and 1941]. Moscow, ROSSPEN. 367 p.

Radaev, V. (1999). Tenevaya ekonomika v Rossii: izmenenie konturov [Shadow Economy in Russia: Changing Contours]. In *Pro et contra*. Vol. 4. No. 1, pp. 5–12.

Serzh V. (2001). *Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera* [From the Revolution to Totalitarianism: Memoirs of a Revolutionary] / transl. by Yu. V. Guseva, V. A. Babintsev. Moscow, Nauchno-prosvetitel'skii tsentr “Praksis”, Orenburg, “Orenburgskaya kniga”. 696 p.

TsDOOSO [Center for Documentation of Social Organizations of Sverdlovsk Region]. Stock. 4.

The article was submitted on 27.05.2017

THE SISYPHEAN OPENING OF THE FIRST SOVIET CANTEENS IN THE URALS: SUCCESSSES AND FAILURES (1918–1925)*

François-Xavier Nérard

Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, CRHS – SIRICE,
Paris, France

The development of catering facilities in the Urals after the Revolution is a good vantage point to observe Soviet power in practice. Ideology was certainly not absent from the Bolshevik project: canteens were to play a major role in the new society. More particularly, they were to provide the liberation of women. However, their role should not be overestimated. It is often limited to the first lines of official discourses and documents. This article looks at practices of rule. The analysis is based on documents from regional archives (party and state archives) on the establishment of new catering facilities and the acquisition of the necessary resources. The article also considers the attitude of ordinary citizens to the new canteens, their preferences in choosing a place to eat, and society's reaction to the Bolshevik policy of organising everyday life. It is possible to single out two attempts to establish a system of public canteens: immediately after the Bolshevik victory and at the beginning of the New Economic Policy. Both failed. Canteens and the communal way of dining they provided were not able to attract enough clients and customers. As in the majority of other European countries, workers and city dwellers preferred to eat at home rather than in cafeterias. The only thing that could attract them to such places was beer. Therefore, the canteens of the NEP were far from the initial ideological project. Activists in cooperatives and officials in the administration tried, however, to build and develop new catering facilities. The minutes of meetings and conferences demonstrate the real reasons behind such activities.

Keywords: public catering; factory canteens; establishment of Soviet power in the Urals.

Развитие системы общественного питания после Октябрьской революции является интересным объектом, позволяющим проследить становление советской власти и ее практик. Даже в повседневной культуре идеология задавала основной тренд развития общественных институ-

---

* *Citation:* Nérard, F.-X. (2017). The Sisyphian Opening of the First Soviet Canteens in the Urals: Successes and Failures (1918–1925). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1063–1072. DOI 10.15826/qr.2017.4.267.

Цитирование: Nérard F.-X. The Sisyphian Opening of the First Soviet Canteens in the Urals: Successes and Failures (1918–1925) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1063–1072. DOI 10.15826/qr.2017.4.267.

тов. Общественные столовые, например, должны были играть ключевую роль в коммунистическом преобразовании быта и раскрепощении женщин. Однако, по мнению автора, нельзя преувеличивать эту роль. После принятия соответствующих декретов и решений партийные деятели и советские чиновники обратились к их реализации. В статье анализируются советские управленческие практики. Источниковую базу исследования составили сведения из архивных материалов об открытии новых столовых, обретении необходимых ресурсов. Также анализируется, каким было отношение граждан к новым столовым, каковы были их предпочтения в налаживании питания (домашнего или общественного), как общество реагировало на политику большевиков в организации повседневного быта. Можно выделить две попытки создания сети общественных столовых: сразу после революции и победы большевиков, а также в начале НЭПа. Каждая из них закончилась провалом. Как и во многих европейских странах, рабочие и горожане предпочитали обедать дома. Только продажа пива помогла привлечь их в новые заведения. Поэтому столовые времен НЭПа оказались далеки от идеологического проекта, с которого все началось. При этом кооператоры и чиновники открывали новые заведения и старались развивать их. Протоколы собраний и заседаний раскрывают истинные причины такой деятельности.

Ключевые слова: общественное питание; заводские столовые; становление советской власти на Урале.

Ever tried. Ever failed. No matter. Try again. Fail again. Fail better.
Samuel Beckett. Worstward Ho. 1983

At the end of 1925, the head of Sverdlovsk central workers' cooperative assessed the work of the collective catering system in his region: "Working in the collective catering system, we are still at school. We must accumulate knowledge in that field, in order to, circumstances permitting, develop and expand it" [ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 47 об.]. Such appraisal may sound somehow surprising as, at that time, it has been already almost eight years since the first Soviet canteens opened in the Urals. The history of the creation of cafeterias and canteens in the Urals region, and to a lesser extent, in the whole country, seems indeed to be a history of repeated failures and repeated attempts. The region, an important industrial territory since the eighteenth century, is an interesting vantage point. Workers, a key category of potential users of canteens, were numerous, but the structures of the region are very different from other industrial and urban centers as Petersburg or Moscow. There, as shown by Mauricio Borrero or Mary McAuley, if meeting with difficulties, the offer of collective catering reached a significant level rapidly thanks to already existing infrastructure. It was far more unspecified in the Urals, where the Bolsheviks had to build a system out of almost nothing.

Food provisioning was a major problem of Russia during the war and the civil war. The food requisitions and the violence linked to it led to what is used to be called the “food dictatorship” [Lih, p. 139–166]. But whereas this “input” is relatively well known, the output phase is much less studied. Canteens were one of the tools the Bolsheviks chose to use. They fitted well in their ideological project, trying to build a new society where the collective was set to play a crucial role. For all that, they were not a Bolshevik invention. Lenin himself, while recognizing their importance, linked them to the “acrobatics of bourgeois charity” [Ленин, с. 24]. They indeed corresponded to the spirit of times. The First World War period, elsewhere in Europe, think about France and Britain for example, also corresponded to a rise in the use of canteens, still in its early stages in the former period [Bouchet et al.].

This paper aims at mapping out the role of ideology and pragmatism in the actions of the Soviet regime in its first months. Canteens are actually a good study field to understand these dimensions. Were they a purely ideological project doomed to fail? Whereas Soviet regime is more than often thought through the prism of ideology, we may need to proceed to a kind of disenchantment of the Soviet experiment. I will try to explain why canteens regularly failed, in spite of the stubbornness of the Bolsheviks, trying ever and ever again to develop *obchepit*. What do these first Bolshevik canteens tell us about the new authorities, their ideas and practices? What were the role and the importance of the canteens in the alimentation of the population? What about their efficiency?

Ever-Rising Canteens

The process of opening canteens in the Urals region, and to a large extent in the whole Soviet Union, is not a linear one. There are multiple attempts, that ended generally in failure and every few months (1918, 1919, 1921 and 1923), authorities claim to lay the “real” foundations of the right system of collective catering “one of the most important tasks of the construction of the socialist society” [ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 190].

The first failed attempts to create canteens/cafeterias in Ekaterinburg were linked as elsewhere with philanthropy and had a strong moral and educational dimension: they were to feed the poor people of the city. On April 24, 1881, the city Duma of Ekaterinburg decided to open a “cheap and free cafeteria for the poor” and to name it after the deceased emperor Alexander II, killed a few days before (on March 1st) in Saint Petersburg. The project was really detailed. Meals were to be composed of two dishes and bread. The canteen was supposed to serve a 100 clients (among whose 50 were to be fed for free). The budget of the canteen was partly sponsored by the city Duma but mostly funded by private donations. More than 8000 rubles were collected [ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 101. Л. 63].

Two years later in March 1883, the authorities dropped the project for different reasons. They referred mainly to administrative difficulties but,

Uralmash (Sverdlovsk). Canteen. 1930s.
The Archive of the Museum of Uralmash

most probably, they measured the risks of failure. There seemed to be no demand for such a place. The Duma councilors referred to the experience of the Active State Councilor Miller, who opened a cheap canteen on the same philanthropic basis. It obtained dismal results because of the “absence of voluntary to eat in the canteen not only

for a cheap fare but also for free” [ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 101. Л. 45].

Due to these early failures, canteens were an almost total novelty in the region at the time the Bolsheviks tried to open some upon instructions of the “central authorities,” following, to use the words of Vladimir Galin–Umanski, charged with this task, the experience of the “Capital of the Red North, where almost all the revolutionary population is attached to city canteens” [ГАСО. Ф. P-183. Оп. 1. Д. 46. Л. 15]. Indeed, this was an early preoccupation of the new authorities. As soon as October 28, 1917, a few days after the revolution, a decree of the people’s commissar council on food supply mentioned the transformation of private restaurants into canteens as a solution to these problems¹.

A communist canteen (i. e. a canteen open only to members of the party) was opened in Perm by the Urals regional committee of the Party. It worked at least from October 1918 until the fall of the city to the White insurgents at the end of December [ИДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30]. In liberated Ekaterinburg (on July 15, 1919), the Bolsheviks tried very quickly to develop collective catering and met already a rapid failure. As early as October 1919, a committee for collective catering was organized inside the Guardroom (the regional branch of the Narkomprod, the people’s commissariat for food supply). That same month, five canteens were opened in the city. In December, confronted by unsuccess or lack of food, 5 of the 8 canteens were ordered to close for dinner and their customers were to be concentrated in the 3 still opened [ГАСО. Ф. P-183. Оп. 1. Д. 39. Л. 54; Д. 46. Л. 6].

The new bolshevik canteens fitted themselves partly in the old charity pattern: they targeted a large part of the population “hospitals, refugees due to the civil war, prisoners and concentration camps, nurseries and asylums.” Children were also an important group. But they also introduced a new public for the canteens, the workers, bringing in the Urals a practice well-known elsewhere in the industrial world. In February 1920, “due to the food crisis,” factories and mines from Lys’va, Kyselovskye mines

or Nijni Tagil, for example, were to open new canteens [ГАСО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 43. Л. 67]. The task was more complicated than they fought.

In front of the worsening food crisis, turning into famine, the authorities tried constantly to reorganize the supply system, and, therefore, canteens. Tens of detailed instructions were issued, describing even the role of the cook in 12 points [ГАСО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 121. Л. 36a]. Administrative structures changed: canteens became part of *Potrebkommuna* (consumer's commune), the new central organization responsible for supply, a result of the merging of the food supply committee and cooperatives. The system was still, however, fragile and the cafeterias were described as chaotic, inefficient, overstaffed (There were 1312 people working at the *Potrebkommuna* in 1921) sometimes later [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 469. Л. 21].

With the decree of April 7, 1921, on consumer cooperation, the launching NEP and the improvement of the food situation in the region, Bolsheviks abandoned definitively the charity model: free canteens stopped existing, and canteens became places where you had to pay to eat. From 22 canteens working in Ekaterinburg in 1921, there were only 7 left in 1923 [Там же. Л. 83–85]. The sector of alimentation of the *Potrebkommuna* considered that it had to rebuild from scratch a more efficient system. The question of the public was once more central: who were to be the clients of these canteens? Workers? A larger part of the population?

The question was important as canteens were opened mainly, if not exclusively, in the center of Ekaterinburg. Workers districts were largely ignored and the opening of cafeterias in these zones was considered as “a new phenomenon, undoubtedly risky and that makes a very cautious approach a necessity” [ЦДООСО. Ф. 76. ИИВ. 1. Д. 710. Л. 87 об.]. In a report, the direction of the *Potrebkommuna* was therefore forced to note sadly that “to talk seriously, in the current situation, of the existence of a mass proletarian collective alimentation in Ekaterinburg is impossible” [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 469. Л. 92].

At the end of 1925. 12 canteens were working in the city of Ekaterinburg (among them 2 buffets in the train station). The authorities had, however, to admit their relative failure considering that they are still “at school.” The main problem remained the unwillingness of workers to go to the canteens even if as in Verkh-Iset “the canteen is clean and conformable, the building is nice. There are some newspapers, lunches are good and substantial” [ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 64. Л. 72].

Resisting the Canteens

The resistance to the canteens is a well-known phenomenon in Western Europe where canteens were mainly open by owners of factories in order to control workers and make their work more efficient [Gacon, p. 34–42]. Nowhere, canteens were met with fervor by workers. Historian Martin Bruegel speaks truly of a “contested territory” [Bruegel, p. 188]. Part of the explanations of the repeated failures of the Urals canteens have to be found

in such structural explanations, others are linked with more specific regional peculiarities.

The main enemy of the canteens were not, as often thought and told, the restaurants and the cafés (that were closed before the NEP). The home was the real place contending with the collective facilities, in Soviet Union as elsewhere [Scholliers, p. 114]. Due to low female employment, the food was prepared by women for the men who worked. Clients of canteens were therefore mostly people who did not have a “home”: single men (or women) or guests of the city. Family members were very rare in the dining rooms.

In these conditions, even cheap lunches, as noticed in a 1925 report, were not profitable to workers whereas they jeopardized the economical balance of the cafeterias. The cost of a lunch in a worker’s canteen was about 25 kopecks whereas it was of 40 in Central City ones, where everyone could go. With a worker middle wage of 40 to 50 rubles a month, it was far too expensive for the clients, even if already loss-making for the canteens themselves. “As bad as their lodging conditions may be, workers and employees try to cook at home, and try to use at the maximum every kopeck of their pay and free workforce” [ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 47]. There is a sort of rationalization of the use of products by workers family. Firewood is therefore used for cooking and not only for heating the rooms.

“Food cooked at home, clothes, shoes – this is the work of the women, who have no more interesting and efficient work: this is actually a complementary salary. Everything that she should pay to others, she’s doing by herself and, this way, saves money and products, raises the purchasing power of her husband’s salary” [Там же].

This “home” model was at the core of the Urals industrial life. Rather than organizing canteens, employers were for a long time organizing direct food distribution. It was called the proviant, well before the revolution. By the way after the revolution, the Soviet authorities carried on with such practices of direct food distribution. It was made even easier by the fact that often the Urals worker “is living in a room not in a flat, with the possibility to use the kitchen, or even more often in his own house with a garden, he has a cow, a small meadow, a piece of arable land, etc.” [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 469. Л. 95].

Reluctance to the use of canteens in the West was also linked with the refusal of employers’ control over lunch time. Workers tried to preserve solidarity and uncontrolled discussions during lunch time far from the employers’ ears. Incidentally, workers tried to avoid paternalistic and moral discourses. The failure of the 1881 canteen may probably partly explained by its strong moral dimension. “Clients” of the canteen were not supposed to beg (at the risk of losing the right of dining), they were not allowed inside the canteen if drunk, and were asked to behave themselves properly or to risk being expelled (“the guests must behave quietly and properly, without having loud, and even more indecent conversations” [ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 101. Л. 13]). In the project of Soviet canteens, education and *kulturnost* were also important. In Perm, in 1918, communist bosses ordered 10 posters for their canteen with the slogan: “Comrades, respect order and cleanli-

ness!” [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 17]. Even if the reality was far from that and dirtiness and noise were the rule, the perspective of being submitted to propaganda may have turned some people away.

Finally, the poor conditions of the stolovye were a major drawback, as testifies F. Galenychiev, a future cook at the Stalingrad tractor factory, then (in 1921) working in one of the 130 canteens of his Moscow district: “The lunches served were awful. When a wagon of potatoes, dirty, frozen, was arriving, the potatoes were broken to pieces and cook that way, even not washed up. When nobody stole them” [Ильин, с. 399].

Overcoming these resistances was possible only under very specific and harsh conditions. In the 1920s as in the 1930s, it was the famine and the hunger. Figures are indeed impressive: Up to 20,000 meals a day were then served in 22 free canteens, at the district (uezd) level, there were 60 canteens, serving more than 57,000 people as of April 1921 [ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 77. Л. 5]. Anyway, the end of the food provisioning difficulties had a very simple consequence a high drop of frequentation of the canteens. During high times of shortages, in 1921–22, up to 40–45 % of families in main cities of Russia had, at least partially, some food outside of home, but fell to less than 1 % after 1924 [Состояние питания, с. 33]! In Ekaterinburg, unfortunately we don’t have so precise statistics but, for sure, the trend was the same as in the whole country.

Necessity or superfluosity?

Even if they did not meet their objectives, some canteens were yet working in the Urals. They fed thousands of people. “During the hard times of the food provisioning crisis, made even worse by the famine of 1921” was “to give workers and employees the unique possibility of a hot meal” [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 469. Л. 83]. This is far from negligible. That leads us not to be overwhelmed by the negative tone of sources on canteens (a very typical Soviet inclination, incidentally) and to pay attention to several important points.

First of all, the proactive and yet improvised attitude of the Bolsheviks in organizing collective catering is remarkable. In even dire conditions, they paid a real attention to the canteens. They used all existing resources up to, for example, confiscated objects of the fleeing bourgeoisie: big samovars in Ekaterinburg (the big ones, the smaller ones were to be transmitted to the city society of consumers [ГАСО. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 39. Л. 28]), a meat grinder of a former café called “Colibri” in Perm [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 69]. Part of state – controlled resources were also allocated to collective canteen: plates, spoons and professional clothes, but also food. Canteens were, however, only part of the distribution programs of the Bolsheviks, but direct food provisioning was still carried out. For example, in November 1919 out of 20 wagons of vegetables received by the regional food supply committee, only 1 was attributed to the sector of collective catering [ЦДООСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 39. Л. 37].

Buildings were in great need: the cinema Kolisei, the oldest of the city, was used partly for this aim [ЦДООСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 46. Л. 10]. Collective catering officials also tried to find people to make the canteen work and it was a major problem as most of the qualified workers had fled the cities. For the newly opened canteens in Ekaterinburg during the fall 1919, the sector of collective catering asked the party district committee to send them a “trained worker, familiar with the questions of collective catering.” They also turn to the zhenotdel, the women section of the party, for control personal [Там же. Д. 39. Л. 21 об.].

What was really served in Soviet canteens varied strongly over time. Norms of food for December 1920 were poor. After the NEP had begun, things changed deeply. The canteens were organized into two main types: canteens for workers and employees, canteens opened to everyone. A survival of the charity system may be, in addition, found in Ekaterinburg, where a canteen was open at the Labour exchange for a few weeks in 1923. An average 275 unemployed people a day were served a two-meal lunch with 400 grams of bread and a 100 grams of meat. But it happened to be too expensive and the canteen was in the end closed [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 469. Л. 85].

Three canteens were reserved for workers and employees, proposing food at a low price. Only one was a real “workers” canteen. It was opened in August of 1922 in Verkh-Iset Factory, some two kilometers east of the city. This canteen, however, had very poor results, with an average of a mere 25 meals a day (17,407 clients on 9 months, and 6173 meals) [Там же, с. 86].

Four canteens in the city at the beginning of January 1924 were open to everybody. More expensive, they were sources of profits. But even if called “canteens,” they were almost restaurants and have a very few in common with the other canteens. The best one was the Stolovaya n° 3 at the crossing of Lenin and Tolmatchev streets, open 6 days a week from 2 pm to 2 am. On evenings “a trio of musicians is playing, and there is a billiard hall with three billiards” [Там же, с. 87].

When having a closer look at the statistics of these canteens, there’s one feature that strikes particularly in all establishments regardless of their type and location (factories or central districts): a huge difference between the number of meals served and the number of clients. For example, the canteen n° 2, over 260 days of work, welcomed 62,618 clients but served only 24,537 meals [Ibid., p. 86]. The explanation is simple: far from the expected place of education or of the liberation of women, canteens become a place to drink! People came there and bought beer even if the sale of beer is limited to two bottles a person. Here is an abstract from the local newspaper *Urals worker* from Nov. 19, 1924. Its title is already sufficiently significant “On the payday at Verkh-Iset factory” “In the worker’s canteen, all hell is let loose, there’s no place to have lunch, all the seats are occupied by ‘people with a bottle’ [ГАСО. Ф. P-318. Оп. 1. Д. 64. Л. 60].

Canteens and cafeterias are a very good vantage point to observe the Soviet power in practice and the way ideology is turned into reality. Deal-

ing with an awkward situation on the food front, Bolsheviks turned to an idea they've been promoting: the development of collective catering. This ideological choice proved almost impossible to implement efficiently. The Russian society was resilient. When they had the choice, workers and city dwellers ate at home. Canteens worked with difficulties during the years of hunger, but never succeeded in becoming an essential part in the life of the Soviet citizens. Soviet managers and administrators tried, however, their best to organize what they thought were the cells of the communal life. Ironically enough, during the NEP times, the canteens were accused of becoming a Nepman nest! Cooperatives had to assure the authorities that 'the majority of clients in all the canteens of the potrebkommuna are without any doubt of proletarian origins' [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 469. Л. 95]. A few months after the famine, they had once again to show their necessity. Actually, most of them lost their clients. Selling beer was their only option to make a minimum amount of money. That's with the huge upheavals of the industrialization [Nérard] that collective catering will become an almost definitive feature of everyday life in the Urals.

Список литературы

- ГАСО. Ф. 10, 62, 183, 318.
- Ильин Я. Н.* Люди сталинградского тракторного. М. : История заводов, 1933. 463 с.
- Ленин В. И.* Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967–1981. Т. 39. 1969. С. 1–29.
- О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле: декрет Совета Народных Комиссаров от 28 октября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 8–9. URL: <http://istmat.info/node/27754> (дата обращения: 10.11.2016).
- Состояние питания городского населения СССР в 1925/26 сельскохозяйственном году (по предварительным данным обследований питания городского населения, произведенных Отделом Статистики Потребления Ц. С. У. в октябре 1925 года и феврале 1926 года) // Труды Центрального статистического управления. Т. 30. Вып. 5. М. : Тип. «Мосполиграф», 1927. 95 с. URL: <http://istmat.info/node/28351> (дата обращения: 10.11.2016).
- ЦДООСО. Ф. 4, 6, 183, 225.
- Borrero M.* Hungry Moscow : Scarcity and Urban Society in the Russian Civil War, 1917–1921. N. Y. : Peter Lang, 2003. 228 p.
- Bouchet T., Gacon S., Jarrige F., Nérard F.-X., Vigna X.* La gamelle et l'outil: manger au travail en France et en Europe de la fin du XVIIIe siècle à nos jours. Nancy: Arbre bleu éd., 2016. 367 p.
- Bruegel M.* Le repas à l'usine: industrialisation, nutrition et alimentation populaire // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Т. 51. No. 3. 2004. P. 183–198.
- Gacon S.* Cantines et alimentation au travail : Une approche comparée, du milieu du XIX e siècle à nos jours // Le mouvement social. Vol. 247. 2014. No. 2. P. 3–25.
- Lih L. T.* Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley : Univ. of California Press, 1990. 303 p.
- McAuley M.* Bread and Justice : State and Society in Petrograd, 1917–1922. Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. 461 p.
- Nérard F.-X.* Nourrir les constructeurs du socialisme : Cantines et question alimentaire dans l'URSS des premiers plans quinquennaux (1928–1935) // Le Mouvement Social. Vol. 247. 2014. No. 2. P. 85–103.

Scholliers P. Le temps consacré à l'alimentation par les familles ouvrières en Europe aux XIXe et XXe siècles // *Le temps de manger : Alimentation, emploi du temps et rythmes sociaux* / ed. M. Aymard, C. Grignon, F. Sabban. Paris : MSH/INRA, 1994. P. 111–137.

References

Borrero, M. (2003). *Hungry Moscow: Scarcity and Urban Society in the Russian Civil War, 1917–1921*. N. Y., Peter Lang. 228 p.

Bouchet, T., Gacon, S., Jarrige, F., Nérard, F.-X., Vigna, X. (2016). *La gamelle et l'outil: manger au travail en France et en Europe de la fin du XVIIIe siècle à nos jours*. Nancy, Arbre bleu éditions. 367 p.

Bruegel, M. (2004). Le repas à l'usine: industrialisation, nutrition et alimentation populaire. In *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. T. 51, No. 3, pp. 183–198.

Gacon, S. (2014). Cantines et alimentation au travail: Une approche comparée, du milieu du XIX e siècle à nos jours. In *Le mouvement social*. Vol. 247. No. 2, pp. 3–25.

GASO [State Archives for Sverdlovsk Region]. Stock. 10, 62, 183, 318.

Il'in, Ya. N. (1933). *Lyudi stalingradskogo traktornogo* [People of the Stalingrad Tractor Plant]. Moscow, Istoriya zavodov. 463 p.

Lenin, V. I. (1969). Velikii pochini [The Great Beginning]. In Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Ed. 5. Moscow, Politizdat. Vol. 39, pp. 1–29.

Lih, L. T. (1990). *Bread and Authority in Russia, 1914–1921*. Berkeley, Univ. of California Press, 1990. 303 p.

McAuley, M. (1991). *Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922*. Oxford, Oxford Univ. Press. 461 p.

Nérard, F.-X. (2014). Nourrir les constructeurs du socialisme. Cantines et question alimentaire dans l'URSS des premiers plans quinquennaux (1928–1935). In *Le Mouvement Social*. Vol. 247. No. 2, pp. 85–103.

O rasshirenii prav gorodskikh samoupravlenii v prodovol'stvennom dele: dekret Soveta Narodnykh Komissarov ot 28 oktyabrya 1917 g. [On the Expansion of Rights of Municipalities in Catering Activities]. (1942). In *Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, pp. 8–9. URL: <http://istmat.info/node/27754> (mode of access: 10.11.2016).

Scholliers, P. (1994). Le temps consacré à l'alimentation par les familles ouvrières en Europe aux XIXe et XXe siècles. In Aymard, M., Grignon, C., Sabban, F. (Eds.). *Le temps de manger. Alimentation, emploi du temps et rythmes sociaux*. Paris, MSH/INRA, pp. 111–137.

Sostoyanie pitaniya gorodskogo naseleniya SSSR v 1925/26 sel'skokhozyaistvennom godu (po predvaritel'nym dannym obsledovaniya pitaniya gorodskogo naseleniya, proizvedennykh Otdelom Statistiki Potrebleniya Ts. S. U. v oktyabre 1925 goda i fevrale 1926 goda) [The State of USSR Urban Population Catering in the 1925/1926 Agrarian Year (According to the Preliminary Data of the Examination of Urban Population Catering Collected by the Department of Statistics)]. (1927). In *Trudy Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. Vol. 30. Iss. 5. Moscow, Tipografiya "Mospoligraf". 95 p. URL: <http://istmat.info/node/28351> (mode of access: 10.11.2016).

TsDOOSO [Centre for the Documentation of the Social Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock. 4, 6, 183, 225.

The article was submitted on 07.07.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.268

УДК 821.161.1-225Платонов+82.09+316.75+347.157

**«ЗАГОТОВКА ГРАЖДАН ВПРОК»:
МИФ О СОВЕТСКОМ МАТЕРИНСТВЕ И ДЕТСТВЕ
В ДРАМАТУРГИИ А. П. ПЛАТОНОВА 1920–1930-Х ГГ.***

Елена Чернышева

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

**STORING UP CITIZENS:
THE MYTH OF SOVIET MOTHERHOOD AND CHILDHOOD
IN A. P. PLATONOV'S DRAMAS OF THE 1920s–1930s**

Elena Chernysheva

Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

This article considers the formation of a new Soviet mythology of maternity and infancy in the post-revolutionary literary and artistic discourse and its deconstruction in the dramas of A. P. Platonov in the 1920s and 1930s. The changes of the family and marriage topoi and the dynamic patterns of gender relations in Soviet Russia were a result of a radical transformation of ideology and the structure of society. The author discusses the criticism of this part of the Soviet project that originated inside the system and was expressed by a writer associated with socialist construction. The methodology is based on historico-literary, historical, cultural, comparative, typological, and mythopoetic analysis. This analysis is conducted with reference to works of literature that provide an image of post-revolutionary families and models of mother (parents) – children relationships. The basic thesis of the analysis is that the concept of “emancipation of women” and the upbringing of a “new man” had a powerful life-constructing, constitutive, and utopian meaning. This gave rise to a new mythology of motherhood and infancy, where both parts correlate with and are supported, among other things, by high mass art. The author reveals criticism of the Soviet policy of motherhood and children in Platonov's plays. The way in which myth is deconstructed in the comedy *Fools on*

---

* Citation: Chernysheva, E. (2017). Storing up Citizens: the Myth of Soviet Motherhood and Childhood in A. P. Platonov's Dramas of the 1920s–1930s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1073–1090. DOI 10.15826/qr.2017.4.268.

Цитирование: Chernysheva E. Storing up Citizens: the Myth of Soviet Motherhood and Childhood in A. P. Platonov's Dramas of the 1920s–1930s // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1073–1090. DOI 10.15826/qr.2017.4.268 / Чернышева Е. «Заготовка граждан впрок»: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А. П. Платонова 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1073–1090. DOI 10.15826/qr.2017.4.268.

the Periphery is revealed through the collapse of an attempt by commune members to raise a child. Platonov shows the fetishization of a baby as a showpiece, and its death as a result of a utopian educational experiment. Promiscuity and juridical mess add to the world's lack of foundation and total alienation. There is an apparent discrepancy with the 1930s myth about a happy mother-toiler in the play *Fourteen Little Red Huts*: mass starvation and children's deaths leave their ever-caring mother, head of a collective farm, devastated. The semantics of a child victim and an inhabitant of a proletarian paradise are profaned: the abstract mankind of the future becomes an object of irony. Platonov uses parody, hyperbole, travesty, symbols, and plots based on *casus* in order to recodify the new mythology and establish new authentic humanistic and aesthetic values.

Keywords: Soviet ideology; motherhood; childhood; mythologizing of modern history; A. P. Platonov's drama; deconstruction of the social myth; utopia; parody; travesty; symbol.

Рассматривается становление в литературе новой советской мифологии материнства и детства и ее деконструкция в драматургии А. П. Платонова конца 1920-х – начала 1930-х гг. Изменения брачно-семейных топосов, динамичные модели гендерных отношений явились результатом радикальных идеологических и организационно-практических преобразований в Советской России. Показана критика этой составляющей советского проекта изнутри него самого – от лица писателя, связанного с социалистическим строительством. Методология определяется в историко-литературном, историко-культурном, сравнительно-типологическом и мифопоэтическом анализе. Материалом являются произведения, образно представляющие типы послереволюционных семей, модели отношений матери (родителей) и ребенка. Исходный тезис: концепция «освобождения женщины» и воспитания «нового человека» имела мощное жизнестроительное, конституирующее и одновременно утопическое содержание, рождала новую мифологию материнства и детства, где обе части коррелируют и поддерживаются высоким и массовым искусством. Выявлена критика советской политики материнства и детства в пьесах Платонова. Деконструкция мифа в комедии «Дураки на периферии» происходит в показе краха возвращения ребенка членами коммуны, в сюжете фетишизации ребенка как выставочного образца и его гибели в результате утопического воспитательного эксперимента. Промискуетет, юридический беспорядок добавляют миру «безосновность», тотальное отчуждение. В пьесе «14 красных избышек» проявилось расхождение с мифом 1930-х гг. о счастливой матери-труженице: массовый голод, смерть детей душевно опустошают заботливую мать – председателя колхоза. Семантика ребенка-жертвы и обитателя пролетарского рая профанируется, абстрактное «будущее человечество» становится объектом иронии. Платонов использует пародию, гиперболизацию, символы, сюжеты-казусы с целью эстетической перекодировки новой мифологии и утверждения подлинных гуманистических и эстетических ценностей.

Ключевые слова: советская идеология; материнство; детство; мифологизация современной истории; драматургия А. П. Платонова; деконструкция социального мифа; утопия; пародия; травестия; символ.

Социалистическое строительство в Советской России 1920–1930-х гг. предполагало, среди прочего, изменение брачно-семейных топосов (от патриархальных – к модернизированным), смену моделей гендерных и поколенческих взаимоотношений, а также ритуально-символических практик, сопровождающих рождение и изменение семейного положения. Концепция формирования «нового человека», заданная в идеологическом дискурсе В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, А. В. Луначарского и др., пронизывала всю партийно-государственную систему, в том числе деятельность Наркомпроса и – с 1920 г. – Главполитпросвета РСФСР, женотделов при ЦК и местных комитетах РКП(б)/ВКП(б) (до 1930 г.). Старые формы семьи и домашнего быта, гендерные стереотипы, стоящие на пути создания генерации людей, сориентированных на коммунистическую перспективу, должны были быть искоренены и заменены на новые¹. В ноябре 1918 г. проходит Первый Всероссийский съезд работниц, где задаются векторы взаимоотношений семьи и коммунистического государства (докладчик А. Коллонтай), работы в домашнем хозяйстве и хозяйстве народном (И. Арманд), работницы и церкви (Е. Ярославский), обсуждаются вопросы о домах материнства и младенчества, о трудовой школе, о работе с беспризорными детьми [Первый Всероссийский съезд работниц].

«Освобождение женщины» стало одним из актуальных лозунгов, который провозглашался в трудах и публицистике руководителей женского движения (Н. К. Крупской, К. И. Николаевой, С. Н. Смидович, А. В. Артюхиной и др.), специалистов (А. Б. Залкинда и др.), находил отклик в периодической печати (журналы «Работница», «Делегатка», «Коммунистка», «Крестьянка»). Идеи социального, а не индивидуального воспитания и образования детей, не связанных собственническими инстинктами, сориентированных на коллективизм и коммунистические ценности, идеи свободы работницы от ухода за детьми младшего возраста и иного ее «раскрепощения» транслировались в СМИ, популярных изданиях, кино, обсуждались на собраниях трудящихся, реализовывались в партийно-государственном строительстве.

Новый гендерный порядок, согласно исследованиям Н. Пушкаревой, с одной стороны, был этакратическим – обеспечивался усилиями государства через политику принуждения; с другой стороны, провозглашал равенство полов, закрепленное в первой советской Конституцией 1918 г. и двух Кодексах о браке (1918 и 1926 г.) [Пушкарева].

¹ Задолго до 1917 г. в европейской культуре происходило переосмысление традиционной гендерно-семейной модели общества. Ее реальная и художественная трансформация, в том числе экспериментальная, в эпоху модерна осуществлялась достаточно широко, известна и критика этой тенденции. Мощные интенции феминистского движения 1900–1910-х гг., разные практики жизнестроения в поле гендерных отношений получили с наступлением советской эпохи легитимный статус, были поддержаны законодательно [Стайтс; Юкина].

А. П. Платонов с дочерью Марией. 1946
A. P. Platonov and his daughter Maria. 1946

Несмотря на «ряд важных и по-своему уникальных мероприятий», «равноправие это не стало равенством возможностей» [Пушкарёва, с. 208]. «Женско-детская» социальная сфера характеризовалась реальными противоречиями. С одной стороны, это классовый подход в решении практических вопросов, наличие «лишенков», колоссальная неграмотность женщин и детей, голод и огромное количество беспризорников, с другой – беспрецедентные меры по охране материнства и младенчества, утверждение свободных семейных отношений (права на гражданский брак и упрощенный развод, разрешение аборт, коммунальный быт), расширение участия женщин-работниц

в управлении предприятием и государством, наличие организованного женского движения (особенно разнообразного в пределах 1920-х гг.).

Изменение институтов воспитания, брака и материнства имело серьезное жизнестроительное, конституирующие [Мирошниченко, 2015; Мирошниченко, 2016] и – в некоторых существенных чертах – утопическое содержание, рождало новую мифологию материнства и детства, которая была органической частью идеологии, повседневной практики [Орлов; Лебина, 2015] и мифологии социалистического проекта. В кризисной для всего общества революционной эпохе происходило мощное – сознательное и бессознательное – мифологизирование истории и вписанной в нее современности, которое несло функцию социального контроля и конструирования реальности по определенным мифологическим образцам с ретрансляцией архаических мифологических тем, образов.

«Громадье» планов и «размаха шага саженьи» (В. Маяковский) в деле эмансипации, решения «женского» и «детского» вопроса, передки и/или воспитания «нового человека» оказались в сфере новой мифологии, которая активно реализовывалась на разных уровнях советского дискурса [Шабатура; Бородина, Бородин]. «Мифология материнства разрабатывалась постепенно, официальными и неофициальными, письменными и устными текстами, высоким искусством и искусством массовым...» [Адоньева]. К ряду главных действующих персонажей советского мифа, выделенных Х. Гюнтером [Гюнтер], кроме матери, героя, врага, отца (мудрого старца), исследователи сегодня относят также ребенка – в мифопоэтической, миромоделирующей

ющей и – шире – дискурсообразующей функции внутри советской культуры [Арзамасцева, 2006; Головина; Савина; Саврас; Химич; Russian children's literature and culture]. Две составляющие актуализированных универсалий культуры – «материнский» и «детский» мифы – коррелируют (но не жестко связаны).

В мире произведений раннего этапа советской литературы материнская функция женщины, вовлеченной в социалистическое строительство, оказывается периферийной или существенно трансформированной², переосмысленной по архаическим первобытно-коммунистическим моделям (архетипам), характерным для советской культуры [Добренко, с. 32]. В этом смысле значимыми для складывающейся мифологии являются образы героинь повести А. М. Коллонтай «Василиса Малыгина» (1923), романа Ф. Гладкова «Цемент» (1925) и комедии С. Третьякова «Хочу ребенка!» (1926).

Семантика андрогинности³ сочетается с мотивом свободы от семейных обязательств. Коммунистическая концепция растворения личного в общем реализуется как базовая модель. Характерно желание героини Коллонтай воспитывать и растить ребенка по коммунистически, силами коллектива организации. Половой инстинкт женщин сублимирован. Мужчина необходим лишь для зачатия («Хочу ребенка!») или как товарищ в деле борьбы нового со старым, периферийно – как отец ребенка, ценностно сориентированного на жизнь в детском доме, где «все – одинаковые» («Цемент»). При этом в романе Гладкова «новые люди, воспитанные в детдоме, обречены на испытания, а те, кто выживет, достойны “пролетарского рая”» [Ковтун, с. 34]. Мифологизация революционного детства поддерживается песенкой о «детях обновления», очевидна ритуальная практика детдома по трансляции и поддержанию псевдорелигиозных моделей смерти – возрождения, формируемых для утверждения революционной идеи. Жертвенность во имя утверждения идеалов революции в романе – существенный мотив, даже смерть дочери не колеблет женщину-труженицу в ее коллективистских идеалах, они лишь переводятся на более высокий онтологический уровень.

Деконструкция советской мифологии материнства и детства в драматургии А. П. Платонова

Очевидной деконструкции новая мифология материнства и детства подвергается в драматургии А. П. Платонова словно бы изнутри грандиозного социального проекта: писатель являлся деятельным участником социалистического пересоздания жизни.

---

² Серьезную перекодировку претерпела также тема сексуальной этики, художественная литература стремилась осветить вопросы «нового полового быта» в борьбе различных тенденций и ценностей [Беззубцев-Кондаков; Пушкарев].

³ Андрогинность – вариант гендерных моделей репрезентации женщины – присутствовала как в дореволюционной, так и в послереволюционной культуре [Арзамасцева, 2015; Гюнтер, с. 773].

В стране сразу после революции последовал ряд практических мероприятий и институций, которые призваны были обеспечивать интересы детей и матерей (прежде всего «трудящихся женщин»). В их числе – появление в декабре 1917 г. Отдела *охраны материнства и младенчества* при наркомате государственного призрения. В начале 1918 г. новая власть ликвидировала дореволюционную организацию – Всероссийское попечительство по охране материнства, но сама модель медицинско-просветительской работы, существовавшая с 1913 г., была унаследована вместе с имуществом охматмладом и другими советскими учреждениями (педиатрическими и пр.) [Микир-тичан, Шерстнёва]. 31 января 1918 г. было принято постановление комиссариата «Об организации комиссии по охране младенчества», подписанное той же А. М. Коллонтай. «Все учреждения, обслуживающие детей, передавались в ведение отдела охраны материнства и младенчества, с тем, чтобы составить неразрывную цепь с учреждениями, обслуживающими женщину во время беременности и кормления ребенка грудью» [Аракелова, с. 63]. Вероятно, деятельность местных отделений охматмлада оставалась в той или иной степени продуктивной вплоть до конца 1920-х гг. [«Охматмлад» и «Дети республики»]. Характерна в этом смысле заметка в «Сибирских огнях» 1928 г. с названием «Охрана матмлада у ойротов и тунгусов» [Охрана матмлада].

В том же в 1928 г. Платоновым (возможно, в соавторстве с Б. Пильняком) была написана и дважды читалась публично пьеса «Дураки на периферии» (опубликована в 2006 г.) [Корниенко, Антонова]. Образ «узкого состава охматмлада» создан Платоновым по модели всесоюзных комиссий, но в комедии очевиден снижающе-пародийный дискурс, причем пародия затрагивает как содержательную сторону работы комиссий и отделов охматмлада, так и ритуально-символическую основу их деятельности, и идеологическую подоплеку.

Несмотря на то, что аборт в 1920-е гг. были разрешены, в комедии комиссия вторгается в частную жизнь семьи служащего в городе Перечетске на основании некоего уездного постановления, согласно которому «без комиссии нельзя сделать аборта»⁴. Комиссия постановляет обязательность и полезность родить «от таких блестящих густых матерей» [Платонов, с. 20]⁵, каковой является Марья Ивановна, жена Башмакова. Однако он мечтает о вердикте «аборт». Идеальная послереволюционная семейная жизнь мыслится Башмакову в непосредственном будущем без нового ребенка, его умерщвление во чреве матери видится нормальным и желательным. Решение комиссии заставляет его подать в суд для взыскания с нее алиментов, поскольку «общественно-фактическим отцом является комиссия охматмлада в узком составе» (с. 28). Социально-юридическая и нравственная интрига осложняется тем,

⁴ В комментариях к первой публикации «Дураков на периферии» указано, что пьеса основана «якобы на реальном случае анекдотического характера» [Корниенко, Антонова, с. 426].

⁵ Далее цитаты из пьес А. П. Платонова даются по этому изданию в круглых скобках с указанием страниц.

что некоторые члены охматмлада могли быть физическими отцами ребенка. В сюжете комедии закономерно возникает ситуация коллективной жизни членов коммуны и матери с новорожденным ребенком.

Среди типов послереволюционной семьи существовали семьи-коммуны как в городах [Вокруг писем комсомолок] (для них могли строиться особые дома-коммуны [Лебина, 2012]), так и в сельских местностях [Мазур, с. 99]. Социальная утопия коллективной семьи в Переучетске, отразившая эти реалии, оказывается трагически исчерпанной, а на пути к этому является вывернутой наизнанку модернизированной патриархальной утопией. Рожденного ребенка планируется «взрачивать по чудесам науки и знания, как двукратно постановила комиссия» (с. 44), пишутся проекты, выписки протоколов о достижениях воспитания в губгород, «а копию Максиму Горькому»⁶ (с. 44), и т. д.

Для комиссии охматмлада как коллективного субъекта советской власти и революционно-утопической идеологии будущее едва ли не более значимо, чем настоящее. Поэтому прагматическая польза от рождения младенца мотивируется миссионерским характером комиссии: она призвана служить делу «обеспечения будущего населения» (с. 25), «фактически охранять судьбу поколений и организовывать будущее» (с. 24). Патриархально-династическая модель семьи-государства здесь изначально задана, но травестирована: «отец семейства» играет в судьбе новорожденного главную роль, но, согласно комедийной гиперболе, их несколько, сын по повелению матери водружается «на престол», но это всего лишь «письменная конторка». Мать в духе идеалов равноправия мужчин и женщин готова выполнять маскулинные роли. Но новая мифология «женщины-труженицы» здесь приобретает специфический вид: Марья Ивановна говорит о желании быть то милиционером, то хозяйкой трактира, а то и вовсе разбойницей, атаманом, демонстрируя в каком-то смысле анархические черты характера и в реальности, не трудясь и игнорируя всякую ответственность: «*Марья Ивановна.* – Приступайте к вольной жизни... Живу и что хочу делаю, а делать я ничего не хочу» (с. 46, 47).

С другой стороны, оказавшись по решению суда в роли коллективного отца, охматмлад стремится играть ее последовательно, стать примером для тех, кто готов последовать «высокой» модели ячейки общества. Закрепляются нормы новой системы воспитания. «*Лутыгин.* – Никогда так планомерно не жил. Вот что значит безбалие» (с. 47). Реально-бытовой, организационно-деятельный план образцового социального устройства детализирован, связь с утопическим метатекстом здесь очевидна. Четвертый акт, в котором и разворачиваются на первых порах гармония отношений социального института охматмлада и «нового» частного человека, начинается с характерной

---

⁶ Этот отклик на возвращение М. Горького в СССР и его глобальные проекты «второй природы» – еще один маркер пародирования социальной мифологии реальности.

ремарки: «Наиболее рационально использованная жилплощадь: помесь учреждения, детского приюта и жилья. Под плакатом “Дорогу детям, потому что они цветы” – громадная белая люлька под белым балдахином. Явная медицинская научность и мирная жизнь. На первом плане стол, тот же, что был в комиссии охматмлада. Половина стола накрыта скатертью» (с. 44). Природная (значимая деталь «цветы»), патриархальная («люлька, стол со скатертью»), научная («медицинская научность») и социальная гармония («мирная жизнь») соединены в интерьере, но словно бы и застыли в нем. Утопическая «образцовость» охматмладовского мира здесь явно декларируется и даже разыгрывается: он становится объектом осмотра «основных принципов коллективного воспитания» (с. 45), а сам ребенок – экспонатом «достижений» во имя новых форм жизни.

Коллективный отец ребенка озабочен не его индивидуальным бытием, а «сохранением гражданского населения для будущего» (с. 33). В сознании коллективного родителя (комиссии) ребенок предельно фетишизирован, члены охматмлада видят свой прямой долг в «заготовке граждан впрок» (с. 25). Обигрывается внутренняя форма слова «заготовка», которая предполагает отчуждение от живой жизни, «консервирование», а значит, и «умерщвление» органического тела. По сути, умерщвлением венчается образцовая коллективно-семейная организация жизни. Свойственный стилю Платонова мотив опредмечивания человека здесь дан не только в комической, но и в негативной прорисовке: младенец, демонстрируемый по расписанию посетителям, регулярно выносятся на два часа на мороз для вентиляции легких. «Похожие на садистские забавы» [Яблоков, 2008, с. 163] рациональные старания бывшего ротного лекаря Лутына, а ныне члена охматмлада, ни у кого не вызывают сомнений.

Платоновская социальная утопия по-советски с «образцовым» ребенком и такими же методами отражает конфликты «новой» морали (безразличие к индивидуальности, промискуитет), проблемы семейного и крестьянского (предколхозного) «строительства», парадоксы революционного правопорядка. Весь сюжет движется благодаря юридическому казусу. Комиссия выполняет «четкую линию закона» (запрет на аборт женщине из обеспеченной семьи), но оказывается обвиняемой и осужденной к выплате алиментов за собственное правовое решение: «*Лутын*. – Я все припоминаю, с какого места беззаконие началось – и не вижу. Кругом закон, а мы посредине мучаемся» (с. 43). Решение суда вносит в сознание охматмладовцев сомнение относительно социальных законов и легитимного функционирования их собственной комиссии и – шире – мира как такового. «*Лутын*. – А ведь действительно, мир никем не удостоверен» (с. 52). Стало быть, он «юридически не существует» (с. 52).

Мотивы «незаконности» земного бытия, «несуществования» как свойства реальности поддерживаются деталями – уничтоженными храмами, предъявленным суду «лишним» кустом в крестьянском ого-

роде, взаимозаменяемостью «закона» и «слитной тьмы» в сознании охматмладовцев. Не способствуют чувству укорененности в жизни и легкость расторжения браков, и трансформация мужского в женское [Яблоков, 2008, с. 158]. Абсурден «приказ» мужчине родить в пионерском стишке-небылице, где «неизвестные никому причины» влекут постановление наркома Коллонтай: «Хочешь – не хочешь, лопай, а рожай» (с. 16). Предъявить претензии земным властям или трансцендентному субъекту (Богу) либо оправдать мир в границах этого абсурдного стиха невозможно, как и во всем безбожном мире Переучетска.

«Неудостоверенность» и субстанциональная сиротливость мира оказываются проявлением и констатацией эгоистических начал в человеке (вопреки коллективистскому образу жизни), экзистенциального отчуждения (вопреки объединяющей функции матери и дитя и связанной с ними семьи-коммуны), трагизма бытия (вопреки лозунгам революционного оптимизма). Приказы старшего рационализатора (выступающего как *deus ex machine*) не приносят умиротворения в души субъектов нового миропорядка. В этом смысле платоновская деконструкция социального мифа весьма широка, она направлена не только на мифологию материнства и детства. Платоновская художественная рефлексия оказывается в противоречии с распространенными коммунистическими упованиями масс, носящими, по мысли М. Рыклина, религиозный характер, с революционно-утопической «верой в историческую неизбежность выхода за пределы истории» [Рыклин, с. 31].

Стилистика и содержание речей платоновских членов охматмлада («обеспечение будущего населения», «на предмет осмотра наших основных принципов воспитания», «ты – соотношение социальных условий, социальная надстройка, баба на базе» (с. 45, 47) и др.) черпаются в документах эпохи, в статьях ответственных работников и идеологов новых семейно-гендерных отношений⁷. Советский «новояз» отражает ритуально-символическую мифогенную практику новых семейных отношений («октябрины» вместо крестин, перемена фамилий второстепенных героинь на «Майскую» и «Трудовикову») и пересмотр старых: «не муж, а вообще инородный обыватель» и т. д., что коррелирует с «неправильностями» речи, присущими стилю Платонова («Сократитесь от нас вон!»). Авторская речь (ремарки) тоже полна метафорических «неправильностей», задающих архаические или мифологические коннотации: «Марья Ивановна, обильная женщина», «Все занимают первобытные места» и др.

В мире «Дураков на периферии» есть место мечте о семье, человеческому сочувствию (оно парадоксально свойственно милиционерам). Но узнаваемый платоновский финал подтверждает бесчеловечность новой системы отношений (это слово несколько раз

---

⁷ Характерна в этом смысле риторика близких по тематике текстов А. М. Коллонтай, например: «Для того чтобы... не страдал бы ребенок – будущий производитель – необходимо поставить трудящуюся женщину в более благоприятные условия...» [Коллонтай, с. 8].

комически обыгрывается): младенец умирает. Еще более буквально, чем в повести «Котлован», актуализируется образ замученного ребенка в основании будущей гармонии из романа Достоевского «Братья Карамазовы» [Чернышева]. Будущее, «новая семья», новые взаимоотношения в комедии Платонова оказывается под вопросом (каки в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца», написанной в тот же год).

Женщина-труженица в произведениях Платонова конца 1920-х – 1930-х гг.: амбивалентность образа

Следующий исторический этап «освобождения женщин» от гнета домашнего хозяйства и патриархальных отношений – период «господства этакратического контракта “работающая мать”, ... жесткой экономической мобилизации женщин» [Пушкарева, с. 212–213] – начинается после так называемого «великого перелома» 1929 г. В 1930-е гг. женщины существенно пополнили ряды рабочего класса, при этом на предприятиях сохранялась их дискриминация, так же, как в массовом сознании продолжало господствовать старое традиционно-патриархальное сознание, а власть стала возрождать идеал стабильной семьи [Дэвис, с. 62–63]. Массовое вовлечение женщин в общественное производство в ходе индустриализации и коллективизации, их выдвигание на руководящие должности на производстве, ограничение социальных возможностей крестьянок-единоличниц, свертывание массового женского движения и женских общественных организаций – такова определившаяся к середине 1930-х гг. «тенденция к унификации гендерной модели, отражавшая тенденцию формирования тоталитарного политического режима» [Мирошниченко, 2016, с. 22]. Ограничение свободы женщин в результате запрета аборт (закон 1936 г.), нехватка ясель и детских садов, фактическое неравенство в области образования, представительства во власти и пр. оставались фактом, несмотря на то, что в Конституции 1936 г. было ясно сказано о гарантиях наделяния женщин равными правами с мужчинами [Дэвис, с. 63, 67–70].

В пропагандистском дискурсе конца 1920-х – 1930-х гг. образ преобразованной, сознательно и духовно выросшей работницы и/или женщины-матери продвигают плакаты, картины и скульптуры, песни и кинофильмы⁸, произведения литературы.

Амбивалентность плакатного образа женщины-труженицы реализована в произведениях Платонова этого периода. Если в «Песчаной учительнице» (1927) образ самоотверженной женщины-интеллигента в Средней Азии более соответствует новому мифологизированному образу, то в рассказе «Фро» (1936), и в незаконченном романе «Счастливая Москва» (1933–1936) он уже подвергается переосмыслению. Тем более очевидно расхождение с идеальным топосом счаст-

⁸ «Наши девушки» (1930, реж. В. Браун), «Женщина» (1932, реж. Е. Дзиган, Б. Шрейбер), «Цирк» (1936, реж. Г. Александров), «Член правительства» (1939, реж. А. Зархи, И. Хейфиц) и «Девушка с характером» (1939, реж. К. Юдин).

ливой женщины-труженицы главной героини пьесы А. П. Платонова «14 красных избушек». Фактическая основа пьесы – унесший миллионы жизней голод 1932–1933 гг. в СССР. В официальной печати и в литературе 1930-х гг. эта тема была под запретом, но Платонов в 1933 г. прямо приступает к ней. Пьеса, не имея шансов на публикацию, читалась, о ней есть сообщение в сводках ОГПУ [Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ, с. 285]. Первое действие пьесы пронизано сатирическим пафосом в адрес советских писателей, выезжавших бригадами в глубинку в 1933 г. накануне Всесоюзного съезда писателей. «Первоначально пьеса мыслилась как комедия... однако Платонов... вписывает на полях рукописи 4-го действия “Голод развить повсюду” и завершает пьесу о трагедии на Каспии... высокой эсхатологической интонацией “Котлована”» [Корниенко, с. 440].

Председателю прикаспийского пастушьего колхоза «Красные избушки» Суените с самого начала приданы черты внешней «детскости» («Ребенок правит деревенским царством», «советское дитя» (с. 163)), но она обладает «взрослым» сильным характером. Предъявлены такие стороны мифа о советской женщине, как самоотдача, трудовой энтузиазм. Материнские свойства сдвинуты в сторону новой, типичной для 1930-х гг. ипостаси женщины – хранительницы семьи. Хоть ребенок помещен матерью в ясли, которые являются приметой колхозной жизни, все же деятельная забота и печаль о собственном младенце пронизывают речь и поступки Суениты. Впрочем, отличает ее и напряженная забота о колхозных детях. Известные еще с 1920-х гг. неомифологические черты «общественной матери» здесь совпадают с традиционным для Платонова типом «всемирного материнства», «всеобщей матери» [Яблоков, 2005, с. 155–156]. Типаж представлен в нескольких вариантах. Для всех, «кто объединился в колхоз», она строгая мать, просветительница, кормилица и др., что восходит к архетипическим началам образа матери (прародительницы, матери-земли) [Матвеева]. И все же идеальные грани типажа здесь деформированы. Колхознику Вершкову, разрешившему мировую загадку формулой «Да здравствует товарищ Сталин» и высказавшему убеждение, что он, Вершков, тоже социализм, Суенита наносит смертельный удар кинжалом со словами «Социализм, как и Сталин, у нас один. Два не нужно» (с. 191). Если не интерпретировать этот пассаж в аспекте перверсии, то следует признать, что идеологические замещения оказываются у героини выше человечности. Семантика женщины как «общественной матери» если не исчезает вовсе, то редуцируется.

Мифологема детства в пьесе также существенно редуцирована: ни семантики воспитания нового человека, ни даже «детской» жертвы во имя будущего в пьесе, по всей видимости, нет. Зато очевидна критика бытового решения «детского вопроса»: «Хоз. Кто там заплакал у вас, в ваших социальных полях? Суенита. Это наши дети играют в яслях. Хоз. А я слышал, что плачут» (с. 167). Существенной видится десемантизация устоявшегося смыслового комплекса детства. Дети

лишь декларируются в качестве залога будущего («Храни его в запас будущности!» (с. 202)), но не являются потенциальными обитателями будущего пролетарского рая, не рассматриваются в качестве способа иммортализации матери и отца. Объявленный колхозником Антоном как объект будущего научного воскрешения (что, разумеется, усложняет семантику детства), сын в восприятии самой Суениты «навсегда мертв»: «*Суенита*. Нет... больше ничего не будет» (с. 203).

Предметом авторской иронии становится и само будущее, едва ли не сакрализованное в известных идеологемах конца XIX – начала XX в. Так, «нищанская» реплика Хоза «Что тебе один ребенок! Ты качаешь в своих бедрах, как в люльке, целое будущее человечество» (с. 172) не услышана и вряд ли могла бы быть принята Суенитой, озабоченной как раз частной, живой жизнью маленького ребенка, своего или даже чужого. Образы детей воплощают в себе «одну любовь» взрослых на фоне неустойчивого бытия («жизнь ведь предприятие незаконченное», «всемирное жульничество»). Колебанием от смерти к жизни и от жизни к смерти самих колхозных детей маркируется мерцание мира, то есть не только социальные, но и онтологические и экзистенциальные проблемы (см. реплики героев по отношению к мертвому мальчику: «Ты – детский и забытый», «Я жить теперь сомневаюсь» (с. 204), «Ребенок мой не дышит... как скучно мне делается одной» (с. 207)). Тотальный мотив смерти усложняет даже воспоминания Суениты о рождении сына: «Он беззащитный, испуган, весь в крови, его измучила страшная смерть» (с. 168).

Образ трагического мира-перевертыша, по мнению исследователя, воплощается на уровне жанровых трансформаций, рождает колхозную «антиидиллию», сюрреалистическая «пастораль» получает травестийно-мистериальное звучание [Яблоков, 2005]. «Злоключения советской пастушки» вписываются в деконструкцию материнско-детского мифа, являющегося частью советской мифологии 1920–1930-х гг. Труд Суениты, как и труд односельчан, оказывается бессмысленным на фоне призрака классово-властной борьбы, власти ГПУ, уничтожения скота и хлеба раскулачиваемыми. Как бессмыслен и робкий голос протеста («*Ксения*. Москва проклятая!») на фоне социалистических лозунгов, произносимых в голодном иступлении (с. 204). Если учесть, что Москва в массовой культуре 1930-х гг. представляла одну из ипостасей архетипа матери и центр советской иерархоцентрической модели мира [Гюнтер, с. 747], то еще более очевидна снижающая авторская интенция по отношению к современному материнскому мифу.

Оценки событий «текущего момента» даны прежде всего не в жизнеподобных, а в условных гиперболизированных формах. Характерен символический образ овитого колючей проволокой плетеного кузова, служащего тюрьмой для людей, но при необходимости – и садком для рыб, и гробом. Суенита намерена положить в него своего мертвого сына, дабы в качестве приманки для рыбы он помог накормить колхозников. Однако совершаются подмена труппы и возложение ребенка

на землю, что может прочитываться как ритуальный жест. Не водная, а земная стихия (мать-земля) служит приютом для мертвого ребенка и – рядом с ним – полуживого догматика-колхозника. Запоздалый парус, появившийся на море уже после смерти сына, который Суенита «равнодушно видит» (с. 207), – красноречивая аллегория тщеты коммунистических иллюзий.

«Риторика святого материнства нарастает в обратной пропорции к материнской практике», – пишет С. Б. Адоньева об укоренении и развитии культа материнства в 1930-е гг. [Адоньева]. Явно протестный дискурс «14 красных избушек» не совпадает с этой риторикой, пьеса бросает трагическую тень на укорененный к тому времени двуединый миф о советском материнстве и детстве.

Список литературы

Адоньева С. Б. Материнство: мифология и социальный институт // Русский фольклор в современных записях [сайт]. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php?rubr=Research-articles (дата обращения: 11.12.2016).

Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ : 1930–1945 / публ. В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. Вып. 4. Юбилейный. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. С. 848–884.

Аракелова М. П. Опыт охраны материнства и младенчества // Социол. исслед. 1995. № 7. С. 62–64.

Арзамасцева И. Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х годов : дис. ... докт. филол. наук. М. : [Б. и.], 2006. 453 с.

Арзамасцева И. Три души провинциальной гимназистки (пьеса З. Н. Гиппиус «Зеленое кольцо») // Новое лит. обозрение. 2015. № 5 (135). С. 171–182.

Беззубцев-Кондаков А. В эпоху «красных свадеб» // Колесо : лит. интернет-журн. 2009. № 19. URL: <http://www.altair-torg.ru/koveco19/svadba.html> (дата обращения: 11.11.2016).

Бородина А. В., Бородин Д. Ю. Баба или товарищ? : Идеал новой советской женщины в 20–30-х гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь : Изд-во ТвГУ, 2000. С. 45–52.

Вокруг писем комсомолок // Смена. 1926. № 16. С. 12.

Гладков Ф. В. Цемент : роман. М. : Современник, 1986. 240 с.

Головина Л. Н. Реализация мифологемы дома и странничества в русской прозе XX века о беспризорниках и детях-сиротах // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 261–263.

Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 743–784.

Добренко Е. Социализм и мир детства // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 31–40.

Дэвис С. Мнение народа в сталинской России : Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / пер. с англ. С. Н. Морозова. М. : РОССПЭН, 2011. 231 с.

Ковтун Н. В. Дети как проверка социального самоопределения женщины в романе Ф. Гладкова «Цемент» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9. С. 21–37.

Коллонтай А. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Вып. 2. М. ; Пг. : Госиздат, 1923. 598 с.

Корниенко Н. 14 красных избушек: примечания // Платонов А. П. Ноев ковчег : пьесы. М. : Вагриус, 2006. 439–445.

Корниенко Н., Антонова Е. Дураки на периферии : примечания // Платонов А. П. Ноев ковчег: пьесы. М. : Вагриус, 2006. С. 426–429.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии : От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.

Лебина Н. Советский дом-коммуна: границы тела // Теория моды. 2012. № 23. С. 133–151.

Мазур Л. Н. Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 85–105.

Матвеева Н. В. Архетип матери и младенца в пьесе А. П. Платонова «14 красных избушек» // Филологический класс. 2007. № 17. С. 64–69.

Микиртичан Г. Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства по охране материнства // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 11. Медицина. 2014. № 1. С. 260–274.

Мирошниченко М. И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 15. № 1. С. 21–26.

Мирошниченко М. И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 1. С. 35–42.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : ГУ ВШЭ, 2010. 317 с.

«Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг. : хрестоматия / сост. Т. А. Катцина, О. М. Долидович, Л. Ю. Анисимова. Красноярск : СФУ, 2015. 214 с.

Охрана матмлада у ойроотов и тунгусов // Сибирские огни. 1928. № 4 (июль-август). С. 264.

Первый Всероссийский съезд работниц 16–21 ноября 1918 г. и его резолюции. Харьков : Всеукр. изд-во, 1920. 23 с.

Платонов А. П. Ноев ковчег : пьесы. М. : Вагриус, 2006. 464 с.

Плетнева С. А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М. : Наука, 1998. С. 529–537.

Пушкарев А. М. «Новый быт»: идеологические интерпретации сексуального (по материалам русской художественной литературы и критики 1920-х гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 459–482.

Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок // Повседневная жизнь при социализме : Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акопян. М. : РОССПЭН, 2015. С. 204–225.

Рыклин М. Коммунизм как религия : Интеллектуалы и Октябрьская революция. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 139 с.

Савина Л. Н., Батова О. С. Мифопоэтическая традиция в произведениях Л. Пантелеева о сироте // Изв. Юж. федерал. ун-та. Сер. Филологические науки. 2015. № 4. С. 45–50.

Саврас Н. В. Место и функции детства в культурной парадигме соцреализма // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. С. 60–65.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России : Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.

Химич В. В. Образ ребенка как знаковая фигура в литературе 1920-х годов // Мальчики и девочки: реалии социализации : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 292–302.

Чернышева Е. Г. Эра милосердия, или Плачущие милиционеры : (К семантике мотива мертвого ребенка в комедии «Дураки на периферии») // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества / ред. Н. В. Корниенко. Вып. 7. М. : ИМЛИ РАН, 2011. С. 51–59.

Шабатура Е. А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск : [Б. и.], 2006. 25 с.

Шерстнева Е. В. Всероссийское попечительство по охране материнства : К 100-летию со дня основания // Педиатрия. 2013. № 12 (2). С. 150–153.

Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности // под ред. Т. А. Мелешко. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.

Яблоков Е. А. Злоключения советской пастушки : (Пасторальные мотивы в пьесе А. Платонова «14 красных избушек») // Нерегулируемые перекрестки : О Платонове, Булгакове и многих других. М. : Пятая страна, 2005. С. 150–162.

Яблоков Е. А. Разбойники, или Отцы без детей : (Проблемы и герои пьесы «Дураки на периферии») // Творчество Андрея Платонова : Исследования и материалы / отв. ред. Е. И. Колесникова. Кн. 4. СПб. : Наука, 2008. С. 157–167.

Russian Children's Literature and Culture / ed. by M. Balina, L. Rudova. L. ; N. Y. : Routledge, 2008. 390 p.

References

Adon'eva, S. B. Materinstvo: mifologiya i sotsial'nyi institut [Motherhood: Mythology and Social Institute]. In *Russkii fol'klor v sovremennykh zapisyakh* [website]. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php?rubr=Research-articles (mode of access: 11.12.2016).

Andrei Platonov v dokumentakh OGPU-NKVD-NKGB. 1930–1945 [Andrey Platonov in OGPU-NKVD-NKGB Documents. 1930–1945] / publ. by Goncharova, V., Nekhotina, V. (2000). In Kornienko, N. V. (Ed.). “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova. Problemy tvorchestva*. Iss. 4. Yubileinyi Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, Nasledie, pp. 848–884.

Arakelova, M. P. (1995). Opyt okhrany materinstva i mladenchestva [Experience of Maternity and Infancy Protection]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7, pp. 62–64.

Arzamastseva, I. (2015). Tri dushi provintsial'noi gimnazistki (p'esa Z. N. Gippius “Zelenoe kol'tso”) [The Three Souls of a Provincial Female Gymnasium Student: Zinaida Gippius’ *The Green Ring*]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (135), pp. 171–182.

Arzamastseva, I. N. (2006). *Khudozhestvennaya kontseptsiya detstva v russkoi literature 1900–1930-kh godov: dis. ... doktora filol. nauk*. [The Artistic Concept of Childhood in the Russian Literature of 1900–1930s. Dr. Hab. Thesis]. Moscow, S. n. 453 p.

Balina, M., Rudova, L. (Eds.). (2008). *Russian Children's Literature and Culture*. L., N. Y., Routledge. 390 p.

Bezzubtsev-Kondakov, A. (2009). V epohu “krasnykh svadeb” [In the Era of the “Red Wedding”]. In *Literaturnyi zhurnal “Koleso”* [website]. 2009. No. 19. URL: <http://www.altair-torg.ru/koveco19/svadba.html> (mode of access: 11.11.2016).

Borodina, A. V., Borodin, D. Yu. (2000). Baba ili tovarishch? Ideal novoi sovetskoi zhenshchiny v 20–30-kh gg. [A Peasant Woman or a Comrade? The Ideal of the New Soviet Woman in the 1920s–1930s]. In *Zhenskie i gendernye issledovaniya v Tverskom go-*

sudarstvennom universitete. Tver', Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 45–52.

Chernysheva, E. G. (2011). Era miloserdiya, ili plachushchie militsionery (k semantike motiva mertvogo rebenka v komedii “Duraki na periferii” [The Era of Mercy, or Crying Militiamen (On the Semantics of the Dead Child Motif in the Comedy *Fools on the Periphery*)]. In “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova. Problemy tvorchestva*, No. 7 (pp. 51–59). Moscow, IMLI RAN, Nasledie.

Davies, S. (2011). *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii. Terror, propaganda i inakomysslie, 1934–1941* [Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissidence, 1934–1941] / transl. by Morozov, S. N. Moscow, ROSSPEN. 231 p.

Dobrenko, E. (2000). Sotsializm i mir detstva [Socialism and the World of Childhood]. In Gunther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*. St Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 31–40.

Gladkov, F. V. (1986). *Tsement: Roman* [Cement. A Novel]. Moscow, Sovremennik. 240 p.

Golovina, L. N. (2011). Realizatsiya mifologemy doma i strannichestva v russkoj proze XX veka o besprizornikakh i detyakh-sirotakh [The Realisation of the House and Pilgrimage Mythologem in 20th-century Russian Prose about Homeless Children and Orphans]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 4, pp. 261–263.

Gunther, H. (2000). Arkhetipy sovetsoj kul'tury [Archetypes of Soviet Culture]. In Gunther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*. St Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 743–784.

Kattsina, T. A., Dolidovich, O. M., Anisimova, L. Yu. (Eds.). (2015). “*Okhmatmlad*” i “*Deti respubliki*”: ideologiya i praktika sotsial'noj politiki v Enisejskoj gubernii v 1920-e gg.: khrestomatiya. [“Okhmatmlad” and the “Children of the Republic”. The Ideology and Practice of Social Policy in the Yenisei Province in the 1920s. A Reader]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet. 214 p.

Khimich, V. V. (2004). Obraz rebenka kak znakovaya figura v literature 1920-kh godov [The Child Image as a Symbolic Figure in Literature of the 1920s]. In *Mal'chiki i devochki: realii sotsializatsii. Sbornik statei*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 292–302.

Kollontai, A. (1923). *Obshchestvo i materinstvo. Gosudarstvennoe strakhovanie materinstva* [Society and Motherhood. State Insurance of Motherhood]. No. 2. Moscow, Petrograd, Gosizdat. 598 p.

Kornienko, N. (2006). 14 krasnykh izbushek. Primechaniya [Fourteen Red Huts. Notes]. In Platonov, A. P. *Noev kovcheg*. P'esy. Moscow, Vagrius, pp. 439–445.

Kornienko, N., Antonova, E. (2006). Duraki na periferii. Primechaniya [Fools on the Periphery. Notes]. In Platonov, A. P. *Noev kovcheg*. P'esy. Moscow, Vagrius, pp. 42–429.

Kovtun, N. V. (2008). Deti kak poverka sotsial'nogo samoopredeleniya zhenshchiny v romane F. Gladkova “Tsement” [Children as a Verification of a Woman's Social Self-identification in F. Gladkov's Novel *Cement*]. In *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog*. No. 9, pp. 21–37.

Lebina, N. (2012). Sovetskii dom-kommuna. Granitsy tela [The Soviet Commune House. The Boundaries of the Body]. In *Teoriya mody*. No. 23, pp. 133–151.

Lebina, N. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Daily Life: Standards and Anomalies. From War Communism to Great Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 488 p.

Matveeva, N. V. (2007). Arkhetip materi i mladentsa v p'ese A. P. Platonova “14 krasnykh izbushek” [The Archetype of Mother and Baby in A. P. Platonov's Play *Fourteen Red Huts*]. In *Filologicheskii klass*. No. 17, pp. 64–69.

Mazur, L. N. (2016). Sem'ya kommunistov Ekaterinburgskoj gubernii (po materialam Vserossiiskoi partiinoj perepisi 1922 g.) [A Communist Family in Yekaterinburg Prov-

ince (with Reference to the All-Russian Party Census, 1922)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 18. No. 3 (154), pp. 85–105.

Mikirtichan, G. L. (2014). K 100-letiyu so dnya osnovaniya Vserossiiskogo popechitel'stva po okhrane materinstva [For the 100th Anniversary of the All-Russian Guardianship of Motherhood Protection]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 11. Meditsina*. No. 1, pp. 260–274.

Miroshnichenko, M. I. (2015). Soderzhanie pervoi sovetskoï gendernoi modeli v 1920-e gg. [The Content of the First Soviet Gender Model in the 1920s]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 15. No. 1, pp. 35–42.

Miroshnichenko, M. I. (2016). Razvitie pervoi sovetskoï gendernoi modeli v pervoi polovine 1930-kh gg. [The Development of the First Soviet Gender Models in the First Half of the 1930s]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 15. No. 1, pp. 21–26.

Okhrana matmlada u oirotov i tungusov [The Protection of Motherhood and Infancy of the Oirot and Tungus]. (1928). In *Sibirskie ogni*. No. 4 (July-August), p. 264.

Orlov, I. B. (2010). *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sociologicheskie aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet Vysshaya shkola ekonomiki. 317 p.

Pervyi Vserossiiskii s'ezd rabotnits 16–21 noyabrya 1918 g. i ego rezolyutsii [The First All-Russian Congress of Women Workers Held on 16–21 November 1918 and Its Resolutions]. (1920). Khar'kov, Vseukrainskoe izdatel'stvo. 23 p.

Platonov, A. P. (2006). *Noev kovcheg: P'esy* [Noah's Ark: Plays]. Moscow, Vagrius. 464 p.

Pletneva, S. A. (1998). “Amazonki” kak sotsial'no-politicheskoe yavlenie [“The Amazons” as a Social and Political Phenomenon]. In *Kul'tura slavyan i Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 529–537.

Pushkarev, A. M. (2007). “Novyi byt”. Ideologicheskie interpretatsii seksual'nogo (po materialam russkoi khudozhestvennoi literatury i kritiki 1920-h gg.) [“New Life”. An Ideological Interpretation of the Sexual (with Reference to the Russian Fiction and Criticism of the 1920s)]. In *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*. Vol. 5. No. 4, pp. 459–482.

Pushkareva, N. (2015). Gendernaya sistema sovetskoï Rossii i povsednevnost' rossiyanok [The Gender System of Soviet Russia and the Daily Life of Russian Women]. In Berends, Ya. K., Dubina, V., Sorokin, A., with Akopyan, E. (Eds.). *Povsednevnyaya zhizn' pri sotsializme. Nemetskie i rossiiskie podkhody*. Moscow, ROSSPEN, pp. 204–225.

Ryklin, M. (2009). *Kommunizm kak religiya. Intellektualy i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Communism as a Religion. Intellectuals and the October Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 139 p.

Savina, L. N., Batova, O. S. (2015). Mifopoeticheskaya traditsiya v proizvedeniyakh L. Panteleeva o sirete [The Mythopoetic Tradition in L. Panteleev's Works on Orphans]. In *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 4, pp. 45–50.

Savras, N. V. (2008). Mesto i funktsii detstva v kul'turnoi paradigme sotsrealizma [The Place and Function of Childhood in the Cultural Paradigm of Socialist Realism]. In *Sistema tsemnosti sovremenno go obshchestva*. No. 3, pp. 60–65.

Shabatura, E. A. (2006). *Obraz “novoi zhenshchiny” v sovetskoï kul'ture 1917–1929 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The “New Woman” Image in Soviet Culture, 1917–1929. Author's Abstract of PhD Thesis]. Omsk, S. n. 25 p.

Sherstneva, E. V. (2013). Vserossiiskoe popechitel'stvo po okhrane materinstva. K 100-letiyu so dnya osnovaniya [All-Russian Guardianship for the Protection of Mothers. On the 100th Anniversary of Its Foundation]. In *Pediatrics*. No. 12 (2), pp. 150–153.

Stites, R. (2004). *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nigilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930]. Moscow, ROSSPEN. 616 p.

Vokrug pisem komsomolok [On Komsomol Women's Letters]. (1926). In *Smena*. No. 16, p. 12.

Yablokov, E. A. (2005). Zloklyucheniya sovetskoï pastushki (Pastoral'nye motivy v p'ese A. Platonova "14 krasnykh izbushek") [The Hardships of a Soviet Shepherdess (Pastoral Motifs in A. Platonov's Play *Fourteen Red Huts*)]. In Yablokov, E. A. *Nereguliruemye perekrestki*. Moscow, Pyataya strana, pp. 150–162.

Yablokov, E. A. (2008). Razboiniki, ili Ottsy bez detei (Problemy i geroi p'esy "Duraki na periferii") [Robbers, or Fathers without Children (Issues and Heroes of the *Fools on the Periphery* Play)]. In Kolesnikova, E. N. (Ed.). *Tvorchestvo Andreyâ Platonova. Issledovaniya i materialy*. No. 4. St Petersburg, Nauka, pp. 157–167.

Yukina, I. I. (2007). *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge of Our Time] / ed. by Meleshko, T. A. St Petersburg, Aletheia. 544 p.

The article was submitted on 12.01.2017

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2017.4.269

УДК 902.34+069.44+27-788

**«НОВЫЙ» ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТ XV в.
ИЗ АРХИВА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ:
ДАТИРОВКА И АТРИБУЦИЯ***

Алексей Фролов

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**A “NEW” ECONOMIC DOCUMENT OF THE 15th CENTURY
FROM THE ARCHIVE OF THE TRINITY MONASTERY
OF ST SERGIUS: DATING AND ATTRIBUTION****

Alexei Frolov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article considers a document which has survived as an “inset” used during the restoration of act No. 221 (Documents of Socio-Economic History of North-Eastern Rus. Vol. 1). When it was published, it was dated back to the second half of the 16th century, and the toponyms mentioned in it correlated with the names of hamlet from different Russian regions which came to be owned by the Trinity Monastery of St Sergius at different times. Although the geographical position of the toponyms mentioned in the “inset” did not draw researchers’ attention, it gives us reason to reconsider the dating and attribution of the document. The author makes an attempt to localise the toponyms of the “inset”, which enables him to connect it to the settlement of Priseki in the Bezhetsk Upland. Judging by the handwriting of the document, it can be dated back to the 15th century. This does not contradict the history of the hamlet mentioned in the text, which came into the possession of the monastery according to a grant of 1440. The terminology of

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Северная Евразия на картах: от Птолея до современных ГИС-технологий», грант Российского научного фонда № 14-18-02121.

** *Citation:* Frolov, A. (2017). A “New” Economic Document of the 15th Century from the Archive of the Trinity Monastery of St Sergius: Dating and Attribution. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1093–1106. DOI 10.15826/qr.2017.4.269.

Цитирование: Frolov A. A “New” Economic Document of the 15th Century from the Archive of the Trinity Monastery of St Sergius: Dating and Attribution // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1093–1106. DOI 10.15826/qr.2017.4.269 / Фролов А. «Новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря: датировка и атрибуция // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1093–1106. DOI 10.15826/qr.2017.4.269.

the document (“dezha”, “kerb”) is archaic even for the mid-15th century and reflects the peculiarities of the vocabulary of the upper Volga region and Novgorod lands. It is also important to interpret single words to be able to attribute the text of the “inset”. A comparison of the text of the “inset” with the Novgorod birch bark manuscripts and other sources of the 14th – 16th centuries reveals a circle of documents it could belong to. The results make it possible to treat it as an allocation of peasant payments for the benefit of the monastery. The “inset” is not only a valuable source on the organisation of the economy of the estate of the Lavra of St Sergius: it also contains new data for studying the first stages of state cadastral practices.

Keywords: Trinity Monastery of St Sergius acts; Bezhetsk Upland; country revenues; dating; attribution.

Анализируются сведения документа, сохранившегося в виде «подклейки», использованной при реставрации грамоты № 221 (АСЭИ, т. 1). При публикации она была датирована второй половиной XVI в., а названные в ней топонимы соотнесены с деревнями разных регионов Руси, в разное время перешедшими Троице-Сергиеву монастырю, при этом географическое расположение названных в «подклейке» топонимов не привлекало внимания исследователей. Но именно оно дает основания для радикального пересмотра датировки документа и его атрибуции. Предпринятая автором локализация топонимов текста «подклейки» связывает ее содержание с троицкой вотчиной села Присеки в Бежецком Верхе, а по почерку, которым он написан, документ датируется серединой XV в. Это не противоречит истории упомянутых в тексте деревень, которые перешли монастырю уже по жалованной грамоте 1440 г. Терминология документа («дежа», «кербь») архаична даже для середины XV в. и отражает особенности лексики Верхневолжского региона и Новгородской земли. Большое значение для атрибуции текста «подклейки» имеет интерпретация отдельных слов. Сопоставление текста «подклейки» с новгородскими берестяными грамотами и другими источниками XIV-XVI вв. выявляет круг документации, к которому он мог принадлежать. Полученные результаты дают основания для интерпретации данного текста как записи о разверстке крестьянских платежей в пользу монастыря. «Подклейка» не только является ценным источником по вопросу об организации хозяйства одной из вотчин Троице-Сергиева монастыря, но и содержит новые данные для изучения древнейших этапов писцового дела.

Ключевые слова: акты Троице-Сергиева монастыря; Бежецкий Верх; крестьянские повинности; датировка; атрибуция.

Картографирование географической информации, заключенной в источнике, в русской исторической науке имеет давние традиции. Чаще всего оно применяется для раскрытия потенциала источника, расширения его информативных возможностей. Но иногда этот метод оказывается необходим для правильной атрибуции самого документа, для его источниковедческой характеристики.

Под № 221 в томе 1 известного трехтомника издана «жалованная тарханная, несудимая и оброчная грамота великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену Мартиниану на сс. Шухобалово и Микульское, в Суздальском у.». В связи с плохой сохранностью грамота была подклеена в нескольких местах. При подготовке к публикации И. А. Голубцов обнаружил на бумаге одной из подклеек текст, в связи с чем она была отделена от грамоты, а текст опубликован в виде приложения. В примечании указано, что это «писанный некрупным, архаизированным под устав почерком отрывок росписи оброков с троицких деревень, весьма интересный как по составу оброка, так и по применявшимся единицам измерения; лоскут вырезан из столбца несколько косо, поэтому верхние и нижние строки оказались срезанными наискось» [АСЭИ, т. 1, № 221].

Привожу текст документа по АСЭИ:

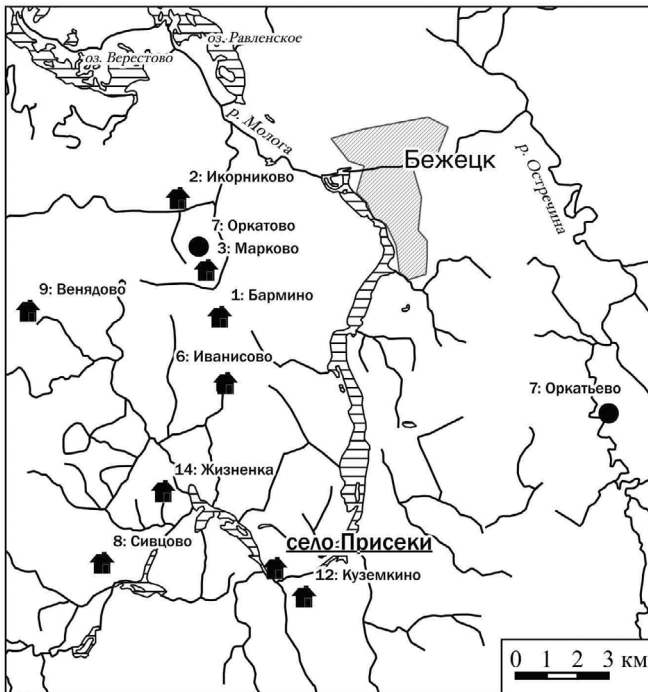
...кербн лну. А [с.....пшени]||ци, деж(а) хмел(ю), полот(ь). А с Бармина.....||деж(а?) пшеници, деж(а) хмел(ю), кербь лню, полот(ь). А с Корнилов(а)¹ ||2 деж(и) ржы, 2 деж(и) овса, деж(а) пшениц(и), деж(а) хмел(ю), полот(ь), пяток||лну. А с Марков(а) полтин(а). А с Малог(о) Дунилов(а) 5 бел. А с Чер||ноусова 2 деж(и) ржы, 2 деж(и) овса, [деж(а)] пшеници, 2||полти. А с Ыванисова 6 деж ржы, 6 деж овса, 3||деж(и) пшеници, 3 деж(и) хмел(ю), 3 полти, 3 кербн лну. А с А||ркатовьския деревни взят пят(ь) бел и за пят(ь) денги взят. ||А с Сивцева взят полтор(а) пуд(а) масла. А с Вел(ь)ядова 11 ||овчин, а зя пят(ь) денги взят. А с Яковцов безмен ||масла, а половин(а) пуста. А с Куракин(а) 17 бел. А с Кузе||мкин(а) 5 бел. А с Подики 4 белки. А ж Жижнеев(а) полпуд(а) масла ..... келарев грамот. А з Гузулин(а) 13 бел. А с трет .||..... бел погорел...

Публикаторы соотнесли топонимы из этого текста с названиями троицких деревень на реках Шексна и Воря, в Радонеже, Новоторжском, Солигаличском, Переяславском и Бежецком уездах. Именно на этом основана их датировка текста: некоторые из деревень монастырь получил еще в 1430-1440-х гг., другие упоминаются в монастырских актах 2-й половины XV в. Три позднейших даты - 7047, 7055 и 7082 г. (младшая дата относится к деревне Оркатьева в Бежецком уезде). Не настаивая на надежности отождествления, публикаторы отметили, что «указанные сведения предостерегают от слишком ранней датировки найденного отрывка, хотя он и писан весьма архаизированным почерком; такой почерк мог принадлежать м(онастыр)скому писцу богослужбных книг, посаженному за писание хозяйственной документации. Поэтому датируем пока данную роспись примерно 2-й половиной XVI в.» [АСЭИ, т. 1, с. 158].

Несмотря на всю условность предложенной атрибуции, в историографии она была принята, кажется, безоговорочно [Черепнин, с. 231; Черкасова, с. 295], фигурируя иногда и как свидетельство бытования архаичных явлений еще во 2-й половине XVI в. [Хорошкевич, с. 66].

¹ Читается неуверенно: может быть, Корниково? — прим. АСЭИ.

Версия о том, что в недрах огромного монастырского хозяйства возник документ, объединивший в 15 строчках оброки с нескольких деревень (1–3 двора) со всех концов Руси, кажется странной. Легко отказаться от нее позволяют результаты локализации селений и пустошей Бежецкого Верха по книге письма и меры Д. П. Свечина 1627–1629 гг. [РГАДА. Ф. 1209. Д. 24. Ч. 1]². Большинство селений из подклейки компактно располагается в троицкой вотчине вокруг села Присеки (в основном в северо-западном сегменте) Городецкого уезда (локализованы топонимы Бармино, Икорниково, Марково, Иванисово, Сивцово, Венядово, Куземкино, Жизненка писцовой книги; пока не локализованы, но описаны здесь же, в Городецком стане, Дунилово, Яковцово, Подойка, Гузулино, а пустошь Куракина была припущена к 1620-м гг. к самому селу Присеки (ил. 1))³.

Локализованные топонимы «подклейки» (по писцовой книге Д. П. Свечина 1627–1629 гг.) // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 24. Ч. 1

Localised toponyms of the "inset" (according to the cadastre of D. P. Svechin, 1627–1629) // RGADA. Stock 1209. Book 24. Part 1

² Специальная работа посвящена восстановлению правильного порядка листов рукописи [Фролов, в печати].

³ На карте топонимы пронумерованы в том порядке, в каком они перечислены в «подклейке». Отсутствующие на карте номера относятся к топонимам, которые локализовать пока не удалось. Более подробно изучить топонимику Бежецкого Верха XVI–XIX вв. можно благодаря ГИС-проекту, опубликованному в сети Интернет [Фролов, Голубинский].

Согласно той же книге, все перечисленные пункты монастырь получил по грамоте великого князя Дмитрия Юрьевича 6949 г. [РГАДА. Ф. 1209. Д. 24. Ч. 1. Л. 432], известной как данная грамота, с датой между 22 сентября и 5 декабря 1440 г. [АСЭИ, т. 1, № 164], а это дает нам все основания внимательнее отнестись к датировке почерка. Публикаторы определяли почерк как архаизированный, явно пытаясь примирить свою датировку с обликом документа. Л. В. Мошкова определила его как книжный полуустав XV в., по мнению А. А. Турилова, он, вероятнее всего, относится к середине XV в., но не позднее 1470-х гг. Таким образом, в виде подклейки к грамоте № 221 до нас дошел хозяйственный документ из архива Троицкого Сергиева монастыря середины XV в. Показательно, что и сама грамота № 221 датируется тем же временем (1448/49 гг.).

Отдельно следует рассмотреть вопрос о локализации топонима «Аркатовская деревня». Это единственное название, которое публикаторы связали с Бежецким Верхом, причем именно оно дало им и основание для датировки документа: «сыскная книга 131 г.», отразившая сведения о землях монастыря, не учтенных в писцовых книгах 1592-1594 гг., содержит следующую запись:

...На реке на Остречине село Ляхово, а к нему деревня Оркатьево, деревня Мохначево, деревня (пус) Рокшино, деревня Пустошь Ширково, (дрв) пустошь Лукинское, (дрв) (пус) Чернуха, || (дрв) Булгаково с лесы и с луги и со всякими угодья дачи Судока да Замятни Ивановых детей Мичюрина 7082-го году [ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 658. Л. 188, 188 об.].

Тот же пункт (уже как пустошь) описан и в писцовой книге Д. П. Свечина – в Каменском стане, хотя учтен как дача Паисия и Василия Мичуриных 7082 г. [РГАДА. Ф. 1209. Д. 24. Ч. 1. Л. 931 об.]⁴.

Такая атрибуция топонима «подклейки», однако, представляется ошибочной. От остального массива троицких деревень, перечисленных в ней, этот топоним Оркатьево отстоит более чем на 20 км к востоку. Правильнее связывать деревню Аркатовскую «подклейки» не с «пустошью Оркатьева на реке Остречине», а с «д. Марково, а Оркатово и Карпово тож» писцовой книги Д. П. Свечина [РГАДА. Ф. 1209. Д. 24. Ч. 1. Л. 935 об.], расположенной поблизости от нескольких троицких деревень, упомянутых в «подклейке» (ближайшие – Марково, Бармино, Икорниково). Впрочем, переход к Троицкому монастырю этой деревни писцовая книга Д. П. Свечина датирует еще позже, 7086 г., так что проблему поздней датировки переатрибуция топонима не решает.

---

⁴ Ошибка составителя писцовой книги объясняется контаминацией данных о даче Судока и Замятни Мичуриных 7082 г. с данными о даче Паисия и Василия Мичуриных 7078 г.: сохранилась вкладная грамота старца Паисея и Василия Алексеевых детей Мичурина по приказу отца их «по своим родителем и по своим душам» 7078 г. [РГАДА. Ф. 281. Бежецк. Д. 1280/176].

Возможных причин упоминания Аркатовской деревни в документе середины XV в. среди троицких владений может быть несколько. Троицкому монастырю могло принадлежать не само селение, известное писцовой книге 1627–1629 гг. как «деревня Марково, а Оркатово и Карпово тож», а прилегающая к ней выставка. Поэтому в «подклейке» соответствующий платежный объект назван не «Аркатово» (по модели, использованной во всех остальных случаях), а «Аркатовская деревня».

Однако еще более вероятно другое объяснение. Это селение могло не один раз переходить от монастыря к другим землевладельцам и обратно, а в середине XV в. оно было монастырским. Такова судьба, например, соседней деревни Икорниковой, упомянутой в «подклейке» (прочтенной как «Корнилова» или «Корникова»), которая вместе с другими селениями передавалась монастырю по данной угличского князя Андрея Васильевича Большого, хотя за несколько десятилетий до этого они были куплены в монастырь у князя Дмитрия Александровича Щепы-Ростовского [АСЭИ, т. 1, № 147, 148, 367]. Да и само село Присеки (с прилегающими деревнями) по меньшей мере дважды передавалось Троицкому монастырю [Назаров, с. 84–92]. То, что и Аркатовская деревня была троицкой задолго до 7086 (1577/78) г., доказывается монастырской выписью, сделанной в середине 1530-х гг. из писцовой книги, которая датирована публикатором временем около 1520 г. [Акты Русского государства, № 190]. В выписи среди монастырских деревень, расположенных к северу от села Присеки (что соответствует положению только «деревни Марково, а Оркатово и Карпово тож»), находим и деревню Аркатовскую [Там же, с. 187].

Содержание дошедшего до нас в виде «подклейки» хозяйственного документа середины XV в. из архива Троицкого Сергиева монастыря также требует комментария. Отмечу сначала своеобразную терминологию документа. Слово «дежа» в значении меры объема зерна многократно встречено в новгородских берестяных грамотах с датами в диапазоне от 1120-х до 1400-х гг. и трактуется как синоним общерусского термина «кадь» [Бассальго, с. 303; Зализняк, с. 626]. «Дежа» (как и «кадь») постепенно вытесняется появившейся в XIV в. «коробьей» (вдвое меньшего размера), так что «подклейка» фиксирует довольно архаичную терминологию, ранее активно применявшуюся в Новгороде. Это обстоятельство следует соотносить с былой принадлежностью части Бежецкого Верха Новгороду⁵, причем на землях, вошедших в троицкую вотчину села Присеки, следы былой новгородской юрисдикции задокументированы жалованными грамотами середины XV в. [Назаров, с. 90–92]⁶. С другой стороны, слово

⁵ Дата перехода новгородских земель Бежецкого Верха князьям московского дома точно не известна, но в первой половине XV в. Новгород полностью утратил контроль над этим регионом.

⁶ Еще в 1577 г. от владычного подъезда и других церковных пошин села Присеки освобождал новгородский архиепископ, что указывает на принадлежность его вплоть до этого времени к Новгородской епархии.

«кербь» служило в регионе для определения количества льна до последнего времени: в районе Костромы и Нерехты оно зафиксировано еще в XIX в. [Даль, с. 105], а в Пестовском районе Новгородской области, на который приходится северо-западная окраина исторического Бежецкого Верха, оно использовалось и во второй половине XX в. [Новгородский областной словарь, с. 39].

В тексте поименованы селения и указан доход, который с них следует. Доход описан по одной из двух формул: а) простое перечисление («А с Малого Дунилова 5 бел») – девять случаев; б) с употреблением слова «взят» («А с Сивцева взят полтора пуда масла») – четыре случая⁷. Формула описания нескольких селений неизвестна из-за утрат текста. Публикаторы воздержались от интерпретации слова «взят», где выносная «т» оставляет возможность для прочтения и как «взято», и как «взяти». Но определение места этого текста среди хозяйственных документов русской деревни без принятия одного из двух вариантов невозможно. Попробуем выбрать из двух наиболее вероятное прочтение.

Трактовка слова «взят» как обозначающего уже свершившееся действие в двух случаях из четырех предполагает здесь даже не «взято», а «взяти»: чтение «денги взято» кажется несколько противоестественным. Однако, хотя употребление такой конструкции и кажется маловероятным, в источниках все же оно встречается: «Д. Думино: выть без щетверти; холсты и лен и нити и ничаницы взято» [Материалы, с. 73]. Таким образом, чтение «взято» (или «взяти») влечет за собой отнесение текста «подклейки» к платежной документации, призванной зафиксировать состоявшийся факт поступления дохода в монастырскую казну. Помимо только что процитированной книги сбора с крестьян Краснохолмского Антониева монастыря 1586/87 г., известны и другие подобные книги того же монастыря, датируемые XVI–XVII вв.: записей сбора оброка и корма 1560/61 г.⁸; денег за плотников, мельников и кирпичников – доход 1560/61 г.⁹; оброка, корма и за мельников, плотников и кирпичников – хлеб 1564 г. (январь)¹⁰; оброка, корма и других платежей 1564 г. (декабрь)¹¹ и др. Известен весьма сходный по характеру хлебный оброчник Кирилло-Белозерского монастыря 1599 г. [Вотчинные хозяйственные книги, с. 336–356]¹².

⁷ Если считать за два случая употребление слова дважды в связи с деревней Аркатовской.

⁸ Например: «Д. Волчиха: пол-2 выти; оброк и корм плачен» [Материалы, с. 9].

⁹ Например: «Д. Волчиха: пол-2 выти; взято 9 денег» [Материалы, с. 13].

¹⁰ Например: «Д. Волчиха: полторы выти; оброку и корму, и за мельников и за кирпичников и за плотников хлеб взято 5 алтын полпяты деньги» [Материалы, с. 30].

¹¹ Например: «Д. Волчиха: пол-2 выти; оброк и корм, и за всякой доход за монастырской заплатили 23 алтыны полторы деньги» [Материалы, с. 46].

¹² Например: «Д. Долгое 4 выти. У старосты у Малышки Тимофеева взято оброку 2 чети бес полуосмины ржы да пол-5 чети овса, да осмина пшеницы» [Вотчинные хозяйственные книги, с. 336].

Однако от версии о тексте «подклейки», фиксирующем факт взимания дохода, приходится отказаться из-за некоторых, на мой взгляд, очень важных различий. Во-первых, отличительной особенностью всех приведенных в качестве возможных аналогий документов является регулярность отметки «взято», чего нет в комментируемой «подклейке». Во-вторых, и это главное, совершенно естественно, что основной задачей документов, учитывающих фактические платежи, являлась фиксация конкретных цифр, характеризующих собранные материальные ценности. Но автор текста «подклейки» позаботился о том, чтобы оговорить, *за что* было взято деньгами, и при этом не удосужился указать, *сколько* было взято. Получается, его внимание привлекало не то, сколько в результате получили, а то, за что брали.

Поэтому я полагаю, что принять следует второй из вариантов, «взять»: в контексте всей записи она имеет определенный смысл, на который намекает упоминание «келаревой грамоты» в конце одного из предложений. В «келаревой грамоте» следует видеть документ, освобождающий крестьянина от платежей в пользу монастыря. Видимо, речь шла о временной льготе, по которой брать доход не следовало. То есть «подклейка» перечисляет, во-первых, деревни, где вопрос «взять» или «не взять» неактуален (типичные деревни, которые платят), и, во-вторых, деревни, где этот вопрос стоит, и одни деревни платить должны (к примеру, по завершении предоставленной ранее льготы), а другие, возможно, нет (в случае ее продления).

Вопрос, мог ли автор текста иметь предварительное четкое представление о том, в денежной или натуральной форме будет получен причитающийся монастырю платеж, решается положительно. Дело в том, что, судя по формулировкам древнейших писцовых книг (рубежа XV–XVI вв.), форма взимания дохода оставлялась на усмотрение его адресата – исходя из текущих потребностей: «а нелюб волостелю корм, ино за полоть мяса 7 денег, за боран 7 денег...» [НПК, т. 2, стб. 702]; «А которого году князь великий не велит имать с своих волостей хлеба и мелкого доходу, а велит имать за хлеб и за мелкой доход денгами, ино имать за коробью пшеницы гривна новгородская...» [НПК, т. 4, стб. 227]. Сразу отмечу, что в последнем примере глагол «имать» встроен в конструкцию, чрезвычайно напоминающую текст «подклейки» (ср.: «А с Вел(ь)ядова 11 ||овчин, а зя пят(ь) денги взят[и]») с тем различием, что в нем речь идет об общих цифрах с группы деревень, а не о каждой деревне в отдельности.

Подыскивая круг текстов, сходных по содержанию с «подклейкой», нельзя пройти мимо новгородских берестяных грамот. Весьма близок к ней текст грамоты № 1 (внестратиграфическая дата – 1380-е – 1400-е гг.), в которой записан размер «позема» и «дара» в пользу хозяев городской усадьбы (в основном в белых, но фигурируют также полти мяса, кади солода, ржи и овса), поступавших с ряда селений, обозначенных по именам крестьян [Арциховский, Тихомиров, с. 16–20; Зализняк, с. 648–649]. Принципиальное отличие заключается

в том, что о поступлении указанных доходов говорится в прошедшем времени («...*(и)*ю¹³ и Фоме *шло* и дару и позема трицать и три бел, а с Лути(янова села *шло* и п)озема и дару (по бел)ке, а Сменова села *шло* и позема и дару...» и т. д.). Значит, демонстрируя общность с «подклейкой» в структурировании информации, грамота № 1 представляет другую разновидность внутривотчинного хозяйственного документа.

Текст грамоты № 1 может быть сопоставлен со сведениями о доходах, которые помещены в новгородских писцовых книгах рубежа XV–XVI вв., составлявшихся правительством для нужд государственного учета и обложения. Прежде мне приходилось обосновывать тезис о том, что сведения о доходах в писцовых книгах имеют иное происхождение, нежели данные о государственном налогообложении. В древнейшую из сохранившихся – книгу Деревской пятины – они попадали из частных архивов в момент конфискации земли или выяснялись специальной комиссией в связи с конфискацией [Фролов, 2010, с. 227–262]¹⁴. В прошедшем времени о взимаемых доходах говорится, как правило, при подведении итогов по владению (например: «А старого дохода *шло* монастырю денгами со всей волости и за рыбную ловлю...» [НПК, т. 2, стб. 701]), но именно старый доход итогов обычно соответствует тому доходу, который указан при описании каждой деревни¹⁵.

Документ, сохранившийся в виде двух новгородских берестяных грамот № 320/337 (уточненная стратиграфическая дата – 1310-е – 1330-е гг.), содержит список повинностей, собираемых с земледельцев, названных по именам. Повинности представлены в денежном выражении и «дежами» и «улками» зерна (ржи и ячменя)¹⁶. Такой же список представлен грамотой № 161 (стратиграфическая и внестратиграфическая даты – 1410-е – начало 1420-х гг.), но здесь поименованы крестьяне, с которых взимается только рожь (в кадах)¹⁷. В один документальный комплекс с грамотами № 320/337 входит грамота № 322. Она сообщает об итоге, измеренном значительным объемом хлеба, – 495 деж и какой-то денежной сумме, отмечая, что «росписи (разверстки) нет ни для денег, ни для зерна» [Арциховский, 1963, с. 13; Зализ-

¹³ В. Л. Янин предложил весьма вероятную конъектуру «Тимофию», учитывающую имя одного из владельцев усадьбы, где найдена грамота [Янин, Зализняк, с. 220].

¹⁴ В книгах Шелонской и Водской пятин, составленных чуть позже, этими данными снабжены уже и описания вотчинных владений, что, возможно, является следствием унификации требований к писцам по мере накопления практического опыта.

¹⁵ Ср., например: «Д. над Лучаном озером: д. Фефилатко, дв. Ивонка Насоновы, сеет ржи пол-4 коробы, а сена косят 20 копен, обжа; дохода гривна, пол-2 коробы ржи, пол-2 коробы овса, четвертка пшеницы, четвертка ячмени, пол-четвертки гороху, пол-четвертки конопель, пол-четвертки хмелю, 2 сажени дров, острамок сена, 2 горсти лну; ключнику денга, четверка ржи, овчина» [НПК, т. 2, стб. 799–800].

¹⁶ Например: «...У Милогостя [ржи] пол-пять дежи, овса полдежи, а денег 40 резан...» [Арциховский, с. 9–11, 26; Зализняк, с. 527].

¹⁷ Например: «...Филимон 3 кади ржи... у Обакунца 2 кади ржи...» и т. д. [Арциховский, Борковский, с. 43–46; Зализняк, с. 669].

няк, с. 528]. Таким образом, документ из грамот № 320/337, как отметил А. А. Зализняк, эту разверстку и представляет. Среди берестяных текстов есть и другие свидетельства существования разверстки платежей в пользу владельца между членами одного коллектива¹⁸.

Мне представляется, что именно к данной разновидности внутривотчинной документации и относится «подклейка». При такой трактовке умолчание о фактической денежной сумме, на которую должен быть заменен натуральный платеж, легко объяснимо: она была зафиксирована в специальном документе и, с точки зрения предназначения текста «подклейки», имела второстепенное значение. Возможно, промежуточный, черновой характер росписей дохода и объясняет то, почему среди русских бумажных и пергаменных текстов XIV–XV вв. не встречено аналогов рассмотренному тексту «подклейки».

Зато документы, регулирующие в целом размеры платежей крестьян в пользу сеньора, достаточно хорошо известны. Например, подлинная рядная крестьян Робичинской волости с Юрьевским монастырем о повинностях и дарах, написанная на пергамене в период между 1460 и 1470 г., определяет обязанность крестьян робичичан «давати им (представителям монастырских властей. – А. Ф.) успы в житницу 30 коробеи ржи, 30 овса, в правую меру в новгородскую» [Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 115]¹⁹. Сохранились подобные документы и на бересте²⁰.

При смене землевладельца нормы платежей с крестьян, по всей видимости, мало менялись. Они могли фиксироваться в актовом материале. Например, известна указная грамота угличского и звенигородского князя Андрея Васильевича Большого игумену Саввино-Сторожевского монастыря Дионисию, выданная 30 января 1490 г., где указана норма платежей в пользу обителя «на Рожество Христово за дань и за все пошлины с десятины по пяти алтын, да по десяти гривенок масла, да по два сыра, да по овчине; да на Велик день по пятидесят яиц; а с Дубацина да с Белдина емли с десятины по гривне, а масло и сыры и яйца и овчины емли по тому ж...» [АСЭИ, т. 3, № 60]. Надо полагать, эта грамота воспроизводила формулировки предшествующих, поскольку села Белдино и Дубацино были даны в монастырь еще в начале XV в. князем Юрием Дмитриевичем [АСЭИ, т. 3, № 53]. В XVI в. сведения о нормах крестьянских платежей фиксируются

---

¹⁸ Например, грамота № 99 (стратиграфическая дата – 1340–1360-е гг.): «Поклон от Ондрика (?) Онцифору. Ты даешь распоряжение о рыбах. Смерды же не платят мне без разверстки, а ты не послал человека с грамотой. А что касается твоего старого недобора, пришли жеребьи (то есть запись о распределении долей)» [Зализняк, с. 552].

¹⁹ Датировка по кн.: [Янин, с. 223].

²⁰ Грамота № 136 (стратиграфической даты нет, внестратиграфическая дата – 2–4-я четверть XIV в. См.: [Арциховский, Борковский, с. 76–78; Зализняк, с. 594]); грамота № 406 (стратиграфической даты нет, внестратиграфическая дата – середина XIV – начало XV в.) – это черновик договора с сеньором, содержащий предложение, исходящее от крестьянского коллектива, и инструкцию переговорщику о возможных уступках (см.: [Арциховский, Янин; Зализняк, с. 593; Гиппиус, с. 198]).

в уставных и указных грамотах монастырских властей XVI в. [Акты археографической экспедиции, с. 425], а также во внутренней учетной документации [Книга ключей, с. 158–159; Вотчинные хозяйственные книги, с. 133–310; Дмитриева, с. 9–23].

Текст «подклейки» к грамоте № 221, таким образом, представляет собой фрагмент уникального исторического документа середины XV в. Он не только является ценным источником по вопросу об организации хозяйства одной из вотчин Троице-Сергиева монастыря, но и содержит новые данные для изучения древнейших этапов писцового дела.

Список литературы

Акты археографической экспедиции : в 4 т. СПб. : Тип. 2 отд. собственной с. и. в. канцелярии, 1836. Т. 1. XV + 531 с.

Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М. : Наука, 1975. 436 с.

Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 328 с.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 152 с.

Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 68 с.

Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1978. 192 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси : в 3 т. / под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. 804 + 729 + 687 с.

Бассальго Л. А. Новгородские писцовые книги рубежа 15–16 вв. : справочник по статьям доходов, мерам и ценам // Писцовые книги Новгородской земли : в 5 т. / сост. К. В. Баранов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. С. 297–335.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. : в 3 вып. / под ред. А. Г. Манькова, сост. А. Х. Горфункель, З. В. Дмитриева. Вып. 2. М. ; Л. : Ленинград. отд. Ин-та истории СССР, 1983. С. 133–310.

Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М. : Рус. словари, 2004. С. 183–232.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 408 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Терра, 1994. Т. 2. И–О. 784 с.

Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 344 с.

Зализняк А. А. Древненогородский диалект. М. : Языки славян. культуры, 2004. 870 с.

Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века / под ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 172 с.

Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI века : сб. документов / сост. А. Г. Маньков. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1955. 104 с.

Назаров В. Д. О проездном суде наместников в средневековой Руси // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования. 1987 год / отв. ред. А. П. Новосельцев. М. : Наука, 1989. С. 84–92.

Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новгород. пед. ин-та, 1993. Вып. 4. К. 192 с.

Новгородские писцовые книги : в 6 т. СПб. : Сенат. тип., 1859–1910. Т. 2. 890 стлб. Т. 4. 960 стлб. (НПК).

ОР РГБ. Ф. 303. Д. 658.

РГАДА. Ф. 1209. Д. 24. Ч. 1; Ф. 281. Бежецк. Д. 1280/176.

Фролов А. А. Источники ретроспективной информации писцовой книги новгородской Деревской пятины конца XV в. (сведения о доходах) // Очерки феодальной России. Вып. 14 / сост. С. Н. Кистерев. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. С. 227–262.

Фролов А. А. Писцовая книга Бежецкого Верха 1627–1629 гг. письма и меры Д. П. Свечина: кодикологическое исследование // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2 / сост. Б. Л. Фонкич. М. : Ин-т всеобщей истории. (В печати).

Фролов А. А., Голубинский А. А. Геоинформационная система «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // РГАДА [официальный сайт]. URL: <http://rgada.info/index.php?page=12> (дата обращения: 23.12.2016).

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 365 с.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках : Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М. : Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков : (По архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. : Древлехранилище, 2004. 395 с.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. : хронол. коммент. М. : Наука, 1991. 382 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М. : Наука, 1986. 309 с.

References

Akty arkheograficheskoi ekspeditsii, in 4 vols [Acts of the Archeographic Expedition. 4 vols.]. (1836). Vol. 1. St Petersburg, Tipografiya vtorogo otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii. XV + 531 p.

Artsikhovskii, A. V. (1963). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.)* [Novgorod Birchbark Writings (from Excavations of 1958–1961)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 328 p.

Artsikhovskii, A. V., Borkovskii, V. I. (1958). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955 g.)* [Novgorod Birchbark Writings (from Excavations of 1955)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 152 p.

Artsikhovskii, A. V., Tikhomirov, M. N. (1953). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1951 g.)* [Novgorod Birchbark Writings (from Excavations of 1951)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 68 p.

Artsikhovskii, A. V., Yanin, V. L. (1978). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod Birchbark Writings (from Excavations of 1962–1976)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 192 p.

Bassalygo, L. A. (1999). *Novgorodskie pistovye knigi rubezha 15–16 vv.: spravochnik po stat'yam dokhodov, meram i tsenam* [Novgorod Cadastral Books of the Turn of the 16th Century: Catalogue of Income Items, Measures and Prices]. In Baranov K. V. (Ed.). *Pistovye knigi Novgorodskoi zemli, in 5 vols*. Vol. 2. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 297–335.

Cherepnin, L. V. (1960). *Obrazovanie Russkogo tseentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi* [Formation of the Centralised Russian State in the 14th–15th Centuries: Essays in the Social, Economic and Political History of Russia]. Moscow, Sotsekgiz. 899 p.

Grekov, B. D., Cherepnin, L. V. (Eds.). (1952–1964). *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi, in 3 vols.* [Acts of Social and Economic History of North-eastern Rus', 3 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 804 + 729 + 687 p.

Cherkasova, M. S. (2004). *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii kontsa XVI–XVII vekov (Po arkhivu Troitse-Sergievoi Lavry)* [Large Feudal Landholdings in Russia of the Late 16th–17th Century (with Reference to the Trinity Lavra of St Sergius Archive)]. Moscow, Drevlekhranilishche. 395 p.

Dahl, V. I. (1994). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka, in 4 vols.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 vols.]. Vol. 2. I–O. Moscow, Terra. 784 p.

Dmitrieva, Z. V. (2003). *Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XVI–XVII vv.* [“Vytnye” and “Opisnye” Books of Kirillo-Belozersky Monastery, 16th–17th Centuries]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 344 p.

Frolov, A. A. (2010). *Istochniki retrospektivnoi informatsii pistsovoi knigi novgorodskoi Derevskoi pyatiny kontsa XV v. (svedeniya o dokhodakh)* [Retrospective Data Sources of the Cadastral Book of the Novgorod Derevskaya Pyatina of the Late 15th Century (Data on Incomes)]. Kisterev, S. N. (Ed.). *Ocherki feodal'noi Rossii*. Iss. 14. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo, pp. 227–262.

Frolov, A. A. (in print). *Pistsovaya kniga Bezhetskogo Verkha 1627–1629 gg. pis'ma i mery D. P. Svechina: kodikologicheskoe issledovanie* [Cadastral Book of the Bezhetsk Upland of 1627–1629. Letters and Measures of D. P. Svechin: Codicological Study]. In Fonkich, B. L. (Ed.). *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny*. No. 2. Moscow, Institut vseobshchei istorii.

Frolov, A. A., Golubinskii, A. A. (N. d.). *Geoinformatsionnaya sistema “Istochniki po istoricheskoi geografii Bezhetskogo Verkha”* [Geoinformation System “Sources on the Historical Geography of the Bezhetsk Upland”] // RGADA [website]. URL: <http://rgada.info/index.php?page=12> (mode of access: 23.12.2016).

Gippius, A. A. (2004). *K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestyanykh gramot* [On the Pragmatics and Communicative Organisation of Birchbark Writings]. In Yarin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow, Russkie slovari, pp. 183–232.

Khoroshkevich, A. L. (1963). *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV–XV vv.* [The Trade of Veliky Novgorod with Baltic Countries and Western Europe]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 365 p.

Man'kov, A. G. (Ed.). (1955). *Materialy po istorii krest'yan v Russkom gosudarstve XVI veka: sbornik dokumentov* [Materials on the History of Peasants in the 16th-century Russian State: Collection of Documents]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 104 p.

Man'kov, A. G., Gorfunkel', A. Kh., Dmitrieva, Z. V. (Eds.). (1983). *Votchinnye khozyaistvennye knigi XVI v.: vytnye knigi, khlebnye obrochniki i perepisyvaya kniga votchin Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1559–1601 gg., in 3 iss.* [Fiefdom Economic Books of the 16th Century: “Vytnye” Books, Breadstuff Quitrent Books and the Census Book of Fiefs of Kirillo-Belozerskii Monastery, 1559–1601. 3 iss.]. Moscow, Leningrad, Leningradskoe otделение Instituta istorii SSSR, pp. 133–310.

Nazarov, V. D. (1989). *O proezdnom sude namestnikov v srednevekovoi Rusi* [On the Transitional Court of Viceroys in Medieval Rus]. In Novosel'tsev, A. P. (Ed.). *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR: materialy i issledovaniya. 1987 god.* Moscow, Nauka, pp. 84–92.

Novgorodskie pistsovye knigi, in 6 vols. [Novgorod Cadastral Books. 6 vols.]. (1859–1910). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. Vol. 2. 890 stlb. Vol. 4. 960 stlb.

OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 303. Dossier 658.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Documents]. Stock 1209. Dossier 24. Part. 1; Stock 281. Bezhetsk. Dossier 1280/176.

Strogoва, V. P. (Ed.). (1993). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod Regional Dictionary. Iss. 4. K.]. Iss. 4. K. Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo pedinstituta. 192 p.

Tikhomirov, M. N., Zimin, A. A. (Eds.). (1948). *Kniga klyuchei i dolgovaya kniga Volokolamskogo monastyrya XVI veka* [Book of Keys and Debt Book of Volokolamsk Monastery, 16th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 172 p.

Valk, S. N. (Ed.). (1949). *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Acts of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 408 p.

Veselovskii, S. B. (Ed.). (1975). *Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 gg.* [Acts of the Russian State, 1505–1526]. Moscow, Nauka. 436 p.

Yanin, V. L. (1991). *Novgorodskie akty XII–XV vv.: khronologicheskii kommentarii* [Novgorod Acts of the 12th–15th Centuries: Chronological Comments]. Moscow, Nauka. 382 p.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [The Novgorod Birchbark Writings (from Excavations of 1977–1983)]. Moscow, Nauka. 309 p.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 870 p.

The article was submitted on 12.01.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.270

УДК 94(470)"1689/1725"+929Петр(470)*1+316.462

WHEN DID PETER THE GREAT ORDER BEARDS SHAVED?* **

Evgeny Akelev

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

At first glance, the question of the exact date of the beard shaving decree might seem insignificant or too narrow. In reality, however, this tiny issue could play an important role in discussions of how Russia was transformed in the late seventeenth and early eighteenth centuries. Oddly enough, there is no consensus on the date when Peter ordered his subjects to shave their beards in scholarly literature. The author of this article summarises all the available sources on this subject, both those previously used by historians and those he has uncovered, including documents from Peter's personal chancellery, the Privy Chancellery, the Moscow chancelleries and local authorities, as well as testimonies of contemporaries (Zhelyabuzhskii's diary, the autobiography of Prince Boris Kurakin, the diary of Johann Georg Korb, etc.). The author concludes that, on the one hand, the introduction of beard shaving was apparently conceived by Peter the Great during his Grand Embassy or immediately afterwards. On the other hand, considerable tangential evidence and financial accounts of the Moscow chancelleries confirm that a formal prohibition on wearing beards apparently had not existed before the decree of January 1705. Consequently, the author assumes that beard shaving was gradually introduced in Russia. Peter first planted the idea in the minds of members of the elite through playful shaving spectacles and personalised oral decrees, allowing its diffusion among ever widening circles of people. By the end of 1704, Peter might have concluded that his subjects were prepared for a legislative ban on maintaining a beard. Indeed, by the time Peter's famous 1705 decree was announced in Russian cities, many of his subjects had already parted with their facial hair, and they did so voluntarily.

Keywords: Peter the Great; the Petrine epoch; cultural reforms; beard shaving; power and society; everyday practices.

Вопрос о точной дате указа о бритье только на первый взгляд может показаться слишком узким и малозначительным. Ответ на этот частный

---

* The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2016–2017 (grant № 16–01–0100) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

** *Citation:* Akelev, A. (2017). When Did Peter the Great Order Beards Shaved? In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1107–1130. DOI 10.15826/qr.2017.4.270.

Цитирование: Akelev A. When Did Peter the Great Order Beards Shaved // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1107–1130. DOI 10.15826/qr.2017.4.270.

вопрос может играть немаловажную роль в модели преобразования России конца XVII – первой четверти XVIII в. В научной литературе нет точного однозначного ответа на вопрос, когда Петр I указал своим подданным брить бороды. В статье обобщаются все имеющиеся на этот счет источники, как известные, так и вновь открытые: документы Кабинета Петра I, Ближней канцелярии, московских приказов и органов местного управления, а также свидетельства современников («дневные записки» Желябужского, автобиография князя Б. И. Куракина, дневник И. Корба др.). Показано, что, хотя введение брадобрития в России было задумано Петром I во время Великого посольства или сразу после него, многие косвенные данные и комплекс финансовых отчетов московских приказов позволяют уверенно утверждать, что формального всеобщего запрещения ношения бороды не существовало до знаменитого указа января 1705 г. Полученные данные позволили сделать вывод о постепенном характере введения брадобрития в петровской России. Оно насаждалось сначала в элитарной среде посредством шутовских брадобритий и персональных устных указов, а затем по цепочке распространялось и в более широких кругах. Возможно, к концу 1704 г. Петр I пришел к мысли о том, что его подданные уже достаточно подготовлены к запрещению ношения бород на уровне законодательства. Действительно, к моменту, когда в 1705 г. в российских городах был оглашен знаменитый указ Петра, многие его подданные уже успели расстаться со своими бородами, причем совершенно добровольно.

Ключевые слова: Петр Великий; Петровская эпоха; культурные реформы; брадобритие; власть и общество; повседневные практики.

The question posed in this article's title might surprise readers. Indeed, there is a massive amount of popular and academic literature on Peter the Great, and it is the rare historian who has ignored such landmark reforms as the shaving of beards and the transition from the traditional national mode of dress to the Western European style, which have become emblematic of the Petrine cultural revolution and Peter's reforms generally. Is it necessary to write a scholarly article about the date when Peter ordered his subjects to shave their beards when answering this question requires merely cracking open any book on Peter or grabbing a dusty old textbook from off the shelf?

Oddly enough, however, there is no consensus on the issue in the scholarly literature. Some historians, such as Nikolai Ustrialov, Sergei Solovyov, and Grigorii Esipov, agreed that the decree on beard shaving was issued immediately after Peter returned from his Grand Embassy in September 1698. They were not troubled by the fact that the first known decree on beard shaving dates only to 1705 [ПСЗ. Т. 4. № 2015]: they believed the original decree had simply not been found [Устрялов, т. 3, с. 195; Есипов, т. 2, с. 163, 174; Михневич, т. 2, 79; Винклер, с. 168; Чижов, с. 333–334; Руденко, Мицкевич, с. 44–46]. According to a second point of view, voiced by Evgeny Anisimov and Anatoly Shashkov, the first decree on beard shaving was promulgated in 1700, along with the famous decree on European dress of 4 January 1700 [ПСЗ. Т. 4. № 1741], while the decree issued on

16 January 1705 was merely a reiteration [Anisimov, p. 218–219; Шашков, с. 301]. Finally, there is a third scholarly opinion: that the 16 January 1705 decree was the first decree on beard shaving [Hughes, p. 24; Акельев, Трефилов, с. 156–157].

At first glance, the question of the exact date of the beard shaving decree might seem insignificant or rather narrow. In reality, however, this tiny issue could play an important role in discussions of how Russia was transformed in the late seventeenth and early eighteenth centuries. This is clearly illustrated by Solovyov's conception, according to which the Petrine reforms were a well-planned and thoroughly conceived programme for Europeanizing Russia. Solovyov argued that the introduction of beard shaving occupied a special place because it marked the beginning of the active phase of Europeanization. Returning from the Grand Embassy in late August 1698, Peter realized the rebellious *streltsy* (musketeers) were 'only an armed force, backed by a mass of people hostile to reform'. But Peter was 'ready to fight to the death; he [was] aroused, boiling; he would stop at nothing; he would attack, seize, and trample the banner of his enemies. This banner was the beard, this banner was the old long dress'. It was no accident that Peter launched the Europeanization of Russia by transforming the external appearance of his subjects. Solovyov explains it as follows: 'Man tries to express his state of mind, feelings, views, and aspirations mainly in his appearance, clothing, and hairstyle. Once the superiority of the foreigner and the duty to learn from him has been recognized, imitation immediately manifests itself, naturally and necessarily beginning with appearance, with clothing and hair dressing'. During the 'first movement towards the West' in the reign of Boris Godunov, Russians began imitating the outward appearance of Europeans. Beard shaving emerged then as well. This, however, provoked a reaction among adherents of the old ways against 'foreign, prodigal, and disgusting practices'. Thus, 'the beard was made a banner in the struggle between the two parties, and it [was] clear that when the party of the new won, its first act would be to bring down the enemy banner'. Hence, it was no accident that the Petrine reforms, aimed at Europeanizing Russian, had begun with beard shaving and exchanging the Russian manner of dress for the European dress. 'Entering the European arena, one naturally had to wear European dress as well, [since] it was a question of which family of nations to belong to, European or Asian, and, accordingly, of wearing the clothing and sign of this family' [СОЛОВЬЕВ, т. 7, с. 549–550; т. 8, с. 100–101].

Countermarked beard tax token. 1705

If, however, we imagine the introduction of beard shaving in Russia dates not to 1698 but to 1705, the picture Solovyov paints cannot be historically accurate. Indeed, if Peter had ordered beards shaved after reforming the municipal administration, introducing a new calendar, reforming the army, founding St Petersburg, and effecting other changes, then perhaps beard shaving did not have such central significance for him? Perhaps he did not have such a principled, rigid attitude to the issue? Perhaps the Europeanization of his subjects' appearance was implemented not as abruptly as Solovyov imagined, but gradually, calmly, and carefully, in several stages?

In this article, I will try to answer the question of when exactly Peter the Great issued the decree on compulsory beard shaving for his subjects.

* * *

First of all, I must define the chronological limits of my search. We can identify two dates that clearly demarcate the introduction of beard shaving in Russia. The first is 26 August 1698, the date of Peter's return from his Grand Embassy, when, according to a report made by the Austrian envoy Guarient and the diary of his secretary, Korb, the tsar personally cut the beards of the boyars who had come to greet him. Beard shaving could not have been introduced earlier than this date. There are several pieces of indirect evidence that corroborate this. One of them is found in the case of Abbot Avraamii of the Andreevsky Monastery.

In late December 1696 or early January 1697, Abbot Avraamii sent Peter the Great a letter in which he criticized the autocrat's actions. After reading it, the tsar ordered Avraamii's immediate arrest. The investigation, conducted at the Preobrazhenskoe Chancellery from January to March 1697, revealed that Avraamii's text had been inspired by conversations with friends and acquaintances who had visited him in his monastery cell. Several of them – clerks Ignatii Bubnov, Nikifor Krenev, and Kuzma Rudnev, and peasants Ivan and Roman Pososkhov – were arrested. The investigation concluded the men had criticized the tsar for 'obscene amusements,' 'jokes and deeds displeasing to God... which he ought to forbid his subjects, but which he perpetrates himself',¹ unfair trials, bribery and red tape in the chancelleries, and the fact that the tsar had become 'immensely stubborn,' did not heed or take any 'good advice' from his mother, wife, confessor, and others, and did not 'deign to live' in his palace in Moscow. It is worth noting, however, that neither Avraamii's letter nor the case files contain any mention of beard shaving and replacing Russian dress with European clothing [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 484. Л. 4–34; Бакланова, с. 145–146; Голикова, 1957, с. 77–86; Cracraft, p. 19–20].

We must now identify the second date that will help us establish the period during which beard shaving was introduced in Russia. The first known decree on beard shaving is dated 16 January 1705. (I have been unable to

¹ Avraamii had in mind Peter's Unholy Council (for more details, see: [Zitser]).

find any earlier decree among the documents of Peter the Great's personal chancellery and the other chancelleries or in the books of decrees). This decree proclaims:

На Москве и во всех городах царедворцам, и дворовым, и городовым, и приказным всяких чинов служивым людям, и гостям, и гостинной сотни, и черных слобод посадским людям всем сказать, чтоб впредь с сего его великого государя указа бороды и усы брили. А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и с усами, и с тех иметь с царедворцов, и с дворовых, и с городских, и всяких чинов служилых и приказных людей по 60 рублей с человека, с гостей и с гостинной сотни первые статьи по 100 рублей с человека, средней и меньшей статьи, которые платят десятая деньги меньше 100 рублей, с торговых, и посадских людей по 60 рублей, третья статья, с посадских же, и с боярских людей, и с ямщиков, и с извозчиков, и с церковных причетников, кроме попов и дьяконов, и всяких чинов с московских жителей по 30 рублей с человека на год. И давать им из Приказа земских дел знаки, а для тех знаков и для записки приходиться им в Приказ земских дел без мотчания, а в городах в приказные избы, а те знаки носить им на себе. И в Приказе земских дел, и в городах, в приказных избах учинить тому записные и приходные книги. А с крестьян иметь везде по воротам пошлину по 2 деньги с бороды по вся дни, как ни пойдут в город и за город, а без пошлин крестьян в воротах, в город и за город, отнюдь не пропускать. И о том для ведома по воротам с сего великаго государя указу прибить письма, а в города воеводам послать его великаго государя грамоты. <...>. А буде кто из царедворцов, и из градских, и из приказных, и из посадских людей похочет ходить с бородою, и ему бдля взятая знака ехать к Москве и явиться в Приказе земских дел. А в Сибирские и в Поморские города знаки послать с Москвы [ПСЗ. Т. 4. № 2015]².

² Henceforth, with this the great sovereign's decree, all courtiers, officials, military servicemen, chancellery clerks, the *gosti*, members of the *Gostinaia sotnia*, and all townsmen in Moscow and all the other towns are to shave beards and mustaches. If some do not wish to shave beards and mustaches, and wish to go about in beards and mustaches, they are to be taxed yearly: courtiers, officials, and all ranks of military servicemen and chancellery clerks, 60 rubles per person; the *gosti* and members of the *Gostinaia sotnia* of the first rank, 100 rubles per person; members of the *Gostinaia sotnia* of the middle and low ranks who pay a tenth money [*desiatyia dengi*, an irregular military tax] of less than 100 rubles, traders and townsmen, 60 rubles per person; third-rank townsmen, boyars' servants, coachmen, cab drivers, and clergymen, except priests and deacons, and all ranks of Moscow residents, 30 rubles per person. The Moscow Police Chancellery is to give such persons a token in receipt, as will the chancellery houses in the other towns, which tokens they must wear. In the Moscow Police Chancellery and the chancellery houses, registry and payment books should be made for this purpose. As for peasants, let a toll of two dengas per beard be collected at the town gates each time they enter or leave town, and henceforth do not let peasants pass through town gates, coming or going, without paying this toll. This the great sovereign's decree should be sent to all the military governors [*voevody*] and nailed on the gates of the towns. <...> Those courtiers, officials, chancellery clerks, and townsmen who wish to go about in a beard should come to Moscow to the Police Chancellery to obtain a token. And tokens should be sent from Moscow to the Siberian and White Sea towns.

Was the decree enforced? The answer is definitely yes. Thus, the decree on beard shaving was sent from the Moscow Police Chancellery to the town of Ryazhsk on 10 February 1705. A confirmation decree was sent there on 3 March 1705, and received on 20 March 1705. It ordered that the decree be announced 'on many trading days by heralds', nailed to the town gates, and entered into the book of decrees in the chancellery house, and that the military governors have it in front of them on their desks so that it should never be forgotten [РГАДА. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–1 об.]. On 12 February 1705, the Moscow Police Chancellery sent the decree on beard shaving to the Siberian Chancellery [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 859. Л. 10 об.; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 133. Ч. 4. Л. 185, 215; Памятники Сибирской истории XVIII века, с. 273]. From there, the decree was distributed to Siberian cities and towns. On 18 April 1705, the decree, instructions, and 5,000 beard tokens were delivered to Tobol'sk. The decrees and tokens were then sent to even farther-flung Siberian towns. Hence the decrees on beard shaving and German clothing were delivered to Tara on 17 May 1705 [РГАДА. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Ф. 158. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–1 об.]. The decree and 500 beard tokens were received in Eniseisk on 28 July 1705 [РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 133. Ч. 4. Л. 215–216; Памятники Сибирской истории XVIII века, с. 273–276]. In Tomsk, the decrees were received on 16 September 1705 [Шашков, с. 311], and the decree and 400 copper beard tokens arrived in Irkutsk only on 2 October 1705 [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 859. Л. 10 об.– 11].

The cases investigated by the Preobrazhenskoe Chancellery also eloquently point to the fact that the decree was implemented everywhere. Thus, on 19 April 1705, in the Trinity-Sergius Monastery village of Dubrovo in the Murom district, monastery servant Yakov Gnusin was shaving his beard while peasants were making feed for cattle. Looking at Gnusin, Boris Petrov said, 'I would behead the man who ordered beards shaved!' To which Gnusin replied, 'Are you in your right mind? Why do speak so? God deigned it, and the sovereign has decreed that beards be shaved' [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 305. Л. 7–7 об.]. In July 1705, the Preobrazhenskoe Chancellery investigated the case of Denis Semenov, peasant elder on the estate of *stolnik* Egor Yanov in the village of Malye Gorki in the Kostroma district. While he was in the landlord's yard 'before Trinity Sunday' (which fell on May 27 in 1705), Semenov said, 'Many of our peasants have been to Moscow, and their breads have all been shaved. But I do not wish to live if my beard is shaved' [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 325. Л. 4 об.].

In addition, there is plenty of evidence of negative reactions to the decree's enforcement among the populace of Siberia and the Volga region. Thus, the decree arrived in the Siberian town of Tara on 17 May 1705. The military governor, *stolnik* Mitrofan Vorontsov-Vel'iaminov, proclaimed it in public places on several occasions, but the townspeople and district residents refused to obey it. On 5 June 1705, 500 Tara Cossacks and lesser nobles (*deti boiarskie*) came to the chancellery house to declare they would not shave their mustaches and beards and would not change their dress

[РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 130; РГАДА. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1; Покровский, с. 49–50]. Residents of Tomsk likewise refused to comply with the decree [Шашков, с. 301–322]. But the supreme manifestation of discontent with the beard shaving decree was the Astrakhan Revolt of 1705–1706 [Голикова, 1975; Akelev, p. 263–266].

There is no doubt, then, that the 1705 beard shaving decree, as published in the *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, was indeed circulated to all the towns and enforced. But should we deem 1705 the year when Peter introduced beard shaving in Russia? Or had a general decree appeared earlier, sometime between 1698 and 1704?

* * *

It is well known that the introduction of beard shaving was only one of a package of measures aimed at Europeanizing the external appearance of Russian subjects. Replacing traditional Russian dress with Western European clothing was another component [Кирсанова; Hughes, 2001; Шамин, 23–38]. The first decree on wearing Western European clothing is well known. Published in the *Complete Collection of Laws of the Russian Empire* and dated 4 January 1700, it states:

Бояром, и окольничим, и думным ближним людям, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком, и жильцом, и всех чинов служилым, и приказным, и торговым людям, и людям боярским, на Москве и на городех носить платья, венгерские кафтаны – верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних тем же подобием. И то платье, кто успеет сделать, носить с Богоявлениява дни нынешнего 1700 года, а кто к тому дни сделать не успеет, и тем делать и носить, кончая с нынешния Сырныя недели [ПСЗ. Т. 4. № 1741]³.

Anisimov has suggested that ‘apparently at that time [i.e., in early 1700], too, the decree came out about shaving beards to the cited categories of the population [i.e., those mentioned in the decree on western dress]. A second degree [on beard shaving] appeared on 16 January 1705’ [Anisimov, p. 218–219]. Shaskov shared Anisimov’s opinion [Шашков, с. 301]. *The History of the Swedish War* also seemingly points to the simultaneous adoption of decrees on wearing European dress and beard shaving in 1700. Between accounts of the founding of the Order of St. Andrew and the introduction of the new calendar, the latest edition of the *History* (compiled, apparently, in 1726) contains the following passage:

---

³ Boyars, lords-in-waiting, privy councilors, table attendants, crown agents, Moscow nobles, crown secretaries, court attendants, servitors and chancellery men of all ranks, trading folk, and boyar men in Moscow and other towns shall wear dress, Hungarian caftans, the upper garments down to the garter, and the lower garments, shorter than the upper, in the same fashion; and those who succeed in making this dress shall wear it from Epiphany of this year 1700, and those who do not succeed by this day shall make and wear it by this Shrovetide.

Тогда ж заблагоразсудил старинное платье российское (которое было наподобие полского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств, такжеде и бороды повелел брить [Гистория Свейской войны, т. 1, с. 201].⁴

This passage, composed between 1722 and 1723, and later repeatedly edited, shows that the compilers of the *History* regarded both measures, the introduction of European dress and beard shaving, as having been adopted at the same time as the new calendar at the turn of 1699 and 1700 [Акельев, с. 93–97].

But do other records from 1700 corroborate this view?

The 1700 decree on wearing Hungarian caftans, naturally, caused serious concern among the populace. We know, for example, that as early as mid-1699, information that the decree was in the works was leaked from the Moscow chancelleries and provoked great public interest. We find the following entry for July 1699 in Zheliabuzhskii's diary:

Да явился было указ о французском платье, и тот указ многие списывали, и с тем указом многих ловили и на Потешный двор водили и расспрашивали: где они такой взяли и у кого списывали? [Желябужский, с. 317–318].⁵

In one copy of Zheliabuzhskii's diary, this entry contains a curious continuation, which for some reason had been crossed out in the manuscript and hence was not included in the other copies, on which the published version was based:

...И по тем роспросам дошло Помесного приказу до подъячего Семена Жукова, что списки явились от него для того, что ему было велено о том платье учинить выписку в доклад, а явился тот указ в народ прежде докладу. И за то ему, Семену Жукову, учинено наказанья – бит кнутом нещадно [РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 125. Л. 455 об.– 456].⁶

This entry shows that the 1700 decree on European dress was so remarkable that information about it had spread around Moscow in July 1699 even as it was still being drafted in the Moscow Kremlin. Service Land Chancellery clerk Semen Leont'evich Zhukov [Веселовский, с. 186; Демидова, с. 198–199], who had been entrusted with making an excerpt for a report

⁴ It was then that [Peter] deigned to abolish the old-fashioned Russian dress (which was like the Polish dress) and ordered all his subjects to dress in the manner of the European Christian countries, as well as ordering [them] to shave [their] beards.

⁵ There had appeared a decree on French dress, and many people copied that decree, and many were caught with this decree and taken to the Mock Court [*Poteshnyi dvor*] and questioned where they had got it and from whom they had copied it.

⁶ And these inquiries led to Semen Zhukov, a clerk of the Service Land Chancellery. The copies had come from him, because he had been ordered to make an excerpt for a report about [the decree on] dress, but the decree had been made public before the report. For which Semen Zhukov was punished with a merciless whipping.

on the decree, could not help sharing information about the decree with colleagues and acquaintances. Consequently, copies of the decree quickly spread through Moscow, triggering a criminal investigation whose records I have not been able to find, unfortunately.

When the decree was published, it provoked a lively discussion, which could not but lead to many incautious statements and, as a consequence, a number of political investigations and trials. Thus, on 15 February 1700, three local clergymen in the Shal'sk parish of the Olonets district – priest Ivan Rodionov, deacon Dmitrii Maksimov, and sexton Efrem Kirilov – discussed the latest news in the refectory after a church service. We can reconstruct their conversation, as based on their confessions of guilt (*povinnnye chelobitnye*), as follows:

Дьячок Ефрем Кирилов: ‘изволил наш великий государь летопись писать от Рожества Христова тысяча семсотого году, да платье носить на Москве венгерское.’

Священник Иван Родионов: ‘слышал я ныне в волости от проезжих людей, будто государь изволил убавить великого поста неделю, а после Святы Пасхи в среду и пятки мясо и млеко ясти во весь год.’

Дьячок Ефрем Кирилов: ‘как де будут такие его, великого государя, указы присланы к нам в погосты, и будут люди по лесам жить и гореть, я де пойду с ними жить и гореть туды же, а в среду и в пятки мяса ясти не стану.’

Священник Иван Родионов: ‘возми де и меня с собою туды же жить и гореть, а у церкви Божиих служить не буду: знать то, что ныне житие к концу приходит.’

Дьякон Дмитрий Максимов: ‘государь будто иное без ума шавит’ [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 817. Л. 32–36]⁷.

The decree on Hungarian dress was also being discussed in Smolensk at this time. Ivan Matveev, a clerk in the Smolensk Chancellery Chamber, came home and told his folk the latest news: ‘A decree of the great sovereign has been rendered in Moscow: every rank has been ordered to wear Hungarian dress’. Upon hearing this, his relative Matrena Fedorova said: ‘That is not the tsar. When in Moscow the great tsarina gave birth to the tsarevna, a girl, the girl tsarevna was stolen and switched with him who is now Tsar Petr Alekseevich. And he is not the tsar; he is of German stock. Because

⁷ *Deacon Efrem Kirilov*: ‘Our great sovereign has deigned to count the years from the Year of Our Lord seventeen hundred and to wear Hungarian dress in Moscow.’

Priest Ivan Rodionov: ‘I have heard now in the volost from travelers that the sovereign has deigned to shorten Lent by a week, and after Easter [to allow] eating of meat and milk on Wednesdays and Fridays the year round.’

Deacon Efrem Kirilov: ‘If such decrees of the great sovereign are sent to our parishes, and people begin living and burning themselves in the forests, I will go there as well to live and burn with them, but I will not eat meat on Friday.’

Priest Ivan Rodionov: ‘Take me there with you to live and burn, because I will not serve in God’s church: it seems as if life is coming to an end.’

Deacon Dmitrii Maksimov: ‘The sovereign does sometimes seem to blather thoughtlessly.’

he is not the tsar, he is replacing the Russian dress' [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 822. Л. 1–2; Ф. 6. Оп. 1. Д. 14].

From these and other cases handled by the Preobrazhenskoe Chancellery in 1700–01, it follows that the 1700 decree on Hungarian dress caused serious concern among the Russian populace and was vigorously discussed in many Russian towns [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 819; Стб. 884; Стб. 934; Стб. 1021]. However, we find no mention of beard shaving decrees in these case files and certain other sources. Thus, among the records of Peter the Great's personal chancellery is preserved a letter to the tsar from *pribyl'shchik* (seeker of new revenues) A. A. Kurbatov, dated 20 March 1700, in which Kurbatov writes:

В состоятельных твоих государевых имянных указах о кафтанах венгерских и о пременении ножей и о протчих народи во исполнении того якобы ослабевают, чают тому быть по-прежнему. И ежели в воли твоей государевой положися, что тем указам быть впредь нерушимо состоятельным, благоволи, государь, чрез самодержавное твое повеление те состоявшиеся указы подновить вторично, хотя, государь, под видом и страха, дабы и впредь имянных твоих государевых указов в скором исполнении не пренебрегали [РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 2. Кн. 1. Л. 103].⁸

We should note that Kurbatov makes no mention of the beard shaving decree in this letter, either. We would imagine that had the beard shaving decree been promulgated along with the decree on Hungarian caftans, rumors about it would certainly have quickly spread around Russia, and this would definitely have been reflected in the records of political trials and other sources. However, in 1700, nothing was known about the beard shaving decree in the Shal'sk parish of the Olonets district or Smolensk or even in Moscow.

Unfortunately, however, the issue raised in the title of this article cannot be regarded as finally solved at this point. After analyzing a great number of case files from the Preobrazhenskoe Chancellery, Esipov concluded that 'these cases... confirm the assumption that a general order on beard shaving existed earlier than 1705' [Есипов, с. 174]. After studying the entire corpus of documents from the Preobrazhenskoe Chancellery for the period 1698–1705, I can confirm that Esipov's conclusion is not ungrounded.

In 1703, the Preobrazhenskoe Chancellery investigated a case involving monks, from the Simonov Monastery in Moscow, who were suspected of promoting texts on the prohibition against beard shaving. The investigation found that Petr Konarkhist, cell attendant of the monastery's abbot, had in December 1702 personally compiled a miscellany of 'sundry edifying

⁸ The people have been feeble, as it were, in executing your sovereign personal decrees on Hungarian caftans and the use of knives and other matters, wishing things to be as they were. And if it is your sovereign will that these decrees be inviolably fulfilled, deign, sire, that by your autocratic command these same decrees should be renewed again, albeit, sire, under threat of punishment and lest in future the swift execution of your personal sovereign decrees be neglected.

things... to be read to cure gloom'. He included an article on the prohibition against beard shaving excerpted from a printed edition of the Kormchaia Book he had taken from the abbot's cell. Before Christmas, Konarkhist gave the unbound miscellany to Hierodeacon Iessei Shosh to correct according to the rules, 'one article after another, as decently as possible' and write 'a laudatory preface'. Several days later, Shosh heard a conversation between Hierodeacon Irinarkh, the monastery's librarian, and the monastery's former treasurer Feodosii in the monastery refectory. Feodosii asked Irinarkh to find him a copy of the Kormchaia Book with the prohibition against beard shaving. The monk explained he was interested because the monks and laymen who came to him for confession often confessed to the sin of beard shaving. He needed to find out what rule applied to such transgressions. The librarian replied by giving a wave of his hand and saying: 'It's not a matter for nowadays!' Hearing this conversation, Iessei approached Feodosii and told him he had such a book. Feodosii asked him to bring it to his cell. The same evening, Iessei brought the book to Feodosii's cell and showed him the article, excerpted from the Kormchaia Book, containing the prohibition against beard shaving. According to Iessei, Feodosii asked him to allow him to copy this text, but he would not do this, explaining: 'Nowadays beards are shaved by the sovereign's decree and thus he would not venture to let Feodosii copy it' [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 42. Л. 2, 4-4 об., 6 об.]. In another of his testimonies, Iessei, while trying to explain exactly when the conversation between Feodosii and the librarian had taken place, once again mentioned the beard shaving decree:

...в прошлом де 1702 году перед Рождеством Христовым, а в котором месяце и числе, не упомнит, после того, как симоновским слугам почали брить бороды, а по какому указу, не ведает [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 42. Л. 8 об.]⁹.

Note that Iessei learned about the beard shaving decree because in December 1702, before Christmas, the monastery servants, who guarded the monastery and the convicts who were held there, began to have their beards shaved. The monk knew no further details regarding this decree.

In addition to mentioning the beard shaving decree, this case is also noteworthy because of the way Prince Fedor Romodanovskii, head of the Preobrazhenskoe Chancellery, reacted to it. When explaining why he had excerpted the prohibition against beard shaving, Konarkhist was forced by Romodanovskii to answer the following questions. Had he spoken to anyone about the prohibition against beard shaving by way of reproaching him? Had he ordered anyone to copy out the prohibition? Had he intended to publish the article and rebuke beard shavers? [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 42. Л. 4 об.]. In October 1703, Iessei Shosh and Konarkhist

---

⁹ [It was] in the previous year, 1702, before Christmas, but in which month and at what date, he does not remember; [it was] after they had begun shaving the beards of the Simonov [monastery] servants, but upon what decree, he does not know.

were defrocked in preparation for torture and given the lay names Prokofei and Ivan; in November 1703, they were tortured on three occasions. Investigators attempted to find out what to what end and at whose insistence Prokofei had excerpted articles from the Kormchaia Book in his miscellany [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 42. Л. 26–27]. Prince Romodanovskii thus saw the danger that the text could be used to undermine the state's authority. He suspected Konarkhist of having published the prohibition in order to rebuke people who were now shaving their breads, as well as of conspiring with other malefactors.

Prince Romodanovskii harbored similar suspicions towards Nizhny Novgorod barge hauler (*burlak*) Andrei Ivanov, who in December 1704 arrived in Moscow and announced that he had come on a matter of great importance to the tsar. At the Preobrazhenskoe Chancellery, Ivanov declared he had come to tell the tsar that he was acting wrongly by destroying the Christian faith and ordering the shaving of beards, the wearing of German dress, and the use of tobacco. Beard shaving, said Ivanov, was addressed in the Sobornoe Ulozhenie (the 1649 legal code), where it was also written, allegedly, that anyone who wore foreign (*inozemskoe*) dress would be condemned, although Ivanov did not know where exactly this had been written because he was illiterate. In the olden days, anyone who used tobacco was punished by having his nose cut, he said. Ivanov had no acquaintances in Moscow, and no one had sent him to deliver this message to the tsar. He had come on his own because many townsmen were 'shaving [their] beards, wearing German dress, and using tobacco' in Nizhny Novgorod as well, and he had to come so that the tsar would order everything changed. Aside from this, Ivanov had no other business with the tsar. Ivanov was tortured at the Preobrazhenskoe Chancellery and asked who his co-conspirators were. Who had sent him to Moscow and urged him to denounce the tsar? After being tortured, Ivanov died at the chancellery [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 245. Л. 1–2 об.].

Prince Romodanovskii's tough response in these cases could not be accidental. There is evidence that incidents of public protests against the widespread practice of beard shaving did indeed take place in Russia between 1699 and 1704. Authorities regarded these protests as extreme manifestations of disloyalty to the tsar.

In 1700, the Military Chancellery (*Razriadnyi prikaz*) investigated the posting of several leaflets against beard shaving in public places. The first such leaflet was discovered, posted on a cross, seven miles from Trinity-Sergius Monastery on the road to Moscow, on 27 May 1700. On 1 June 1700 and 18 June 1700, respectively, identical leaflets were discovered on the gates of the Michael the Archangel Monastery in Yuryev-Polsky and the town of Suzdal [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 1741. Л. 1–2, 6–7, 21]. Unfortunately, the leaflet itself has not been preserved in the case files. We know it was sent to the Preobrazhenskoe Chancellery on 11 August 1700, but a search for the case file among the chancellery's records has proved fruitless. Nevertheless, we can get some sense of the leaflet's contents on the basis

of indirect evidence. When the leaflet found on 18 June 1700 was brought to military governor Vasilii Islen'ev at the Suzdal chancellery house, he ordered it read aloud. During the reading, Fedor Mikhailov, a clerk at the chancellery house, suddenly exclaimed: 'The bishop and archbishop of Tver were also going to announce the same!' When interrogated, the clerk testified that several years before he had heard from treasurer Iona Vologotskii that the metropolitan of Suzdal had urged the bishops to go to the tsar and plead (*bit' chelom*) with him 'not to shave beards' [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 1741. Л. 37–38]. It is clear that the leaflet also called for a similar plea to the tsar 'not to shave beards'. Most likely, this appeal was addressed to military servicemen, and hence the Military Chancellery conducted the investigation.

As we can see, case files from political criminal investigations and trials during the period 1700–04 testify to the fact that the practice of beard shaving was spreading, and that a segment of the populace reacted adversely to it. And yet it would seem the same case files from the Preobrazhenskoe Chancellery during the period 1698–1704 show no evidence of the forcible introduction of beard shaving through decrees, fines, and prosecutions, as we see in many cases from 1705. To confirm this, I will examine one more such case.

In July 1701, the Preobrazhenskoe Chancellery investigated a case submitted from the town of Romanov on 30 March 1701. The incident had taken place during Easter Week 1700. Vikula Fedorov, a priest at the Trinity Church, had been making the rounds of houses with icons and performing prayer services. It was then that he performed prayers at the house of his spiritual son, the soldier Parfenka Nikiforov, son of Kokorev. The soldier was beardless: as Nikiforov explained, he had begun shaving his beard while serving in the army outside of Azov [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 920. Л. 2, 16]. When those present at the service came to kiss the cross, Fedorov and Nikiforov had an interesting exchange, which can be reconstructed in detail by comparing the testimonies of the defendants and witnesses in the case. Fedorov rebuked his spiritual child: 'Why have you shaven your beard? You should have better asked me, because you are my spiritual son' (it is important to note that the priest himself admitted to saying this, and the witnesses confirmed it) [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 920. Л. 12–15]. Nikiforov attempted to justify himself: 'The boyars and princes in Moscow now shave [their] beards, because the great sovereign so deigned it' [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 920. Л. 16]. One witness conveyed Nikiforov's reply slightly differently: 'The sovereign does not now forbid us to shave [our] beards' [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 920. Л. 12]. Nikiforov claimed that Fedorov responded by calling him an enemy and infidel (*basurmanin*), and saying something offensive about the tsar: 'What a mind the great sovereign has. He is a madman like you are'. But the witnesses did not corroborate the claim that Fedorov had made offensive remarks about the tsar, and later, at the Preobrazhenskoe Chancellery, Nikiforov himself confessed he had defamed the priest because he had been drunk [РГАДА. Ф. 371.

Оп. 2. Стб. 920. Л. 16]. The judgment in the case was even more curious. On 31 July 1701, after listening to the particulars of the case, Prince Romodanovskii ordered the slanderer Nikiforov sent to the Military Chancellery for reassignment to the service and Fedorov released from the Preobrazhenskoe Chancellery and given a letter vouchsafing his freedom [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 920. Л. 29]. This case clearly shows there was still no general ban on wearing beards in 1701. Otherwise, a priest who had rebuked his spiritual charge for beard shaving would have not gone unpunished and been released so easily from the Preobrazhenskoe Chancellery on Prince Romodanovskii's personal order.

The following picture thus emerges from the cases investigated by the Preobrazhenskoe Chancellery between 1699 and 1704. There is no evidence there was a general ban on beard shaving during the period. At the same time, however, these same cases indicate that the practice of beard shaving was widespread in Russia at the time. People encountered shaven men more and more often. Thus, soldier Parfenka Nikiforov, who had returned from military service outside Azov to the town of Romanov in 1701, had taken up the habit of shaving during his time in the army. In 1702, a number of laymen and even monks confessed the sin of beard shaving to an elder at the Simonov Monastery in Moscow. In Nizhny Novgorod in 1704, many townsmen were 'shaving [their] beards, wearing German dress, and using tobacco'. Rumors that 'boyars and princes in Moscow now shave [their] beards', the 'great sovereign so deigned it' and 'does not now forbid us to shave' had penetrated the most remote corners of Muscovy.

Scholars have long noted that the fashion for beard shaving had begun to spread through Russia well before Peter's reforms. For example, according to *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself*, in 1648, Avvakum rebuked Matvei, son of boyar Vasili Sheremetev and a future famous military governor who then held the rank of cup-bearer (*chashechnik*), for beard shaving [Житие протопопа Аввакума, с. 62]. This example shows that beard shaving was even then fashionable among young noblemen. Shamin reasonably assumes that Tsar Fedor Alekseevich was quite sympathetic to beard shaving [Шамин, с. 34]. Indeed, the fashion for beard shaving among Russian courtiers in the 1680s and 1690s is borne out by contemporary portraits (*parsuny*), in which beards are almost absent, but a number of people quite close to the throne are portrayed with bare, clean-shaven chins [Русский исторический портрет. Эпоха парсуны]. The fashion for beard shaving was, apparently, so widespread among townspeople by the 1690s that Patriarch Adrian was compelled to appeal to the flock to stop shaving their beards [Есипов, прил., с. 64–72]. But in the years 1698–1704 the process was, seemingly, significantly accelerated thanks to Peter the Great.

It is well known that immediately after returning from the Grand Embassy, the tsar began forcibly depriving top officials of their beards. Peter either shaved the boyars' beards himself or ordered jesters and barbers to do it. Diplomatic dispatches by Christoph Ignaz von Guarient, Imperial ambassador, and the diary of his secretary, Johann Korb, attest that im-

mediately after returning from the Grand Embassy in August 1698, the tsar began forcibly removing the beards of state officials [Устрялов, т. 3, с. 621–623; Korb, p. 155–157]. Forcible beard shaving subsequently became a regular feature of Peter's court. Thus, describing the New Year's celebrations on 1 September 1698, Korb remarks: 'Nor could the irksome offices of the barber check the festivities of the day, though it was well known he was enacting the part of jester by appointment at the Czar's court. It was of evil omen to make show of reluctance as the razor approached the chin, and was to be forthwith punished with a boxing on the ears. In this way, between mirth and the wine-cup, many were admonished by this insane ridicule to abandon the olden guise' [Korb, p. 160]. Visiting Moscow in 1702, Cornelis de Bruyn mentioned the same thing: the tsar's barbers could cut off anyone's beard at the tsar's table and anywhere else [Де Бруин, с. 92].

So, gradually there were fewer and fewer bearded faces among Peter's retinue. But should we imagine that all these forcible beard shavings at court testify to the fact that the beard shaving decree had already been issued in 1698? Many historians have answered this question in the affirmative. For example, Sergei Chizhov writes, 'it should be admitted that the reform occurred immediately after the tsar's return from his voyage, that is, in September 1698, and the beard shaving reform, in particular, occurred earlier than the dress reform, not vice versa, as might have been supposed when considering the decrees included in the *Collection of Laws*' [Чижов, с. 333].

In 1871, Esipov found a document among the archives of the Armory Chamber that seemingly corroborated this hypothesis. The copy of a personal decree by Peter the Great reads as follows:

В нынешнем в 207-м году октября в ... день великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, указал по имянному своему, великого государя, указу в Серебряной полате сделать ис красной меди пятнатцать тысяч девять сот три чеха, а на них на одной стороне бородажные признаки, а на другой стороне напечатаны слова: 'двести седмой год'. А, зделав те чехи, отослать в Преображенской приказ во ближнему столнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому с товарищи. А что на дело тех чехов, на медь и мастеровым людям на кормовую дачю и на всякие припасы денег изойдет, и те денги взять ис Преображенского приказу [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33560. Л. 1; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. 1, с. 166; Деммени, с. 5; Руденко, с. 19]¹⁰.

¹⁰ On the ... day of October of this year [7]207, the great sovereign, tsar and grand duke Petr Alekseevich, autocrat of All the Russias, Great and Little and White, has issued a personal sovereign decree to make fifteen thousand nine hundred and three cheques [*cheki*] from copper in the Silver Chamber; there should be beard signs on one side of them, and on the other, the words "year two hundred and seven" should be printed. After the cheques are made, they should be sent to the Preobrazhenskoe Chancellery to the *stolnik* Prince Fedor Iur'evich Romodanovskii and company. And all the money for making the cheques, for copper, for victuals for the workmen, and other supplies should be taken from the Preobrazhenskoe Chancellery.

As the text makes clear, the decree deals with the manufacture of 15,903 copper tokens, with ‘beard signs’ stamped on one side and the phrase ‘year two hundred and seven’ on the other. The State Hermitage Museum has the only extant specimen of the 1698/1699 beard token. Its authenticity is debatable, but it closely resembles the ‘cheques’ described in the decree [ЧИЖОВ, с. 336–337; Деммени, с. 4–5; Руденко, с. 15–16, 102–103]. Based on this evidence, Chizhov concludes that the ‘reform of beards and dress not only already existed in 1698, but had even undergone a further development at this time: the permission to wear a beard on condition of paying a duty for it, in witness of which beard tokens or “cheques”, as they are named in the decree, were to be issued’ [ЧИЖОВ, с. 335].

The decree, however, leaves us with more puzzles than answers. Why did Peter order the minting of such an exact number of tokens (15,903)?¹¹ For whom were they intended? Was the decree implemented? Why was the Preobrazhenskoe Chancellery ordered to implement it? If the decree existed not only on paper, why has only one token, whose authenticity is in any case still questioned by many experts, survived? Mikhail Demmeni, who first published the 1698 beard tokens decree, doubted whether it had been fully implemented [Деммени, с. 4]. I have also been unable to find any traces in the records of the Preobrazhenskoe Chancellery of its having been implemented. There is no mention of the beard fee in the political case files for the period 1698–1704. On the contrary, there is some evidence that beard shaving was not obligatory even for courtiers at this time. Thus, in 1700, Grigorii Talitskii testified that the boyar prince Ivan Ivanovich Khovanskii had once asked him: ‘They are shaving beards. What should I do if they shave my beard?’ During his first interrogation, Khovanskii admitted he had indeed said this [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1348. Л. 12 об.– 13]. It follows from his testimony that Khovanskii had continued to wear a beard. It is unlikely he was wearing a beard only because he had paid the tax. If he had paid it, why would he have been afraid that his beard could be shaved off at any moment?

The fact that even people in court circles wore beards in the years 1698–1704 is borne out, evidently, by the 1705 decree on beard shaving, which ordered that Moscow courtiers, in particular, should have their mustaches and beards shaved. If they refused, courtiers, military officers, and chancellery officials had to pay a 60-ruble yearly fee in exchange for beard tokens [ПСЗ. Т. 4. № 2015]. It is interesting that beard shaving is first mentioned in Zheliabuzhskii’s diary only in 1704, although there are repeated mentions of the drafting and promulgation of the decree on dress in the entries for 1699–1700:

¹¹ I. V. Rudenko, a numismatist, convincingly accounted for the odd number of beard tokens in this document (15903 pieces): probably, this was the calculated number of 1.03 gram tokens that could be produced from one pood (16.38 kilograms) of copper. The only surviving beard token from 1698/1699 weighs 1.05 grams [Руденко, с. 16].

Иван Данилов сын Наумов на смотре бит батогами нещадно за то, что у него борода и усы не выбриты. И после смотру им, воеводам, была сказка, чтоб у них впредь бород и усов не было, а у кого будет, и тем будет гнев [Желябужский, с. 346–347]¹².

It transpires that until 1704, military servicemen could report for inspections wearing beards because there had been no special decrees to this effect. But at the same time, apparently, the authorities disapproved of the wearing of beards. Especially among military servicemen, wearing a beard was regarded as a sign of disloyalty to the tsar.

In this regard, it is also important to note that Prince Boris Kurakin mentions the reforms to dress and beard shaving in his autobiography. However, he writes about the 1700 decree on Hungarian dress in a chapter dealing with the events of the twenty-second year of his life, that is, 1697–1698:

Того ж года состоялся указ носить платье венгерское. И потом, спустя полгода, состоялся указ носить платье, мужское и женское, немецкое. И для того были выбраны по воротам целовальники, чтоб смотреть того, и с противников по указу брали пошлину деньгами, а также платье резали и драли. Однако ж чрез три году насилиу оставились [Куракин, с. 257]¹³.

I should note that there is some chronological inaccuracy in this part of Kurakin's autobiography: in this same chapter on 1697–1698, Kurakin discusses the introduction of stamped paper, the establishment of the Privy Chancellery under Nikita Zotov's leadership, and the Moscow fire of 1701. And yet he correctly dates the beard shaving decree to 1705:

Того же года указ состоялся брить бороды, и начали брить все во всем государстве. А будет кто не похочет брить, на год платить 30 рублей в казну [Куракин, с. 273]¹⁴.

Evaluating all this evidence, one is inclined to conclude that the 1698 beard tokens decree was not implemented, and that the general order to shave beards, despite the fact that courtiers were forced to shave regularly, should be dated only to 1705.

---

¹² Ivan Danilov, Naumov's son, was mercilessly cudged at muster because his beard and mustache had not been shaved. And after the inspection, they, the military officers [*voevody*], were told that henceforth they should not have beards and mustaches, and those who did would be punished.

¹³ The same year, the decree on Hungarian dress was issued. And then, six months later, the decree to wear German dress, men's and women's, was issued. To this end, tax collectors [*tseloval'niki*] were chosen to keep watch at the gates, and they took a fee in money from those who opposed the decree, and also cut and tore their clothing. However, they had barely established themselves after three years.

¹⁴ The same year, a decree on beard shaving was issued, and they began shaving everyone throughout the realm. And those not willing to shave had to pay 30 rubles a year to the treasury.

However, there is yet another document that upsets all these conclusions. In 1858, Ustrialov published a report, dated 24 January 1701, sent by the Austrian envoy Pleyer to Emperor Leopold I, which includes the following passage: ‘here a tax on beards has also been established [according to which] a nobleman or rich man can keep his beard for 50 rubles, that is, 100 reichsthalers, a commoner, for 2 grivnas, that is, 20 kopecks, and if he does not have this amount of money, his beard has to be cut. In my humble opinion (since many are willing to give up not just 50 rubles but their own heads if only to keep their beards) it will bring [the treasury] large sums of money’ [Устрялов, т. 4, ч. 2, с. 552]¹⁵.

This document raises a number of questions. If the tax really had been established in 1701, why it is not mentioned elsewhere, such as Zheliabuzhskii’s diary or Kurakin’s autobiography? Why it is not mentioned in the records of the political investigations conducted by the Preobrazhenskoe Chancellery? Why has not a single beard token from 1701 survived, while those from 1705 are quite common? [Чижев, с. 339; Руденко, с. 16–17, 106–121].

The records of the Moscow Police Chancellery, which handled the implementation of the decrees on European dress and beard shaving [ПСЗ. Т. 4. № 1999; № 2015.], would help in finally solving the riddle of when beard shaving was introduced in Russia. Unfortunately, however, its archive has been almost completely lost. RGADA has a mere 72 case files from the Moscow Police Chancellery, none of them containing information on our subject [Центральный государственный архив древних актов, т. 1, с. 55–56; РГАДА. Ф. 231. Оп. 1].

Happily, my search for Moscow Police Chancellery records in other archives has been more successful. On 14 March 1701, Peter the Great personally ordered the chancelleries to prepare monthly account statements and submit them to the Privy Chancellery [Милюков, с. 83]. A collection of these monthly and annual statements from the various chancelleries for the period 1701–1714, statements that were deposited in the archive of the Privy Chancellery, are now kept at RGADA in the Armory Chamber archive [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3]¹⁶. Among these records are the monthly and yearly statements of the Moscow Police Chancellery for 1701–1708 [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 26, 79, 112, 129, 145, 168]. They help us to trace how the decrees on European dress and beard shaving were implemented during this period.

A so-called caftan duty is mentioned among the *neokladnye* items of income in the account statements of the Moscow Police Chancellery for 1701–1704 [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 26. Л. 12, 14, 15, 17, 24, 26, 29, 33, 36 об., 39 об., 42 об., 45, 48, 51, 54, 57; Кн. 79. Л. 2 об., 7 об., 14 об., 21 об., 28 об., 36, 43 об., 49, 53 об., 59 об., 66, 72, 173, 180 об., 187, 198, 204, 211,

¹⁵ I thank Petr Prudovskii for his help in translating this document.

¹⁶ P.N. Miliukov based on Privy Chancellery documents stored in the State Archive of the Russian Empire (now RGADA f.19). He did not have access to the Armory Chamber account books I analyze here [Милюков, с. 80–81, 83].

217 об., 225, 231 об., 238 об., 244, 250]. In some cases, this item is identified as a 'Caftan duty on non-stipulated [*neukaznyi*] dress'. In 1701, annual income from this source was 1,151 rubles [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 26. Л. 19 об.]; in 1702, it dropped to 428 rubles [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 26. Л. 62]; in 1703, it increased to 464 rubles [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 79. Л. 82 об.]; and in 1704, it increased even more, to 531 rubles [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 79. Л. 260]. In January 1705, a new irregular source of income appeared on the Moscow Police Chancellery's books: a duty 'on beards'. In 1705, the sum collected from the duty on beards was 4,040 rubles [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 112. Л. 86]. In the account statements, this income item is placed next to the item listed as 'caftan duty on non-stipulated dress' which, beginning in July 1705, was split into 'on non-stipulated dress in Moscow' and 'on dress as well, as reported from the towns' [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 112. Л. 3, 11 об., 16 об., 24 об., 35 об., 41 об., 47 об., 54 об., 60 об., 65 об., 72–72 об., 79 об.]. In January 1706, the beard duty income item was likewise split into 'on beards in Moscow' and 'on beards, as reported from the towns'. Moreover, the latter was combined with the item 'duty on dress and saddles, as reported from the towns' [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 129. Л. 2 об.]. For example, the November 1706 account statement contains the following entry:

Неокладных [статей дохода].

<...>

С неуказного платья московского сбора: 17 рублей 20 алтын.

3 бород – 17 рублей 7 алтын 2 деньги.

По отпискам из городов с платья и з бород – 32 рубли 23 алтына 4 деньги [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 129. Л. 77 об.]¹⁷.

In the annual account statement for 1706, however, all the items – the duties on dress, beards, and saddles in Moscow and the towns – were merged into a single item: 'On non-stipulated dress, beards, and saddles in Moscow and from the towns as dispatched: 4,670 rubles, 15 altyns, 2 dengas' [РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 129. Л. 90].

Sent from the various chancelleries to the Privy Chancellery, the monthly account statements for 1701–06 unambiguously show that if the January 1701 beard duty decree mentioned in Pleyer's report really did exist, it was not implemented. Probably Pleyer reported rumors and hearsay about the possible introduction of a law on beard shaving rather than referring to a certifiable fact. In any case, the relevant income item for the duty on beards appeared only in 1705 in connection with implementation of the 16 January 1705 beard shaving decree. In addition to monthly account statements

¹⁷ *Neokladnye* [income items]:

<...>

Duty on non-stipulated dress in Moscow: 17 rubles, 20 altyns

On beards: 17 rubles, 7 altyns, 2 dengas

On non-stipulated dress and beards, as reported from the towns: 32 rubles, 23 altyns, 4 dengas.

from the Moscow Police Chancellery of 1701–1708, which have undergone detailed scrutiny, I also studied the 1701 financial accounts of the Preobrazhenskoe Chancellery, Military Chancellery, Foreign Affairs Chancellery (*Posol'skii prikaz*), Investigative Chancellery (*Sysknoi prikaz*), Monasterial Chancellery (*Monastyrskii prikaz*), Palace Chamber of Justice (*Dvortsovyi sudnyi prikaz*), the War Affairs Chancellery (*Prikaz voennykh del*), and the Great Treasury (*Prikaz Bol'shoi kazny*) (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 1, 5–8, 11, 13, 16, 26, 31, 79, 112, 129, 145, 168). Income from a levy on beards is not mentioned in any of these sources.

* * *

The answer to the question posed by this article's title cannot, evidently, be too simple. Our primary conclusion should be that beard shaving was gradually introduced in Russia. It was conceived by the Peter the Great, apparently, during his Grand Embassy or immediately afterwards. In late August–September 1698, men from Peter's inner circle underwent a comic beard shaving, a procedure described in Korb's diary and Guarient's reports. It was then that Peter hatched plans for prohibiting the wearing of beards among a portion of the populace. This is indicated by the tsar's October 1698 personal decree on the minting of 15,903 copper beard tokens, as preserved among the records of the Armory Chamber. This plan was not implemented, however. Beard tokens were not minted in this particular quantity, and a formal prohibition on wearing beards apparently did not exist until the decree of January 1705, although local orders on beard shaving for military servicemen could have been issued between 1701 and 1704.

Why did Peter decide not to implement his plan for comprehensive beard shaving in 1698? Perhaps he was aware that his Russian subjects were not ready for this decree. 1700, nevertheless, saw the promulgation of the decree on European dress, which was widely discussed. Despite the assumption made by some historians, we should note that the beard shaving decree was not issued at the same time as the decree on European dress. This is borne out by the records of the Preobrazhenskoe Chancellery and the account statements of the Moscow Police Chancellery.

At the same time, the period 1699–1704 witnessed the rapid spread of a fashion for beard shaving among military servicemen, townsmen, and even clergymen. Obviously, Peter had to have been aware of this, and by late 1704 he had already decided the ground had been sufficiently prepared for a general prohibition on wearing beards. Hence, in early 1705, a decree on beard shaving was issued that applied to all townspeople except the clergy. And yet Peter demonstrated a fair amount of flexibility on this point: when it became evident the decree had provoked great resentment in the towns of Siberia and the Volga, it was partially repealed [Akelev, p. 266–270].

Список литературы

Акельев Е. В. Из истории введения бородбрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 90–98.

Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)* : сб. ст. / под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 153–173.

Бакланова Н. А. Тетради старца Авраамия // *Ист. архив*. Т. 6. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1954. С. 131–155.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 607 с.

Винклер П. П. Бородовые знаки (1705–1725) // *Винклер П. П.* Из истории монетного дела в России. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1897. С. 165–171.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова; под общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М. : Крут, 2004. 632 с.

Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 328 с.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I : По материалам Преображенского приказа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. 337 с.

Де Бруин К. Путешествие в Московию // *Россия XVIII в. глазами иностранцев* / под ред. Ю. А. Лимонова. Л. : Лениздат, 1989. С. 19–188.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) : Биограф. справ. М. : Памятники ист. мысли, 2011. 718 с.

Деммени М. Г. Указ 1698 года о чеканке бородовых знаков. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1910. 5 с.

Есинов Г. В. Раскольничьи дела XVIII века, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии : в 2 т. СПб. : Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1863. Т. 2. 277 + 274 с. прил.

Желябужский И. А. Дневные записки // *Рождение империи*. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 261–358.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / под общ. ред. Н. К. Гудзия. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 53–122.

Захаров А. В. «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)* / сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М. : РОССПЭН, 2013. С. 10–44.

Кирсанова Р. М. Костюм Петровского времени // *Культура и история : Славянский мир* / отв. ред. И. И. Свирида. М. : Индрик, 1997. С. 213–220.

Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная, 1676 – июля 20-го – 1709 г. // *Архив князя Ф. А. Куракина* : в 10 кн. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890–1902. Кн. 1. С. 241–287.

Милоков П. Н. Государственное хозяйство России первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Михневич В. О. История русской бороды // *Михневич В. О.* Исторические этюды русской жизни : в 3 т. СПб. : Тип. Ф. С. Сушинского, 1882. Т. 2. С. 29–108.

Памятники Сибирской истории XVIII века : в 2 кн. / ред. А. И. Тимофеев. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1. 1700–1713. XXXII + 551 + XXXIV с.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 394 с.

ПСЗ. Собрание первое. СПб. : Изд-во Императ. канцелярии, 1830. Т. 4. № 1741; № 1999; № 2015.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14; Ф. 7 Оп. 1. Д. 1348; Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 8; Отд. 2. Кн. 1; Ф. 158. Оп. 1. Д. 130; Ф. 181. Оп. 2. Д. 125; Ф. 199. Оп. 1. Портф. 133. Ч. 4; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 1741; Ф. 214. Оп. 5. Д. 859; Ф. 231. Оп. 1; Ф. 371. Оп. 1. Д. 42, 245,

305, 325; Оп. 2. Стб. 484, 817, 819, 822, 884, 920, 934, 1021; Ф. 396. Оп. 1. Д. 33560; Оп. 3. Кн. 1, 5–8, 11, 13, 16, 26, 31, 79, 112, 129, 145, 168; Ф. 649. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1154. Оп. 1. Д. 29.

Руденко И. В. Бородовые знаки 1698. 1705. 1724. 1725 : каталог. Ростов н/Д : Омега Паблицер, 2013. 184 с.

Руденко И. В., Мицкевич И. В. К вопросу о чеканке и бытовании бородовых знаков 1698–1725 гг. // *Genesis: исторические исследования*. 2016. № 5. С. 44–55.

Русский исторический портрет : Эпоха парсуны / сост. О. Г. Гордеева. М. : Художник и книга, 2004. 280 с.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Катков и Ко, 1872. Т. 1. 420 с.

Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. М. : Мысль, 1988–2000.

Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века : сб. док. / подгот. Н. Б. Голикова. М. : Древлехранилище, 2004. 444 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 6 т. СПб. : Тип. Второго отд. Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1858–1863.

Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель : в 4 т. / сост. Е. Ф. Желуховцева ; отв. ред. М. И. Автократова. М. : Главархив СССР, 1991. Т. 1. 530 с.

Чижов С. И. Бородовые знаки // *Тр. Моск. нумизмат. общ-ва*. Т. 3. Вып. 2. М. : Тип. и словолитня О. О. Гербека, 1905. С. 331–352.

Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // *Древняя Русь : Вопросы медиевистики*. 2005. № 1. С. 23–38.

Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // *Проблемы истории России*. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург : Волот, 1998. С. 301–322.

Akelev E. V. The Barber of All Russia : Lawmaking, Resistance, and Mutual Adaptation during Peter the Great's Cultural Reforms // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. Vol. 17. № 2. P. 241–275.

Anisimov E. V. The Reforms of Peter the Great : Progress through Coercion in Russia / transl. J. T. Alexander. Armonk ; N. Y. : M. E. Sharpe, 1993. 327 p.

Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. L. : Macmillan, 1971. 336 p.

Hughes L. “A Beard is an Unnecessary Burden”: Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia // *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of A. G. Cross* / ed. by R. Bartlett, L. Hughes. Munster : Lit, 2004. P. 21–34.

Hughes L. From Caftans into Corsets: The Sartorial Transformation of Women during the Reign of Peter the Great // *Gender and Sexuality in Russian Civilization*. L. : Routledge, 2001. P. 17–32.

Korb J. G. Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Czar Peter the Great: in 2 vols. / transl. C. MacDonnell. L. : Bradbury & Evans, 1863. Vol. 1. 626 p.

Zitser E. A. The Transfigured Kingdom : Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca; L. : Cornell UP, 2004. 240 p.

References

Akel'ev, E. V. (2013). Iz istorii vvedeniya bradobritiya i “nemetskogo” kostyuma v petrovskoi Rossii [On the History of Beard Shaving and the Introduction of ‘German’ Clothing in Peter the Great's Russia]. In *Quaestio Rossica*, No. 1, pp. 90–98.

Akel'ev, E. V. (2016). The Barber of All Russia. Lawmaking, Resistance, and Mutual Adaptation during Peter the Great's Cultural Reforms. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 17. No. 2, pp. 241–275.

Akel'ev, E. V., Trefilov, E. N. (2013). Proekt evropeizatsii vneshnego oblika poddannyykh v Rossii pervoi poloviny XVIII v.: zamysel i realizatsiya [Europeanising the Appearance of Russian Subjects, the First Half of the 18th Century: Initial Plans and Practical Realisation]. In Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). *Fenomen reform na zapade*

i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): sbornik statei. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 153–173.

Anisimov, E. V. (1993). *The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia* / transl. by J. T. Alexander. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe. 327 p.

Avtokratova, M. I., Zhelokhovtseva, E. F. (Eds.). (1991). *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov SSSR: Putevoditel' v 4 t.* [Central State Archive of Ancient Acts of the USSR: A Guide. 4 vols]. Vol. 1. Moscow, Glavarkhiv SSSR. 530 p.

Baklanova, N. A. (1954). Tetradi startsa Avraamiya [Abbot Avraamii's Notes]. In *Istoricheskii arkhiv*. Vol. 6. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk, pp. 131–155.

Chizhov, S. I. (1905). Borodovye znaki [Beard Tokens]. In *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva*. Vol. 3, Vyp. 2. Moscow, Tipografiya i slovolitnyia O. O. Gerbeka, pp. 331–352.

Cracraft, J. (1971). *The Church Reform of Peter the Great*. L., Macmillan. 336 p.

De Bruin, K. (1989). Puteshestvie v Moskoviyu [A Trip into Muscovy]. In Limonov, Yu. A. *Rossiya XVIII v. glazami inostrantsev*. Leningrad, Lenizdat, pp. 19–188.

Demidova, N. F. (2011). *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700): Biograficheskii spravochnik* [Service Class Bureaucracy in 17th-Century Russia (1625–1700). A Biographic Reference Book]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 718 p.

Demmeni, M. G. (1910). *Ukaz 1698 goda o chekanke borodovykh znakov* [Decree of 1698 on Beard Tokens Minting]. St Petersburg, Tipografiya B. M. Vol'fa. 5 p.

Esipov, G. V. (1863). *Raskol'nic'ii dela XVIII veka, izvlechennyya iz del Preobrazhenskago prikaza i Tainoi kantselyarii v 2 t.* [Schismatic Cases of the 18th Century. Extracted from Cases in the Preobrazhenskii Prikaz and the Secret Investigative Chancellery, 2 vols]. Vol. 2. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 277 + 274 add. p.

Golikova, N. B. (1957). *Politicheskie protsessy pri Petre I: Po materialam Preobrazhenskago prikaza*. [Political Trials under Peter I. From the Materials of the Preobrazhenskii Prikaz]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 337 p.

Golikova, N. B. (1975). *Astrakhanskoe vosstanie 1705–1706 gg.* [Astrakhan Revolt of 1705–1706]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 328 p.

Golikova, N. B. (Ed.). (2004). *Sotsial'nye dvizheniya v gorodakh Nizhnego Povolzh'ya v nachale XVIII veka: sbornik dokumentov* [...]. Moscow, Drevlekhranilishche. 444 p.

Gordeeva, O. G. *Russkii istoricheskii portret: Epokha parsuny* [The Russian Historical Portrait. The Parsuna Epoch]. (2004). Moscow, Khudozhnik i kniga. 280 p.

Gudzii, N. K. (1960). *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim nastannoie* [The Life of the Archpriest Avvakum Written by Himself]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 479 p.

Hughes, L. (2001). From Caftans into Corsets: The Sartorial Transformation of Women during the Reign of Peter the Great. In *Gender and Sexuality in Russian Civilization*. L., Routledge, pp. 17–32.

Hughes, L. (2004). 'A Beard is an Unnecessary Burden': Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia. In Bartlett, R., Hughes, L. (Eds.). *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of A. G. Cross*. Munster, Lit, pp. 21–34.

Kirsanova, R. M. (1997). Kostyum petrovskogo vremeni [The Costume of the Petrine Epoch]. In Svirida, I. I. (Ed.). *Kul'tura i istoriya. Slavyanskii mir*. Moscow, Indrik, pp. 213–220.

Korb, J. G. (1863). *Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Czar Peter the Great in 2 vols.* / transl. C. MacDonnell. Vol. 1. L., Bradbury & Evans. 626 p.

Kurakin, B. I. (1890). *Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina, im samim opisanaya, 1676 – iyulya 20-go – 1709 gg.* [The Life of Prince Boris Ivanovich Kurakin Described by Him, 1676 – July 20–1709]. In *Arkhiv knyazya F. A. Kurakina v 10 kn.* Vol. 1. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, pp. 241–287.

Maikova, T. S., Preobrazhenskii, A. A. (Eds.). (2004). *Gistoriya Sveiskoi voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [The History of the Swedish War (Peter the Great's Diary)]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo "Krug". 632 p.

Mikhnevich, V. O. (1882). *Istoriya russkoi borody* [History of the Russian Beard]. In Mikhnevich, V. O. *Istoricheskie etyudy russkoi zhizni in 3 vols.* Vol. 2. St Petersburg, Tipografiya F. S. Sushchinskogo, pp. 29–108.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [State Economy in Russia during the 1st Quarter of the 18th Century and Peter the Great's Reform]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 678 p.

Pokrovskii, N. N. (1974). *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'yan-starobryadtsev v XVIII v.* [Anti-feudal Protest of the Ural-Siberian Old Believer Peasants in the 18th Century]. Novosibirsk, Nauka. 394 p.

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Laws of the Russian Empire]. (1830). Sobranie pervoe. St Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi kantselyarii, Vol. 4. No. 1741; No. 1999; No. 2015.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 6. List 1. Dossier 14; Stock 7. List 1. Dossier 1348; Stock 9. List 2. Sect. 1. Vol. 8; Sect. 2. Vol. 1; Stock 158. List 1. Dossier 130; Stock 181. List 2. Dossier 125; Stock 199. List 1. Port. 133. Part 4; Stock 210. List 13. Stb. 1741; Stock 214. List 5. Dossier 859; Stock 231. List 1; Stock 371. List 1. Dossier 42, 245, 305, 325; List 2. Stb. 484, 817, 819, 822, 884, 920, 934, 1021; Stock 396. List 1. Dossier 33560; List 3. Vol. 1, 5–8, 11, 13, 16, 26, 31, 79, 112, 129, 145, 168; Stock 649. List 1. Dossier 1; Stock 1154. List 1. Dossier 29.

Rudenko, I. V. (2013). *Borodovye znaki 1698. 1705. 1724. 1725. Katalog* [Beard Tokens. 1698. 1705. 1724. 1725. Catalogue]. Rostov-na-Donu, Omega Publ. 184 p.

Rudenko, I. V. Mitskevich, I. V. (2016). K voprosu o chekanke i bytovanii borodovykh znakov 1698–1725 gg. [On the Question of the Typology and Circulation of Beard Tokens between 1698 and 1725]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 44–55.

Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom v 2 t. [Collection of Excerpts from the Archival Documents about Peter the Great. 2 vols]. (1872). Vol. 1. Moscow, Katkov i Ko. 420 p.

Shamin, S. M. (2005). Moda v Rossii posledney chetverti XVII stoletiya [Fashion in Russia of the Last Quarter of the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1, pp. 23–38.

Shashkov, A. T. (1998). Delo 1705 g. “o protivnosti i o presluchanii ego tsarskogo velichestva ukazu tomskikh zhitel'ei o nemetskom plat'e i o britii borod” [The Case of 1705 about “Willfulness and Disobedience of the Tomsk Residents to the Great Sovereign's Decree about ‘German’ Clothing and Beard Shaving”]. In *Problemy istorii Rossii, Vyp. 2. Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv.* Yekaterinburg, Volot, pp. 301–322.

Solovyov, S. M. (1988–2000). *Sochineniya v 18 kn.* [Works in 18 Books]. Moscow, Mysl'.

Timofeev, A. I. (Ed.). (1882). *Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII veka v 2 kn.* [Monuments of Siberian History of the 18th century. 2 vols]. Vol. 1. 1700–1713. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. XXXII + 551 + XXXIV p.

Ustryalov, N. G. (1858–1863). *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo v 6 t.* [History of the Reign of Peter the Great. 6 vols]. Vol. 3. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 652 p.

Veselovskii, S. B. (1975). *D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv.* [Secretaries and Clerks between the 15th and 17th Centuries]. Moscow, Nauka. 607 p.

Vinkler, P. P. (1897). Borodovye znaki (1705–1725) [Beard Tokens (1705–1725)]. In Vinkler P. P. *Iz istorii monetnogo dela v Rossii*. St Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina, pp. 165–171.

Zakharov, A. V. (2013). “Gosudarev dvor” i “tsaredvortsy” Petra I: problemy terminologii i rekonstruktsii sluzhby [The ‘Gosudarev dvor’ and ‘Tsaredvortsy’ of Peter I: The Problems of Terminology and Reconstruction of Service]. In Petrukhintsev, N. N., Erren, L. (Eds.). *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 10–44.

Zhelyabuzhskii, I. A. (1997). Dnevnye zapiski [Zhelyabuzhskii's Diary]. In *Rozhdenie imperii*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 261–358.

Zitser, E. A. (2004). *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great*. Ithaca, L., Cornell UP. 240 p.

The article was submitted on 17.12.2016

DOI 10.15826/qr.2017.4.271
УДК 340.15+340.130.53(470)"1760"

**ТРАКТАТ *DE L'ESPRIT DES LOIS* Ш.-Л. МОНТЕСКЬЕ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ
В РОССИИ НАЧАЛА 1760-х гг.***

Михаил Киселев

Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**MONTESQUIEU'S TREATISE *DE L'ESPRIT DES LOIS*
AND FUNDAMENTAL LAWS IN RUSSIA
IN THE EARLY 1760s****

Mikhail Kiselev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Relying on the method of the history of concepts, this paper considers how Montesquieu's treatise *The Spirit of the Laws* had come to be perceived in Russia by 1762, as well as the existence of the concept of "fundamental laws" in the Russian political lexicon. It is demonstrated that among the Russian ruling elite, *The Spirit of the Laws* had a number of followers, who, however, did not play a leading part in the domestic policy of Elizabethan Russia. By 1762, the treatise had limited circulation, but the fact that some people knew about its ideas did not mean their full and unconditional acceptance of it. Moreover, these ideas could be perceived very critically, as was demonstrated by F.H. Strube de Piermont, professor of the St Petersburg Academy of Sciences. For the Russian ruling elite,

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-31-00007. Благодарю В. С. Ржеуцкого и А. В. Келлера за помощь при подготовке статьи.

** *Citation*: Kiselev, M. (2017). Montesquieu's Treatise *De L'Esprit des Loïs* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Цитирование: Kiselev M. Montesquieu's Treatise *De L'Esprit des Loïs* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271 / Киселев М. Трактат *De L'Esprit des Loïs* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

The Spirit of the Laws was not the only work about fundamental laws. By the mid-18th century, discourses about such laws were available in the works of several European authors, including S. Pufendorf and F. Fenelon. In the works of such authors, a combination of fundamental laws with a monarchical form of government was associated with the idea of a contract between subjects and the monarch. According to the resources analysed, this understanding of the contractual nature of fundamental laws influenced the draft of the fundamental laws by I. I. Shuvalov (1760–1761) and the Manifesto on the Freedom of the Nobility by Peter III (1762). By the early 1760s, the concept of “fundamental laws” was an essential part of the political language of the Russian ruling elite, and it influenced the understanding of domestic policy and its goals. However, this was not due to the reception of Montesquieu’s ideas. At the same time, the reception and use by the ruling elite of concepts describing the form of government and the concept of “fundamental laws” laid the foundations for the perception of the ideas of *The Spirit of the Laws*. As a result, the main innovation of this treatise in Russia was not the use of the concept of “fundamental laws”, but its reinterpretation.

Keywords: history of concepts; fundamental laws; Ch.-L. Montesquieu; F. H. Strube de Piermont; I. I. Shuvalov.

В работе с использованием метода истории понятий рассматривается проблема проникновения и рецепции «Духа законов» Ш.-Л. Монтескье в России к 1762 г., а также проблема бытования понятия «фундаментальные законы» в российском политическом лексиконе к этому году. Показано, что среди представителей правящей элиты России к 1762 г. у «Духа законов» было некоторое количество поклонников, которые, однако, не играли ведущих ролей во внутренней политике елизаветинской России. К 1762 г. этот трактат имел ограниченное хождение, а сам факт знакомства читателя с его идеями отнюдь не означал их полного и безоговорочного принятия. Более того, эти идеи могли восприниматься весьма критично, как это было продемонстрировано профессором Петербургской академии наук Ф. Г. Штрубе де Пирмонтом. При этом для российской правящей элиты «Дух законов» не был единственным сочинением, из которого она могла узнать о фундаментальных законах. К середине XVIII в. сведения о них были доступны в работах целого ряда европейских авторов, включая сочинения С. Пуфендорфа и Ф. Фенелона. Сочетание фундаментальных законов с монархической формой правления в работах таких авторов отсылало прежде всего к идее своеобразного договора между подданными и монархом. Как показывает анализ источников, именно такое понимание договорного характера фундаментальных законов оказало влияние на проект фундаментальных законов И. И. Шувалова (1760–1761) и на Манифест о вольности дворянства Петра III (1762). В связи с этим можно утверждать, что к началу 1760-х гг. понятие «фундаментальные законы» стало неотъемлемой частью нормативного политического языка части представителей правящей элиты в России, и оно стало задавать формы и границы для проведения политики, а также выступать инструментом при достижении определен-

ных целей. Однако это по преимуществу не было связано с рецепцией идей Монте́сье. В то же время усвоение и использование представителями правящей элиты как понятий, описывавших соответствующим образом формы правления, так и понятия «фундаментальные законы», подготовили почву для восприятия идей «Духа законов». При этом основным новаторством данного трактата в России окажется отнюдь не введение новых понятий в политический лексикон, а их переинтерпретация.

Ключевые слова: история понятий; фундаментальные законы; Ш.-Л. Монте́сье; Ф. Г. Штрубе де Пирмонт; И. И. Шувалов.

В начале 1760-х гг. в России произошли важные события, связанные с изменением правового статуса монархии. В 1760–1761 гг. И. И. Шувалов по предписанию императрицы Елизаветы Петровны подготовил проект введения в России *фундаментальных законов*, а 18 февраля 1762 г. Петр III в Манифесте о вольности дворянства служить и не служить провозгласил этот акт фундаментальным законом империи.

В историографии такие изменения начала 1760-х гг. связываются с проникновением в Россию идей Ш.-Л. Монте́сье, содержащихся в его наиболее значимом произведении – трактате «О духе законов» (1748). Е. В. Анисимов, рассматривая политическую деятельность Шувалова, пришел к выводу, что «“фундаментальные и непрменные законы” Шувалова – это слепок с “основных законов” Монте́сье, измененных применительно к условиям России» [Анисимов, с. 103]. Его наблюдения о влиянии «Духа законов» Монте́сье на проект фундаментальных законов Шувалова были поддержаны рядом исследователей [Каменский, с. 203; Коршунова, с. 52–53; Андрияйнен, с. 96–98].

Концепцию о влиянии «Духа законов» как на представления, так и на политические действия российской правящей элиты середины XVIII в. развивает С. В. Польской. По его наблюдениям, «в середине XVIII в... идеи Монте́сье захватывают умы русских государственных деятелей». Как результат, «идея монархии, ограниченной правами сословий, почерпнутая у Монте́сье, оказала существенное влияние на политические взгляды дворянской элиты 1750–1760-х гг. Сначала И. И. Шувалов предлагает императрице Елизавете ограничить свою власть “фундаментальными законами”, затем Р. И. Воронцов пытается увековечить права “благородных” как фундаментальный “закон монархии” в Манифесте 18 февраля 1762 г.» [Польской, 2010, с. 244, 245].

Проблемность утверждений о влиянии на российскую правящую элиту на рубеже 1750–1760-х гг. «Духа законов» заключается в том, что они основываются по преимуществу на факте использования в проекте И. И. Шувалова, а также в Манифесте о вольности дворянства выражений *фундаментальные и непрменные законы* и *фундаментальное и непрменное правило* соответственно, которые напоминают о *фундаментальных законах* (*les loix fondamentales*) Монте́сье. Однако при этом историки не смогли предложить ни убедительной картины про-

никновения текста «Духа законов» в Россию, ни анализа процесса восприятия идей данного трактата. В настоящей работе мы обратимся как к проблеме проникновения и адаптации идей «Духа законов» Монтескье в России к 1762 г., так и к проблеме бытования понятия *фундаментальные законы* в российском политическом лексиконе к этому году.

Прежде всего стоит задаться вопросом о путях, которыми текст «Духа законов» попадал в Россию. Обращение к истории книжной торговли позволяет привести следующие сведения. Первые экземпляры «Духа законов» попали в Россию на следующий год после публикации этого сочинения: в 1749 г. Петербургская академическая книжная лавка получила шесть экземпляров этого трактата. Затем в Московскую академическую книжную лавку в 1755 г. поступил один экземпляр трехтомного женеvского издания 1753 г. Реализовать этот трехтомник смогли только на третий год продажи. Для сравнения: с 1749 по 1760 г. в этой же лавке было продано 55 экземпляров «Путешествия Телемака» Ф. Фенелона на французском языке. Конечно, с такой популярностью «Путешествия» не могла соревноваться ни одна из французских книг, представленных в этой лавке. Тем не менее, факт продажи единственного экземпляра книги Монтескье на третий год поступления свидетельствовал, что она явно не пользовалась ажиотажным спросом. Кроме того, в 1761 г. в книжной лавке Московского университета продавалось собрание сочинений Монтескье 1759 г. в четырех томах, в состав которого входил и «Дух законов» [Копанев, 1988, с. 74; Копанев, 1986, с. 131, 152, 159, 95]. Таким образом, к настоящему времени достоверно известно, что в книжных лавках России с 1749 по 1761 г. было в продаже не менее восьми экземпляров данного трактата.

Читатель мог ознакомиться с «Духом законов», не прибегая к услугам книжных лавок в России. Так, 24 января 1760 г. 15-летний С. Р. Воронцов сообщал своему отцу Р. И. Воронцову, что доктор К. Г. Разумовского

...книги мне уступил, между которыми одна есть, которая в многих государствах запрещена. Титул ея «Esprit des loix». Тут все натуральные права изъяснены. Эта книга всякаго человека делает просвещенным и обо всем генерально даст понятие; в Петербурге ее достать не можно, разве что есть у дядюшки Михаила Ларионовича да у Ивана Иванныча. Я бы очень желал, чтоб она была переведена на наш язык и чтоб вы могли ее прочесть [Архив, с. 15].

Р. И. Воронцов смог выполнить рекомендацию сына, взяв эту книгу в библиотеке А. С. Строганова. Последний, скорее всего, приобрел ее во время своего образовательного европейского путешествия. Точную дату, когда она попала к Воронцовым, назвать сложно. Можно только с уверенностью сказать, что это было в промежутке с 1760 по 1764 г. [Сомов, 2002, с. 203–205, 214, 221].

Помимо большого впечатления, произведенного трактатом Монте́сье на С. Р. Воронцова, в этой истории обращает на себя внимание следующее: он до знакомства с доктором К. Г. Разумовского ничего не знал о «Духе законов». Не менее показательны его умозаключения, что эту книгу в Петербурге «достать не можно». Конечно, он указал на библиотеки своего дяди М. И. Воронцова и И. И. Шувалова. Однако он это сделал не потому, что знал о ее точном нахождении там, а по той причине, что они имели репутацию людей, регулярно закупавших европейские книжные новинки. Факт, что Р. И. Воронцов прибегнул к услугам библиотеки А. С. Строганова, дабы достать эту книгу, может свидетельствовать, что ее все же не оказалось у М. И. Воронцова и И. И. Шувалова. Так, к настоящему времени отсутствуют какие-либо сведения, что «Дух законов» находился среди книг Шувалова, хотя он и должен был слышать об авторе книги. По крайней мере, в журнале «*Le Caméléon littéraire*», издававшемся на французском языке в Петербурге секретарем Шувалова Т.-А. де Чуди, в 1755 г. было опубликовано произведение, написанное в связи со смертью Монте́сье, где оплакивался безвременный уход «самого великого из людей» и «друга человечества» [Turben].

Доктором, который познакомил С. Р. Воронцова с «Духом законов», был не кто иной, как Н.-Г. Леклерк, будущий автор «Истории древней и новой России». Он прибыл в Россию в 1759 г. и в декабре 1760 г. находился в качестве врача при К. Г. Разумовском [Сомов, 1983, с. 97]. В связи с этим упомянем также известного авантюриста Ш. д'Эона, который воспользовался «Духом законов», чтобы в его переплете перевезти для Елизаветы Петровны личное послание от Людовика XV [Строев, с. 111]. Итак, некоторые иностранцы, оказавшиеся в России, были еще одним каналом, с помощью которого «Дух законов» мог попасть в Россию. Таким образом, к началу 1760-х гг. трактат «О духе законов» имел некоторое хождение в России. По крайней мере, на ее территории было не менее десятка его экземпляров. Однако это не позволяет утверждать, что чтение трактата стало популярным среди правящей элиты. При этом сам факт нахождения «Духа законов» в библиотеке автоматически отнюдь не превращал его обладателя в сторонника идей Монте́сье. Для этого книгу следовало не просто прочитать, а и соответствующим образом проинтерпретировать.

Сведений о том, кто и, главное, как читал «Дух законов» в России в 1748–1762 гг., не столь много. Известно, что к 1762 г. «Дух законов» был прочтен великой княгиней Екатериной Алексеевной. Именно она своим «Наказом» впоследствии придаст в глазах как современников, так и потомков большую значимость трудам Монте́сье в России. По ее воспоминаниям, в конце 1754 г. она «прочла... столько русских книг, сколько могла достать», после чего «напала на "Дух законов" Монте́сье». Также сохранились датированные 1762 г. выписки Екатерины о Монте́сье. Правда, они были сделаны не непосредственно из сочинений Монте́сье, а из работ Ж.-Л. д'Аламбера, в которых

содержались и высказывания об авторе «Духа законов». Упомянем и собственноручные комментарии Екатерины на полях книжки «Lettres Russiennes», изданной в 1760 г., где она называла Монтескье «великим человеком» [Екатерина II, с. 366, 620–623, 676]. Однако на основании таких выписок и заметок весьма не просто ответить на вопрос, какие именно мысли Монтескье в то время привлекали ее. Так, в них не было ничего о фундаментальных законах.

Другим высокопоставленным поклонником «Духа законов» к 1762 г. был воспитатель наследника великого князя Павла Петровича Н. И. Панин. По крайней мере, это можно утверждать, принимая во внимание его деятельность в царствование Екатерины II [Бугров]. Однако, скорее всего, Панин стал поклонником Монтескье отнюдь не во время своего пребывания России, а будучи с 1747 по 1760 г. русским послом в Швеции, так что его пример едва ли был типичным для Петербурга начала 1760-х гг.

Упомянем и М. М. Щербатова, неутомимого автора и переводчика XVIII в. Среди его рукописей сохранился датированный 1759 г. перевод 13-й главы из 25-й книги «Духа законов», озаглавленный «Нижайшее представление инквизиторам Гишпани и Португалии» [ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. 228. С. 59–64]. Кроме того, он примерно в 1760 г. написал на французском языке трактат «Réflexions Diverses sur le Gouvernement», в русском переводе – «Разные рассуждения о правлении». По мнению З. П. Рустам-Заде, эти *рассуждения* «были созданы в результате непосредственного знакомства с “Духом законов” Монтескье, во многом повторяли формулировки французского просветителя». В то же время историк отмечала, что Щербатов, например, в отличие от Монтескье, выделял не три рода (формы) правления – *монархическое, республиканское и деспотическое*, а четыре: «*монархическое, деспотическое или самовластное, аристократическое и демократическое, или народное* (курсив автора. – М. К.)» [Рустам-Заде, с. 54–55]. На первый взгляд, такая щербатовская классификация не принципиально отличалась от классификации Монтескье, так как последний, говоря о *республике*, выделял как *демократию*, так и *аристократию*. Однако, рассуждая о *началах* для разных форм правления, Монтескье полагал, что для *республик*, как *демократических*, так и *аристократических*, таким началом является *добродетель*. При этом *добродетель* при *аристократии*, в отличие от *демократии*, «не так строго взыскивается» [Монтескье, с. 16, 44]. Щербатов, похоже, не испытывал каких-либо симпатий к демократии, в связи с чем заявлял, что люди «во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и увертчивы». Итак, он отказывал в добродетельности людям в демократии, таким образом фактически отрицая наличие общего начала для этих двух форм правления. Кроме того, при описании монархического правления Щербатов ничего не написал ни о принципиально важных для Монтескье «властях посредствующих подчиненных и зависящих», ни о роли дворянства, ни о фундаментальных законах.

Вместо этого он утверждал, что монарху следует подбирать хороших советников [Щербатов, стлб. 346, 337–338]. В связи с этим стоит говорить, что влияние «Духа законов» на рассуждения Щербатова в начале 1760-х гг. было весьма умеренным. При этом следует помнить, что он к 1762 г. был обладателем не самого значимого в столице чина капитана-поручика Семеновского полка.

Таким образом, хотя среди представителей правящей элиты к 1762 г. у «Духа законов» было некоторое количество читателей, однако их понимание и восприятие идей Монте­сье явно было неодинаковым. Кроме того, далеко не все из них играли ведущие роли во внутренней политике елизаветинской России. Для великой княгини Екатерины Алексеевны, Н. И. Панина и М. М. Шувалова звездный час наступит уже после свержения Петра III.

Кроме того, необходимо привести следующий факт о влиянии трактата «О духе законов» Монте­сье на столичную интеллектуальную атмосферу. В 1761 г. в мартовском номере «Сочинений и переводов, к пользе и увеселению служащих» было опубликовано сочинение «Перевод с немецкаго перваго разговору, между юношею Российским, старающемся подражать людям и поведением Французским, и между некоторым приежжим, остроумным и ученым Швейцаром. Сочинение славнаго господина Галлера, напечатанное в месячном Мартовском журнале 1760 году, в городе Берне», где от имени некоего швейцарца подвергалась критике мода на подражание французской культуре. При этом швейцарец заявлял следующее:

Великий Монте­сье довольно доказал в книге своей, что воспитание и климат могут почитаться второю натурою. Некоторые из ученых людей его в том только опровергают, что он лишнее участие приписал климату. Впрочем, *Esprit des loix* почитается в числе тех книг, которыя много чести делают превозходству человеческого разума. Можно бы желать, что бы, как Государи, так и Министры их, чаще оную читали.

Показательно, что в ответ на это утверждение он получил от русского юноши-галломана такой вопрос: «Из котораго народа был помянутой вами Монте­сье, и переведена ли книга его на Французской язык?» [Перевод, с. 247–248].

Говоря об этой публикации, важно указать на наблюдения П. Дре­вса, согласно которым в 1760 г. в Берне не издавалось никакого «Мартовского журнала», а среди сочинений А. Галлера не было такого диалога между русским и швейцарцем [Drews, s. 234]. Похоже, что это был не перевод, а оригинальное сочинение русского автора. Если учесть, что И. И. Шувалов имел репутацию одного из главных столичных франкофилов [Берков, с. 118–119], становится понятна логика такой мистификации: она должна была уберечь настоящего автора от возможного гнева фаворита императрицы. Получалось, что в 1761 г. на страницах столичного журнала в России фактически рекламировался трактат

«О духе законов», хотя автор такой рекламы предпочел скрыть как свое имя, так и то, что это было сочинение именно русского автора.

В связи с этим важно понимать, что помимо поклонников «Духа законов», в России среди его читателей были и критики, одним из которых являлся Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, профессор Академического университета и член Уложенной комиссии. Он 6 сентября 1756 г. в публичном собрании Петербургской академии наук произнес «Discours l'origine et les changemens des loix Russiennes». В русском переводе этой речи читатель мог обнаружить следующие слова:

Думал я последовать некоторым писателям, упомянувшим о законах Российской империи. Но тот час увидел, что они сами, не имея об них довольного понятия, не могли описать их ясно, по чему и подражания недостойны.

В примечании к этому утверждению отмечалось:

Я буду доволен, есть ли сообщу здесь один пример, котораго никто не уповал бы найти в столь славном писателе, как господин Монтескиу.

Далее была приведена цитата из 14-й главы 22-й книги «Духа законов» о российских законах о торговле, которая позволяла автору сделать следующий вывод:

Видно, что сей писатель мало имел попечения в приобретении себе знания о коммерции и законах сей империи [Штрубе, 1756, с. 2].

Итак, хотя профессор и назвал Монтескье «славным писателем», он полемизировал с ним, а не соглашался.

В 1760 г. на французском языке в Петербурге были напечатаны анонимные «Lettres Russiennes», автором которых был также Штрубе. В 1761 г. был создан их рукописный перевод. Трактат был целиком посвящен полемике с «Духом законов» Монтескье по проблеме сущности деспотизма. Штрубе подвергал критике классификацию форм правления по Монтескье. Последний утверждал, что

...на свете... три рода правительства – республиканское, монархическое и деспотственное... В республиканском правительстве весь народ или часть онаго имеет полную власть, в монархическом владении единый монарх по уставам и вечным законам (*des loix fixes & établies*) правительствует, а в деспотственном правительстве один самовладелец без правил и законов все по собственной воле и по одному своенравству делает.

Критикуя Монтескье, Штрубе писал, что сущность *деспотства* – это «правительство, из рабов состоящего государства, вместо настоящих и подлинных граждан». Там, где были *граждане*, обладавшие соответ-

ствующими правами, по Штрубе, существовало *гражданское правление* (l'Etat civil). Согласно Штрубе, Монтескье при описании *деспотства*

...четыре весьма различных способа к правлению в одно место смешал: подлинное деспотство (le veritable Despotisme), монархию самовластную (la Monarchie absolue), насильственное правление (le Gouvernement tyranique) и варварское, то есть непорядочное правительство (irrégulier) [Штрубе, 2016, с. 368, 363, 364; Strube, p. 106–107, 88–89, 91].

По Штрубе, *деспотство* обладало некоторыми схожими чертами с другими формами правления, включая и *гражданское правление*, разновидностью которого была *самовластная монархия*. Именно с последней особенно было схоже *деспотство*, так как в ней

...власть самодержца, или самовластного монарха (Souverain, qui en est le Chef), никакими политическими или гражданскими законами не определена и им отнюдь не подвержена. Деспот и самовластной монарх (le Monarque absolu), кроме того, правила и предела воле своей не имеют, что закон Божий и свет собственного разума им предписывает [Штрубе, 2016, с. 364; Strube, p. 93–94].

Однако он указывал, что существует и принципиальное различие между *деспотством* и *гражданским правлением*:

Деспота, невзирая на общую пользу, велит себе во всем том повиноваться, что до него собственно и до персональных его интересов касается.

В то же время главе *гражданского правления* (Le Chef d'un Etat civil), включая и *самовластного монарха*, «покоренные народы во всем том праведно повинуются, что к общей пользе (bien public) касаться может» [Штрубе, 2016, с. 365; Strube, p. 95–96].

Соответствующим образом Штрубе подходил к вопросу о необходимости для монархии фундаментальных законов. Он утверждал, что ни одна из форм правления не может обойтись без правил и законов как таковых. Однако «в том необходимой нужды нет, чтоб законы... вечныя и постоянныя были (fixes & établies)». Штрубе полагал, что такие законы не только мешали бы власти творить зло, а и служили бы помехой для правителя, желавшего блага подданным [Штрубе, 2016, с. 368, 371; Strube, p. 110, 120].

Основываясь на таком подходе к формам правления, Штрубе доказывал, что в России было отнюдь не *деспотство*, как это утверждалось в «Духе законов» Монтескье, а *гражданское правление*, где по законам «к общему благу» монарх управляет гражданами, обладающими соответствующими правами и привилегиями, и где «народы подлинною гражданскою свободою наслаждаются». При этом гражданское правление в России было *самовластной монархией*, так как

«таких законов и договоров отнюдь там нет, кои бы высокую волю, власть и силу монаршу по делам правления его в границы или пределы привести могли» [Штрубе, 2016, с. 389].

Итак, хотя Штрубе и утверждал, что в России отсутствовали фундаментальные законы, он не видел в них необходимости. Равным образом он не видел в факте отсутствия таких законов основания отнесения России к государствам с деспотической формой правления. Для него более принципиальной категорией было *общее благо*, следование которому правителем имело гораздо большее значение для государства, чем наличие в нем фундаментальных законов.

Такие утверждения Штрубе до определенной степени следовали логике рассуждений европейских правоведов XVII–XVIII вв., включая знаменитого С. Пуфендорфа. Последний в трактате 1675 г. «De officio hominis et civis», опубликованном в России в 1726 г. под заглавием «О должности человека и гражданина», поместил следующие рассуждения о власти правителей:

Высочайшее повелительство, в Монархиях наипаче... инде есть совершенное (абсолютное), а инде ограниченное. Совершенное повелительство оный монарх имеет, который по своему разсуждению собственно оное управлять может, не по правилу неких известных и всегдашних уложений (*certaines Régies fixes & perpétuelles*): но как настоящих вещей случаи требует. И который весьма по собственному своему изволению, о целости общества, как тогдашние времена требуют попечение иметь [Пуфендорф, 436; Pufendorf, p. 300].

Помимо прочего, «законом основательным, или обыкновением, в народе воспринятым (*les Loix Fondamentales ou la Coûtume établie*)», мог регулироваться вопрос престолонаследия [Пуфендорф, с. 438–439]. Далее, говоря о должности правителей в целом, Пуфендорф указывал, что для них «общий закон... есть: целость народа (*bien public*) высочайший закон есть». Соответственно, им «ничтоже собственно надлежит им делать, что не есть в пользу всему граду (*l'Etat*)» [Пуфендорф, с. 452, 453; Pufendorf, p. 310]. Итак, главное для правителя – это следование *общему благу*, для чего наличие фундаментальных законов отнюдь не было обязательным.

Таким образом, само понятие *фундаментальные законы* было связано не только с Монтескье и не принадлежало исключительно его политическому лексикону. Он предложил лишь один из вариантов понимания данного концепта и его соотношения с классификацией форм правления. В то же время представитель российской правящей элиты середины XVIII в. мог почерпнуть сведения о фундаментальных законах из работ других европейских авторов. Значит, при анализе политических текстов необходимо принимать во внимание, что сам факт использования понятия «фундаментальные законы» отнюдь не указывал на влияние «Духа законов». Соответственно, упоминание И. И. Шува-

ловым фундаментальных законов не может быть доказательством того, что он составил проект, исходя из идей Монтескье. И, чтобы понять, какой логикой руководствовался Шувалов при составлении проекта, необходимо обратиться непосредственно к самому проекту.

Этот проект, созданный между ноябрем 1760 г. и апрелем 1761 г., был помещен в записке, которая предназначалась только для глаз императрицы. Немаловажно и то, что Шувалов писал, что инициатива создания фундаментальных законов исходила от самой Елизаветы Петровны. Принимая во внимание, что она «была хорошо образованным человеком» [Копанев, 1990, с. 111], можно с полным основанием утверждать, что идея введения в России фундаментальных законов вполне соответствовала интеллектуальному кругозору императрицы.

Шувалов, обращаясь к Елизавете Петровне, напоминал о ее желании, чтобы «при исправлении законов постановить некоторые фундаментальные, которых самая польза, благополучие вашего императорского подданных непрерывными делают». По Шувалову, императрица, «почитая за первый долг пред Богом и за главное... изыскать способы к блаженству и благополучию... народа», решила «установить фундаментальные и непрерывные законы в его (народа! – М. К.) пользу при исправлении нынешних законов, утвердить и открыть путь к общему благосостоянию». Сам он полагал, что подданные в ответ на такие законы

...усугубят свои услуги любезному отечеству, пребудут с равною, непрерывною верностию и усердием как вашему императорскому величеству, так и по воле вашей нареченному наследнику, вашему любезному племяннику и всему дому государя Петра Великаго.

Принятые законы должны были быть утверждены неким подобием взаимной клятвы:

В. И. В. изволите уверять и обещать пред Богом как за себя, так и за наследников своих следующие законы, свято, ненарушимо сохранять и содержать и повелеть всем верноподданным... во всяких случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу [Бумаги, стлб. 83–84].

Как справедливо отмечает С. В. Польской, здесь шла речь «о клятве ограниченного монарха, о которой говорили все юристы эпохи от Пуфендорфа до Ваттеля» [Польской, 2012, с. 124].

Если обратиться к концепции «Духа законов» Монтескье, то можно с полной уверенностью утверждать, что шуваловская логика противоречила ей. Монтескье, рассуждая о фундаментальных законах, делал акцент на их соответствии природе той или иной формы правления, а не на договорной сущности таких законов [Монтескье, с. 14–15]. В то же время Шувалов во вводной части фактически следовал логике

перехода от абсолютной монархии к ограниченной монархии, для чего надлежало установить фундаментальные законы в результате своеобразного договора между правителем и народом.

Обратимся к нормативной части проекта. Из 17 пунктов первые четыре касались статуса православия в империи. Так, по первому следовало «утвердить самодержавную власть и присягою, дабы все государи Российскаго престола, и жены их, и дети, и мужеск и женск пол, были Греческаго православнаго закона». Второй провозглашал, что «все Россияне в одном законе постоянно, навсегда предбудут», третий гарантировал «права по законам... Петра Великаго» церквям, монастырям и духовенству, а четвертый – существование Синода «по узаконениям... Петра Великаго» [Бумаги, стлб. 84].

Пункты с 5-го по 12-й были посвящены государственной службе. Пятый устанавливал существование Сената в определенном количестве членов, каждый из которых должен был быть «Российский подданный и Греческаго закона», шестой и седьмой – трех фельдмаршалов и трех адмиралов, при этом по одному из них мог быть иностранец. В то же время 8-й пункт устанавливал, что «всем президентам, губернаторам» следует «быть здешним подданным». По 9-му пункту, гвардейские полки должны состоять только из российских подданных, из которых 3/4 должны составлять русские, а четверть – братья из «Лифляндцов, Эстонцов и прочих завоеванных провинций». В схожих пропорциях по 10-му и 11-му пунктам следовало комплектовать генеральский и офицерский корпуса. Уже эти пункты допускали, что в «нерусские» четвертые части могут зачисляться и иностранцы. При этом 12-й пункт указывал, что «Лифляндцы и Эстляндцы имеют преимущество при вступлении в службу пред иностранными» [Бумаги, стлб. 84–85].

Дворянству было посвящено только три пункта (с 13-го по 15-й). Два первых предусматривали для него весьма специфические привилегии: в случае осуждения дворянина у последнего конфисковывалось только «собственно нажитое собою имение, а не родовое», а сам он освобождался от «безчестной политической казни». 15-й пункт также давал послабление дворянам, ограничивая их обязательную службу 26 годами. Однако этот пункт одновременно фактически закреплял для дворян такую обязательную службу в качестве неотъемлемой части их статуса на вечное время. 16-й предписывал «отставных солдат всех по инвалидным по своим дачам распределять без всякаго замедления». Последний пункт – нумерованный – указывал «о купцах и крестьянах сделать рассмотрение и стараться их состояние сделать полезнейшим отечеству и им самим» [Бумаги, стлб. 85].

Нормативные пункты шуваловских фундаментальных законов явно противоречили «Духу законов», где утверждалось, что

...власти посредствующия подчиненныя и зависящия составляют естество самодержавнаго правления; то есть того, где один управляет по законам принятым за основание.

Для действенности фундаментальных законов «необходимо принадлежат посредствующие пути, по которым действует власть». По мнению Монтегкье, «власть посредствующая подчиненная сходственной с естественном (монархии. – М. К.) есть дворянство». В связи с этим он замечал:

Иные воображали... что бы уничтожить все суды больших господ... Пусть в самодержавии уничтожатся преимущества знатных господ, духовенства, дворянства и городов: то тотчас учинится держава народною, или самовластною (деспотией. – М. К.) [Монтегкье, с. 31–32].

Однако у Шувалова закрепление преимуществ дворян, весьма умеренных по своему содержанию, находилось явно не на первом месте. Главным оказывалось обеспечение гарантий для православия, а также господствующего положения российских подданных в управлении.

В связи с этим следует учесть, что конце царствования Елизаветы Петровны весьма остро стоял вопрос о престолонаследии и о том, как будет править великий князь Петр Федорович, став императором [Мыльников, с. 150–169]. С учетом этого вновь обратимся к вводной части проекта. В ней, когда речь шла о верности народа, последняя предназначалась не династии Романовых, а дому Петра Великого. Такая формулировка, скорее всего, была направлена против потомков брата Петра I Ивана (Анны Леопольдовны и ее детей).

Логично предположить, что Елизавета Петровна думала о создании дополнительных гарантий благополучного воцарения наследника из дома Петра Великого посредством своеобразного договора с народом об установлении фундаментальных законов во имя общего блага. Именно этому должны были способствовать и послабления, даруемые дворянам, а также обещание заботы об «отставных солдатах» и «о купцах и крестьянах». В то же время закрепление роли православия вкупе с ограничением роли иностранцев в управлении должно было сдерживать действия Петра Федоровича как в религиозной сфере, так и в продвижении им выходцев из немецких земель и не допустить возникновения почвы для возможного недовольства среди российских подданных.

Проект фундаментальных законов так и не был утвержден. Однако в 1762 г. Россия все же получила свой первый официальный фундаментальный закон. В Манифесте о вольности дворянства служить и не служить, подписанном Петром III 18 февраля 1762 г., провозглашалось:

Сие Наше Всемилостивейшее учреждение всему благородному Дворянству на вечныя времена фундаментальным и неперменным правилом узаконяем; то в заключение сего Мы Нашим Императорским словом на торжественнейшим образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепос-

ледующие по Нам законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сего Нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением Самодержавнаго Всероссийскаго Престола.

При этом император выражал надежду, что российское дворянство, «чувствуя толикия Наши к ним и потомкам их щедроты», будет поступать на службу «с ревностию и желанием... и честным и незорным образом оную по крайней возможности продолжать» [ПСЗ-1. Т. 15. № 11444. С. 914–915]. Данные утверждения вполне вписывались в договорную логику введения фундаментальных законов, которая была и в шуваловском проекте. В связи с этим следует заметить, что Шувалов оказал непосредственное влияние на подготовку текста Манифеста о вольности дворянства [Киселев, 2016].

Царствование Петра III продемонстрировало, что дарование фундаментального закона, в котором закреплялись дворянские привилегии, не смогло предотвратить свержения монарха. Тем не менее, как показала история последующих царствований – Екатерины II, Павла I и Александра I, это было только отправной точкой в истории фундаментальных законов Российской империи, наиболее важными из которых стали Жалованная грамота дворянству 1785 г., Акт о престолонаследии 1797 г. и подтверждение Жалованной грамоты дворянству 1801 г. Россия с 1762 г. постепенно превращалась из монархии, управляемой только волей императора, в монархию, где управление основывалось на фундаментальных законах. Немалую роль в этом процессе при Екатерине II сыграл трактат Ш.-Л. Монтескье «О духе законов». Однако до ее воцарения едва ли можно говорить о господстве идей из «Духа законов» среди российской правящей элиты. В то же время представления о монархии, где правление осуществляется на основе фундаментальных законов, оказались доступными в России в работах европейских авторов, которые стали попадать сюда и распространяться еще в первой половине XVIII в. При этом сочетание фундаментальных законов с монархической формой правления отсылало прежде всего к идее своеобразного договора между подданными и монархом. Как показывает и проект фундаментальных законов И.И. Шувалова, и Манифест о вольности дворянства Петра III, их авторы руководствовались схожим пониманием о договорном характере фундаментальных законов. Кроме того, использование представителями правящей элиты как понятий, описывавших формы правления (монархия, аристократия), так и понятия «фундаментальные законы», подготавливало почву для восприятия идей «Духа законов». Основным новаторством этого трактата было не введение новых понятий в политический лексикон, а их переинтерпретация. Вместо представлений о договорной природе фундаментальных законов, характерных прежде всего для ограниченных монархий, помимо которых существовали и абсолютные монархии, которые, несмотря на отсутствие таких законов, не являлись деспотиями, трактат Мон-

тескье формировал представления, согласно которым в настоящей монархии должны быть фундаментальные законы определенного свойства, без которых монархия не была бы монархией. Соответственно, вместо логики возможного договора с подданными начинала работать логика соответствия обязательным свойствам монархии.

Итак, можно утверждать, что к началу 1760-х гг. понятие «фундаментальные законы» стало неотъемлемой частью нормативного политического языка части представителей правящей элиты в России, и, как результат, оно стало задавать как формы и границы для проведения политики, так и выступать инструментом при достижении определенных целей. Под влиянием такого изменения в политическом лексиконе Елизавета Петровна хотела принять фундаментальные законы, а Петр III, Екатерина II, Павел I и Александр I сделали это. Тракат «О духе законов» Монтескье был только частью данного процесса, хоть и оказавшей немаловажное влияние. В связи с этим необходимо сделать следующее замечание: прежде чем вести речь о влиянии сочинений того или иного автора, необходимо поместить его в более широкий контекст представлений и понятий, с которыми жили и которыми оперировали его современники.

Список литературы

- Андриайнен С. В.* Империя проектов: государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб. : Изд-во СПбГУ ЭФ, 2011. 239 с.
- Анисимов Е. В.* И. И. Шувалов – деятель российского просвещения // *Вопр. истории.* 1985. № 7. С. 94–104.
- Архив князя Воронцова : в 40 кн. М. : Тип. П. Лебедева, 1880. Кн. 16. 546 с.
- Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 224 с.
- Бугров К. Д.* «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2009. № 4 (66). С. 32–43.
- Бумаги И. И. Шувалова // *Рус. архив.* 1867. № 1. Стлб. 65–97.
- Екатерина II.* Записки. СПб. : А. С. Суворин, 1907. VIII + 743 с.
- Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 328 с.
- Киселев М. А.* И. И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // *Вопр. истории.* 2016. № 3. С. 131–143.
- Копанев Н. А.* Книги императрицы Елизаветы Петровны // *Книга в России XVI – середины XIX в. : Материалы и исследования.* Л. : БАН СССР, 1990. С. 109–118.
- Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // *Французская книга в России в XVIII в. : Очерки истории / под ред. С. П. Луппова.* Л. : Наука, 1986. С. 59–172.
- Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. : (Из истории международной книготорговли). Л. : Наука, 1988. 156 с.
- Монтескье Ш.-Л.* О разуме законов. Т. 1. СПб. : Императ. акад. наук, 1775. XXXIV + 424 с.
- Мьльников А. С.* «Он не похож был на государя...» : Петр III. Повествование в документах и версиях. СПб. : Лениздат, 2001. 670 с.
- ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. 228.

Перевод с немецкого первого разговору, между юношею Российским, старающимся подражать людям и поведением Французским, и между некоторым приежжим, остроумным и ученым Швейцаром // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая. 1761. Март. С. 245–253.

Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 94–150.

Польской С. В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 240–252.

ПСЗ. 1-е изд. Т. 15. С 1758 по 28 Июня 1762. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1830. 1050 с.

Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санкт-Петербург. тип., 1726. 537 с.

Рустам-Заде З. П. Жизнь и творчество М. М. Щербатова. СПб.: Лейла, 2000. 92 с.

Сомов В. А. Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов (из истории библиотеки графа А. С. Строганова) // XVIII век. Сб. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 200–234.

Сомов В. А. Н.-Г. Леклерк и М. В. Ломоносов // Ломоносов: сб. ст. и материалов. Т. 8. Л.: Наука, 1983. С. 97–105.

Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна»: Авантюристы Просвещения. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 400 с.

Штрубе де Пирмонт Ф. Г. Российския (или Руские) письма: На французском изданы 1760, а со онаго на российской язык переведены 1761 года // Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Университет. изд-во, 2016. С. 342–408.

Штрубе де Пирмонт Ф. Г. Слово о начале и переменах российских законов. СПб.: Императ. акад. наук, 1756. 34 с.

Щербатов М. М. Сочинения: в 2 т. СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896–1898. Т. 1. Политическая сочинения. 1896. 1060 стлб.

Drews P. Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München: Verlag Otto Sagner, 1996. 430 S.

Pufendorf S. Les devoirs de l'homme et du citoyen, tels qu'ils lui sont prescrits par la loi naturelle. Amsterdam: H. Schelte, 1707. XL + 384 p.

[Strube de Piermont F. H.]. Lettres Russiennes [Saint-Petersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences], 1760. 270 p.

Turben [F.]. Sur la mort de Monsieur le President de Montesquieu // Le Caméléon littéraire. 1755. Т. 4. P. 875–881.

References

Andriainen, S. V. (2011). *Imperiya proektov: gosudarstvennaya deyatel'nost' P. I. Shuvalova* [An Empire of Projects: The State Activity of P. I. Shuvalov]. St Petersburg, Izdatel'stvo ekonomicheskogo fakul'teta SPbGU. 239 p.

Anisimov, E. V. (1985). I. I. Shuvalov – deyatel' rossiiskogo prosveshcheniya [I. I. Shuvalov – A Figure of the Russian Enlightenment]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 94–104.

Arkhiv knyazya Vorontsova v 40 kn. [Archive of Prince Vorontsov. 40 vols.]. (1880). Vol. 16. Moscow, Tipografiya P. Lebedeva. 546 p.

Berkov, P. N. (1936). *Lomonosov i literaturnaya polemika ego vremeni: 1750–1765* [Lomonosov and the Literary Polemics of his Time: 1750–1765]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 224 p.

Bugrov, K. D. (2009). “Diskurs Montesk’e”: rol’ intellektual’nykh zaïmstvovaniï v politicheskikh proektakh N.I. Panina [“Montesquieu Discourse”: On the Role of Intellectual Borrowings in N.I. Panin’s Political Projects]. In *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 4 (66), pp. 32–43.

Bumagi I.I. Shuvalova [Papers of I.I. Shuvalov]. (1867). In *Russkii arkhiv*. No. 1, pp. 65–97.

Drews, P. (1996). *Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert*. München, Verlag Otto Sagner. 430 p.

Ekaterina II. (1907). *Zapiski* [Memoirs]. St Petersburg, A. S. Suvorin. VIII + 743 p.

Kamensky, A. B. (1999). *Rossiiskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya* [The Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernisation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Kiselev, M. A. (2016). I.I. Shuvalov i Manifest o vol’nosti dvoryanstva 1762 g. [I.I. Shuvalov and the Manifesto on the Freedom of the Nobility of 1762]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 131–143.

Kopanev, N. A. (1986). Rasprostranenie frantsuzskoi knigi v Moskve v seredine XVIII v. [The Circulation of French Books in Moscow in the mid-18th Century]. In Luppov, S. P. (Ed.). *Frantsuzskaya kniga v Rossii v XVIII v. Ocherki istorii*. Leningrad, Nauka, pp. 59–172.

Kopanev, N. A. (1988). *Frantsuzskaya kniga i russkaya kul’tura v seredine XVIII v. (Iz istorii mezhdunarodnoi knigotorgovli)* [French Books and Russian Culture in the mid-18th Century. (From the History of International Bookselling)]. Leningrad, Nauka, 1988. 156 p.

Kopanev, N. A. (1990). Knigi imperatritsy Elizavety Petrovny [The Books of Empress Elizaveta Petrovna]. In *Kniga v Rossii XVI – serediny XIX v. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, BAN SSSR, pp. 109–118.

Montesquieu, Ch.-L. (1775). *O razume zakonov* [The Spirit of the Laws]. Vol. 1. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. XXXIV + 424 p.

Myl’nikov, A. S. (2001). ‘On ne pokhozh byl na gosudarya...’: Petr III. Povestvovanie v dokumentakh i versiyakh [‘He Was Not Like a Sovereign ...’: Peter III. Narration in Documents and Versions]. St Petersburg, Lenizdat. 670 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 885. Dos. Erm. 228.

Perevod s nemetskago pervago razgovoru, mezhdú yunosheyu Rossiiskim, starayushchemsya podrazhat’ lyudyam i povedeniyam Frantsusskim, i mezhdú nekotorym priezhzhim, ostroumnym i uchenym Shveitsarom [Translation from German of the First Dialogue between a Russian Young Man, Trying to Imitate the French and their Behavior, and a Visiting, Witty and Learned Swiss]. (1761). In *Sochineniya i perevody, k pol’ze i uveseleniyu sluzhashchiya*. Mart, pp. 245–253.

Pol’skoi, S. V. (2010). Mezhdú “samoderzhaviem” i “samovlastiem”: “monarshicheskoe pravlenie” v russkom politicheskom leksikone XVIII v. [Between “Autocracy” and “Despotism”: “Monarchic Rule” in the Russian Political Vocabulary of the 18th Century]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’*. Vol. 11. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta, pp. 240–252.

Pol’skoi, S. V. (2012). Konstitutsiya i fundamental’nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka [The Constitution and Fundamental Laws in Russian Political Discourse of the 18th Century]. In Miller, A., Sdvizhkov, D., Shirle, I. (Eds.). “Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda v 2 t. Vol. I. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 94–150.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Prepared by Order of Emperor Nikolai Pavlovich]. (1830). Ed. 1. Vol. 15. S1758 po 28 Iyunya 1762. St Petersburg, Tipografiya vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1050 p.

Pufendorf, S. (1707). Les devoirs de l’homme et du citoyen, tels qu’ils lui sont prescrits par la loi naturelle. Amsterdam, H. Schelte. XL + 384 p.

Pufendorf, S. (1726). *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu* [On the Duty of Man and Citizen According to Natural Law]. St Petersburg, Sankt-Peterburgskaya tipografia. 537 p.

Rustam-Zade, Z. P. (2000). *Zhizn' i tvorchestvo M.M. Shcherbatova* [The Life and Works of M. M. Shcherbatov]. St Petersburg, Leila. 92 p.

Shcherbatov, M. M. (1896). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 vols.]. Vol. I. Politicheskaya sochineniya. St Petersburg, Tovarishchestvo "Pechatnya S. P. Yakovleva". 1060 stlb.

Somov, V. A. (1983). N.-G. Leklerk i M. V. Lomonosov [N.-G. Leclerc and M. V. Lomonosov]. In *Lomonosov: Sbornik statei i materialov*. Vol. 8. Leningrad, Nauka, pp. 97–105.

Somov, V. A. (2002). Krug chteniya peterburgskogo obshchestva v nachale 1760-kh godov (iz istorii biblioteki grafa A. S. Stroganova) [Range of Reading of Petersburg Society in the Early 1760s (from the History of the Library of Count A. S. Stroganov)]. In *XVIII vek*. Vol. 22. St Petersburg, Nauka, pp. 200–234.

Stroev, A. F. (1998). "Te, kto popravlyayet fortunu". *Avanturyisty Prosveshcheniya* ["Those Who Correct Fortune". Adventurers of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.

Strube de Piermont, F. H. (1756). *Slovo o nachale i peremenakh rossiiskikh zakonov* [Discourse on the Origins and Changes of Russian Laws]. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 34 p.

Strube de Piermont, F. H. (1760). *Lettres Russiennes*. St Petersburg, De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences. 270 p.

Strube de Piermont, F. H. (2016). Rossiiskiya (ili Ruskie) pis'ma. Na frantsuzskom izdany 1760, a so onago na rossiiskoi yazyk perevedeny 1761 goda [Russian Letters, Published in French in 1760 and Translated into the Russian Language in 1761]. In Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo, pp. 342–408.

Turben, [F.]. (1755). Sur la mort de Monsieur le President de Montesquieu. In *Le Caméléon littéraire*. Vol. 4, pp. 875–881.

The article was submitted on 28.02.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.272

УДК 94(47+57)"1380"+37.025(09)+929ДмитрийДонской

**«КУЛИКОВСКИЙ ПЛЕН»:
ОБРАЗ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ***

Евгений Ростовцев,

Дмитрий Сосницкий

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

**“THE KULIKOVO CAPTIVITY”:
THE IMAGE OF DMITRY DONSKOY IN NATIONAL
HISTORICAL MEMORY****

Evgeny Rostovtsev,

Dmitry Sosnitsky

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article describes the evolution of the image of Prince Dmitry Donskoy in Russian social thinking and historical consciousness between the second half of the 19th and early 20th centuries. The authors single out sources that played an important role in the formation of this image and Dmitry Donskoy's place among the other national leaders as reflected in national memory. The analysis is conducted with reference to the most widespread sources forming the national memory of the past (i. e. educational texts, fiction, periodicals, journalistic texts, films, monuments, Internet resources, and special historical studies). The authors also consider some commemoration practices connected both with Grand Prince Dmitry Donskoy and the main event of his life, the Battle of Kulikovo. The article describes the role of political and social bias in the formation of modern society's perception of the prince and analyses its prospects for further development in mass consciousness. The authors conclude that the way in which the perception

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 16-18-10080.

** *Citation:* Rostovtsev, E., Sosnitsky, D. (2017). “The Kulikovo Captivity”: The Image of Dmitry Donskoy in National Historical Memory. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1149–1163. DOI 10.15826/qr.2017.4.272.

Цитирование: Rostovtsev E., Sosnitsky D. “The Kulikovo Captivity”: The Image of Dmitry Donskoy in National Historical Memory // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1149–1163. DOI 10.15826/qr.2017.4.272 / Ростовцев Е., Сосницкий Д. «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1149–1163. DOI 10.15826/qr.2017.4.272.

of Dmitry Donskoy has developed is dramatic: the prince's involvement in the battle, which at some point made him the central figure of the pantheon of heroes of the Tsardom of Moscow, turned into the "Kulikovo captivity", which made it impossible for the image of the prince to be perceived differently. Thus, the image of the prince gradually declined in popularity during the 19th and early 20th centuries, and his canonization was postponed indefinitely. It is noteworthy that it only became possible to canonize Dmitry Donskoy at the end of the Soviet era due to a favourable historical policy meant to give a new perspective on the perception of the prince. The post-Soviet times have seen a new stage in the "resurrection" of the hero; however, the authors argue that there are things that impede it, which are connected with the peculiarities of cultural memory and the way in which Dmitry Donskoy is represented in it.

Keywords: Dmitry Donskoy; historical memory; historical consciousness; Battle of Kulikovo.

В статье прослежен ход формирования основных представлений о князе Дмитрии Донском в российской общественной мысли и историческом сознании второй половины XIX – начала XX в. Выявлены источники, которые оказали влияние на формирование этого образа и показали место Дмитрия Донского в российской памяти в ряду других национальных лидеров. Привлечены наиболее массовые источники конструирования памяти о прошлом, в которых упоминается имя Дмитрия: учебные тексты, художественная литература, периодическая печать и публицистические произведения, кинофильмы, монументальная скульптура, сетевые ресурсы, специальные исторические исследования. Рассмотрены коммеморативные практики, связанные как с фигурой великого князя Дмитрия Ивановича, так и с главным историческим деянием его жизни – Куликовской битвой. Показан механизм влияния социального и политического заказа на формирование представлений о князе в российском обществе нового и новейшего времени, дан аналитический прогноз относительно перспективы дальнейшего конструирования этого образа в массовом сознании. Делается вывод о том, что судьба образа Дмитрия Ивановича в массовом сознании нового и новейшего времени была драматичной: его связь с Куликовской битвой, некогда сделавшая Дмитрия центральной фигурой пантеона героев Московского царства, стала впоследствии «куликовским пленом», из которого оказалось невозможно выбраться. В XIX – начале XX в. популярность князя, востребованность его фигуры в общественном сознании «новой России» неуклонно снижались, а канонизация героя откладывалась. Показательно, что причисление Дмитрия к лику святых стало возможным только на излете советской эпохи, во многом благодаря благоприятной для него исторической политике, направленной на актуализацию образа князя. В постсоветский период начался новый этап «возрождения героя», на пути которого, впрочем, как отмечают авторы, существуют значительные трудности, связанные со спецификой пространства культурной памяти и характером репрезентаций в нем образа Дмитрия Ивановича.

Ключевые слова: Дмитрий Донской; историческая память; историческое сознание; Куликовская битва.

В тени Куликовской битвы

Князь Дмитрий Иванович – один из наиболее известных национальных лидеров и один из объектов памяти, вокруг которых и происходило создание пространства национальной истории и формирование российской национальной идентичности на исходе Средневековья и раннего Нового времени. К образу Дмитрия активно и постоянно обращались в период становления великорусской государственности, а затем абсолютизма, вплоть до Петровской эпохи. Например, он был центральным персонажем в Синописе Иннокентия Гизеля [Иннокентий Гизель, с. 90–134].

Однако ни в Средневековье, ни в Новое время Дмитрий так и не был канонизирован, хотя чудеса числились за ним с конца XV в. [Михайлова, Ефимова, с. 10]. Официальное признание святости князя состоялось только в 1988 г. Причиной этого могло стать то, что у Русской церкви уже был святой, чье имя в новой России прочно ассоциировалось с победой над «татарами», Сергей Радонежский (приобщенный к лику святых внуком Дмитрия Василием II). Известные разногласия между святым Сергием и князем Дмитрием о претенденте на митрополичий чин [Прохоров] нашли отражение в «Степенной книге» («государственной» версии русской истории в XVI – начале XVIII в.) [Книга Степенная, с. 363]. В «Сказании о Мамаевом побоище», центральном памятнике «куликовского цикла», подчеркивается роль митрополита Киприана, на деле выступавшего в момент описываемых событий оппонентом князя (см., например: [Дмитриев]). Возможной причиной могло быть и то, что сам Дмитрий способствовал местной канонизации Александра Невского, завершившейся во всероссийском масштабе к середине XVI в. (ср.: [Голубинский, с. 65; Стецюра, с. 502–503]), который и стал главным святым воином – защитником Руси. После 1556 г. «западное» направление в формировании «образа врага» становится приоритетным для русской общественной мысли.

Однако основная проблема в общественном восприятии Дмитрия в Новое время, как представляется, заключалась в изменении характера хронологии русской истории, утвердившейся в XVIII – начале XIX в. В отличие от Синописа, в нарративах Нового времени (М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин) Дмитрий Иванович поставлен в общий ряд русских князей, да и сама периодизация русской истории отводила правлению Дмитрия второстепенное место (известным исключением являлась «История Российская» М.М. Щербатова) (см., например: [Рубинштейн, с. 54–213]). Основную роль как в официальном, так и историографическом дискурсе стал играть правнук Дмитрия Ивановича первый «государь вся Руси» Иван III Васильевич, окончательно свергший татарское владычество.

За историографией следует художественная и публицистическая литература, теряющая интерес к Дмитрию Донскому. Но и в это

время литературные произведения наглядно показывают, что его образ оставался одинаково дорогим для декабристов и демократов (К. Ф. Рылеева, К. Ф. Кюхельбекера, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского), монархистов и славянофилов (В. А. Озерова, А. Орлова, И. Гурьянова, Н. М. Языкова, В. А. Жуковского, Н. В. Савельева-Ростиславича, Н. А. Полевого) (см.: [Афанасьев; Троицкий; Елизаветина]). На протяжении XIX – начала XX в. выходило большое количество исторических рассказов о нем и Куликовской битве, рассчитанных на самую широкую «народную» аудиторию [Михайлов; Битва; Ордынцев; Петрушевский]. На государственном уровне Дмитрий также остается в кругу почитаемых персонажей, войдя в число восьми наиболее значительных деятелей национальной истории, оказавшихся на среднем ярусе памятника «Тысячелетие России», спроектированного на исходе дореформенной эпохи и торжественно открытого в 1862 г. в Новгороде (ил. на цветной вклейке).

В пореформенное время и либеральная, и консервативная (официозная) пресса были едины в оценках героя. Так, либеральный «Голос» в 1880 г. заявляет:

Дмитрий, по примеру своих предшественников, не всегда жил в ладу с удельными князьями, которые часто имели право жаловаться на него за своевольное распоряжение их уделами, однако ему удалось собрать вокруг знамени значительную ратную силу только благодаря тому, что в русскую мысль начало проникать сознание необходимости объединения русских сил в виду общего, всем равно ненавистного врага... [От редакции, Голос].

«Голосу» вторят консервативные «Московские ведомости»:

Димитрий, наследник земель и богатств Иоанна Калиты, первый решился испытать силы Москвы и дать отпор варварской орде, тяготевшей над раздробленной дотоле и раздираемой междоусобиями Русью. <...> Знамя Димитрия Иоанновича уже осенило единую и нераздельную Россию. <...> Вот почему Куликовская битва живет в памяти и сердце русского народа, подобно тому как битва Полтавская и битва Бородинская... [От редакции, Московские ведомости].

В целом 8 сентября 1880 г. прошло без больших государственных торжеств, что отражало все меньшее внимание к князю и в государственной идеологии, и в массовом сознании. Нами не выявлено ни одного рейтингового художественного или публицистского текста последней четверти XIX – начала XX в., персонажем которого был бы Дмитрий Донской. В изложении историографии второй половины XIX в. тенденции предшествующего времени только усилились – С. М. Соловьев и в особенности В. О. Ключевский в своих курсах о нем мало пишут, а Н. И. Костомаров и вовсе дает князю почти уничижительную характеристику [Костомаров, с. 231–260].

В условиях относительного угасания культа Дмитрия даже массовые школьные учебники, в которых активно эксплуатировались сюжеты допетровской Руси, приводят крайне краткие, хотя и весьма позитивные оценки деятельности князя, включающие личностные характеристики. Так, Д. И. Иловайский пишет в своем популярном учебнике:

Внук Калиты не был так же расчетлив и осторожен, как первые Московские князья, и, отличаясь более отважным, более открытым характером, смело вступил в борьбу с Тверью, Рязанью, Литвою и Ордою [Иловайский, с. 230].

Ему вторит другой признанный автор – И. И. Белляринов (более 30 изданий с 1871 по 1917 г.):

Димитрий чуждался удовольствий, вел чрезвычайно воздержную жизнь и, подобно монахам того времени, носил власяницу. Народ любил его [Белляринов, с. 98].

При подобной лапидарности неудивительно, что позиции Донского в общем рейтинге деятелей в исторической памяти новой России во второй половине XIX в. были в значительной степени утрачены.

«Советский» святой

Первоначально Дмитрий Иванович почти не интересовал советскую власть: жил в удельную догосударственную эпоху, даже в классовой борьбе участвовал не очень активно, а внутривфеодальные «разборки» с Ордой были новой историографии неинтересны. М. Н. Покровский в «Русской истории в самом сжатом очерке» о нем вообще не упоминает. Если с Александром Невским хотя бы боролись, то Дмитрий Иванович вместе с другими героями «темного прошлого» рисковал надолго очутиться в зоне забвения. Вторая половина 1930-х гг., ознаменовавшаяся «национальным поворотом», меняет ситуацию. Наглядность этих изменений демонстрирует первое издание Большой советской энциклопедии. Том, вышедший в 1935 г. (сдан в печать летом 1934 г.), содержит краткую статью о Дмитрии, где он отмечается как «видный участник феодальной борьбы, разгоревшийся вокруг роста Московского княжества», герой Куликовской битвы; «великодержавные буржуазные историки идеализировали Дмитрия как национального героя, боровшегося против татарского владычества» [Димитрий Иванович Донской]. В следующем томе, включавшем статью о Куликовской битве (вышел в 1937 г.), Дмитрий представлен как человек, «объединивший против татар почти всех русских князей», а сама битва – как «первая серьезная попытка русских освободиться от татарского ига»,

способствовавшая «усилению Московского государства» [Куликовская битва]. В дополнительном томе, посвященном СССР (вышел в 1947 г.), акценты четко расставлены:

При Дмитрие Ивановиче... Москва возглавила борьбу народа против литовской агрессии... Под главенством окрепшего Московского княжества русский народ начал борьбу за свержение татаро-монгольского ига... Решительная битва произошла 8/IX на Куликовом поле между верховьями Дона и речкой Непрядвой. <...> Дмитрий Иванович стоял во главе общерусского войска, в котором участвовали и силы юго-западных – украинских – русских княжеств; он опирался на широкое общерусское движение и одержал решительную победу, приведшую в конечном итоге к созданию централизованного государства [БСЭ, стб. 341–342].

Одновременно с этой трансформацией происходит и частичный разрыв исторической связки «Дмитрий Донской – Сергей Радонежский». В текстах 1930–1940-х гг. Сергей превращается во второстепенного персонажа, действовавшего по воле власти:

Считая Сергия, быть может, менее подходящим для роли митрополита, великий князь все же высоко ценил троицкого игумена и обращался к нему по делам религиозным и политическим, дважды давал ему дипломатические поручения, вызванные централизаторскими задачами Москвы. <...> Совершил ли он какие-либо подвиги большого исторического значения? Нет. Его деяния мелки и незначительны. Дипломатические миссии Сергия по поручению Москвы – небольшой эпизод в истории феодальной Руси [Смирнов].

Разумеется, популяризации образа Дмитрия способствовала пропагандистская машина СССР эпохи Великой Отечественной войны. Многочисленные тексты историков и литераторов славили героя, боровшегося с врагом. Хотя Дмитрий и уступал Александру Невскому в полтора раза по количеству посвященных ему брошюр и книг (19 против 34) [Электронный каталог РНБ], он очевидно стал сугубо положительным героем в советской мифологии истории как военного, так и послевоенного времени. Образ князя, как и других потомков Калиты, был однозначно позитивным на страницах учебников для средней школы:

Потомки Калиты были такие же «собиратели». В конце XIV века Московское княжество стало настолько сильным, что внук Калиты, выдающийся полководец князь Дмитрий, решил открыто выступать против татарского ига. В 1380 году на Куликовом поле на реке Дон он разбил войска татар во главе с ханом Мамаем. Победа на Куликовом поле, одержанная под руководством Дмитрия Донского, имела величайшее историческое значение: она сплотила русский народ в борьбе за свою национальную

независимость, вдохнула в него веру в свои силы и расшатала устои татарского ига. Через два года, однако, татары собрали силы, напали на Москву и взяли ее, заставив платить им дань, но меньшую, чем раньше. Молодое московское княжество все же крепло. Старый враг – Золотая Орда – слабел. Но у западных границ Московского княжества появился новый сильный противник – Литовское государство, соединившееся с Польшей [История СССР, 1946, с. 35].

Ему вторили учебные тексты 1950–1980-х гг. [Нечкина, Фадеев, с. 63; История СССР, 1991, с. 105–107].

Пафосно прошел день 8 сентября 1980 г. В «Правде» так освещали торжества:

...сегодня на поле Куликово пришло более 30 тысяч человек. Среди тех, кто, помимо туляков, собрался у Красного холма, делегация Московской, Рязанской, Калужской и других соседних областей, представители городов и земель, чьи дружины примкнули к войску князя Дмитрия шестьсот лет назад... [Шевцов].

Дорога к официальной канонизации была открыта, что и было приурочено к празднованию 1000-летия крещения Руси (рассматривавшегося властью как важное событие в истории государственности). Канонизация состоялась на поместном соборе РПЦ в июне 1988 г. Хотя в художественной литературе этого времени Дмитрий – нечастый гость (из наиболее читаемых текстов упоминается только в романах В. Пикюля), примечательно, что нет ни одного советского фильма, связанного с его образом. В общем рейтинге, составленном на основании выборки наиболее значимых источников исторической памяти, Дмитрий Иванович не попал даже в двадцатку популярных персонажей допетровской Руси [Сосницкий, с. 113–115].

Возрождение героя?

Распространившаяся в России 1990-х и в особенности 2000-х гг. тенденция к поиску в отечественной истории сильных личностей, сумевших объединить страну в годы кризиса, привела к популяризации героического образа Дмитрия Ивановича. Сакрализация ряда исторических персонажей (Владимира Святого, Александра Невского) позитивно воспринималась общественностью. При этом власть предпринимает попытки создания пантеона «идеальных» средневековых правителей в массовом историческом сознании [Сосницкий, с. 197–198].

Привлечение внимания к личности Дмитрия Донского происходит не столь агрессивно, однако ряд государственных мероприятий явно направлен на его включение в когорту объектов национальной памяти. Например, открытие в декабре 2002 г. станции метро «Бульвар Дмитрия Донского» (из 200 станций Московского метрополите-

на эта – единственная, название которой связано со средневековым историческим деятелем). В постсоветский период именем Дмитрия Донского было названо большое количество улиц (в Калининграде, Коломне, Краснодаре, Новосибирске и т.д.), площадь (в Дзержинском) и набережная (в Коломне). В 2002 г. название «Дмитрий Донской» было присвоено самой крупной в России атомной подводной лодке. В 2004 г. патриархом Алексием II был учрежден орден Святого великого благоверного князя Дмитрия Донского [Орден] (ил. на цветной вклейке), а в 2014 г. в Москве открыт памятник ему.

В учебной литературе также можно отметить увеличение объема материала о Дмитрии Донском. Если в советских учебных текстах он упоминался лишь в контексте рассказа о событиях 1380 г., то в учебнике Н. С. Борисова для 10-го класса (выдержавшем несколько изданий) его образ куда более величественен:

Политику «собрания Руси», начатую Калитой, продолжили его сыновья Семен Гордый (1340–1353) и Иван Красный (1353–1359). Однако их заслуги блекнут в лучах исторической славы сына Ивана Красного – знаменитого героя и полководца Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389) [Борисов, с. 111].

Интерес к фигуре Дмитрия проявляет не только государство, но и общество. С начала 1990-х гг. мы видим значительный рост числа художественных произведений, сюжеты которых прямо или косвенно связаны с его фигурой. В числе прочих можно указать, например, «Искушение» В. Лебедева (1991), «Чур меня» Б. Дедухина (1993), «Куликовская битва. Поле Куликово» В. Возовикова (2003) и мн. др. В этих произведениях воссоздан характер Дмитрия Донского, описаны основные черты его личности. Вот как, например, описывает Дмитрия Донского Б. Акунин в повести «Бох и Шельма»:

Дмитрий – Рюриковой крови, то есть подревней ордынских ханов, однако держится беклярбеком, во всякую мелочь влезает. И все московские великие князья такие [Акунин, с. 265–266].

Дмитрий Донской получает скорее положительную оценку, а его образ вписывается в уже созданный идеал князя, вмещающего нуждам своего воинства и готового защищать русский народ, не боясь никаких трудностей. Не отстает и современная историография: по каталогам Исторической библиотеки (ГПИБ), среди героев допетровской Руси Дмитрий Иванович – на пятой позиции (после Ивана IV, Сергия Радонежского, Александра Невского и Владимира Святого) [Предметный каталог]. Образ князя востребован и современным российским андеграундом. В последние десятилетия создано несколько музыкальных композиций о Дмитрии Донском и Куликовской битве. В их числе «Куликовская битва» скандально известной группы «Крас-

ная плесень» и «Дмитрий Донской» группы «Коловрат», исполняющей песни националистического содержания. В целом Дмитрий (если учесть неразрывно связанные с ним нарративы о Куликовской битве) занимает примерно пятую-седьмую позицию среди героев допетровской Руси, согласно соцопросам (2011) [Сосницкий, с. 181]. Казалось бы, налицо «возрождение героя».

Между тем, вопрос о потенциале Дмитрия Ивановича далеко не однозначен. Так, образ Дмитрия Донского в сетевых ресурсах, по своему характеру в значительной степени интерактивных, хотя и позитивен в целом, но не слишком восторжен. В частности, в мегаэнциклопедии «Кирилл и Мефодий» приводится эпизод из Куликовской битвы, позволяющий судить о Дмитрии как об отважном воине:

Желая воодушевить русских воинов перед смертельной схваткой, московский князь встал в первые ряды своего войска, обменявшись доспехами с боярином Михаилом Бренком, который встал под великокняжеское знамя в тылу большого полка и впоследствии погиб [Дмитрий Донской].

В то же время в самой популярной онлайн-энциклопедии «Википедия» в статье о князе практически не содержится каких-либо оценочных суждений, в ней подчеркивается, что личность Дмитрия мифологизирована, и зачастую трудно отделить правду о нем от вымысла:

Эпизод с благословением русского войска часть историков относят к битве на Воже, также некоторые убитые в Куликовской битве одновременно называются в качестве убитых в битвах на Пьяне и Воже [Дмитрий Иванович Донской].

Наиболее содержательная с точки зрения наличия оценок личности и правления Дмитрия Ивановича статья представлена на портале популярной онлайн-энциклопедии «Кругосвет». В ней отмечается, что Дмитрий многого добился лишь благодаря помощи митрополита Алексия и имел сложный характер. Кроме того, только на «Кругосвете» (из популярных сетевых энциклопедий) указан интересный факт об уплате Дмитрием дани татарам уже после Куликовской битвы:

Но Дмитрий Донской опередил его «покаянным посольством» к хану. В Орде он отдал в заложники своего старшего сына Василия, поклявшись исправно платить дань [Пушкарев, Пушкарева].

Противоречивые суждения о русском князе в популярном контенте показывают, что его фигура пока второстепенна для общественного мнения. Однако потенциал Дмитрия Донского для дальнейшего движения вверх в рейтинге героев вызывает сомнения. Одной из причин

этого является, как ни парадоксально, его тесная неразрывная связь с Куликовской битвой. Хотя «милитаристский дискурс» в российской исторической памяти очень силен, однако военные события, связанные с татаро-монгольским нашествием и игом, оказываются плотно погребенными в социальной памяти под другими более значимыми войнами XIX–XX вв. [Ростовцев, Сосницкий, с. 224–229]. Необходимо также учитывать, что популяризация темы борьбы с татаро-монголами в определенной степени не совпадает с государственной политической исторической толерантности (см., например: [Борисов, с. 85–142]).

* * *

Судьбу памяти о Дмитрие Донском нельзя назвать простой и безоблачной. Парадокс заключается в том, что события Куликовской битвы, прославившие героя в допетровскую эпоху, в Новое время оказались «куликовским пленом», преодолеть который образ великого князя до конца не в состоянии. Это обстоятельство обусловило как задержку канонизации героя, так и постепенное снижение его популярности в XIX – начале XX в. Причисление Дмитрия к лику святых стало возможно только к концу XX в. благодаря исторической политике советской власти, не только подтвердившей высокий статус героя, но и минимизировавшей критику в его адрес. В постсоветской России Дмитрий занял достойное место в национальной памяти, но его дальнейшая идеализация вряд ли возможна.

Список литературы

- [*Иннокентий Гизель*]. Синописис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славянорусского народа... Киев : Киево-Печерская лавра, 1823. 166 с.
[От редакции] // *Голос*. № 249. 1880. 9 (21) сент. С. 1.
[От редакции] // *Моск. ведомости*. № 249. 1880. 8 сент. С. 2.
Акунин Б. Бох и Шельма : [повести]. М. : АСТ, 2015. 300 с.
Афанасьев Э.Л. Куликовская битва в изображении русских писателей XVIII в. // *Изв. АН СССР. Серия литературы и языкознания*. 1980. Т. 39. № 4. С. 291–300.
Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // *Учебники дореволюционной России по истории* / сост. Т.В. Естеферова. М. : Просвещение, 1993. С. 6–180.
Битва на Куликовском поле, или Князь Дмитрий Иоаннович Донской : Исторический рассказ. М. : Д.И. Преснов, 1884. 35 с.
Большая советская энциклопедия. Союз Советских Социалистических Республик. М. : Совет. энцикл., 1947 (БСЭ).
Борисов Н.С. История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 класс : учебник для общеобразоват. учреждений : базовый уровень. М. : Просвещение, 2009. 255 с.
Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1998. 597 с.
Дмитрий Иванович Донской // *Большая советская энциклопедия* : в 65 т. Т. 22. М. : Совет. энцикл., 1935. Стлб. 418–419.
Дмитриев Л.А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках // *Повесть о Куликовской битве* : Из лицевого летописного свода XVI в. Л. : Аврора, 1980. С. 178–182.

Дмитрий Донской // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия [сайт]. URL: <http://megabook.ru/article/Дмитрий%20Донской> (дата обращения: 29.04.2016).

Дмитрий Иванович Донской // Википедия [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитрий_Иванович_Донской (дата обращения: 29.04.2016).

Елизаветина Г. Г. Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционных демократов // Куликовская битва в литературе и искусстве / отв. ред. А. Н. Робинсон. М. : Наука, 1980. С. 234–246.

Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории / сост. Т. В. Естеферова. М. : Просвещение, 1993. С. 182–301.

Имя России // Имя. Россия. Исторический выбор 2008 [сайт] URL: <http://top50.nameofrussia.ru/rating.html?all=1> (дата обращения: 11.05.2016).

История СССР: Краткий курс: учебник для 4-го класса / под ред. А. В. Шестакова. 4-е изд. М. : Учпедгиз, 1946. 280 с.

История СССР: учебник для 8 класса средней школы / Б. А. Рыбаков, А. М. Сахаров, А. А. Преображенский, Б. И. Краснобаев / под ред. Б. А. Рыбакова. М. : Просвещение, 1991. 302 с.

Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей : в 43 т. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 343–675.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 4 т. М. : Рипол Классик, 2001. Т. 1. 585 с.

Куликовская битва // Большая советская энциклопедия : в 65 т. Т. 35. М. : Совет энциклопедия, 1937. Стлб. 453–454.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 62–83.

Михайлов И. Низверженный Мамай, или Обстоятельное описание победы, бывшей в царствование Великого Князя Московского Дмитрия Иоанновича над Мамаем, Татарским Ханом, и о совершенном истреблении сильного ополчения его Россиянами на Куликовом поле, между рек: Мечи и Дона, собранное из разных достоверных писателей Иваном Михайловым. М. : Универсальная тип., 1827. 74 с.

Михайлова И. Б., Ефимова М. В. Москва и Константинополь в княжение Дмитрия Донского: новый «Царьград» // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2010. Сер. 2. Вып. 4. С. 3–15.

Нечкина М. В., Фадеев А. В. История СССР : учеб. пособие для 7-го класса. М. : Учпедгиз, 1962. 264 с.

Орден святого благоверного великого князя Дмитрия Донского // Википедия [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_святого_благоверного_великого_князя_Дмитрия_Донского (дата обращения: 11.05.2016).

Ордынцев М. На Куликовом поле: Исторический рассказ времен Дмитрия Донского. СПб. : В. И. Губинский, 1913. 32 с.

Патриарх Кирилл освятил памятник Дмитрию Донскому в центре столицы // РИА Новости [сайт]. URL: <http://ria.ru/society/20140508/1007040465.html> (дата обращения: 11.05.2016).

Петров А. Е. Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления Московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.) : К вопросу о моменте трансформации места памяти // Исторические записки. 2004. Т. 7 (125). С. 35–56.

Петрушевский А. Рассказы про старое время на Руси. Вып. 8. Дмитрий Донской и Мамаево побоище. М. : Т-во В. В. Думнов, насл-ки бр. Салаевых, 1915. 18 с.

Предметный каталог // Государственная публичная историческая библиотека России [сайт]. URL: <http://predmet.shpl.ru/scripts/uis/main.php> (дата обращения: 11.05.2016).

Прохоров Г. М. Повесть о Митяе : Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л. : Наука, 1978. 238 с.

Пушкарёв Л., Пушкарёва Н. Дмитрий Иванович Донской // Энциклопедия Кругосвет [сайт]. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/34040> (дата обращения: 29.04.2016).

Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Идеалы в которые верят... : Мотив сакрального в исторических нарративах о войне (по материалам художественной литературы):

постановка проблемы // Война и сакральность : материалы Четвертых междунар. науч. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.) / отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капилупи. М. ; СПб. : ИВИ РАН, 2010. С. 224–229.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография / под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 938 с.

Слава героев бессмертна // Известия. № 212 (19582). 1980. 8 сент. С. 8.

Смирнов М. Культ Сергея Радонежского : ист. очерк // Антирелигиозник. 1940. № 5–6. С. 32–39.

Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : СПбГУ, 2015. 344 с.

Стецюра Т. Д. Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский : Государь, дипломат, воин / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Р. Валент, 2010. С. 219–266.

Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10–30-х гг. XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М. : Наука, 1980. С. 217–233.

Филошкин А. И. «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия : тр. науч.-практ. конф. «Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория». Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России (Москва – Тула, 25–27 октября 1999 г.). Тула : Тульский полиграфист, 2000. С. 172–186.

Шевцов В. Фанфары над красным холмом // Правда. 1980. 7 сент. № 251 (22681). С. 8.

Электронный каталог РНБ // Российская национальная библиотека [официальный сайт]. URL: http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do?menuitem=0&fromTop=true&fromPreferences=false&fromEshelf=false&vid=07NLR_VU1 (дата обращения: 11.05.2016).

References

[Innokentii Gizel']. (1823). *Sinopsis, ili kratkoe sobranie ot razlichnykh letopistsev o nachale slavyanorossiiskogo naroda...* [A Synopsis or Brief Collection of the Chroniclers of the Early Slavic Russian People...]. Kiev, Kiev-Pecherskaya lavra. 166 p.

[Ot redaktsii] [From the Editors]. (1880). In *Golos*. No. 249. 9 (21) sentyabrya, p. 1.

[Ot redaktsii] [From the Editors]. (1880). In *Moskovskie vedomosti*. No. 249. 8 sentyabrya, p. 2.

Afanas'ev, E. L. (1980). Kulikovskaya bitva v izobrazhenii russkikh pisatelei XVIII v. [The Battle of Kulikovo as Described by Russian Writers of the 18th Century]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazykoznaniya*. Vol. 39. No. 4, pp. 291–300.

Akunin, B. (2015). *Bokh i Shel'ma: [povesti]* [Bosch and Schelm: [Stories]]. Moscow, AST. 300 p.

Bellyarminov, I. I. (1993). Elementarnyi kurs vseobshchei i russkoi istorii [An Elementary Course of General and Russian History]. In Esteferova, T. V. (Ed.). *Uchebniki dorevolutsionnoi Rossii po istorii*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 6–180.

Bitva na Kulikovskom pole, ili knyaz' Dmitrii Ioannovich Donskoi. Istoricheskii rasskaz [The Battle on Kulikovo Field, or Prince Dmitry Ivanovich Donskoy. A Historical Story]. (1884). Moscow, D. I. Presnov. 35 p.

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. (1947). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya (BSE).

Borisov, N. S. (2009). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka. 10 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: bazovyi uroven'* [The History of Russia from Ancient Times to the Late Seventeenth Century. 10th Grade: Textbook Educational Institutions: Basic Level]. Moscow, Prosveshchenie. 255 p.

Dimitrii Ivanovich Donskoi [Dmitry Ivanovich Donskoy]. (1935). In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, in 65 vols*. Vol. 22. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, stlb. 418–419.

Dmitriev, L. A. (1980). Kulikovskaya bitva v drevnerusskikh literaturnykh pa-myatnikakh [The Battle of Kulikovo in Medieval Russian Literary Works]. In *Povest' o Kulikovskoi bitve. Iz litseвого letopisnogo svoda XVI v.* Leningrad, Avrora, pp. 178–182.

Dmitrii Donskoi [Dmitry Donskoy]. In *Universal'naya entsiklopediya Kirilla i Mefodiya* [website]. URL: <http://megabook.ru/article/Дмитрий%20Донской> (mode of access: 29.04.2016).

Dmitrii Ivanovich Donskoi [Dmitry Ivanovich Donskoy]. In *Wikipedia* [website]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитрий_Иванович_Донской (mode of access: 29.04.2016).

Elektronnyi katalog RNB [The NLR Electronic Catalogue]. In *Rossiiskaya natsional'naya biblioteka* [official website]. URL: http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do?menuitem=0&fromTop=true&fromPreferences=false&fromEshelf=false&vid=07NLR_VU1 (mode of access: 11.05.2016).

Elizavetina, G. G. (1980). Kulikovskaya bitva i problema natsional'nogo kharaktera v proizvedeniyakh russkikh revolyutsionnykh demokratov [The Battle of Kulikovo and the Problem of National Character in the Works of Russian Revolutionary Democrats]. In Robinson, A. N. (Ed.). *Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve*. Moscow, Nauka, pp. 234–246.

Filyushkin, A. I. (2000). “Kulikovskii tsikl”: opyt germenevticheskogo issledovaniya [“The Kulikovo Cycle”: An Attempt at Hermeneutic Research]. In *Kulikovo pole: voprosy istoriko-kul'turnogo naslediya. Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii “Kulikovo pole-unikal'naya kul'turno-istoricheskaya i prirodnyaya territoriya”*. Problemy izucheniya i sokhraneniya voenno-istoricheskogo i prirodnogo naslediya Tsentral'noi Rossii (Moscow – Tula, 25–27 oktyabrya 1999 g.). Tula, Tul'skii poligrafist, pp. 172–186.

Golubinskii, E. E. (1998). *Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoi tserkvi* [History of the Canonization of Saints in the Russian Church]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e. 597 p.

Ilovaiskii, D. I. (1993). Kratkie ocherki russkoi istorii [Short Essays on Russian History]. In Esteferova, T. V. (Ed.). *Uchebniki dorevolutsionnoi Rossii po istorii*. Moscow, Proroshchenie, pp. 182–301.

Imya Rossii [The Name of Russia]. In *Imya. Rossiya. Istoricheskii vybor 2008* [website]. URL: <http://top50.nameofrussia.ru/rating.html?all=1> (mode of access: 11.05.2016).

Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya [The Book of Ranks of the Royal Genealogy]. (1913). In *Polnoe sobranie russkikh letopisei, in 43 vols.* Vol. 21. Part 2. St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova, pp. 343–675.

Kostomarov, N. I. (2001). *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei, in 4 vols.* [Russian History in the Biographies of Its Main Figures. 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, Ripol Klassik. 585 p.

Kuchkin, V. A. (1995). Dmitrii Donskoi [Dmitry Donskoy]. In *Voprosy istorii*. No. 5–6, pp. 62–83.

Kulikovskaya bitva [The Battle of Kulikovo]. (1937). In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, in 65 vols.* Vol. 35. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, stlb. 453–454.

Mikhailov, I. (1827). *Nizverzhennyi Mamai, ili Obstoyatel'noe opisanie pobedy, byvshei v tsarstvovanie Velikogo Knyazya Moskovskogo Dimitriya Ioannovicha nad Mamaem, Tatarskim Khanom, i o sovershennom istreblenii sil'nogo opolcheniya ego Rossiyanami na Kulikovom pole, mezhdru rek: Mechi i Dona, sobrannoe iz raznykh dostovernykh pisatelei Ivanom Mikhailovym* [The Overthrown Mamai, or a Detailed Description of the Victory in the Reign of the Grand Prince of Moscow Dmitry Ivanovich over Mamai, the Tatar Khan, and the Perfect Destruction of a Strong Militia by his Russians in Kulikovo Field between the Rivers Don and Mecha, Gathered from Different Reliable Writers by Ivan Mikhailov]. Moscow, Universal'naya tipografiya. 74 p.

Mikhailova, I. B., Efimova, M. V. (2010). Moskva i Konstantinopol' v knyazhenie Dmitriya Donskogo: novyi “Tsar'grad” [Moscow and Constantinople in the Reign of Dmitry Donskoy: The New “Constantinople”]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seria 2. No. 4, pp. 3–15.

Nechkina, M. V., Fadeev, A. V. (1962). *Istoriya SSSR. Uchebnoe posobie dlya 7-go klassa* [The History of the USSR. Textbook for 7th Grade]. Moscow, Uchpedgiz. 264 p.

Orden svyatogo blagovernogo velikogo knyazya Dimitriya Donskogo [The Order of Saint Grand Duke Dmitry Donskoy]. In *Wikipediya* [website]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_святого_благодерного_великого_князя_Димитрия_Донского (mode of access: 11.05.2016).

Ordnytsev, M. (1913). *Na Kulikovom pole. Istoricheskii rasskaz vremen Dimitriya Donskogo* [In Kulikovo Field. Historical Narrative of the Time of Dmitry Donskoy]. St Petersburg, V. I. Gubinskii. 32 p.

Patriarkh Kirill osvyatil pamyatnik Dmitriyu Donskomu v tsentre stolitsy [Patriarch Kirill Consecrates a Monument to Dmitry Donskoy in the Centre of the Capital]. In *RIA Novosti* [website]. URL: <http://ria.ru/society/20140508/1007040465.html> (mode of access: 11.05.2016).

Petrov, A. E. (2004). Evolyutsiya pamyati o Kulikovskoi bitve 1380 g. v epokhu stanovleniya Moskovskogo samodержaviya (rubezh XV–XVI vv.): K voprosu o momente transformatsii mesta pamyati [The Evolution of the Memory of the Battle of Kulikovo in 1380 in the Era of the Formation of the Muscovite Autocracy (the Turn of the 16th Century): On the Moment of Transformation of Places of Memory]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 7 (125), pp. 35–56.

Petrushevskii, A. (1915). *Rasskazy pro staroe vremya na Rusi. Vypusk 8. Dimitrii Donskoi i Mamaevo poboishche* [Stories about the Old Days in Russia. No. 8. Dmitry Donskoy and Mama]. Moscow, Tovarischestvo V. V. Dumnov, nasledniki brat'ev Salaevykh. 18 p.

Predmetnyi katalog [Subject Directory]. In *Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii* [website]. URL: <http://predmet.shpl.ru/scripts/uis/main.php> (mode of access: 11.05.2016).

Prohorov, G. M. (1978). *Povest' o Mitjae: Rus' i Vizantija v jepohu Kulikovskoi bitvy* [The Story of Mityai: Russia and Byzantium in the Age of the Battle of Kulikovo]. Leningrad, Nauka. 238 p.

Pushkarev, L., Pushkareva, N. Dmitrii Ivanovich Donskoi [Dmitry Ivanovich Donskoy]. In *Entsiklopediya Krugosvet* [website]. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/34040> (mode of access: 29.04.2016).

Rostovtsev, E. A., Sosnitskii, D. A. (2010). Idealy v kotorye veryat... Motiv sakral'nogo v istoricheskikh narrativakh o voine (po materialam khudozhestvennoi literatury): postanovka problemy [Ideals in Which They Believe... The Motif of the Sacred in Historical Narratives about the War (with Reference to Works of Fiction): Problem Statement]. In Ermachenko, I. O., Kapilupi, S. M. (Eds.). *Voina i sakral'nost': Materialy Chetvertykh mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii "Mir i voina: kul'turnye konteksty sotsial'noi agressii"* (St Petersburg – Vyborg – Staraya Ladoga, 1–4 oktyabrya 2009 g.). Moscow, St Petersburg, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 224–229.

Rubinstein, N. L. (2008). *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography] / ed. by Dvornichenko, A. Yu., Krivosheev, Yu. V., Mandrik, M. V. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 938 p.

Rybakov, B. A., Sakharov, A. M., Preobrazhenskii, A. A., Krasnobaev, B. I. *Istoriya SSSR: uchebnik dlya 8 klassa srednei shkoly* [History of the USSR: Textbook for 8th Grade Middle School]. (1991) / ed. by Rybakov, B. A. Moscow, Prosveshchenie. 302 p.

Shestakov, A. V. (Ed.). (1946). *Istoriya SSSR. Kratkii kurs. Uchebnik dlya 4-go klassa* [History of the USSR. A Short Course. The Textbook for 4th Grade]. Ed. 4. Moscow, Uchpedgiz. 280 p.

Shevtsov, V. (1980). Fanfary nad krasnym kholmom [Fanfare over Red Hill]. In *Pravda*. No. 251 (22681). 7 sentyabrya, p. 8.

Slava geroev bessmertna [The Glory of Heroes is Immortal]. (1980). In *Izvestiya*. No. 212 (19582). 8 sentyabrya, p. 8.

Smirnov, M. (1940). Kul't Sergiya Radonezhskogo (Istoricheskii ocherk) [The Cult of St Sergius of Radonezh (Historical Sketch)]. In *Antireligioznik*. No. 5–6, pp. 32–39.

Sosnitskii, D. A. (2015). *Istoricheskaya pamyat' o dopetrovskoi Rusi v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XXI vv., dis. ... kand. ist. nauk* [The Historical Memory of Pre-Petrine Russia between the Second Half of the 19th and Early 21st Centuries, PhD Thesis]. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 344 p.

Stetsyura, T. D. (2010). Svyatoi blagovernnyi knyaz' Aleksandr Nevskii [The Holy Nobleborn Prince Alexander Nevsky]. In Torkunov, A. V. (Ed.). *Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, voin.* Moscow, R. Valent, pp. 219–266.

Troitskii, V. Yu. (1980). Kulikovskaya bitva v tvorchestve russkikh romantikov 10–30-kh gg. XIX veka [The Battle of Kulikovo in the Works of Russian Romantics of the 1910s–1930s]. In *Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve*. Moscow, Nauka, pp. 217–233.

The article was submitted on 18.09.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.273
УДК 811.161.1'373.42+81'38

**КОЛЛОКАЦИИ-БИНОМИАЛЫ В РУССКОЙ РЕЧИ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ, ОБЪЕКТИВНАЯ
И СУБЪЕКТИВНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ***

**Зоя Резанова
Александра Буб**

Томский государственный университет,
Томск, Россия

**BINOMIALS IN RUSSIAN SPEECH:
SEMANTIC TYPES AND OBJECTIVE
AND SUBJECTIVE FREQUENCY****

**Zoya Rezanova
Aleksandra Bub**

Tomsk State University,
Tomsk, Russia

This article studies the functioning of a particular type of collocations in Russian speech, whose elements are typically connected by means of coordination. The purpose of the article is to reveal the correlation between the objective and subjective frequency of binomials and the discursive variation of this parameter, as well as the types and nature of the idiomatisation of their meaning. The analysis is conducted with reference to texts from the Russian National Corpus, main corpus, and newspaper, oral, and poetic subcorpora, along with data from dictionaries of idioms and psycholinguistic questionnaires. The analysis is based on the methods of corpus linguistics (at the stages of material selection and objective frequency count); psycholinguistics (at the stage of subjective frequency count); and distributive analysis. The authors also employ statistical methods to analyse the obtained data. The analysis helps the authors determine and describe

---

* Публикуемые результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 34.8609.2017/9.10).

** *Citation:* Rezanova, Z., Bub, A. (2017). Binomials in Russian Speech: Semantic Types and Objective and Subjective Frequency. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1164–1177. DOI 10.15826/qr.2017.4.273.

Цитирование: Rezanova Z., Bub A. Binomials in Russian Speech: Semantic Types and Objective and Subjective Frequency // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1164–1177. DOI 10.15826/qr.2017.4.273 / Резанова З., Буб А. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1164–1177. DOI 10.15826/qr.2017.4.273.

the composition of binomials: the units are ranked according to the average and discursively determined frequency of their usage in Russian speech. The authors also determine the scope of variation of the discursively determined frequency of binomials in the oral, newspaper, and poetic subcorpora. They single out the most frequent binomials, whose functional characteristics are discursively independent, as well as binomials, whose frequency depends on the type of discourse. The results of the objective frequency data analysis are compared with data on subjective awareness of their frequency by native speakers of the Russian language. The authors use the scaling method to establish the subjective frequency of binomials during a psycholinguistic survey. When drawing a functional and semantic typology, the authors contrast groups of binomials according to the presence or absence of secondary idiomatic meanings and their types (formed on the basis of relations of generalisation and metonymy) on the one hand, and metaphor on the other. A list of polysemantic binomials is compiled. The study helps reveal the prevalence of binomials that do not develop polysemy, whose functioning in the text is not associated with the idiomaticisation of their meaning based on metaphorical or metonymic transfers or generalisation. Semantic types of binomials are characterised in terms of their frequency. The received data are used to test the hypothesis about the correlation between the degree of semantic cohesion of the components of binomials and the development of polysemy and their frequency. As a result, a positive correlation is found between frequency and the development of polysemy.

Keywords: Russian language; collocations; binomials; objective frequency; subjective frequency; discourse variation; polysemy.

Дается анализ аспектов функционирования корпуса биномиалов – коллокаций, элементы которых соединены сочинительной связью – в русской речи. Цель – выявление корреляции объективной и субъективной частотности биномиалов, дискурсивного варьирования данного параметра, типов и характера фразеологизации их значения. В качестве источников исследования взяты материалы основного корпуса, а также газетного, поэтического и разговорного подкорпусов Национального корпуса русского языка, фразеологические словари, материалы анкетирования с применением психолингвистической методики. В процессе исследования использованы следующие методы: корпусной лингвистики (при отборе материала и выявлении объективной частотности); психолингвистические (выявления субъективной частотности коллокаций); дистрибутивного анализа (определения степени идиоматичности и направлений развития многозначности выделенных биномиалов); статистические (обработки результатов). В результате выявлен и описан состав коллокаций-биномиалов русской речи, единицы ранжированы по усредненной и дискурсивно обусловленной частности их использования, определен размах варьирования дискурсивно обусловленной частотности основного состава биномиалов в устном, газетном и поэтическом подкорпусах, выявлен состав наиболее частотных биномиалов, функциональная характеристика которых проявляется как

дискурсивно независимая; состав биномиалов, частотность которых дискурсивно обусловлена. Результаты анализа данных об объективной частотности использования биномиалов в речи соотнесены с данными о субъективном осознании их частотности носителями русского языка, которые получены при проведении психолингвистических опросов с применением метода шкалирования. В процессе функционально-семантической типологизации противопоставлены группы биномиалов по признаку наличия или отсутствия вторичных фразеологизированных значений, по их типам, формируемым на основе отношений генерализации и метонимии, с одной стороны, и метафорических – с другой, определен состав многозначных биномиалов. Выявлено преобладание биномиалов, не развивающих полисемию, функционирование которых в тексте не связано с процессами фразеологизации значения на основе метафорических и метонимических переносов, отношений обобщения. Семантические типы биномиалов охарактеризованы в аспекте их частотности, проверена гипотеза о наличии коррелятивных отношений между степенью семантической спаянности компонентов биномиалов и развитием полисемии и частотности, выявлена положительная корреляция между частотностью и развитием полисемии.

Ключевые слова: русский язык; коллокации; биномиалы; объективная частотность; субъективная частотность; дискурсивное варьирование; многозначность биномиала.

Идея о наличии в системе номинативных ресурсов языка многокомпонентных номинативных единиц, не компонуемых в процессе формирования высказывания, но «воспроизводимых», извлекаемых при построении текста из памяти (в терминологии современной когнитивной лингвистики – из ментального лексикона), не нова; ее разработка в мировой лингвистике связана с авторитетными именами Дж. Эйчисон, Р. Гиббса, Дж. Данбара, В. Швейгерта, Д. Суинни, Э. Катлера, G. Columbus, P. Durrant, N. C. Ellis, а также Б. М. Гаспарова, А. В. Венцова, О. С. Шумиловой и др.

Вследствие того, что при исследовании таких единиц основной акцент делался на их номинативной функции, свойствах целостности, воспроизводимости в процессах построения речи, единицы такого типа рассматривались либо в пределах лексикологии, либо как объект смежной дисциплины – фразеологии. При этом в качестве основных исследовались проблемы отграничения свободных словосочетаний, формируемых в процессе разворачивания речи, от целостных воспроизводимых единиц, и выстраивание градуальной шкалы степени семантической спаянности элементов (идея Ш. Балли, разрабатываемая в российской лингвистике В. В. Виноградовым, А. В. Куниным, Н. М. Шанским и др.). В этой традиции шкала строилась от ядерных групп фразеологизмов-сращений, единицы которых обладают целостной семантикой, не выводимой ни из прямых, ни из переносных значений составляющих элементов, к единицам, являющим собой неидиоматическое соединение элементов.

В англоязычной научной традиции смежная проблематика рассматривалась при использовании базового термина «коллокация» в работах, ставивших акцент на регулярности, воспроизводимости единиц в речи (H. Jackson, J. M. Sinclair, R. Carter, J. R. Firth, M. Benson, R. Ilson, D. Willis). Такой подход согласуется, на наш взгляд, с теорией коммуникативных фрагментов Б. М. Гаспарова, который писал о том, что слова не существуют в нашей языковой памяти по отдельности, они представлены во множестве связей, актуализирующихся в момент коммуникации, благодаря чему формируются словосочетания различной длины, так называемые «коммуникативные фрагменты»: «В огромном большинстве случаев в своем опыте обращения с языком говорящий переживает коммуникативный фрагмент не как двух-, трех- или четырехсловное сочетание, но как нерасчленяемую единицу, непосредственно и целиком всплывающую в его памяти. Именно коммуникативные фрагменты служат для говорящих первичными единицами, из которых состоит их мнемонический “лексикон” владения языком» [Гаспаров, с. 24].

Как представляется, в пределах двух научных традиций, развивавшихся вначале практически относительно независимо, анализировался частично пересекающийся языковой материал с фокусировкой на разных аспектах. При подходе к таким единицам в теории коллокаций акцент ставится на отсутствии границ между свободными и устойчивыми словосочетаниями, в пределах которых группы могут распределяться по градуальной шкале большей или меньшей частотности воспроизведения. Вместе с тем возникает вопрос, насколько частотность воспроизведения устойчивых сочетаний коррелирует со спаянностью компонентов, с которой соотносится идиоматизация значения.

Интерес к проблеме коллокаций в западной традиции имел всегда прагматические истоки – направленность на практику преподавания родных и иностранных языков. В русле этой традиции был разработан исследовательский проект ученых университета *Queen's* (Белфаст, Северная Ирландия) *Formulaic language use in monolinguals, bilinguals and multilinguals*, выполняемый под руководством Джудит Уайли. Авторы проекта используют единицы-коллокации в практике измерения степени усвоения английского языка билингвами разного типа [Morita, Wylie]. Целью проекта является установление взаимосвязи между уровнем развития коллокационной компетенции билингов различного типа с различным характером билингвизма, определяемым типом вступающих в контакт языков (например, китайско-английский, русско-английский билингвизм), способом усвоения второго языка (естественное или искусственное двуязычие) и уровнем усвоения иностранного языка (начальный, средний, продвинутый). При этом в качестве языкового материала был использован один вид коллокаций – биномиалы. Биномиал интерпретируется как вид коллокаций, определяемых в научной традиции как «характерные, часто встречающиеся сочетания слов, взаимное появление которых основа-

но на регулярном характере взаимного ожидания и обусловлено семантическими факторами» [Хохлова] (см. также: [Firth]). Биномиалы, или биномиальные пары (также используются термины *nonreversible word pairs* [Malkiel], *Siamese twins* [Fowler], *freezes* [Pordány]), представляют собой пару слов или фраз, относящихся к одной грамматической категории (существительных, глаголов, наречий), близких семантически и соединенных синтаксически, чаще всего при помощи сочинительных союзов, например, *up and down*, *skin and bone*, реже другими служебными словами, например *back to front*, *step by step*. Порядок слов в биномиальной паре всегда фиксирован, например *black and white*, но не *white and black*. Ни одно из двух слов, составляющих биномиал, не может быть заменено синонимом. Степень фразеологизации таких словосочетаний варьируется от полного отсутствия идиоматизации до абсолютного идиоматического значения [Gramley, Pätzold].

Гипотеза авторов эксперимента заключалась в том, что частотность биномиалов и порядок слов в них влияют на скорость их распознавания у двуязычных индивидов с различным характером билингвизма. В выполнение данного проекта включились и российские исследователи; его предварительные результаты представлены в публикации [Functional Bilingualism].

В своем исследовании мы задались целью разработать аналогичный проект применительно к практике использования коллокаций русского языка, выявив соотношение коллокационной компетенции носителей русского языка и билингвов, для которых русский язык является усваиваемым. Однако прежде чем применять коллокации в инструментальной позиции при измерении языковой компетенции билингвов, необходимо определить их функционально-семантические особенности.

На первом этапе нашего проекта мы ставим целью изучить объем коллокаций русского языка и их функционально-семантические характеристики, чтобы на втором этапе использовать проанализированные единицы при исследовании особенности их усвоения и использования в билингвальной речи.

Цель статьи – описание первого этапа исследовательского проекта, а именно представление корпуса русских биномиалов, их характеристика в аспекте объективной и субъективной частотности, дискурсивного варьирования данного параметра, типов и характера фразеологизации значения. Задачей анализа являлось определение степени корреляции выделенных характеристик биномиалов. Такое исследование интерпретируется нами как создание основы для исследования характера использования данной группы коллокаций в практике изучения языковой компетенции как носителей русского языка, так и билингвов, для которых этот язык не является родным.

При решении поставленных задач на этапе отбора материала и при выявлении общей и дискурсивно вариативной объективной частотности мы использовали методы корпусной лингвистики; для

получения данных о субъективной частотности биномиалов применялись психолингвистические методы (опросник, метод шкалирования). К методу дистрибутивного анализа обращались при определении степени идиоматичности выделенных биномиалов. Для обработки результатов использовались статистические методы.

Итак, первой исследовательской задачей являлась разработка корпуса биномиалов русского языка. Поскольку проект задумывался как частичная репликация британского, в качестве первичного материала исследования мы использовали перевод коллокаций, анализируемых в данном эксперименте. Приведем типичные примеры коллокаций и их переводы: *black and white* – черное и белое, *back and forth* – туда и обратно, *good and bad* – добро и зло, *before and after* – до и после, *boys and girls* – мальчики и девочки, *bride and groom* – жених и невеста, *life and death* – жизнь и смерть и т. д.

Принимая во внимание тот факт, что состав биномиалов английского и русского языка может различаться, к уже имеющемуся набору переведенных было решено добавить те, состав которых определялся на основе текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для этого из корпуса был извлечен список триграмм, из которого были отобраны коллокации, соответствующие определению биномиалов, например, *скипетр и держава, мамы и папы, соль и перец, сегодня и завтра, кошка и собака, закат и рассвет, шашки и шахматы, разделяй и властвуй* и т. д. [НКРЯ].

По данной структуре (слова одной части речи, объединенные союзом *и*) также были составлены псевдобиномиалы для использования в опросах в качестве филлеров. Список из 108 псевдобиномиалов включал в себя словосочетания, представляющие собой как семантически близкие пары слов, так и логично аномальные сочетания, например: *шкаф и стул, ртуть и медь, вино и виноград, бабушка и брат, танец и литература, закат и утро, елка и кактус, зеркало и картина* и т. д. Таким образом, мы получили перечень из 216 словосочетаний, который включал в себя переведенные биномиалы из эксперимента британских ученых, сочетания слов, отобранные из НКРЯ, и филлеры.

Поскольку в дальнейшем мы планируем использовать отобранные биномиалы в качестве измерителя языковой способности, нам было важно параметризовать их по степени известности. Как правило, она коррелирует со степенью частотности, поэтому вторым этапом исследования стало определение объективной частотности единиц в текстах НКРЯ. При этом часть псевдобиномиалов была переквалифицирована как биномиалы с низкой степенью частотности на основании того, что была зафиксирована их неоднократная актуализация в корпусе. И напротив, часть переведенных биномиалов из списка Дж. Уайли была переквалифицирована в псевдобиномиалы русского языка. В результате мы получили список из 128 биномиалов.

Объективная частотность словосочетаний рассчитывалась на основе данных НКРЯ по принятой в данной парадигме исследований

формуле «количество словоупотреблений биномиала “х” делится на общее количество словоупотреблений и умножается на миллион». В результате получаем количество употреблений искомой единицы на миллион употреблений единиц в корпусе (ipm). Например, на дату обращения (15.06.2017) число лексем в НКРЯ составило 283 431 966 слов, число употреблений триграммы *муж и жена* – 815 вхождений, таким образом, объективная частотность данного биномиала равна 3,477 ipm. На основе произведенного частотного анализа была выделена ядерная группа, в которую вошли биномиалы с частотностью от 3,447 до 0,045 ipm, а периферию составили словосочетания с объективной частотностью от 0,042 до 0,003 ipm.

Однако объективная частотность, определяемая по основному корпусу НКРЯ, усреднена по всем подкорпусам, представляющим текстовые материалы разных дискурсов не в равных долях, а пропорционально их доле в общем массиве современных текстов. Вследствие этого было решено определить характер корреляции частотности биномиалов в газетном, поэтическом и устном подкорпусе с данными основного корпуса. В газетном подкорпусе было отмечено употребление 116, в поэтическом – 64, в устном – 55 биномиалов из анализируемого списка. Были определены наличие и характер дискурсивного варьирования показателей частотности анализируемых биномиалов.

Среди первых наиболее частотных единиц по все подкорпусам совпали шесть единиц: *муж и жена* (1,72/1,19/3,14 ipm)¹, *вдоль и поперек* (1,38/4,56/ 1,24 ipm), *тут и там* (0,84/5,12 /0,66 ipm), *война и мир* (2,2/1,28/ 2,6 ipm), *зимой и летом* (0,7/1,6/0,7 ipm), *небо и земля* (0,7/5,6/1,24 ipm).

В составе наиболее частотных биномиалов газетного и устного корпуса – 16 единиц: *мужчины и женщины* (3,536/3,054 ipm)², *до и после* (2,332/0,99 ipm), *война и мир* (2,201/2,559 ipm), *здесь и сейчас* (2,148/2,072 ipm), *целиком и полностью* (2,035/2,559 ipm), *муж и жена* (1,72/3,138 ipm), *сегодня и завтра* (1,58/0,74 ipm), *туда и обратно* (1,5/5,3 ipm), *вдоль и поперек* (1,38/1,24 ipm), *дети и внуки* (1,2/0,8 ipm), *тут и там* (0,84/0,7 ipm), *первое и второе* (0,84 /1,07 ipm), *мальчики и девочки* (0,8/1,6 ipm), *зимой и летом* (0,7/0,7 ipm), *небо и земля* (0,7/1,24 ipm), *жених и невеста* (0,6/1,9 ipm).

В поэтическом и газетном корпусе состав наиболее частотных биномиалов включает шесть единиц: *война и мир* (1,28/2,2 ipm), *муж и жена* (1,2/1,7 ipm), *вдоль и поперек* (4,6/1,38 ipm), *тут и там* (5,2/0,8 ipm), *зимой и летом* (1,6/0,7 ipm), *небо и земля* (5,6/0,7 ipm), в то время как в поэтическом и устном отмечено девять общих биномиалов из состава наиболее частотных: *жизнь и смерть* (11,032/0,5 ipm), *добро и зло* (6,5/1,2 ipm), *небо и земля* (5,6/1,24 ipm), *тут и там* (5,12/0,66 ipm),

¹ Приведены показатели частотности по газетному, поэтическому и устному подкорпусу в соответствующем порядке.

² Здесь и далее показатели частотности по подкорпусам приводятся в порядке их упоминания в предтексте.

вдоль и поперек (4,56/1,24 ipm), *туда и сюда* (1,6/0,99 ipm), *зимой и летом* (1,6/0,7 ipm), *война и мир* (1,28/2,6 ipm), *муж и жена* (1,19/3,14 ipm).

Полученные объективные показатели частности мы сравнили с данными о субъективном осознании степени частотности их использования в речи носителями русского языка для верификации данных корпуса.

Для определения субъективной частотности были разработаны три Гугл-анкеты, каждая содержала 36 биномиалов и 36 словосочетаний-филлеров, респондентам необходимо было оценить по шкале от 1 до 7, насколько часто встречается в речи то или иное словосочетание. В процессе проведения опроса применялся метод семантического шкалирования с использованием семизначной шкалы Лайкерта, где каждая отметка соответствовала следующему заданному нами значению: 1 – никогда, 2 – очень редко, 3 – довольно редко, 4 – нечасто/нередко, 5 – довольно часто, 6 – очень часто, 7 – всегда. В качестве респондентов в эксперименте приняли участие 62 студента разных факультетов Томского государственного университета в возрасте от 18 до 24 лет, 12 юношей и 50 девушек. Все участники проводимых опросов определили русский язык в качестве родного.

В результате проведения опроса всего было получено 13 392 реакций. Из дальнейшего анализа были исключены 98 словосочетаний-филлеров, не входящих в состав НКРЯ (соответственно, 6 076 реакций).

На основании 7 316 полученных реакций – субъективных оценок частотности биномиалов и объективных показателей частотности – был проведен статистический анализ для определения корреляции двух показателей. Для этого, во-первых, было рассчитано среднее значение субъективной частотности биномиалов. Вторым этапом анализа стала проверка данных на нормальность распределения (критерии Колмогорова – Смирнова и Шапиро – Уилка). После того, как проверка выявила, что распределение отклоняется от нормального, был проведен непараметрический анализ данных с применением метода Спирмена (метод ранговой корреляции), который показал, что корреляция между субъективными оценками частотности и показателями объективной частотности статистически значима (0,6169 при уровне значимости $p < 0,05$). Таким образом, корреляция объективной и субъективной частотности биномиалов позволяет сделать вывод о валидности данных НКРЯ.

Кроме того, был проведен анализ совпадения лексического состава двух выборок. Для этого было выделено 20 наиболее частотных биномиалов (объективная частотность в диапазоне от 3,447 до 0,843) и 20 наиболее частотных биномиалов (субъективная частотность в диапазоне от 6,3 до 5,8). В данных выборках 11 биномиалов вошли в состав наиболее частотных при определении объективной и субъективной частотности: *мужчины и женщины*, *муж и жена*, *до и после*, *туда и сюда*, *туда и обратно*, *вверх и вниз*, *добро и зло*, *читать и писать*, *жизнь и смерть*, *небо и земля*, *жених и невеста*. Совпадение

более половины словосочетаний в двух группах также доказывает высокую валидность данных НКРЯ.

На следующем этапе был определен характер корреляции частотности биномиалов в газетном, поэтическом и устном подкорпусах с данными основного корпуса и субъективной оценкой респондентов.

Результаты корреляционного анализа с применением метода Спирмена свидетельствуют о том, что данные подкорпусов коррелируют с данными главного корпуса, а также с данными субъективной частотности. Наибольшая корреляция наблюдается между оценками субъективной частотности и показателями частотности коллокаций в газетном подкорпусе НКРЯ (0,6282 при уровне значимости $p < 0,05$). Наименьшая корреляция выявлена между показателями субъективной частотности и данными о частотности коллокаций в поэтическом подкорпусе.

Анализ степени совпадения лексемного состава 20 наиболее частотных биномиалов по всем подкорпусам и данным опросников выявил, что только два биномиала являются наиболее частотными для всех пяти групп: *муж и жена* и *небо и земля*. Оба представляют собой универсальные смысловые дихотомии и не являются дискурсивно маркированными, могут встречаться в текстах любого жанра, любой тематики.

При исключении из анализа данных поэтического подкорпуса с самой низкой корреляцией было отмечено совпадение рангов частотности шести биномиалов: *жених и невеста*, *мужчины и женщины*, *муж и жена*, *до и после*, *туда и обратно*, *небо и земля*. Совпадение ранга объективной частотности в основном корпусе и подкорпусах характерно для четырех биномиалов: *муж и жена*, *тут и там*, *война и мир*, *небо и земля*.

Таким образом, на первом этапе исследования был составлен реестр биномиалов для дальнейшего использования в психолингвистических экспериментах. Все они были охарактеризованы по параметру объективной и субъективной частотности, составлена градуальная шкала объективной частотности биномиалов, валидизированная относительно их субъективной частотности, а также изучен аспект дискурсивного варьирования этого параметра.

Второй исследовательской задачей является определение градации биномиалов по степени семантической спаянности. Была выдвинута гипотеза о наличии корреляций между степенью семантической спаянности компонентов и многозначности биномиала и его частотностью в речи.

Для проверки выдвинутой гипотезы на основе данных фразеологических словарей и анализа контекстов НКРЯ с применением дистрибутивного анализа были выявлены типы контекстных значений биномиалов, наличие и типы полисемантических отношений в семантической структуре биномиала. Выявленные семантические типы были соотнесены с показателями частности репрезентирующих их единиц.

При определении степени семантической спаянности мы основывались, во-первых, на данных фразеологических словарей русского языка, таких как «Фразеологический словарь русского литературного языка», «Большой словарь русских поговорок», «Большой фразеологический словарь русского языка», «Фразеологический словарь современного русского языка» и др. Однако не все словосочетания, характеризующиеся высокой степенью частотности, используемые в речи и осознаваемые как таковые, отражаются в словарях. Вследствие этого был проведен дистрибутивный анализ коллокаций по материалам контекстов НКРЯ, выявлены типичные контексты использования единиц как целостных номинативных комплексов и на основе анализа типовой сочетаемости выявлены три типа биномиалов: биномиалы, не развивающие целостное значение, биномиалы, которые развивают обобщающее значение, и биномиалы, целостность значения которых основывается на метафорическом переносе. Представим элементы данных типов.

1. Биномиалы, не развивающие целостное значение, их значение равно сумме составляющих их компонентов: *жених и невеста, добро и зло, гром и молния, война и мир, золото и серебро, жизнь и смерть, надежды и мечты*. Типовые контексты: *Смотрели через решетку: жених и невеста сидели на стульях, а перед ними стоял священник в белом и что-то говорил* (М. Шишкин); *Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их – меня ставили ниже* (М. Ю. Лермонтов); *К ночи воздух очистился, гром и молния прекратились, и народ успокоился* (С. Филатов); *Для меня это большая честь – быть там, где происходят события, в которых сходятся война и мир, и освещать их* (М. Калужский, Ю. Козырев); *Британский банк HSBC попросил своих частных клиентов в США забрать золото и серебро, находящееся в хранилище, утверждает The Wall Street Journal* (Е. Басманов); *Жизнь и смерть этих молодых ребят, сверстников современной молодежи, это часть истории нашей страны* (Галерея памяти)³.

2. Биномиалы, развивающие обобщающее значение, в контекстах их использования смысловой акцент делается на общих чертах, объединяющих референтов имен, связанных сочинительной связью, например, *муж и жена* – «семья». При этом в ряде случаев изменение значения может проявляться не только в обобщении, но и в актуализации новых видовых компонентов значения на основе их метонимической связи (*днем и ночью* – «всегда, то есть во всякое время суток», *зимой и летом* – «всегда, в любое время года», *флора и фауна* – «природа, все природные явления», *охи и вздохи* – «жалобы, сетования»).

Приведем типичные контексты: *И действительно, это было долго, маятно и глупо, потому что те, кто с Павлом и в самом деле рабо-*

³ Здесь и далее контексты приводятся по НКРЯ.

тал, то есть бок о бок с ним зимой и летом, в жару и мороз, в дождь и ведро, и пьяный и трезвый, и посуху и помокру, и по болоту и по лугу, и по равнине и по горке, и молчком и с матюками таскал теодолит, нивелир и проклятущую рейку, так эти и так все были здесь (А. Волос); Это значит, что муж и жена видят друг друга, словно самого себя, но без тех теней, без того изуродования, какое каждый человек может в себе видеть (митрополит Антоний (Блум)).

Отметим, что формирование нового значения биномиалов этой группы не происходит по принципу выхода за пределы естественных классов, например, в биномиале *зимой и летом* («всегда») обобщенная семантика остается в родовом классе времени. Выход за пределы естественных родов обозначаемых именем классов характерен для метафорических переносов. Сравним *хлеб и соль* исходного в значении свободного словосочетания (*на столе лежали только хлеб и соль*), *хлеб и соль* в значении «основная еда» (*а на хлеб и соль я всегда мог заработать*) и метафорический перенос *хлеб и соль* – «забота, попечение» (*за хлеб и соль я так и не смог отблагодарить моих почитателей*).

3. Биномиалы, целостность значения которых основывается на метафорическом переносе, относятся к третьей группе: *небо и земля* – «очень разные», *хлеб и соль* – «забота, попечение», *кошка и собака* – «враги», *рога и копыта* – «мошенники», *туда и обратно* – «быстро», *вкривь и вкось* – «неправильно», *вдоль и поперек* – «подробно», *золото и серебро* – «призовые места» и т. д.

Приведем типичные примеры контекстной актуализации: – *С качеством и ценами на обучение по программе PPL – примерно так же, как и у нас. В остальном – небо и земля. Частная авиация существует сегодня практически во всех странах мира (В. Александров); Ну и ушла. Отплатила за хлеб и соль. – Несознательность ихня... А сам-то что уж, порядка навести не мог? (Ф. Абрамов).*

В проанализированном материале преобладают биномиалы первой группы (101 единица), 24 биномиала отнесены к третьей группе, и 19 – ко второй. Такое соотношение текстовых актуализаций косвенно свидетельствует и о другой тенденции – преобладании биномиалов, системно реализующих только одно значение, основной состав которых образуют словосочетания первой группы (*добро и зло, надежды и мечты, солнце и звезды, дети и внуки, вопросы и ответы, радость и грусть, дождь и снег* и др.), однозначные биномиалы второй (*здесь и сейчас, охи и вздохи, целиком и полностью*) и третьей группы (*взлеты и падения, судить и рядить, вкривь и вкось*) единичны.

Вместе с тем, отмечены и многозначные биномиалы. Так, многозначность биномиала *золото и серебро* основывается на реализации отношений обобщения и метонимии – производное значение «драгоценные металлы», метафоро-метонимических отношений – значение «призовые места», «сокровища», метафорических отношений – значение «периоды в развитии русской литературы». Типовые контексты

актуализации данных значений: *Приносили ненужный хлам, а надеялись отыскать золото и серебро* (В. Бурлак); *На этой Олимпиаде «бесперспективная» спортсменка взяла сразу две медали – «золото» и «серебро»* (А. Кобеляцкий, В. Михайлова); *Для студентов остальных курсов в апреле у нас проходит научная конференция «Золото и серебро русской литературы»* (В. Баевский).

Многозначность биномиала *хлеб и соль*, как отмечалось, основывается также на актуализации как метонимических (производные значения «продукты» «угощение»), так и метафорических (значения «забота, попечение», «основа») значений. Приведем типовые контексты. *Они играли в нее в Интернате, сооружая в подвале многодневные баррикады, натаскивая туда матрасы, ящики, свечи, хлеб и соль из столовой* (А. Иличевский); *И всегда эта цель – главная. Хлеб и соль жизни. Люди Горышина – строители* (Ю. Казаков).

К многозначным относим биномиалы *верх и низ* («направление», «общественные классы»), *туда и обратно* («направление», «образ действия» – быстро», «в оба конца») и др. Приведем случаи контекстной актуализации значений биномиала *верх и низ*. *Тьма затягивала – верх и низ менялись местами, и начинало казаться, что надо мной не небо, а бездна, в которую я свисаю вниз головой* (В. Пелевин); *Так, верх и низ средневекового европейского общества, как показал М. М. Бахтин, во время карнавала меняются местами* (Л. Абрамян).

Как было отмечено ранее, для проверки гипотезы о наличии корреляций между степенью семантической спаянности биномиала и его частотностью в списках биномиалов каждого подкорпуса были проанализированы 20 наиболее частотных и 20 наименее частотных единиц. Проведенный анализ выявил общую тенденцию: среди наиболее частотных биномиалов преобладают полисемантические единицы, то есть наблюдается положительная корреляция между тенденцией к развитию многозначности биномиала и его частотностью. Отметим, что данная тенденция проявляется в текстах проанализированных подкорпусов. Среди 20 наиболее частотных биномиалов поэтического подкорпуса 14 являются многозначными и шесть не развивают дополнительных значений. В газетном подкорпусе 12 биномиалов характеризуются наличием двух и более смыслов (прямой и переносный, прямой и обобщающий), шесть имеют только прямое значение, два – только обобщающее. И наконец, в устном подкорпусе 12 словосочетаний многозначны, в то время как восемь обладают либо только прямым, либо только обобщающим значением.

Таким образом, в результате проведенного исследования был выявлен состав коллокаций-биномиалов русской речи, единицы ранжированы как по общей усредненной, так и по дискурсивно обусловленной частности их использования в русской речи, определен размах варьирования дискурсивно обусловленной частотности основного состава биномиалов в устном, газетном и поэтическом подкорпусе, выявлен состав наиболее частотных биномиалов, функциональная

характеристика которых проявляется как дискурсивно независимая, и состав биномиалов, частотность которых дискурсивно обусловлена. Проведенный анализ соотношения объективных данных о частотности использования биномиалов речи, соотношенный с субъективным осознанием частотности носителями русского языка, выявил наличие коррелятивных отношений. Гипотеза о наличии коррелятивных отношений между степенью семантической спаянности компонентов биномиалов и развитием полисемии и частотности подтвердилась, выявлена положительная корреляция между частотностью и развитием полисемии.

Список литературы

- Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ : Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
- Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 512 с.
- Мокшенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 800 с.
- Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-freq.html> (дата обращения: 14.09.2017).
- Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М. : АСТ-Пресс, 2006. 784 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд. М. : Астрель, 2008. 878 с.
- Хохлова М. В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // Инструментарий русистики: корпусные подходы : сб. ст. / под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой. Хельсинки : Helsinki Univ. Press, 2008. С. 343–357.
- Firth J. R. Selected Papers of J. R. Firth, 1952–1959. Harlow : Longman, 1968. 219 p.
- Fowler H. W. The New Fowler's Modern English Usage / ed. by R. W. Burchfield. Rev. Revised ed. 3. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. 1010 p.
- Gramley S., Pätzold K. M. A Survey of Modern English. Ed. 2. L. : Routledge, 2004. 416 p.
- Malkiel Y. Studies in Irreversible Binomials // *Lingua*. 1959. № 8. P. 113–160.
- Morita M., Wylie J. Productive Knowledge of English Binomials by Japanese Learners of English // *Hiroshima Studies in Language and Language Education*. 2016. Iss. 19. P. 83–92.
- Nagel O. V., Temnikova I. G., Wylie J., Koksharova N. Functional Bilingualism: Definition and Ways of Assessment // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 215. P. 218–224.

References

- Fedorov, A. I. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. 3rd Edition. Moscow, Astrel'. 878 p.
- Firth, J. R. (1968). *Selected Papers of J. R. Firth, 1952–1959*. Harlow, Longman. 219 p.
- Fowler, H. W. (2000). *The New Fowler's Modern English Usage* / ed. by R. W. Burchfield. 3rd Edition, Revised. Oxford, Oxford Univ. Press. 2000. 1010 p.
- Gasparov, B. M. (1996). *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of Linguistic Existence] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p.

Gramley, S., Pätzold, K. M. (2004). *A Survey of Modern English*. 2nd Edition. L., Routledge. 416 p.

Khokhlova, M. V. (2008). Eksperimental'naya proverka metodov vydeleniya kollokatsii [Experimental Verification of Methods for Collocations Determination]. In Mustaioki, A., Kopotev, M. V, Biryulin, L. A., Protasova, E. Yu. (Eds.). *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody*. Helsinki, Helsinki Univ. Press, pp. 343–357.

Larionova, Yu. A. (2014). *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, Adelant. 512 p.

Malkiel, Y. (1959). Studies in Irreversible Binomials. In *Lingua*. No. 8, pp. 113–160.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, Olma Media Grupp. 800 p.

Morita, M., Wylie, J. (2016). Productive Knowledge of English Binomials by Japanese Learners of English. In *Hiroshima Studies in Language and Language Education*. Iss. 19, pp. 83–92.

Nagel, O. V., Temnikova, I. G., Wylie, J., Koksharova, N. (2015). Functional Bilingualism: Definition and Ways of Assessment. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 215, pp. 218–224.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus] [website]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-freq.html> (mode of access: 14.09.2017).

Teliya, V. N. (2006). *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AST-Press. 784 p.

The article was submitted on 26.04.2017

**ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
МЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ОБРАЗЕ РОССИИ
(ЖАНРЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА
И ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ)***

Любовь Балашова

Саратовский государственный университет,
Саратов, Россия

**THE HORIZONTAL MODEL OF THE SPATIAL
METAPHOR IN THE MEDIA IMAGE OF RUSSIA
(GENRES OF ANALYTICAL REVIEW
AND EXPERT OPINION)****

Liubov Balashova

Saratov State University,
Saratov, Russia

This article explores the conceptual idea of Russia's development between 2016 and 2017 as reflected in the analytical review and expert opinion genres from online publications on socio-political issues through the horizontal model of spatial metaphors. The author analysed a total of 35 texts united by a common topic ("year in review"), with their authors having different political views. The methodological basis of the research is the idea of a metaphor as a cognitive and modelled phenomenon which plays an important role in the formation of the linguistic worldview. The purpose of the article is to establish the basic principles of how Russian reality is conceptualised within the framework of the horizontal spatial model of metaphorisation. The 766 metaphorical contexts singled out from the aforementioned texts are studied using a complex methodology of systemic contextual, semantic, and cognitive analysis of linguistic phenomena. The

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по проекту № 34.8128.2017/8.9.

** *Citation*: Balashova, L. (2017). The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1178–1196. DOI 10.15826/qr.2017.4.274.

Цитирование: Balashova L. The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1178–1196. DOI 10.15826/qr.2017.4.274 / Балашова Л. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1178–1196. DOI 10.15826/qr.2017.4.274.

author establishes a general structure of this model and reveals its most frequent and relevant varieties. The author also analyses the role of conceptual metaphors in the representation of the linguistic worldview of the authors of analytical reviews and expert opinions. She argues that the model is based on the contrast between the state of rest and movement, conceived as the absence or presence of qualitative changes in the economic, socio-political, and other spheres, the desire or opportunity to change anything in those spheres coming from the representatives of the authorities, political and financial institutions, etc. It is emphasised that the figurative meanings of words characterising the state of rest and joint movement are the least frequent. This indicates that within the model in question, it is untypical of journalists and experts to present the situation in Russia during late 2016 and early 2017 as static. Additionally, the issues of interaction between different socio-political forces inside the country and those between Russia and other states are not considered priorities. The study of the metaphor is systemic and helps create a varied, but also well-structured, image of the country's development over a year.

Keywords: linguistic worldview; metaphor; political discourse; spatial metaphorisation model.

Исследуется концептуальное представление о развитии России в 2016–2017 гг., отраженное в жанрах аналитического обзора и экспертного мнения интернет-изданий общественно-политической направленности, с помощью горизонтальной модели пространственных метафор. Анализируемые тексты опубликованы под шапкой «Итоги года», а их авторы придерживаются различных политических взглядов. В общей сложности проанализировано 35 публикаций. Методологической базой исследования стало представление о метафоре как о когнитивном и моделируемом феномене, играющем важную роль в формировании языковой картины мира. Цель – установить основные принципы концептуализации российской действительности в рамках горизонтальной пространственной модели метафоризации. Выделенные на основании сплошной выборки 766 соответствующих метафорических контекстов исследуются с применением комплексной методики системного контекстного, семантического и когнитивного анализа языковых явлений. Устанавливается общая структура модели, выявляются наиболее востребованные ее составляющие и варианты. Анализируется роль концептуальных метафор в репрезентации языковой картины мира авторов аналитических обзоров и экспертных мнений. Отмечается, что в основе исследуемой модели лежит противопоставление состояния покоя и движения, осмысляемое как отсутствие или наличие качественных изменений в экономической, социально-политической и иных сферах, желания или возможности изменить что-либо в этих сферах со стороны представителей власти, политических, финансовых институтов и т. п. Подчеркивается, что менее всего представлены переносные значения лексики, характеризующей состояние покоя и совместного движения; это свидетельствует о том, что для журналистов и экспертов (в рамках

данной модели) нетипично представление о ситуации в России в 2016 – начале 2017 г. как о статичной, а проблемы взаимодействия различных социально-политических сил внутри страны и РФ с другими государствами не относятся к числу приоритетных. Исследованные метафоры системны и позволяют создать разнообразную, но четко организованную картину развития страны в течение года.

Ключевые слова: языковая картина мира; метафора; политический дискурс; пространственная модель метафоризации.

В настоящее время метафора рассматривается как один из основных способов репрезентации языковой картины мира (далее – ЯКМ) [Аругтюнова; Балашова, 2003; Баранов, 2014; Брагина; Гак; Телия; Lakoff]). Концептуальная функция переносных лексических значений ярко проявляется в политическом дискурсе (ср.: [Балашова, 2014а; 2014б; 2014в; Баранов, 2004; Баранов, Караулов, 1994; Васильев; Кобозева, 2010; Чудинов, 2001; Lakoff]). В современной публичной политике, СМИ и PR-технологиях метафоры, с одной стороны, используются как эффективно действующий инструмент воздействия на общественное сознание (в том числе и манипулирования им), а с другой – выполняют важную когнитивную функцию: отражают ЯКМ различных политических сил и социума в целом, могут также «служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания» [Будаев, Чудинов, с. 4].

Предметом исследования стало концептуальное представление о развитии России в 2016 – начале 2017 г., отраженное в жанрах аналитического обзора и экспертного мнения интернет-изданий общественно-политической направленности с помощью метафор, формируемых на базе горизонтальной пространственной модели. Анализу подвергались статьи, опубликованные в конце декабря 2016 – начале января 2017 г., как правило, под шапкой «Итоги года» в СМИ различной политической и идеологической направленности: (а) центристские (проправительственные, «лоялистские») издания. В общей сложности проанализировано 35 публикаций объемом в 39 930 слов: «Российская газета» (далее – РГ), «Известия» (далее – Изв.), «Аргументы и факты» (далее – АИФ), «Комсомольская правда» (далее – КП), «Russia Today на русском» (далее – RT); (б) издания системной оппозиции: «Правда» (далее – Пр.), «ЛДПР. Ленинградская область» (далее – ЛДПР); (в) издания несистемной оппозиции либеральной (демократической, прозападной) направленности: «Независимая газета» (далее – НГ), «Газета.ru» (Г.ru), «Московский комсомолец» (далее – МК), «РБК.ru», «LiveInternet.ru» (далее – L.ru), «n1.by.Новости» (далее – n1), «Центр Сулакшина» (Центр научной политической мысли и идеологии) (далее – ЦС), «Демократическое сетевое сообщество» (далее – ДСС), «7days.us» (далее – 7 days);

(г) издания несистемной оппозиции национально-патриотической направленности: «Свободная пресса» (далее – СП); «Завтра»; «Кирилл и Мефодий.ру» (далее – КМ)). В общей сложности проанализировано 35 публикаций объемом в 39 930 слов.

В русской ЯКМ пространственная метафорическая макросистема, самая многочисленная и продуктивная, репрезентирует непредметную сферу (внутренний мир человека, социальные связи и отношения, абстрактные понятия) через систему пространственных категорий (положение в пространстве, движение и покой и т. д.). Особое место в составе данной общезыковой макросистемы занимает горизонтальная модель метафоризации. С одной стороны, с ее помощью могут быть выражены практически все типы временных, модальных, логико-классификационных значений, тогда как мишени переносов других пространственных моделей (например, вертикальной, стабильного/нестабильного положения) более ограничены в семантическом отношении (см. подробнее: [Балашова, 2014г, с. 110–112]). С другой стороны, горизонтальная модель (часто в контаминации с другими моделями) оказывается чрезвычайно востребованной в политическом дискурсе (см.: [Борискина; Будаев; Плотнокова, Доценко; Чудинов, 2006]; об участии в ее представлении конкретных жанров политического дискурса см.: [Горошко, Полякова; Дементьев]).

На основании сплошной выборки из аналитических обзоров и экспертных мнений было выявлено 766 соответствующих метафорических контекстов, которые исследовались с применением комплексной методики системного контекстного, семантического и когнитивного анализа языковых явлений. Данный анализ позволил установить некоторые закономерности метафорической репрезентации развития России в 2016 – начале 2017 г.

Во всех публикациях перенос «пространство → время» регулярно (около 10 % метафорических контекстов) осуществляется в рамках горизонтальной шкалы (ср.: *На финансовом рынке героем **уходящего** года можно смело назвать российский рубль* (РГ) [Воздвиженская]; *Настоящее исследование проводилось по итогам четвертого квартала **прошедшего** года* (НГ) [Туранов]; *Многие россияне по-прежнему считают, что худшие времена **впереди**... 22 % граждан считают, что худшие времена уже **позади**...* (РБК.ru) [Фейнберг, Махукова, Митраков]).

Но наиболее последовательно и разнообразно журналисты и их респонденты используют анализируемые переносные значения для выражения при освещении значимых для страны событий и тенденций в ее развитии, в первую очередь экономической и социально-политической ситуации в России, внешней политики государства и его отношений с мировым сообществом (ср.: *Слабые предприятия **уходят** с рынка* (РГ) [Полухин]; *Эксперты не верят в **выход** российской экономики из кризиса* (МК) [Деготькова]; *«Внутренний фронт» **приходит в движение**; Сирийское направление – единственное,*

на котором в 2016 году у России имеется **прорыв** (СП) [Полунин]). Значительно реже фиксируется метафорическая характеристика культурных, спортивных событий 2016 г., медиакоммуникации, религии и т. п., причем данные проблемы обычно рассматриваются в социально-политическом аспекте (ср.: *Мы... хотим покончить с подобной практикой [допингом] и дальше идти другой дорогой* (L.ru) [Орехъ]; *Сегодня конструктивная роль РПЦ МП в российской жизни оказалась под большим вопросом. Церковный корабль движется явно не туда* (N1) [Кольмагин]).

В основе исследуемой модели лежит противопоставление состояния покоя и движения, осмысляемое как отсутствие или наличие качественных изменений в экономической, социально-политической и иной сферах, желания или возможности изменить что-либо в этих сферах со стороны представителей власти, политических, финансовых институтов и т. п. (ср.: *Под лежащий камень вода не течет, кризис не может исчезнуть сам* (ЦС) [Кравченко]; *Первое, что нам сильно бросается в глаза на авторынке, это резкое и смелое движение дилеров и производителей в Сеть* (РГ) [Полухин]; *Сжиженный газ уже пошел на этот рынок* (КМ) [Вязовский]; *Люди были уверены в том, что образование способствует продвижению прогрессивных ценностей и этот процесс носит линейный или почти линейный характер* (ДСС) [Макаркин]; 27 декабря 2016 г. в пресс-центре информационного агентства «Интерфакс Северо-Запад» прошла пресс-конференция на тему *Подведение политических итогов года и старт нового этапа развития ЛДПР* [ЛДПР...]).

Конкретизация различных семантических признаков во многом обусловлена типом используемой в контекстах лексики, а степень концептуальной значимости данных характеристик для репрезентации ситуации в России этого времени находит отражение в относительной частотности данной лексики в текстах.

Так, лишь около 7 % контекстов содержат лексемы из группы «Состояние покоя, отсутствие движения». Тем самым можно утверждать, что для журналистов и экспертов (политиков, политологов, экономистов и т. п.) с разной политической направленностью, по крайней мере, в рамках данной модели нетипично представление о России как о чем-либо статичном, неизменяющемся. Более того, в большинстве контекстов ситуация мыслится как каузативная, где Россия (государство, экономика, социально-политические институты и др.) выступает в роли объекта, на который оказывают воздействие внешние силы (политические силы, конкретные деятели, социально-экономические и иные обстоятельства). Эти силы не отпускают, принуждают остаться на месте, не двигаться Россию – «человека», перекрывают движение России – «поток», или, понижая температуру, способствуют переходу «жидкости», в твердое, неспособное течь состояние (ср.: *Так, группа «Русагро» заявила, что приостанавливает реализацию тепличного проекта в Тамбовской области из-за недостат-*

ка финансирования со стороны государства (Изв.) [Дербышева, Карабунт]; *Что касается внутренней политики России, она остается в несколько **замороженном состоянии*** (АИФ) [Башлыкова]; *С Южным потоком все было **заморожено** однозначно* (ЦС) [Кравченко]).

В артефактном и антропологическом вариантах модели в роли сдерживающих факторов обычно выступают мешающие движению автомобиля/поезда/корабля/человека препятствия, размытый грунт, плохое качество дороги, сильное течение и т. п. Но этот вариант модели представлен только в оппозиционных изданиях чаще либеральной (прозападной) направленности (ср: *Отношения России и НАТО **буксуют*** (L.ru) [Гольц]; *Они [россияне, равнодушные к политической жизни страны] – такие **«потеченцы»**, которые не понимают, что их самих **сносит по течению** в глубокое Средневековье* (7days) [Яковенко]; *Построить **стену на пути** информации в Сети не удалось* (ДСС) [Солдатов, Бороган]).

С точки зрения отображаемых с помощью членов данной группы ситуаций выявляется следующая концептуально значимая закономерность. В антропологическом варианте модели отказ от движения воспринимается как осознанный акт, направленный на сохранение существующего положения в экономике, политике, социальной сфере; аналогичная трактовка присуща также субъекту, не позволяющему двигаться объекту. Поэтому в роли субъекта обычно выступают представители власти, отдельных политических, экономических сил и др. Позитивное или негативное отношение автора к данному процессу зависит от анализируемой ситуации и от его идеологических, политических пристрастий (ср.: *Пообещала спикер и то, что в следующем году не будет предпринято **никаких шагов по повышению пенсионного возраста*** (РГ) [Петров]; *Он [бюджет] предполагает максимальное **сдерживание развития социальной сферы*** (Пр.) [Зюганов]). Но возможна интерпретация, согласно которой отказ от поступательного движения или его невозможность по внешним причинам является проявлением слабости, нерешительности субъекта. Речь в данном случае идет только о негативных тенденциях в развитии страны, когда властные структуры, по мнению автора публикации, не способны активно влиять на ситуацию. Такого рода трактовка обнаруживается только в оппозиционной прессе (ср.: *Фактическое **топтанье на месте** в экономике ухудшает и социальную ситуацию... страны; [Во внешней политике] нельзя **останавливаться на полпути**, нерешительностью и медлительностью неминуемо воспользуются соперники... А они у России **никуда не исчезли*** (Завтра) [Литов]; *Так, мы по-прежнему находимся под режимом санкций, по-прежнему **пробуксовывает** «нормандская четверка»* (СП) [Полунин]).

В соответствии с рассматриваемой моделью поступательное движение в изданиях всех политических направлений ассоциируется с активными действиями по реализации целеустановки, достижение/

недостижение конечной точки следования – с успешным/безуспешным, ожидаемым/неожиданным результатом активной деятельности (ср.: «Мы... **идем по пути** развития образования и здравоохранения», – подвел Дмитрий Медведев общий итог года (РГ) [Кузьмин]; *Максимальное упрощение и прозрачность взаимодействия с клиентами – это именно тот **путь**, по которому сегодня развивается рынок (РГ) [Полухин]; Внешэкономбанк... **взял курс** на восстановление доверия инвесторов (РТ) [Зиброва, Чемоданова]; Экономика России в 2016 году **прошла** непростой **путь** от рецессии к стагнации (Изв.) [Евстигнеева]; Это [улучшение внешнеполитических отношений] **приведет к** совершенно другой атмосфере в бизнесе – «высвобождения», «легкого дыхания», меньших рисков (АИФ) [Колесниченко, Барова и др.]; И беда наша в том, что мы за этот год **ни на шаг не приблизились** к решению проблемы!; [Из-за допингового скандала] есть все шансы **мимо нее** [Олимпиады в Корее 2018 г.] **пролететь** уже полным составом (L.ru) [Орехъ]).*

Изменение направления движения, покидание какой-либо точки в пространстве воспринимаются как изменение цели (отказ от прежней, обретение новой), тенденций в развитии чего-либо; движение назад – как смена цели, тенденции в развитии на диаметрально противоположную (ср.: Сергей Марков характеризует 2016 год для России как **поворотный**; [РФ и Турция] **вернулись к** конструктивному диалогу (АИФ) [Башлыкова]; Данную информацию предоставила... EPFR Global – организация, отслеживающая **приток и отток** средств в инвестиционные фонды (РГ) [Куликов]; Теперь курсы мировых валют **откатились** в район 60–63 рублей (КП) [Беляков, Смирнов]; Активная политика «**разворота на Восток**» в Дальневосточном регионе РФ... уже привлекла 100 млрд рублей инвестиций в свободный порт Владивосток; ВЭБ целенаправленно **отходит от** прежней модели «простой» выдачи кредитов к инвестированию (РТ) [Зиброва, Чемоданова]; Вскоре все граждане — собственники недвижимости **перейдут на** оплату налога на нее исходя из кадастровой... стоимости, а не инвентаризационной, как прежде (Изв.) [Юршина]; **Разворот в сторону** «холодного реализма» вызовет на Западе очередной приступ глобальной русофобской истерии (Завтра) [Литов]; Турецкий поток позволит **уйти от** поставок в Турцию газа по Голубому потоку (ЦС) [Кравченко].

Важную роль в реализации этой части исследуемой метафорической модели играет противопоставление самостоятельного и каузированного извне перемещения в пространстве, которые ассоциируются со свободой выбора цели, тенденции в развитии и подчинением внешнему влиянию и т. п. (ср.: Кризис, который случился на парламентских выборах в 2011 году, **подтолкнул к** изменениям (Изв.) [Галанина, Ладилова]; Нефть понемногу... [дорожала], **таща за собой** и рубль (КП) [Беляков, Смирнов]; Но, сделав уверенный **шаг вперед** с воссоединением Крыма, российское руководство тут же совершило

два шага назад, дезавуировав уже официально озвученную поддержку создания дружественной Новороссии и запустив «минский процесс» (Завтра) [Литов].

Реализацию этой части метафорической модели концептуально поддерживают номинации маршрута движения, специально созданных участков для передвижения машин, поездов, людей. С помощью такой лексики конкретизируется возможное, выбранное или неизбежное направление развития ситуации в стране, экономике и т. п. (ср.: *Теперь их риторика – антиглобалистская и антитолерантная. По крайней мере, это самый вероятный ход событий* (КМ) [Вассерман]; *В 2016 году вновь был выбран путь экстенсивного развития или, иными словами, стагнации* (ЦС) [Кравченко]; *По его словам [К. Калачева], Россия вернулась на рельсы нормализации и во внутренней и во внешней политике* (АИФ) [Башлыкова]).

Примечательно, что этот участок метафорической модели активно используют как сторонники власти, так и их противники, как для позитивной, так и негативной оценки сложившейся экономической, политической и иной ситуации, меняется лишь общая система «координат», выраженная актантами; ср.:

– *К концу года страна подошла с высоким уровнем социального самочувствия* (АИФ) [Башлыкова]; *[Более 80 %] сограждан одобряют деятельность президента В. В. Путина и считают, что дела в стране идут в правильном направлении* (L.ru) [Орешкин]; – *Получается, по итогам 2016 года у нас хорошие позиции для продвижения своих интересов в 2017-м? – 2016-й дал нам шансы на такое продвижение* (СП) [Полунин];

– *Нефть может подешеветь до \$30 за баррель, что автоматически вернет экономику России в рецессию* (Изв.) [Евстигнеева]; *Жесткая бюджетная политика... привела к сокращению платежеспособного спроса населения* (МК) [Деготькова]; *Кому еще верилось в то, что либеральная элита поведет страну курсом реформ – пора перестать себя тешить иллюзиями* (ЦС) [Кравченко]; *Разрушительные результаты проводимого властью курса полностью подтверждает официальная статистика* (Пр.) [Зюганов]; *Погнались [российские власти на Украине] за мелкими личными и корпоративными выгодами, допустив провал на жизненно важном стратегическом направлении* (Завтра) [Литов]; *Какая часть наших сограждан, несмотря на фронтальное наступление маразма, все еще открыта для просвещения и просто здравого смысла?* (L.ru) [Сванидзе].

Исключения составляют лишь контексты, в которых отсутствие результата трактуется как авария, крушение транспортного средства, как травмирование находящегося в пути человека или как достижение такой точки в пространстве, из которой нет и не может быть выхода. Подобным образом характеризуются исключительно провалы в экономической, социальной, внешней политике государства и его отдельных институтов. Естественно, что подобного рода

метафоры представлены обычно в оппозиционных СМИ (ср.: *Страна скатывается в пропасть кризиса*; *Страна скатилась к правовому произволу*; *А оказавшись в руках алчных собственников, в руках олигархии, российская экономика немедленно пошла под откос и деградирует по сей день*; *Так трагический личный опыт загоняет в ловушку ту часть избирателей, которая продолжает своими голосами поддерживать разрушительный и тупиковый социально-экономический курс...* (Пр.) [Зюганов]; *Односторонние уступки и послабления в расчете на ответную благосклонность западных партнеров... завели в тупик переговорное урегулирование кризисных ситуаций на Украине и в Сирии* (Завтра) [Литов]; *Для бизнеса рост цен – главное препятствие для ведения дел в России* (РБК.ru) [Фейнберг, Махукова, Митраков]).

Успешность или безуспешность в решении поставленных задач, в устранении проблем в экономике, политике и т. п. может выражаться с помощью включения в контексты лексики, характеризующей скорость перемещения в пространстве, причем наиболее последовательно в этом случае используются антропологический и артефактный варианты модели. Позитивная или негативная оценка объекта описания зависит от отображаемой ситуации и от политических установок субъекта речи (ср.: *Это [интерес к российским активам со стороны иностранных инвесторов] и разогнало курс нашей валюты* (КП) [Беляков, Смирнов]; *Результатом стал бы разгон инфляции, что неизбежно почувствовали бы простые граждане* (РГ) [Кузьмин]; *Элиты в своем увлечении глобализацией слишком быстро забежали вперед, не озаботившись убедить большинство в правильности своих взглядов* (L.ru) [Гольц]; *В сравнении с 2015 годом действительно замедлилась инфляция...* (МК) [Деготькова]; *Объявленная ЦБ борьба с инфляцией методом замедления экономики и снижения жизненного уровня населения дала свои результаты* (КМ) [Арефьев]; *Действительно, санкции – далеко не главная причина торможения экономики РФ* (СП) [Полунин]; *Ползучая советизация РПЦ МП делает актуальным возобновление, казалось бы, навсегда оставшихся в истории проектов, таких как «Вестник РСХД»* (N1) [Колымагин]).

Наконец, в аналитических обзорах, посвященных развитию России в 2016 г., регулярно фиксируется еще один участок исследуемой пространственной модели, который связан с метафорическим переосмыслением движения относительно друг друга нескольких объектов. В этом случае совместное перемещение в одном направлении ассоциируется с наличием у нескольких социально-политических и иных институтов общей целеустановки, движение навстречу друг другу – с выработкой общей позиции по какому-либо вопросу, а в противоположных направлениях – с усилением противоречий между ними (ср.: *Чем больше у нас шапкозакидательства насчет «пророссийскости» Трампа, тем сложнее ему будет делать шаги навстре-*

чу: помимо администрации, госсекретаря, существует ещё и Сенат, который традиционно негативно настроен по отношению к России (АИФ) [Колесниченко, Барова и др.]; Провокационное убийство российского посла в Турции... не смогло сорвать наметившегося **сближения** России, Турции и Ирана, в том числе по сирийской проблеме (Завтра) [Литов]; **Интересы** участников [переговоров России, Ирана и Турции] решительно **расходятся** (L.ru) [Гольц]). Но если ситуация осмысляется как каузативная (перемещение объектов в том или направлении детерминируется воздействием на них третьей силы), то движение навстречу друг другу, приводящее к их соприкосновению, может ассоциироваться с открытым конфликтом между социально-политическими, экономическими и иными силами (**Власть** подыгрывает обскурантизму, чтобы **столкнуть Церковь с актуальной культурой** (N1) [Колымагин]).

Движение в одном направлении, но не сообщая осмысляется как соперничество или как динамика развития нескольких феноменов относительно друг друга; в этом случае доминирующее положение занимает тот феномен, который опережает соперника (ср.: «Дорожная тема» также **лидирует** в опросах [о главном событии года] жителей Волгограда, Самары и Красноярска (РГ) [Кривошапка]; Снижение ключевой ставки (сейчас 10 %) **не поспекает** за уменьшением инфляции (КП) [Беляков, Смирнов]; **Еще** вчера казалось, что это «**отстающая**» Россия с ее историей татарского ига и многовекового рабства обречена **плестись позади** развитых государств с их просвещенными народами (7days) [Яковенко].

В целом степень регулярности и экспрессивности исследуемой модели в текстах разных авторов различна. Можно отметить, что журналисты и эксперты, лояльные к власти, употребляют преимущественно устойчивые языковые переносы, экспрессивность которых относительно невелика. В оппозиционных изданиях и публикациях экспрессивно насыщенных контекстов, индивидуально-авторских метафор несколько больше. Так, наиболее развернутые метафорические контексты, захватывающие практически все участки анализируемой модели, можно обнаружить в аналитических обзорах Г. Зюганова, В. Литова, Д. Орешкина. Представители «несистемной» оппозиции либеральной направленности, наряду с окказиональными переносами, обыгрывают клишированные примеры реализации данной модели в советских СМИ (ср.: **Все по плану. Сделан очередной немалый шаг на непростом пути назад; Вот и сегодня – Сирия как Афганистан, Украина как Чехословакия... От победы к победе. Ох, многовато... Или ничего, в самый раз? Можно даже еще газку подбавить** (L.ru) [Орешкин]). Однако даже в таких публикациях языковые, часто стертые переносы все же преобладают.

Как отмечалось, большое значение для установления общего представления журналистов и экспертов о ситуации в России в 2016 г. имеют статистические данные. В частности, в абсолютном большин-

стве контекстов (более 93 %) используется лексика движения, то есть в рамках исследуемой пространственной модели субъекты речи воспринимают ситуацию в России как динамическую, причем имеющую ярко выраженную тенденцию в своем развитии. Последнее подтверждается большим числом контекстов (более 60 %), включающих в свой состав лексику поступательного движения к определенной цели, именованной специальными участками для передвижения в определенном направлении (ср.: *страна пошла другой дорогой; путь реформ; курс, порождающий нищету; толкнуть страну на путь деградации; в таком русле; свалиться в привычную колею происков врага*).

Примечательно, что число контекстов, содержащих лексику движения в обратном направлении, изменения маршрута следования и т. п., относительно невелико (14 %). В концептуальном плане это свидетельствует о том, что субъекты речи актуализируют внимание на устойчивости общих тенденций в развитии страны. Естественно, что в зависимости от занимаемой позиции автор публикации может оценивать эти тенденции как позитивные или как негативные (ср.: *смена разрушительного курса; сдвиг в сторону лакировки действительности; уклоняться от поддержки экономики; мир отброшен на полвека назад; вернуть экономику России в рецессию; возвращение доверия*).

Не менее концептуально значимым является то, что журналисты и эксперты, независимо от своих политических, идеологических и иных взглядов, предпочитают использовать конструкции с активно действующим субъектом, с лексикой самостоятельного поступательного движения (ср.: *переход к структурному профициту ликвидности; выход страны из кризиса; выход из рецессии; войти в нормальный ритм работы; идти в правильном направлении*). Следовательно, в жанрах аналитического обзора и экспертного мнения внимание концентрируется на реальных силах, наиболее значимых процессах, которые определяют развитие страны в 2016 г.

Вместе с тем относительно невелико число контекстов с лексикой, характеризующей достижение конечной точки движения, – около 15 % (ср.: *привести к увеличению рейтинга / доверия / долга / ухудшения ситуации*); тем самым в ЯКМ, отраженной в анализируемых текстах, подчеркивается то, что ситуация в России в 2016 г. в большинстве случаев мыслится как неопределенная, далекая от стабильной – как в позитивных, так и в негативных своих проявлениях. Не случайно даже в речи оппозиционных политиков, журналистов и т. п. обнаруживается небольшое число контекстов (менее 8 %), описывающих ситуации, связанные с невозможностью достичь цели, с катастрофическим завершением перемещения (ср.: *экономика страны пошла под откос; ни на шаг не приблизиться к решению проблем; попасть в ловушку «новой нормальности»; ничего не достигнуть на карабахском направлении*).

Нельзя не отметить тот факт, что в целом немногочисленными оказываются контексты (менее 7 %), характеризующие движение

относительно друг друга нескольких объектов (ср.: *сближать позиции; расходиться по всем вопросам; совместные шаги; плестись позади развитых стран*). В концептуальном аспекте это, по-видимому, свидетельствует о том, что журналисты и эксперты (по объективным или субъективным причинам) почти не затрагивают вопросы взаимодействия различных социально-политических и иных сил внутри страны, России с другими государствами в мировом сообществе.

Анализ показывает, что в жанрах аналитического обзора и экспертного мнения газетного политического медиадискурса активно используется горизонтальная модель пространственной метафоры, причем эти переносы формируют целостную систему, с помощью которой происходит концептуализация российской действительности 2016 г. В основе исследуемой модели лежит противопоставление состояния покоя и движения, осмысляемое как отсутствие или наличие качественных изменений в экономической, социально-политической и иных сферах жизни страны. В частности, относительная немногочисленность переносных значений лексики, характеризующей состояние покоя и совместного движения, свидетельствует о том, что для журналистов и экспертов (в рамках данной модели) нетипично представление о ситуации в России в 2016 г. как о статичной, а проблемы взаимодействия различных социально-политических сил внутри страны и РФ с другими государствами не относятся к числу приоритетных. Специфической особенностью данного объекта исследования становится преобладание метафорической лексики поступательного движения. В концептуальном аспекте это свидетельствует о том, что субъекты речи воспринимают ситуацию в России 2016 г. как динамическую, имеющую ярко выраженную тенденцию в своем развитии. Об устойчивости таких тенденций свидетельствует тот факт, что относительно невелико число метафорических контекстов с лексикой движения в обратном направлении, изменения маршрута следования (в зависимости от занимаемой позиции автор публикации может оценивать эти тенденции как позитивные или как негативные). Концептуально значимым является относительно небольшое число переносных значений у слов, характеризующих достижение конечной точки движения; тем самым, ситуация в России в 2016 г. в большинстве случаев мыслится как неопределенная, далекая от стабильной.

Безусловно, проведенный анализ функционирования одной пространственной модели метафоризации не может абсолютно адекватно отобразить взгляды аналитиков и экспертов на ситуацию в России в 2016 г. Однако концептуальная метафора всегда является преломляющей призмой, а не зеркалом, абсолютно точно отражающим окружающий нас мир. Но именно этот «угол преломления» позволяет авторам жанров аналитического обзора и экспертного мнения создать разнообразную, но четко организованную картину развития страны в течение года.

Список литературы

- Арефьев Н.* «Голодные годы периода Ельцина, тучные и 2016-й год – сравним?» : Эксперты КМ.RU подводят итоги ушедшего года // Кирилл и Мефодий.ru [сайт]. 2017. 11 янв. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2017/01/11/rossiya/793002-golodnye-i-tuchnye-gody-sravnim> (дата обращения: 25.07.2017).
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1998. 896 с.
- Балашова Л. В.* Метафора и языковая картина мира (на материале русского языка XI–XX вв.) // Язык и ментальность. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. С. 65–77.
- Балашова Л. В.* Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014а. № 1 (47). С. 40–51.
- Балашова Л. В.* Россия в 2012 году сквозь призму концептуальной метафоры // Stylistyka. 2014б. Vol. 23. С. 191–209.
- Балашова Л. В.* Русская метафора : Прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славян. культуры, 2014в. 496 с.
- Балашова Л. В.* Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014г. 532 с.
- Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славян. культуры, 2014. 632 с.
- Баранов А. Н.* Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 45–67.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 396 с.
- Башлыкова Н.* По гамбургскому счету. Россия в плюсе : Неоднозначные итоги 2016 года // Аргументы и факты [официальный сайт]. 2016. 29 дек. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/po_gamburgskomu_schetu_rossiya_v_plyuse_neodnoznachnye_itogi_2016_goda (дата обращения: 05.03.2017).
- Беляков Е., Смирнов К.* Экономические итоги 2016-го: прошли дно, укрепили рубль и задавили инфляцию. Прошедший год может войти в историю как последний год российского кризиса // Комсомольская правда [официальный сайт]. 2016. 30 дек. URL: <https://www.saratov.kp.ru/daily/26626/3644236/> (дата обращения: 24.07.2017).
- Борискина О. О.* Теория и практика политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 254–256.
- Брагина Н. Г.* Метафоры игры в описаниях мира человека (межличностные отношения) // Логический анализ языка : Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006. С. 120–143.
- Будаев Э. В.* Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 15–25.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта ; Наука, 2008. 52 с.
- Васильев Д. А.* Метафорика холодной войны в публикациях российских и американских СМИ 2012 г. // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 90–94.
- Вассерман А.* Главный итог 2016 года – провал старой модели глобализации // Кирилл и Мефодий.ru [сайт]. 2016. 27 дек. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/12/27/rossiya/791555-anatolii-vasserman-glavnyi-itog-2016-goda-proval-staroi-modeli-gl> (дата обращения: 24.07.2017).
- Воздвиженская А.* Самый привлекательный и обаятельный : Героем года неожиданно стал российский рубль // Рос. газ. [официальный сайт]. 2016. 30 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/29/kak-rubl-stal-samoj-privlekatelnoj-investicionnoj-valiutoj-v-mire.html> (дата обращения: 24.07.2017).
- Вязовский А.* 2016-й год оказался неплохим для нефтяной отрасли России // Кирилл и Мефодий.ru [сайт]. 2016. 31 дек. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/12/27/791557-aleksei-vyazovskii-s-vesny-2017-tsena-barrelya-zafiksiruetsya-v-koridore-> (дата обращения: 06.03.2017).

Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня : сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 36–44.

Галанина А., Ладилова Е. Выборы, борьба с коррупцией и кадровые перестановки : Эксперты – о политических итогах 2016 года // Известия [официальный сайт]. 2016. 30 дек. URL: <http://iz.ru/news/654591> (дата обращения: 22.07.2016).

Гольц А. Итоги года // LiveInternet.ru [сайт]. 2017. 2 янв. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/wluds/post405403576/> (дата обращения: 06.02.2017).

Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2. С. 119–127.

Дезотькова И. Эксперты не верят в выход российской экономики из кризиса. Ведущие экономисты подвели итоги года и дали прогнозы на 2017-й // Московский комсомолец [официальный сайт]. 2016. 28 февр. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/28/eksperty-ne-veryat-v-vykhod-rossiyskoy-ekonomiki-iz-krizisa.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Дементьев В. В. Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24.

Дербышева Н., Карабут Т. Главные бизнес-события 2016 года // Известия. 2016. 30 дек. URL: <http://iz.ru/news/654144> (дата обращения: 24.07.2017).

Евстигнеева А. Сильный рубль и слабый рост : «Известия» подводят экономические итоги 2016 года и делают прогноз на 2017-й // Известия [официальный сайт]. 2016. 30 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/653841> (дата обращения: 05.03.2017).

Забродин А. Главные цитаты 2016 года : «Известия» сделали подборку главных цитат мировых политиков // Известия [официальный сайт]. 2016. 31 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/654106> (дата обращения: 10.03.2017).

Зиброва Е., Чемоданова К. «Восстановительный рост»: каким был 2016 год для российской экономики // RT на русском [официальный сайт]. 2016. 27 дек. URL: <https://russian.rt.com/business/article/345607-itogi-2016-ekonomika-rossiya> (дата обращения: 15.02.2017).

Зюганов Г. Год несбывшихся прогнозов и надежд // Правда [официальный сайт]. 2016. 22 дек. URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2016/143/article-57101/> (дата обращения: 15.03.2017).

Изотов С., Рожкова Н., Юришина М. Главные отставки и назначения года : «Известия» подводят экономические итоги 2016 года и делают прогноз на 2017-й // Известия [официальный сайт]. 2016. 30 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/654588> (дата обращения: 10.03.2017).

Исаев А. Итоги осенней сессии 2016 года // Рос. газ. [официальный сайт]. 2016. 20 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/20/isaev-za-vremia-osennej-sessii-deputaty-priniali-bole-120-zakonov.html> (дата обращения: 20.03.2017).

Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (41). С. 41–47.

Колесниченко А., Барова Е., Молоткова П., Чеботарев А. По плану, со знаком плюс : Владимир Путин подвел итоги 2016 года // Аргументы и факты [официальный сайт]. 2016. 28 дек. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/po_planu_so_znakom_plyus_vladimir_putin_podvyol_itogi_2016_goda (дата обращения: 24.07.2017).

Кольмагин Б. Блеск и нищета православного глобализма // n1.by.Новости [сайт]. 2017. 07 янв. URL: <http://n1.by/news/721130-blesk-i-nishcheta-pravoslavnnogo-globalizma.html> (дата обращения: 06.02.2017).

Кравченко Л. И. Экономические итоги 2016 года // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) [сайт]. 2016. 15 дек. URL: <http://rusrand.ru/analytics/ekonomicheskie-itogi-2016-goda> (дата обращения: 15.02.2017).

Кривошапко Ю. Россияне назвали главные события 2016 года // Рос. газ. [официальный сайт]. 2017. 12 янв. URL: <https://rg.ru/2017/01/12/rossiiane-nazvali-glavnyesobytiia-2016-goda.html> (дата обращения: 17.07.2017).

Кузьмин В. Время прагматиков : Дмитрий Медведев подвел итоги 2016 года // Рос. газ. [официальный сайт]. 2016. 15 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/15/dmitrij-medvedev-nazval-stabilnost-glavnym-itogom-2016-goda.html> (дата обращения: 19.07.2017).

Куликов С. Инвестиции в Россию выросли в 5,5 раза в 2016 году // Рос. газ. [официальный сайт]. 2017. 9 янв. URL: <https://rg.ru/2017/01/09/investicii-v-rossiiu-vyrosli-v-55-gaz-v-2016-godu.html> (дата обращения: 27.07.2017).

ЛДПР подвела итоги года // ЛДПР. Ленинградская область [официальный сайт]. 2016. 28 дек. URL: <http://ldpr47.ru/news/00875.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Литов В. 2016-1: год перелома? // Завтра [официальный сайт]. 2016. 29 дек. URL: <http://old.zavtra.ru/content/view/2016-j-god-pereloma/> (дата обращения: 24.07.2017).

Макаркин А. Год сенсаций и риска // Демократическое сетевое сообщество [сайт]. 2017. 5 янв. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?t=13524> (дата обращения: 06.02.2017).

Орехъ А. Черно-белый спорт // LiveInternet.ru [сайт]. 2017. 06 янв. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405649369/> (дата обращения: 06.02.2017).

Орешкин Д. Многовато : Диалектика меры // LiveInternet [сайт]. 2016. 30 дек. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405311593> (дата обращения: 21.02.2017).

Петров В. Валентина Матвиенко подвела итоги осенней сессии // Рос. газ. [официальный сайт]. 2016. 21 дек. URL: rg.ru/gazeta/rg/2016/12/21.html (дата обращения: 20.03.2017).

Плотникова Г. Н., Доценко Е. Г. Теория и практика сопоставительной политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 3–42.

Полунин А. Итоги-2016: Россия выиграла в лотерею, но не получила приз : Как Москва укрепила позиции в глобальной политике // Свободная пресса [сайт]. 2016. 26 дек. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/163253/> (дата обращения: 06.03.2017).

Полухин А. Эксперты рассказали о главных изменениях на авторынке // Рос. газ. [официальный сайт]. 2017. 9 янв. URL: <https://rg.ru/2017/01/09/eksperty-rasskazali-oglavnyh-izmeneniih-na-avtorynke.html> (дата обращения: 24.07.2017).

Сванидзе Н. «Сучий потрох» // LiveInternet [официальный сайт]. 2017. 06 янв. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405689865/> (дата обращения: 06.02.2017).

Солдатов А., Бороган И. Спецслужбы: итоги 2016 // Демократическое сетевое сообщество [сайт]. 2017. 5 янв. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?p=25186> (дата обращения: 06.02.2017).

Теля В. Н. Архетипические представления как источник метафорических процессов, лежащих в основе образа мира // Языковое сознание и образ мира. М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 150–160.

Туранов С. Лучшие лоббисты России – декабрь и итоги 2016 года // Независ. газ. [официальный сайт]. 2017. 25 янв. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-25/5_6911_lobbi.html (дата обращения: 21.03.2017).

Фейнберг А., Махукова А, Митраков А. Между рецессией и ростом: каким для экономики России стал 2016 год // РБК [официальный сайт]. 2016. 26 дек. URL: <http://www.rbc.ru/economics/26/12/2016/585ba2409a79472a0ae4d50c> (дата обращения: 24.07.2017).

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта ; Наука, 2006. 256 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Юришина М. Десять главных законодательных инициатив 2016 года. Повышение пенсионного возраста и разовая выплата в 5 тыс. рублей, изменение правил ОСАГО и «пакет Яровой»: чем запомнится работа Госдумы в 2016 году : «Известия» подводят экономические итоги 2016 года и делают прогноз на 2017-й // Известия [официальный сайт]. 2016. 30 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/654103> (дата обращения: 05.03.2017).

Яковенко И. Медиафрениа : «Год великого перелома» // Блог Игоря Яковенко [сайт]. URL: <http://yakovenkoigor.blogspot.ru/2016/12/186.html> (дата обращения: 06.02.2017).

Lakoff G. The Political Mind. N. Y. : Viking, 2008. 292 p.

References

Aref'ev, N. (2017). "Golodnye gody perioda El'tsina, tuchnye i 2016-i god – sravnim?" : Eksperty KM.RU podvydyat itogi ushedshego goda ["The Famine Years of the Yeltsin Period, the Saturated Years and 2016 – Shall We Compare Them?"]. In *Kirill i Mefodii.ru* [website]. 11.01.2017. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2017/01/11/rossiya/793002-golodnye-i-tuchnye-gody-sravnim> (mode of access: 25.07.2017).

Arutyunova, N. D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 896 p.

Balashova, L. V. (2003). Metafora i yazykovaya kartina mira (na materiale russkogo yazyka XI–XX vv.) [Metaphor and the Linguistic Worldview (with Reference to the Russian Language of the 11th–20th Centuries)]. In *Yazyk i mental'nost'*. St Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, pp. 65–77.

Balashova, L. V. (2014a). Realizatsiya kontseptov "svoi – chuzhoi" v rossiiskom politicheskom diskurse nachala XXI v. [Implementation of the "Friend and Foe" Concepts in Russian Political Discourse of the Early 21st Century]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (47), pp. 40–51.

Balashova, L. V. (2014b). Rossiya v 2012 godu skvoz' prizmu kontseptual'noi metafory [Russia in 2012 through the Prism of the Conceptual Metaphor]. In *Stylistyka*. Vol. 23, pp. 191–209.

Balashova, L. V. (2014g). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI–XXI vv.* [The Russian Metaphorical System in Development: 11th–21st Centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. 532 p.

Balashova, L. V. (2014v). *Russkaya metafora : Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian Metaphor: Past, Present, Future]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 496 p.

Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1994). *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow, Pomovskii i partnery. 396 p.

Baranov, A. N. (2004). Metaforicheskie grani fenomena korruptsii [Metaphorical Edges of the Phenomenon of Corruption]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2, pp. 45–67.

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 632 p.

Bashlykova, N. (2016). Po gamburghskomu schetu. Rossiya v plyuse : Neodnoznachnye itogi 2016 goda [On the Hamburg Account: Russia Makes a Profit. Ambiguous Results of 2016]. In *Argumenty i fakty* [official website]. 29.12.2016. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/po_gamburgskomu_schetu_rossiya_v_plyuse_neodnoznachnye_itogi_2016_goda (mode of access: 05.03.2017).

Belyakov E., Smirnov K. (2016). Ekonomicheskie itogi 2016-go: proshli dno, ukrepili rubl' i zadavili inflyatsiyu. Proshedshii god mozhet voiti v istoriyu kak poslednii god rossiiskogo krizisa [Economic Results of 2016: Passed the Bottom, Strengthened the Ruble and Crushed Inflation. The Past Year Could Go Down in History as the Last Year of the Russian Crisis]. In *Komsomol'skaya Pravda* [official website]. 30.12.2016. URL: <https://www.saratov.kp.ru/daily/26626/3644236/> (mode of access: 24.07.2017).

Boriskina, O. O. (2011). Teoriya i praktika politicheskoi metaforologii [Theory and Practice of Political Metaphorology]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (35), pp. 254–256.

Bragina, N. G. (2006). Metafory igry v opisaniyakh mira cheloveka (mezhluchnostnye otnosheniya) [Metaphors of the Game in the Descriptions of the World of Man (Interpersonal Relations)]. In Arutyunova, N. D. (Ed.). *Logicheskii analiz yazyka : Kontseptual'nye polya igry*. Moscow, Indrik, pp. 120–143.

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2008). *Metafora v politicheskoi kommunikatsii*. [Metaphor in Political Communication]. Moscow, Flinta, Nauka. 52 p.

Budaev, E. V. (2010). Mezhdistsiplinarnye istoki politicheskoi metaforologii [Interdisciplinary Sources of Political Metaphorology]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (32), pp. 15–25.

Degot'kova, I. (2016). Eksperty ne veryat v vykhod rossiiskoi ekonomiki iz krizisa. Vedushchie ekonomisty podveli itogi goda i dali prognozy na 2017-i [Experts Do Not Believe in the Fact that the Russian Economy Has Overcome the Crisis. Leading Economists Draw the Results of the Year and Give Predictions for 2017]. In *Moskovskii komsomolets* [official website]. 28.12.2016. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/28/eksperty-ne-veryat-v-vykhod-rossiyskoy-ekonomiki-iz-krizisa.html> (mode of access: 12.02.2017).

Dement'ev, V. V. (2016). Aksiologicheskaya genristika: aspekty problemy "otsenka i zhanr" [Axiological Genristics: Aspects of the "Evaluation and Genre" Issue]. In *Zhanny rech. No. 2*, pp. 9–24.

Derbysheva, N., Karabut, T. (2016). Glavnye biznes-sobytiya 2016 goda [Main Business Events of 2016]. In *Izvestiya* [official website]. 30.12.2016. URL: <http://iz.ru/news/654144> (mode of access: 24.07.2017).

Evsstigneeva, A. (2016). Sil'nyi rubl' i slabyi rost: "Izvestiya" podvodiat ekonomicheskie itogi 2016 goda i delayut prognoz na 2017-i [Strong Ruble and Weak Growth: "Izvestia" Describes the Economic Results of 2016 and Makes Predictions for 2017]. In *Izvestiya* [official website]. 30.12.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/653841> (mode of access: 05.03.2017).

Feinberg, A., Makhukova, A., Mitrakov, A. (2016). Mezhdutseksiei i rostom: kakim dlya ekonomiki Rossii stal 2016 god [Between Recession and Growth: What 2016 Means for the Russian Economy]. In *RBK* [official website]. 26.12.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/26/12/2016/585ba2409a79472a0ae4d50c> (mode of access: 24.07.2017).

Gak, V. G. (2000). Russkaya dinamicheskaya yazykovaya kartina mira [Russian Dynamic Linguistic Worldview]. In Krysin, L. P. (Ed.). *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 1. Sb. statei*. Moscow, Azbukovnik, pp. 36–44.

Galanina, A., Ladilova, E. (2016). Vybory, bor'ba s korruptsiei i kadrovyye perestankovki. Eksperty – o politicheskikh itogakh 2016 goda [Elections, the Fight against Corruption, and Personnel Reshuffle. Experts on the Political Results of 2016]. In *Izvestiya* [official website]. 30.12.2016. URL: <http://iz.ru/news/654591> (mode of access: 22.07.2016).

Gol'ts, A. (2017). *Itogi goda* [2016 in Review]. In *liveInternet.ru* [website]. 02.01.2017. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/wluds/post405403576/> (mode of access: 06.02.2017).

Goroshko, E. I., Polyakova T. L. (2015). K postroeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh medii [To the Construction of the Typology of Genres of the Social Media]. In *Zhanny rech. No. 2*, pp. 119–127.

Isaev, A. (2016). Itogi osennei sessii 2016 goda [Results of the Autumn Session of 2016]. In *Rossiiskaya gazeta* [official website]. 20.12.2016. URL: <https://rg.ru/2016/12/20/isaev-za-vremia-osennej-sessii-deputaty-priniali-bole-120-zakonov.html> (mode of access: 20.03.2017).

Izotov, S., Rozhkova, N., Yurshina, M. (2016). Glavnye otstavki i naznacheniya goda. „Izvestiya“ podvodiat ekonomicheskie itogi 2016 goda i delayut prognoz na 2017-i [Main Resignations and Appointments of the Year. "Izvestia" Describes the Economic Results of 2016 and Makes Predictions for 2017]. In *Izvestiya* [official website]. 30.12.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/654588> (mode of access: 10.03.2017).

Kobozeva, I. M. (2010). Leksiko-semanticheskie zametki o metafore v politicheskom diskurse [Lexical and Semantic Notes on the Metaphor in Political Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3 (41), pp. 41–47.

Kolesnichenko, A., Barova, E., Molotkova, P., Chebotarev, A. (2016). Po planu, so znakom plus : Vladimir Putin podvel itogi 2016 goda [According to the Plan, with a Plus Sign. Vladimir Putin Sums up the Results of 2016]. In *Argumenty i fakty* [official website]. 28.12.2016. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/po_planu_so_znakom_plus_vladimir_putin_podvyol_itogi_2016_goda (mode of access: 24.07.2017).

Kolymagin, B. (2017). Blesk i nishcheta pravoslavnogo globalizma [The Splendour and Miseries of Orthodox Globalism]. In *n1.by.Novosti* [website]. 07.01.2017. URL: <http://n1.by/news/721130-blesk-i-nishcheta-pravoslavnogo-globalizma.html> (mode of access: 06.02.2017).

Kravchenko, L. I. (2016). Ekonomicheskie itogi 2016 goda [Economic Results of 2016]. In *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii)* [website]. 15.12.2016. URL: <http://rusrand.ru/analytics/ekonomicheskie-itogi-2016-goda> (mode of access: 15.02.2017).

Krivoshapko, Yu. (2017). Rossiyane nazvali glavnye sobytiya 2016 goda [Russians Name the Main Events of 2016]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 12.01.2017. URL: <https://rg.ru/2017/01/12/rossiiane-nazvali-glavnye-sobytiia-2016-goda.html> (mode of access: 17.07.2017).

Kulikov, S. (2017). Investitsii v Rossiyu vyrosli v 5,5 raza v 2016 godu [Investments in Russia Grew by 5.5 Times in 2016]. In *Rossiiskaya gazeta* [official website]. 09.01.2017. URL: <https://rg.ru/2017/01/09/investicii-v-rossiiu-vyrosli-v-55-raz-v-2016-godu.html> (mode of access: 27.07.2017).

Kuz'min, V. (2016). Vremya pragmatikov : Dmitrii Medvedev podvel itogi 2016 goda [Time of Pragmatists. Dmitry Medvedev Reviews 2016]. In *Rossiiskaya gazeta* [official website]. 15.12.2016. URL: <https://rg.ru/2016/12/15/dmitrij-medvedev-nazval-stabilnost-glavnym-itogom-2016-goda.html> (mode of access: 19.07.2017).

Lakoff, G. (2008). *The Political Mind*. N. Y., Viking. 292 p.

LDPR podvela itogi goda [LDPR Reviews the Year]. (2016). In *LDPR. Leningradskaya oblast'* [official website]. 28.12.2016. URL: <http://ldpr47.ru/news/00875.html> (mode of access: 15.03.2017).

Litov, V. (2016). 2016-1: god pereloma? [2016-1: A Threshold Year?]. In *Zavtra* [official website]. 29.12.2016. URL: <http://old.zavtra.ru/content/view/2016-j-god-pereloma/> (mode of access: 24.07.2017).

Makarkin, A. (2017). God sensatsii i riska [A Year of Sensations and Risk]. In *Demokraticeskoe setevoe soobshchestvo* [website]. 05.01.2017. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?t=13524> (mode of access: 06.02.2017).

Orekh", A. (2017). *Cherno-belyi sport* [Black and White Sports]. In *LiveInternet.ru* [website]. 06.01.2017. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405649369/> (mode of access: 06.02.2017).

Oreshkin, D. (2016). Mnogovato : Dialektika mery [A Bit Too Much: Dialectics of Measure]. In *LiveInternet.ru* [website]. 30.12.2016. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405311593> (mode of access: 21.02.2017).

Petrov, V. (2016). Valentina Matvienko podvela itogi osennei sessii [Valentina Matvienko Summarizes the Results of the Autumn Session]. In *Rossiiskaya gazeta* [official website]. 21.12.2016. URL: rg.ru/gazeta/rg/2016/12/21.html (mode of access: 20.03.2017).

Plotnikova, G. N, Dotsenko, E. G. (2012). Teoriya i praktika sopostavitel'noi politicheskoi metafologii [The Theory and Practice of Comparative Political Metaphorology]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (39), pp. 3–42.

Polukhin, A. (2017). Eksperty rasskazali o glavnykh izmeneniyakh na avtorynke [Experts Tell about the Main Changes in the Car Market]. In *Rossiiskaya gazeta* [official website]. 09.01.2017. URL: <https://rg.ru/2017/01/09/eksperty-rasskazali-o-glavnyh-izmeneniih-na-avtorynke.html> (mode of access: 24.07.2017).

Polunin, A. (2016). Itogi-2016: Rossiya vyigrala v lotereyu, no ne poluchila priz : Kak Moskva ukrepila pozitsii v global'noi politike [Results-2016: Russia Won the Lottery, but did not Receive a Prize. How Moscow Strengthened its Position in Global Politics]. In *Svobodnaya pressa* [website]. 26.12.2016. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/163253/> (mode of access: 06.03.2017).

Soldatov, A., Borogan, I. (2017). Spetssluzhby: itogi 2016 [Special Services: Results of 2016]. In *Demokraticeskoe setevoe soobshchestvo* [website]. 05.01.2017. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?p=25186> (mode of access: 06.02.2017).

Svanidze, N. (2017). 'Suchii potrokh' ['Son of a Bitch']. In *LiveInternet.ru* [website]. 06.01.2017. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4000491/post405689865/> (mode of access: 06.02.2017).

Tchoudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: a Cognitive Study

of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 238 p.

Tchoudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka. 256 p.

Teliya, V. N. (1997). Arkhetipicheskie predstavleniya kak istochnik metaforicheskikh protsessov, lezhashchikh v osnove obraza mira [Archetypal Representations as a Source of Metaphorical Processes Underlying the Image of the World]. In *Jazykovoie soznanie i obraz mira*. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN, pp. 150–160.

Turanov, S. (2017). Luchshie lobbisty Rossii – dekabr' i itogi 2016 goda [The Best Lobbyists of Russia – December and the Results of 2016]. In *Nezavisimaya gazeta* [website]. 25.01.2017. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-25/5_6911_lobbi.html (mode of access: 21.03.2017).

Vasil'ev, D. A. (2012). Metaforika kholodnoi voiny v publikatsiyakh rossiiskikh i amerikanskikh SMI 2012 g. [The Metaphor of the Cold War in the Publications of Russian and American Media in 2012]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4 (42), pp. 90–94.

Vasserman, A. (2016). Glavnyi itog 2016 goda – proval staroi modeli globalizatsii [The Main Result of 2016 is the Failure of the Old Model of Globalisation]. In *Kirill i Mefodii.ru* [website]. 27.12.2016. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/12/27/rossiya/791555-anatolii-vasserman-glavnyi-itog-2016-goda-proval-staroi-modeli-gl> (mode of access: 24.07.2017).

Vozdvizhenskaya, A. (2016). Samyi privilekatel'nyi i obayatel'nyi : Geroem goda nezozhidanno stal rossiiskii rubl' [The Most Attractive and Charming. The Russian Ruble Unexpectedly Becomes the Hero of the Year]. In *Rossiiskaya gazeta* [official website]. 30.12.2016. URL: <https://rg.ru/2016/12/29/kak-rubl-stal-samoj-privilekatelnoj-investicionnoj-valiutoj-v-mire.html> (mode of access: 24.07.2017).

Vyazovskii, A. (2016). 2016-i god okazalsya neplokhim dlya neftyanoi otrasli Rossii [2016 Was Not Bad for the Oil Industry in Russia]. In *Kirill i Mefodii.ru* [website]. 31.12.2016. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/12/27/791557-aleksei-vyazovskii-svesny-2017-tsena-barrelya-zafiksiruetsya-v-koridore-> (mode of access: 06.03.2017).

Yakovenko, I. (2016). Mediafreniya : 'God velikogo pereloma' [Mediaphrenia. 'Year of the Great Break']. In *Blog Igorya Yakovenko* [website]. 27.12.2016. URL: <http://yakovenkoigor.blogspot.ru/2016/12/186.html> (mode of access: 06.02.2017).

Yurshina, M. (2016). Desyat' glavnykh zakonodatel'nykh initsiativ 2016 goda. Povyshenie pensionnogo vozrasta i razovaya vyplata v 5 tys. rublei, izmenenie pravil OSAGO i "paket Yarovoi": chem zapomnitsya rabota Gosdumy v 2016 godu. "Izvestiya" podvodiat ekonomicheskie itogi 2016 goda i delayut prognoz na 2017-i [Ten Major Legislative Initiatives of 2016. Raising the Retirement Age and a One-time Payment of 5 Thousand Rubles, a Change in the Rules of OSAGO and the "Yarovaya Package": What Will the Work of the State Duma in 2016 be Remembered For. "Izvestia" Reviews the Economic Results of 2016 and Makes a Prediction for 2017]. In *Izvestiya* [official website]. 30.12.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/654103> (mode of access: 05.03.2017).

Zabrodin, A. (2016). Glavnye tsitaty 2016 goda. "Izvestiya" sdalali podborku glavnykh tsitat mirovykh politikov [The Main Quotes of 2016. "Izvestia" Makes a Selection of the Main Citations of World Politicians]. In *Izvestiya* [official website]. 31.12.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/654106> (mode of access: 10.03.2017).

Zibrova, E., Chemodanova, K. (2016). "Vosstanovitel'nyi rost": kakim byl 2016 god dlya rossiiskoi ekonomiki ["Restoring Growth": What Was 2016 for Russian Economy]. In *RT na russkom* [official website]. 27.12.2016. URL: <https://russian.rt.com/business/article/345607-itogi-2016-ekonomika-rossiya> (mode of access: 15.02.2017).

Zyuganov, G. (2016). God nesbyvshikh prognozov i nadezhd [A Year of Unrealised Predictions and Hopes]. In *Pravda* [official website]. 22.12.2016. URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2016/143/article-57101/> (mode of access: 15.03.2017).

The article was submitted on 25.05.2017

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2017.4.275

УДК 316.443(470)(063)+94(100)"15/19"+930(470)"20"(063)

**КОНФЕРЕНЦИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИИ XVI–XX ВВ.:
ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ***

Обзор: Международная научная конференция «Социальная стратификация России XVI–XX вв. в контексте европейской истории». Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН; Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Лаборатория эдиционной археологии ИГНИ УрФУ, 14–18 ноября 2016 г.

Адриан Селин

Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук;
НИУ Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия

**A CONFERENCE ON SOCIAL STRATIFICATION
IN RUSSIA BETWEEN THE 16TH AND 20TH CENTURIES:
EUROPEAN CONTEXT**

Rev. of: International scholarly conference “Social Stratification in Russia between the 16th and 20th Centuries in the Context of European History”. Yekaterinburg. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS; Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University; Laboratory for the Primary Sources Studies of the Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University, November 14–18, 2016.

Adrian Selin

St Petersburg School of Social Studies And the Humanities,
Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

The author reviews the international conference “Social Stratification in Russia between the 16th and 20th Centuries in the Context of European History”, which took place in Yekaterinburg (14–18 November 2016). The review demonstrates

---

* *Citation:* Selin, A. (2017). A Conference on Social Stratification in Russia between the 16th and 20th Centuries: European Context. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1199–1207. DOI 10.15826/qr.2017.4.275.

Цитирование: Selin A. A Conference on Social Stratification in Russia between the 16th and 20th Centuries: European Context // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1199–1207. DOI 10.15826/qr.2017.4.275 / Селин А. Конференция о социальной стратификации в России XVI–XX вв.: европейский контекст // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1199–1207. DOI 10.15826/qr.2017.4.275.

that representatives of leading academic centres discussed and analysed topical issues in social history today. The participants' expertise and the character of discussions lead the author to conclude that Yekaterinburg may be considered an important centre for the study of the social history of the modern era, with the works of Ural historians being highly relevant. The conference was held by leading Ural academic centres for the humanities (the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and Ural Federal University) and became a notable event in the work of social historians.

Keywords: social history; social stratification; modern era; contemporary history.

Обзор международной научной конференции «Социальная стратификация России XVI–XX вв. в контексте европейской истории» (Екатеринбург, 14–18 ноября 2016 г.), предпринятый автором, показывает, что на ее площадках, объединивших представителей ведущих научных центров, были обсуждены и проанализированы наиболее актуальные на сегодняшний день проблемы социальной истории. Профессиональный уровень участников, характер и направленность дискуссий позволили сделать вывод о том, что Екатеринбург сегодня может по праву считаться важнейшим центром изучения социальной истории Нового времени, а резонанс работ уральских историков в этом направлении очень высок. Конференция, проведенная ведущими гуманитарными научными центрами Урала – Институтом истории и археологии УрО РАН и Уральским федеральным университетом, стала заметным событием в организации усилий социальных историков.

Ключевые слова: социальная история; социальная стратификация; Новое время; Новейшее время.

14–18 ноября 2016 г. в Екатеринбурге прошла конференция «Социальная стратификация России XVI–XX вв. в контексте европейской истории», организованная Институтом истории и археологии УрО РАН и Уральским федеральным университетом (лабораторией эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств УрФУ).

Творчество уральских историков в последние годы известно именно своей направленностью на изучение вопросов социальной истории. Неудивителен и европейский контекст: он созвучен проекту «Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)», который осуществляется с 2013 г. международным исследовательским коллективом под руководством профессора *М.-П. Рей* (Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна) на базе лаборатории эдиционной археографии ИГНИ УрФУ (заведующий – профессор *Д. А. Редин*) при поддержке гранта Правительства РФ (мегагрант).

На конференции были представлены итоги работы по проекту гранта РНФ «Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.», уже не первый год разрабатываемого в Институте истории и археологии УрО РАН под руководством *Д. А. Редина*. Надо

сказать, что резонанс этих работ в исследовательской среде чрезвычайно высок; сегодня Екатеринбург может по праву считаться важнейшим центром изучения социальной истории Нового времени.

Теоретические проблемы изучения социальной истории – таких понятий, как абсолютизм, сословие, вопрос о социальной истории в контексте модернизации – это те вопросы, которые рассматривались на пленарной части конференции. Удачное сочетание академизма и дружеской, неформальной тональности пленарного заседания задавало уровень научной дискуссии и настроение в панельных сессиях. Ведущий специалист в области точных методов в исторической информатике член-корреспондент РАН *Л. И. Бородкин* (заведующий кафедрой исторической информатики, МГУ) охарактеризовал направление исследований социальной динамики – одной из наиболее трудно поддающихся анализу областей социальной истории; в докладе доктора исторических наук *И. В. Побережникова* (заведующего сектором методологии и историографии ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) была поддержана тема региональной специфики российской модернизации; важный теоретический вопрос о трансформации элит в раннее Новое время на широком европейском материале был поднят в докладе доктора исторических наук *Н. Н. Баранова* (заведующего кафедрой Новой и новейшей истории УрФУ, Екатеринбург).

Вторая часть пленарной дискуссии сохранила в целом заданный уровень постановки вопросов. Так, кандидатом исторических наук *А. С. Козловым* (доцентом кафедры истории древнего мира и Средних веков УрФУ, Екатеринбург) был сделан экскурс в давнюю дискуссию о соотношении византийской и российской культурной и политической традиции. Этот экскурс был предпринят в разрезе исследования социальной истории. Тему изучения абсолютизма как движения от общества сословий к обществу почти гражданскому поднял кандидат исторических наук *К. И. Зубков* (ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии ИИиА УрО РАН). Известный исследователь эпохи 1920-х гг. доктор исторических наук, профессор *С. А. Красильников* (профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного научно-исследовательского университета) обратился в пленарном докладе к формам социальной напряженности в советском обществе изучаемой им эпохи. Доклад доктора исторических наук, профессора *А. Б. Каменского* (руководителя Школы исторических наук НИУ ВШЭ, Москва) был посвящен соотношению микроисторического метода и социальной истории. Доклад изобилвал яркими примерами из московской повседневности XVIII в.

Панельные заседания конференции обратили на себя внимание достаточно широким разнообразием. Первая панель была посвящена налогообложению разных социальных групп. Стоит отметить доклад кандидата исторических наук *Е. С. Корчминой* (старшего научного сотрудника Центра источниковедения НИУ ВШЭ, Москва) о заметном стремлении москвичей к уплате подоходного налога в на-

чале XIX в., основанный на большом эмпирическом материале, а также работу кандидата исторических наук *Д. В. Конкина* (заведующего отделом Новой истории Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь) о налогообложении мусульман Крыма примерно в тот же период – на рубеже XVIII–XIX вв. Параллельно работавшая секция была посвящена вопросам языка социальной истории: были рассмотрены такие понятия как «сеньория» (доклад доктора исторических наук *О. В. Скобелкина*, профессора кафедры истории России Воронежского государственного университета), «благочестивый» (доклад кандидата исторических наук *О. И. Хоруженко*, старшего научного сотрудника Центра источниковедения истории России ИРИ РАН, Москва). Теоретический вопрос о применимости «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) в отношении традиции изучения социальной дифференциации XIX в. был рассмотрен в обстоятельном докладе доктора исторических наук *Д. В. Тимофеева* (ведущего научного сотрудника сектора социальной истории ИИиА УрО РАН, Екатеринбург).

Одним из важных направлений изучения социальной истории является, вне сомнения, изучение военных профессиональных групп. Особенно это применимо к российской истории. Вопросу о социальных структурах в изучении истории армии была посвящена панель, проведенная под руководством доктора исторических наук *А. В. Антошина* (профессора кафедры востоковедения УрФУ, Екатеринбург) и кандидата исторических наук *А. В. Малова* (старшего научного сотрудника центра военной истории ИРИ РАН, Москва). Особенное внимание привлек к себе доклад доктора исторических наук *А. И. Алексеева* (заведующего отделом рукописей РНБ, Санкт-Петербург), выступившего с неожиданной для исследователя истории русского Средневековья темой, связанной с публикацией дневниковых записок русского офицера рубежа XIX–XX вв. В докладе кандидата исторических наук *А. П. Павленко* (преподавателя Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург) была сделана заявка на изучение структуры и состава флотского офицерства начала XX в. Впрочем, тема была автором скорее амбициозно обозначена; видимо, впереди еще большое и серьезное исследование в этом направлении.

Изучение социальной истории провоцирует и заметный скепсис при определении границ и возможностей ее изучения. Специальная панель конференции поставила своей целью исследование механизмов социальной инженерии, социального конструирования общества. В докладе кандидата исторических наук *Г. Н. Шумкина* (старшего научного сотрудника сектора методологии и историографии ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) были рассмотрены попытки конструирования сословий в Российской империи в середине XIX в. В докладе кандидата исторических наук *В. А. Бондаря* (научного сотрудника Международного центра демографических исследований УрФУ, Екатеринбург) была сделана попытка

рассмотреть коллективизм как метод социальной инженерии в раннесоветском обществе. Особенно следует отметить доклад доктора исторических наук *Л. Н. Мазур* (заведующей кафедрой документоведения и документального обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург) о сталинском кинематографе как инструменте проектирования неравенства.

Панель под руководством кандидата исторических наук *В. И. Байдина* (доцента кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург) и доктора исторических наук, профессора *И. О. Тюменцева* (директора Волгоградского института управления РАНХиГС) была посвящена изучению отдельных чинов российского общества XVII–XIX вв. Впрочем, за одним исключением: белорусский исследователь кандидат исторических наук *А. Б. Довнар* (заведующий отделом источниковедения и археологии ИИ НАН Белоруссии, Минск) показал место особой категории крестьянства Великого княжества Литовского – крестьян-слуг. Остальные доклады были нацелены все же на исследование феноменологии разнообразных московских и российских чинов – сибирских детей боярских (доктор исторических наук *В. Д. Пузанов*, профессор кафедры истории Шадринского государственного педагогического университета), малороссийских элит (кандидат исторических наук *Я. А. Лазарев*, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии УрФУ, Екатеринбург), уральских казаков (*Т. С. Романюк*, научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии УрФУ, Екатеринбург). Другая часть докладов этой большой панели была посвящена уже социальной истории советского общества. Крайне интересны были сюжеты о самоидентификации торговцев периода НЭПа (кандидат исторических наук *А. П. Килин*, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург) и о стратификации уральской номенклатуры в 1930-е гг. (доктор исторических наук, профессор *О. Л. Лейбович*, заведующий кафедрой культурологии и философии Пермского государственного института культуры).

Панель под руководством *О. В. Скобелкина* и *Г. Н. Шумкина* объединила новые исследования в области изучения места нерусских народов в социальной структуре российского общества XVII–XIX вв. Доктор исторических наук *А. А. Селин* (профессор Департамента истории НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) поставил вопрос о соответствии бюрократической категории чина реальным социальным группам (на примере новгородских татар начала XVII в.), кандидат исторических наук *А. В. Морохин* (доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета) на примере изучения придворных медиков Блюментростов показал, как инкорпорировались в элиту Российской империи иноземцы. Сходная тема, но на более широком материале представительства иностранных специалистов в России XVIII–XIX вв. и их социальном статусе была рассмотрена кандидатом исторических наук *О. К. Ермаковой* (научным сотрудником сектора социальной истории

ИИиА УрО РАН, Екатеринбург). Очень эмоциональный доклад кандидата исторических наук *А. Ю. Конева* (ведущего научного сотрудника сектора социальной антропологии Института проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень) показал разрыв в социальной реальности и манифестации сословной группы на примере инородцев Сибири.

Вопрос об элитах и отношениях между отдельными элитными группами рассматривался на заседании под руководством *Д. А. Редина* и *А. А. Селина*. Доктор исторических наук *Д. В. Лисейцев* (ведущий научный сотрудник центра истории русского феодализма ИРИ РАН, Москва) рассмотрел взаимоотношения между столичным дворянством и провинциальным дворянством – вопрос, остро дискутируемый в работах последних лет (*А. Ю. Савосичев*, *Н. В. Рыбалко*); несомненно, работа *Д. В. Лисейцева* обращает на себя внимание большой фундированностью. Доктор исторических наук *В. А. Аракчеев* (заведующий сектором социальной истории ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) проследил взаимосвязь между демографией провинциального дворянства XVII в. и развитием поместной системы. Эта тема была в какой-то мере развита кандидатом исторических наук *М. А. Киселевым* (старшим научным сотрудником отдела истории ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) в работе, основанной на материалах более позднего времени (рубежа XVIII–XIX вв.), но в несколько ином ключе. *М. А. Киселев* показал, как в течение рассматриваемого им периода происходила, с его точки зрения, трансформация родовых корпораций в дворянское сословие. К изучению той эпохи относился и доклад PhD *И. И. Федюкина* (заведующего центром источниковедения НИУ ВШЭ, Москва), в котором острая тема возникновения общественной жизни, публичной сферы в российском обществе иллюстрировалась ярким кейсом тайных и малопрстойных собраний в одном московском доме полусвета. И доклад кандидата исторических наук *К. Д. Бугрова* (старшего научного сотрудника сектора социальной истории ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) продемонстрировал с яркостью и убедительностью, как в общественной мысли этой эпохи отражалась (или не отражалась) социальная иерархия.

Важной частью социальной истории является история персоналий. Именно таким кейсам была посвящена панель под руководством *О. К. Ермаковой* и *Д. О. Серова*. *В. И. Байдин* показал путь литовского (в названии доклада – «белорусского») шляхтича *И. Л. Поборского*, ставшего учителем графа *А. А. Матвеева*. В исследовании доктора исторических наук *Е. Б. Смелянской* (профессора Школы исторических наук НИУ ВШЭ, Москва) были рассмотрены судьбы двух иноземцев – адмиралов екатерининского флота *Джона Эльфинстона* и *Георга де Мазина*. Здесь же прозвучал доклад кандидата исторических наук *Н. И. Храпунова* (ведущего научного сотрудника НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь) о двух иноземцах, *Э. Кларке* и *Р. Хебере*, описывавших Крым по присоединению его к России в конце XVIII в.

Один из сложнейших, трудноразрешимых вопросов социальной истории – это вопрос о социальной мобильности. Видимо, материал советской эпохи позволяет приблизиться к фиксации процессов такого рода. Панель, руководимая *К. В. Зубковым* и *Н. В. Мельниковой*, обратилась именно к рассмотрению этих процессов. В качестве механизмов мобильности рассматривались миграции (доклад доктора исторических наук, профессора *О. В. Горбачева*, профессора кафедры документоведения и документального обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург), ротация секретарей горкомов и райкомов (доклад кандидата исторических наук *А. А. Колдушко*, доцента кафедры государственного управления и истории Пермского научно-исследовательского государственного университета), мобилизация молодежи в учебные заведения в годы Второй мировой войны (доклад *И. В. Ивановой*, заместителя директора Государственного архива Свердловской области, Екатеринбург).

Видимо, исследование социальной картины московского общества невозможно без обращения к истории Смутного времени начала XVII в. Панель, посвященная этой эпохе, прошла под руководством *А. В. Морохина* и *О. И. Хоруженко*. В докладе выдающегося исследователя Смутного времени *И. О. Тюменцева* был рассмотрен вопрос о государеве дворе в эпоху так называемого «междоусобия» 1610–1613 гг. *А. В. Малов* обратился к давно разрабатываемой им теме о «городах от литовской украины» (прежде всего о Великих Луках и Невеле) на завершающем этапе Смуты. Доктор исторических наук, профессор *А. П. Павлов* (ведущий научный сотрудник отдела древней истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН), известнейший знаток государева двора конца XVI – начала XVII в., посвятил свой доклад думным и придворным людям при царе Михаиле Федоровиче. Обращу внимание на особое внимание всех трех докладчиков панели к определению верифицированных источников по изучаемым ими вопросам: все они известны особым тщательным отношением к критике источниковой базы.

Изучение социальной структуры как России, так и любой другой европейской страны невозможно без принятия во внимание истории духовной корпорации. Этому вопросу была посвящена панель, которую вели *А. П. Килин* и *А. А. Колдушко*. В докладах PhD *Дж. М. Уайта* (старшего научного сотрудника лаборатории эдиционной археологии УрФУ, Екатеринбург) и кандидата исторических наук *А. С. Палкина* (научного сотрудника лаборатории археогрфических исследований УрФУ, Екатеринбург) основное внимание было уделено единоверческому духовенству как особой социальной группе XIX – начала XX в. Два других доклада были посвящены советскому периоду: кандидат философских наук *А. И. Казанков* (доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры) рассмотрел судьбы провинциального духовенства в 1930-е гг., а в сообщении кандидата исторических наук *А. Л. Глушаева* (доцента кафедры культурологии и философии

Пермского государственного института культуры) был поставлен вопрос о месте и роли баптистов в социальной структуре советского общества 1980-х гг.

Другой несомненно важной темой при изучении социальной истории является история бюрократии. Секция «Провинциальная бюрократия: особенности формирования и эволюция социального облика» прошла под руководством *А. Б. Каменского* и *И. И. Федюкина*. Кандидат исторических наук *Е. В. Бородина* (старший научный сотрудник сектора социальной истории ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) на широком эмпирическом материале рассмотрела историю формирования чина канцелярских служащих на Урале во второй четверти XVIII в., посвятив часть доклада механизмам дисциплинирования младших служащих в послепетровское время. *А. Плате* (научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии УрФУ, Екатеринбург) показала, как в том же регионе, но в более позднее время (1780–1790-е гг.) государство назначениями пыталось влиять на деятельность судебных учреждений. Доклад *А. В. Антошина* был посвящен общественной деятельности инспекторов народных училищ Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.

Завершающая секция конференции, которой руководили *Е. С. Корчина* и *Л. Н. Мазур*, рассматривала вопросы, связанные с социальным статусом профессиональных сообществ. Хронологический спектр докладов охватывал XVII–XX вв. Были рассмотрены такие профессиональные группы как уральские заводские рабочие XVII–XVIII вв. (доклад кандидата исторических наук *Е. А. Курлаева*, старшего научного сотрудника сектора методологии и историографии ИИиА УрО РАН, Екатеринбург), уральские учителя второй четверти XVIII в. (доклад доктора исторических наук *А. М. Сафроновой*, профессора кафедры архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург), судейский и прокурорский корпус в эпоху Великих реформ (доктор исторических наук *Д. О. Серов*, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления), студенчество начала XX в. (кандидат исторических наук *Ю. А. Русина*, доцент кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург) и женщины – участницы советского атомного проекта (доклад кандидата исторических наук *Н. В. Мельниковой*, старшего научного сотрудника отдела истории ИИиА УрО РАН, Екатеринбург).

Конференция, проведенная ведущими гуманитарными научными центрами Урала – Институтом истории и археологии УрО РАН и Уральским федеральным университетом, стала заметным событием в организации усилий социальных историков. Всех собравшихся – а это не только перечисленные выше докладчики, но и другие ученые, видные специалисты по социальной, политической, экономической истории, такие, например, как доктор исторических наук, профессор *Е. В. Анисимов* (научный руководитель Департамента истории

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), объединяло внимание к факту, казусу, но вместе с тем и умение формулировать серьезные обобщения. Дискуссии на конференции касались важных проблем, актуальных в современном глобальном историческом дискурсе: как писать социальную историю? Возможен ли глубокий диалог экономических историков и социальных историков? Каково соотношение языковых матриц и социальных категорий? Где граница между методом и визуализацией (применительно, скажем, к просопографии)? Все эти вопросы, разумеется, не получили, да и не могли получить разрешения. Однако их живое обсуждение в Екатеринбурге в ноябре 2016 г. дало, я уверен, важный исследовательский импульс всем участникам конференции.

The article was submitted on 28.08.2017

DOI 10.15826/qr.2017.4.276
УДК 821.161.1-1+821.161.3-1+82'06

СГУЩЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА*

Рец. на кн.: Книга стихов как феномен России и Беларуси /
Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина, В. Ю. Жибуль. –
М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 674 с.

Татьяна Снигирева

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

THE CONCENTRATION OF CULTURAL MEANING

Rev. of: The Poetry Book as a Phenomenon of Russia and Belarus /
N. V. Barkovskaya, U. Yu. Verina, L. Gutrina, V. Yu. Zhibul. – Moscow ;
Yekaterinburg : Kabinetnyi uchenyi, 2016. – 674 p.

Tatiana Snigireva

Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS,
Yekaterinburg, Russia

This review considers a joint work written by two scholars representing the Belarusian and Russian philological schools which studies issues of the theory and history of books of poetry. The subject of the study allows the authors to consider both elitist poetry and the phenomenon of mass poetry, combine the achievements of academic literary criticism with observations of literary criticism, analyse the tendencies characteristic of various aesthetic and artistic systems, and explore the dialectics of traditions and innovation. According to the book under review, a poetry book is an element of cultural space, and since it is part of the processes of directed institutionalisation, it is functionally addressed to both the author and the reader. The introductory chapter of the study is devoted to the theory of a poetry book as a complex super-genre unity. The three main chapters focus on the contemporary poetic situation. They consider the structural features of books of poetry, their role in their authors' creative biographies, and describe a number of sociocultural functions, most particularly the formation of regional or generational identity, interethnic cooperation, and the coexistence of social

---

* *Citation:* Snigireva, T. (2017). The Concentration of Cultural Meaning. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1208–1214. DOI 10.15826/qr.2017.4.276.

Цитирование: Snigireva T. The Concentration of Cultural Meaning // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1208–1214. DOI 10.15826/qr.2017.4.276 / Снигирева Т. Сгущение культурного смысла // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1208–1214. DOI 10.15826/qr.2017.4.276.

analytics and individual mythmaking. Additionally, the authors also consider components included into poetry books from “non-books” and mass culture such as the Internet, CDs, and objects of social and pop art. The modern poetic situation in Russia and Belarus is defined as one full of artistic discoveries, as new sociocultural circumstances generate new poetic strategies, new genre formations, a transformation of the basic foundations of the rhythmic organisation of verses, and poetic vocabulary. The author concludes that the study of the peculiarities of modern Russian and Belarusian poetry in the dominant form of a poetry book substantially enriches knowledge of the basic tendencies of contemporary literature as a whole.

Keywords: Russian poetry; Belarusian poetry; the genre of a poetry book; socio-cultural context; traditions; innovation.

В рецензии представлена совместная монография об исследовании теории и истории стихотворных книг, их функции в современной культуре России и Белоруссии, написанная учеными двух (белорусской и русской) филологических школ. Книга стихов, избранная в качестве предмета исследования, позволила рассмотреть как элитарную поэзию, так и явления массового стихотворчества, объединить достижения академического литературоведения с литературной критикой, проанализировать тенденции, характерные для различных эстетических и художественных систем, изучить диалектику традиций и новаторства. В монографии книга стихов является элементом культурного пространства и, будучи включена в процессы направленной институционализации, функционально обращена как к автору, так и к читателю. Прологовая глава исследования посвящена теории поэтической книги как сложному сверхжанровому единству. Три основные главы обращены к современной поэтической ситуации. Рассмотрены структурные особенности стихотворных книг, роль книги стихов в творческой биографии авторов, описан ряд социокультурных функций, таких как формирование региональной или поколенческой идентичности, межнациональных взаимодействий, сосуществование социальной аналитики и индивидуального мифотворчества. Рассмотрены компоненты, вошедшие в книгу из «некнижной» культуры – Интернет, диск, факты соц и поп-арта как составляющие социокультурный контекст. Современная поэтическая ситуация в России и Белоруссии определяется как богатая разнообразием художественных поисков, поскольку новые социокультурные обстоятельства порождают новые поэтические стратегии, возникновение новых жанровых образований, трансформацию базовых основ ритмической организации стиховой речи и поэтической лексики. Делается вывод о том, что исследование особенностей современной русской и белорусской поэзии в доминирующей форме книги стихов существенно обогащает знание основных тенденций современной литературы в целом.

Ключевые слова: русская поэзия; белорусская поэзия; жанр книги стихов; социокультурный контекст; традиции; новаторство.

На первых страницах более чем шестисотстраничного труда читаем: «Книга – это всегда поступок, акт, событие в культурном пространстве» (с. 12)¹. Так сказано о книге стихов, но так можно сказать и об исследовании, ей посвященной. Коллективу авторов необходим был определенный запас смелости, помноженный на известную «энергию заблуждения», без которой, по В. Шкловскому, невозможен никакой творческий результат. Труд является итогом многолетней научной рефлексии четырех авторов, работающих в совпадающем филологическом пространстве, но разъединенных и географически, и поколенчески, имеющих свои субъективные пристрастия и свой индивидуальный стиль.

Уже первое очерчивание круга проблем, решение которых будет крепить монографию, свидетельствует о том, что книга планировалась «по стрелкам выверенных правил»: «Книга стихов, избранная в качестве объекта исследования, позволяет рассмотреть как “высокую” поэзию, так и массовую литературу, объединить достижения академического литературоведения с наблюдениями литературной критики, проанализировать тенденции, характерные для различных эстетических и художественных систем, исследовать диалектику традиций и новаторства.

Книга стихов является элементом культурного пространства, фактом “поля литературы”, включена в процессы направленной институционализации (в частности, в книжные серии, издательские проекты) и в этом качестве функционально обращена как к автору, так и к читателю» (с. 10). Книга стихов имеет свои законы построения, отсюда возникает ощутимая необходимость первой главы монографии «Книга стихов: теория и история». Возвращение к опыту поэзии Серебряного века (книга как жизнетворчество), обзор книги стихов как особого жанрового образования в русской и белорусской поэзии показывают безусловную замечательную особенность монографии: строгий академизм в построении теоретических оснований анализа феномена органично соединяется с умением найти явные лакуны в, казалось бы, очевидном материале, с виртуозным анализом стихотворного текста (см., например, сопоставительный анализ верлибра А. Блока и М. Богдановича).

Главным «героем» второй главы монографии «Структура стихотворных книг» становится анализ поэтического текста, дополненный типологическими построениями. Так, исследование «рамочного текста» (на материале книг «Книга называется» С. Литвак, «Трибьюты и оммажи» В. Ермолаева, «Стихи и проза в одном томе» М. Степановой, «Ассорти» В. Быванова), проведенное с учетом большого историко-литературного материала, позволяет говорить о существовании трех способов названия книги – изошренности и псевдожанровости, отказа от нее и нейтрального варианта.

Исследование архитектоники и метасюжета поэтической книги («Стрелочница» Е. Исаевой, «Интимный дневник отличницы»

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

и «Ручная кладь» В. Павловой, «Полет динозавра» С. Бирюкова) приводит авторов к выявлению качественной особенности современного способа поэтического волеизъявления, которая обозначена ими как «новый эпос»: «...это анализ актуальной социокультурной ситуации, проблематизация новой (постсоветской) идентичности, опровержение/восстановление традиций, проработка исторических травм. Не случайно в критике появился новый термин “лирический эпос”, применяемый по отношению к книгам стихов Марины Степановой, Елены Фанайловой, Андрея Родионова и др. Обсуждается феномен “персонажной лирики”, “лирики Другого”; все чаще публикуются “монтажные” книги, включающие и стихи, и прозу; активно развивается и промежуточная форма “стихопрозы”. Возникает вопрос: каким образом эпический материал ассимилируется лирикой? Какой концептуальный смысл (помимо идейно-тематического) имеет такая “трансгрессия” родовых границ лирики?» (с. 177).

Это высказывание, безусловно, концептуальный узел второй главы. Поставленный вопрос решается на разнообразном ряде стихотворных книг новейшего времени Ю. Гуголева, Б. Херсонского, А. Родионова, Л. Петрушевской. При развитии исследовательского сюжета подключается анализ книг, названия которых говорят сами за себя: «Бэтмен Сагайдачный. Крымско-херсонский эпос» А. Кабанова, «Физиология и малая история» М. Степановой (на материале книг этой поэтессы исследуется также специфика больших и малых форм в новых лиро-эпических отношениях). Особого внимания заслуживает анализ современных диффузных процессов, происходящих в пересечении пространств стиха и прозы. Проблематизируется специфика субъекта в современной прозаической миниатюре (В. Темиров, Л. Горалик, М. Гейде), что дает право сконструировать гипотезу, к которой стягиваются все фрагменты последней части второй главы: «... книга стихов как большая форма делает возможным расширение концептуальных границ лирики. Полифония субъектной организации, включение голосов “Других”, создание образа страны, региона или народа, нередко – ослабление формальных признаков стиховой речи (за счет усиления “драматургичности” или “прозаичности” дискурса) – все это позволяет книге стихов становится рассказом “о времени и о себе”» (с. 246).

Предложенную несколько провокационную гипотезу смягчает то, что авторы монографии взяли модальность возможного, и это абсолютно верное решение, поскольку в литературоведении за формулировками «лирический эпос» (в меньшей степени), и особенно «эпизация лирики», тянется длинный шлейф, не всегда положительно окрашенный. Так, теория «эпизации лирики» памятна историкам литературы как жесткий идеологический каток, проехавший по судьбе не одного поэта советской эпохи. Тезис, вынесенный в название главы, – больше, чем лирика: выражение «новый эпос» можно заменить номинацией «другая лирика». В нем, во всяком случае, нет отголосков

давнишних противостояний: «литература vs поэзия» и «эпизация лирики vs самовыражение в лирике». Демонстрация обретения современной лирикой новых качеств, которые не всегда суть ее достоинства, составляет значимость изысканий авторов.

Центральная глава монографии – «Книга в судьбе поэта» – пример строгого академического письма с точными теоретическими формулировками. Возникнув на основе анализа большого массива поэтического материала, они вскрывают характерологические черты разных творческих индивидуальностей и задают новую исследовательскую оптику – стихотворная книга в контексте творческой эволюции. Авторы не останавливаются только на традиционных вариантах (дебютные, этапные и итоговые книги стихов), в центре внимания оказываются лирические трилогии, авторские и рецептивные текстовые ансамбли, книги, изданные посмертно, книги-эпитафии (посмертные издания неподцензурных авторов на рубеже XX–XXI вв.). Анализ изданий *post mortem* позволяет сделать важный вывод: «...посмертные издания формируются в том или ином виде в зависимости от цели и воли составителя, редактора, открытости и доступности архивов – всех тех слагаемых, которые, по сути, вершат историю поэзии. Появление в 2000-х гг. книг поэтов, ранее не издававшихся, привело к изменению картины поэзии XX в., а также повлияло на актуальное состояние поэзии» (с. 366).

Четвертая глава – «Книга стихов в социокультурном контексте» – сильная кода монографии, заостренно ставящая проблемы существования книги стихов и – шире – современной поэзии в кризисном обществе. Это вопросы массовидности стихотворчества в ситуации размывания критериев оценки подлинного/неподлинного и отсутствия надежного навигатора по карте литературы, что порождает сложности полноценного диалога поэтических поколений и кризис связки «учитель – ученик», трудности региональной самоидентификации во все еще преимущественно централизованном обществе. В этом смысле гуманистический пафос филологического труда очевиден. Не единожды его авторы повторяют: только культура, книга способны противостоять хаосу, отчужденности, разобщенности, одиночеству человека.

Именно в этой части, максимально обращенной к актуальной поэзии, академическое письмо оправданно дополнено литературной критикой. Рассмотрены такие острые и неоднозначно решаемые вопросы, как статус премии «Дебют» в России и Белоруссии, роль стихов в формировании «малых сообществ», причины не уходящей ностальгии по «родному советскому», двойная адресация детских книг стихов. В центре внимания критических обзоров оказались книги эстетического эксперимента, книга стихов в эпоху Интернета и визуализации поэзии (Ника Скандилака, Е. Фанайлова, Б. Херсонский, Комар и Меламид, проекты «Kraft» и «Гражданин поэт»). В этой части особенно значимы иллюстрации (главным образом это фотографии

внешнего вида анализируемой книги стихов). Подкрепление интерпретации визуальным рядом коррелирует с не раз подчеркнутым авторами восприятием книги стихов как особого вида искусства.

Монографии присуще понимание смысло-структурных особенностей и характера функционирования современной книги стихов, реализуемое продуманной структурой, скрепами преамбулы, которая является перед каждой сменой оптики исследования актуального культурного феномена и столь же определенными финальными аккордами, завершающими каждую главу. Книге присуща и единая стратегия письма, единый алгоритм каждого имеющего свою микроцелостность фрагмента. Но тактика письма у авторов различна, и это делает книгу интригующе занимательной: проступают оригинальные черты не только тех, о ком пишут, но и тех, кто пишет.

Для письма профессора *Н. В. Барковской* (Уральский государственный педагогический университет) характерен органический синтез, что называется, крепкого академического стиля с открытой установкой на виртуального читателя, которому она открывает логику своих размышлений («По контрасту обратимся к дебютным книгам молодых екатеринбургских поэтесс...») и который может оценить скрытую иронию ее замечаний и реплик, согласиться с жесткими и точными характеристиками вариантов противостояния социума и поэта.

Ю. Верин (Белорусский государственный университет) – ученый формульно-четкого, определенного слова, стремящийся к максимальной объективности, которая подкреплена мощной доказательной базой. Но порой принципиальная дистанцированность от текстового материала сменяется сильным (но не менее формульным и точным) эмоциональным высказыванием исследователя.

Доцент *Л. Д. Гутрина* (Уральский государственный педагогический университет) – исследователь, в данный момент занимающаяся современной женской поэзией. Материал своеобразно преломляется в авторском стиле Л. Д. Гутриной с определенной долей условности, но все же можно сказать, что она пишет «белыми чернилами» – изящно, тонко, постоянно замечая и анализируя нюансы, намеки, что не мешает ей быть весьма определенной в оценках. Так, обращаясь к соотношению фоторяда и стихотворных текстов в современной поэзии («Фотосинтез» В. Полозковой и О. Паволги), она мягко, но одновременно решительно заключает: «Сама книга напоминает собой загадку, которую можно читать и слева направо, и справа налево, только вот разгадка лежит на поверхности: шрифровки на уровне датировок, шрифтов, именовании авторов, посвящений – все эти игры в сложность прочитываются как игры и забавы для “своего круга”, отчего и возникает ощущение некоторой обманутости ожиданий: фотосинтеза в книге не происходит» (с. 529).

Доцент *В. Ю. Жибуль* (Белорусский государственный университет), будучи специалистом по белорусской и русской книге для детей, а также автором серии работ, посвященных поэзии Серебряного века,

открывает для читателя, особенно русскоязычного, новые поэтические страницы XX в. Подвергать анализу стихи для детей – одна из сложнейших задач: для этого необходимо найти нужную интонацию и такой филологический инструментарий, который был бы максимально адекватным и результативным, показывающим особенности книг стихов для детей как высокого искусства.

Работы В. Ю. Жибуль, посвященные «взрослой» поэзии, всегда насыщены порой неожиданными, но точными замечаниями. Анализируя посмертные современные лирические книги, изданные в Белоруссии, В. Ю. Жибуль формулирует важнейшую их особенность: «Преждевременная смерть писателя, не успевшего издать собственной книги, определяет особое восприятие его творчества как принципиально незавершенного и его посмертной книги как целостности, которая никогда не будет составлена согласно авторской воле. В результате образ автора формируется как своеобразный миф, имеющий и документальную основу, и субъективную составляющую» (с. 368).

Жаль, что найденное в научном пространстве монографии гармоничное сочетание единства исследовательской стратегии и многообразия индивидуальных авторских решений не распространяется на поэтический материал, легший в ее основу. Риск не совладать с труднообозримым массивом современной поэзии и/или стихотворчества благодаря основательности историко-теоретического описания современной книги стихов как актуального феномена культуры и четкой структурированности монографии с безусловностью преодолен. Но взятый предмет исследования с неизбежностью вызывает вопрос: как органично соединить две, пусть и национально близкие традиции создания книги стихов таким образом, чтобы общность не была утрачена, но и специфика национальной идентификации, ментальности, аксиологии (если они есть) были бы проявлены. Проблема существования/отсутствия национальной самобытности в монографии, обращенной к явлениям двух культур – России и Белоруссии – фактически ограничивается кратким обзором или, как пишут исследователи, «попыткой показать общие и национально специфические периоды в становлении и развитии такой формы, как книга стихов» (с. 11).

Позволю себе композиционно «закольцевать» рецензию, процитировав важный тезис авторов о значимости книги стихов в современном социуме, тезис, вполне применимый и к самой монографии: «При благоприятном стечении обстоятельств книга находит своих читателей и становится точкой сгущения культурного смысла, точкой, вокруг которой кристаллизуется некое сообщество. Это особенно важно в кризисные периоды ломки прежних социальных структур, когда, помимо “вертикали”, возникает необходимость “горизонтальных” связей между людьми, чтобы общество не превратилось окончательно, если использовать метафору В. Дубина, в архипелаг расплывающихся островов» (с. 378).

The article was submitted on 05.06.2017

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Акельев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, PhD, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
eakelev@hse.ru

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Саратовский государственный университет.

410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83.
balashova53@yandex.ru

Буб Александра Сергеевна, аспирант, Томский государственный университет.

634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
aleksansdrabub@yandex.ru

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
elena.glavatskaya@urfu.ru

Килин Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
Alexey.Kilin@urfu.ru

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
mihail.a.kiselev@gmail.com

Красавченко Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21.
tatianakras@mail.ru

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
krass49@gmail.com

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет.
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.
klimova1@hotmail.com

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
lmaz@mail.ru

Нерар Франсуа Ксавье, доктор исторических наук, старший преподаватель современной истории, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна.
75005, Франция, Париж, ул. Сорбонны, 17.
francois-xavier.nerard@univ-paris1.fr

Никонова Наталья Егоровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романо-германской филологии, Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
nikonat2002@yandex.ru

Олицкая Дарья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
d.olitskaya@mail.ru

Резанова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего славяно-русского языкознания и классической филологии, Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
rezanovazi@mail.ru

Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.
eugene.rostovtsev@gmail.com

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
adrian.selin@gmail.com

Сидорова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ogs531@mail.ru

Снигирева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
tas0905@rambler.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, инженер-программист, Музейный комплекс, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.
yraggan@mail.ru

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук, профессор, Университет Тромсё; научный сотрудник, Международный центр демографических исследований, Уральский федеральный университет.
N 9037, Норвегия, Тромсё, Hansine Hansens veg, 18.
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Фролов Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
npkfrolov@gmail.com

Хило Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
ekaterinahilo@mail.ru

Чернышева Елена Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет.
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1.
el.chernysheva@yandex.ru

Akelev Evgeny, PhD (History), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
eakelev@hse.ru

Balashova Lyubov, Dr. Hab. (Philology), Professor, Saratov State University.
83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia.
balashova53@yandex.ru

Bub Aleksandra, PhD Student, Tomsk State University.
36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
aleksansdrabub@yandex.ru

Chernysheva Elena, Dr. Hab. (Philology), Professor, Moscow State Pedagogical University.
1/1, Malaya Pirogovskaya Str., 119991, Moscow, Russia.
el.chernysheva@yandex.ru

Frolov Alexey, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
npkfrolov@gmail.com

Glavatskaya Elena, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
elena.glavatskaya@urfu.ru

Khilo Ekaterina, PhD (Philology), Senior Lecturer, Tomsk State University.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
ekaterinahilo@mail.ru

Kilin Alexey, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
Alexey.Kilin@urfu.ru

Kiselev Mikhail, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
mihail.a.kiselev@gmail.com

Koroleva Svetlana, Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Linguistic University of Nizhny Novgorod.

31a, Minin Str., 603155, Nizhny Novgorod, Russia.
klimova1@hotmail.com

Krasavchenko Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of Social Sciences Information, Russian Academy of Sciences.

51/21, Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow, Russia.
tatianakras@mail.ru

Krasilnikov Sergey, Dr. Hab. (History), Professor, Novosibirsk National Research State University, Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

2, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
krass49@gmail.com

Mazur Lyudmila, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
Lmaz@mail.ru

Nérard François-Xavier, Dr., Maitre de conférences en histoire contemporaine, Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne.

17, rue de la Sorbonne, 75005, Paris, France.
francois-xavier.nerard@univ-paris1.fr

Nikonova Natalia, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of Romance and Germanic Philology Department, Tomsk State University.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
nikonat2002@yandex.ru

Olitskaya Daria, PhD (Philology), Associate Professor, Tomsk State University.
36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
d.olitskaya@mail.ru

Rezanova Zoya, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of General Slavic-Russian Linguistics and Classical Philology Department, Tomsk State University.
36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
rezanovazi@mail.ru

Rostovtsev Evgeny, Dr. Hab. (History), Associate Professor, St Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
e.rostovtsev@spbu.ru

Selin Adrian, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
adrian.selin@gmail.com

Sidorova Olga, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ogs531@mail.ru

Snigireva Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
tas0905@rambler.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Sosnitsky Dmitry, PhD (History), Software Engineer, Museum Complex, St Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
yraggan@mail.ru

Thorvaldsen Gunnar, Dr., Professor, University of Tromsø, Research Fellow, International Demographic Unit of Ural Federal University.
18, Hansine Hansens veg, N 9037, Tromsø, Norway.
gunnar.thorvaldsen@uit.no

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
ASEI – Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ИИ НАН – Институт истории, Национальная академия наук Белоруссии
II NAN – Institut istorii, Natsional'naya akademiya nauk Belorussii

НКРЯ – Национальный корпус русского языка
NKRYa – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka

НПК – Новгородские писцовые книги
NPK – Novgorodskie pistsovye knigi

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
TsDOOSO – Tsentр dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 5, 2017, № 3

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 21.12.2017. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 387.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

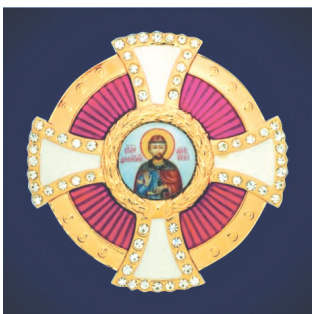
Illustration for the article:
Evgeny Akelev. *When did Peter the Great Order Beards Shaved?*

Beard token with embossing. 1705

Illustration for the article:
*Evgeny Rostovtsev, Dmitry Sosnitsky. "The Kulikovo Captivity":
The Image of Dmitry Donskoy in National Historical Memory*

Иллюстрации к статье:
*Евгений Ростовцев, Дмитрий Сосницкий. «Куликовский плен»:
образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти*

Орден Святого благоверного великого князя
Димитрия Донского 1-й степени
Order of Saint Righteous Grand Duke Dmitry
Donskoy of the first class

Памятник 1000-летию России. Великий Новгород. 1862. Дмитрий Донской в группе
«Начало освобождения Руси от татарского ига»
Monument to the 1000th anniversary of Russia. Veliky Novgorod. 1862. Dmitry Donskoy
in the group "The Beginning of the Liberation of Rus from the Tatar Yoke"